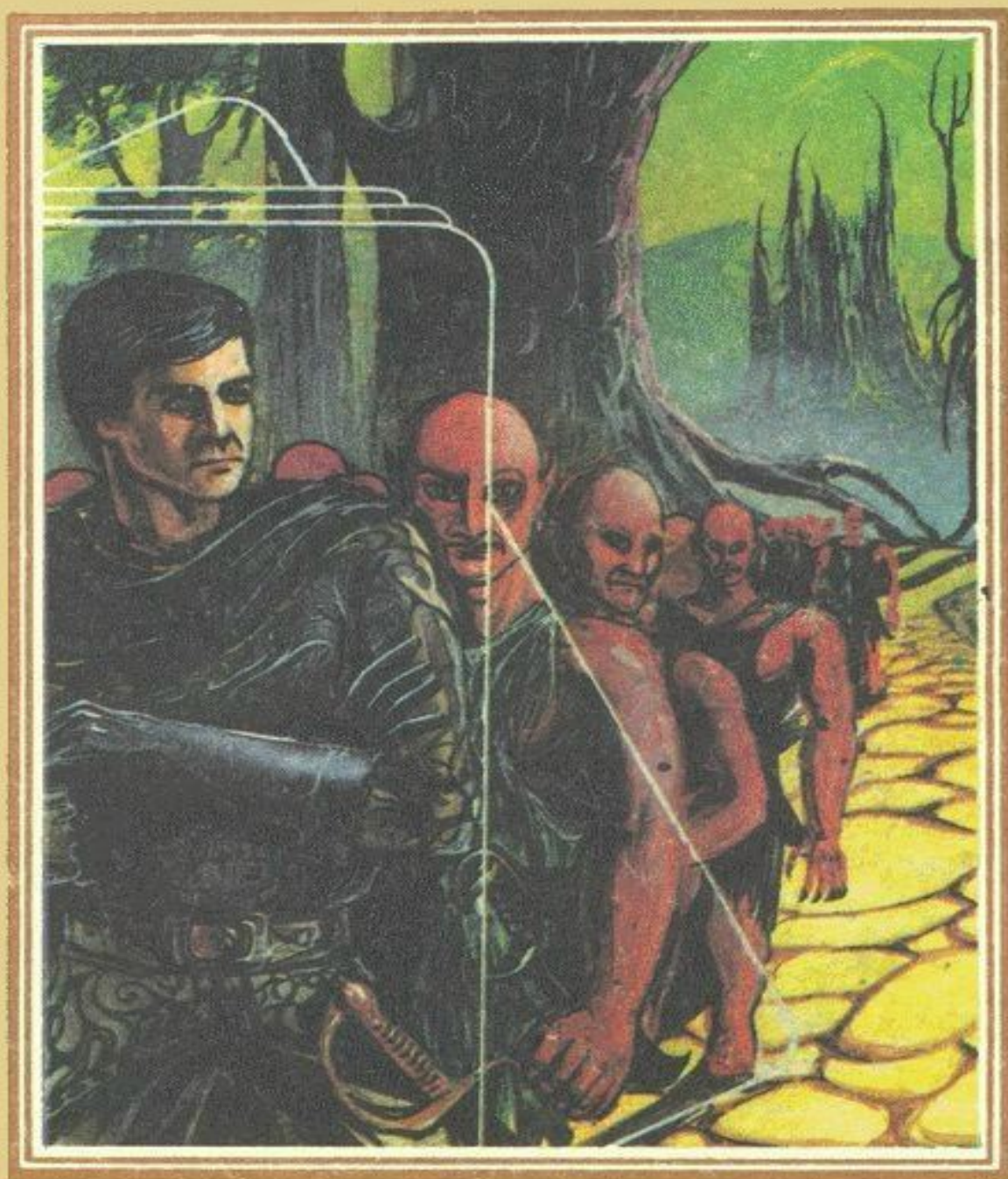

Роджер ЗИЛАЗНИ

ХРОНИКИ ЭМБЕРА

I·II

Роджер Зилазни

Хроники Эмбера

I II

I

ДЕВЯТЬ ПРИНЦЕВ ЭМБЕРА

1

После целой вечности ожидания, кажется, что-то стало проясняться.

Я попытался пошевелить пальцами ног, и мне это удалось. Я лежал на спине в больничной постели, ноги мои были в гипсе, но, слава богу, они были моими ногами.

Я изо всех сил зажмурился, открыл глаза, и, когда повторил всю процедуру три раза, комната постепенно перестала вращаться передо мной и вокруг меня.

Куда, черт побери, я попал?

Туман, клубившийся в голове, начал потихоньку рассеиваться, и я кое-что припомнил. В памяти возникла картина долгих темных ночей и туманный облик медицинской сестры, склонившейся над кроватью со шприцем в руке. Каждый раз, когда я приходил в сознание, меня кололи какой-то гадостью. Да, так оно и было. Но сейчас я чувствовал себя вполне прилично, хотя все на свете относительно. И я не позволю больше себя колоть.

Вопрос в том, захотят ли ко мне прислушаться?

Может быть, и нет.

Вполне естественный скептицизм в отношении чистоты человеческих намерений прочно укоренился в моем мозгу. Ну конечно же, меня просто перекололи наркотиками, внезапно сообразил я. По непонятной причине и безо всякой необходимости, если верить моим ощущениям. А в этом случае, с какой стати ко мне будут прислушиваться? Ведь наверняка им заплатили. Значит, сохраняй спокойствие, действуй осмотрительно и делай вид, что ты ничего не соображаешь, подсказал внутренний голос — мое второе я, личность неприятная, но зато мудрая.

Минут через десять санитарка заглянула в палату, и, конечно, я все еще храпел. Дверь тихо закрылась.

За это время я смутно вспомнил то, что со мной произошло. Я попал в автомобильную катастрофу, но когда и почему, оставалось загадкой. Помню только, что сначала меня поместили в обычный госпиталь, а потом уже перевезли сюда. Зачем? Этого я не знал.

Однако, судя по всему, ноги меня слушались, хоть я и не помнил точно, когда их сломал. Память услужливо подсказала, что у меня было два перелома.

Головокружение прошло довольно быстро, и, держась за железную спинку кровати, я поднялся и сделал первый шаг.

Полный порядок: ноги не подвели.

Итак, теоретически, я мог уйти отсюда в любую минуту.

Добравшись до постели, я улегся поудобнее и стал думать. Меня зазнобило, на теле выступил пот. Во рту отчетливо чувствовался привкус сладкого пудинга...

Прогнило что-то в Датском королевстве...

Я действительно попал в автомобильную катастрофу, да еще какую!

Дверь вновь открылась; яркий электрический свет проник из коридора в палату, и я увидел медицинскую сестру со шприцем в руке.

Она подошла к постели: темноволосая широкобедрая бабища с толстыми, как у мясника, руками.

Как только она приблизилась, я сел.

— Добрый вечер.

— Д-добрый вечер, — ответила она.

— Когда меня выпишут?

— Это надо узнать у врача.

— Узнайте, — предложил я.

— Пожалуйста, закатайте рукав.

— С какой стати?

— Мне необходимо сделать вам укол.

— Не вижу особой необходимости. Мне он не нужен.

— Боюсь, вам придется подчиниться. Доктору виднее.

— В таком случае пригласите его сюда. А тем временем я не позволю делать себе никаких уколов.

— Ничем не могу вам помочь. У меня четкие инструкции.

— Совсем, как у Эйхмана, а он плохо кончил. — Я с сожалением покачал головой.

— Ах вот как! — воскликнула она. — Учтите, мне придется доложить о вашем... вашем...

— Обязательно доложите, — согласился я. — И, кстати, не забудьте упомянуть во время доклада, что я решил выписаться отсюда завтра утром.

— Это невозможно. У вас сломаны обе ноги, не говоря о внутренних повреждениях, кровоизлияниях...

— На свете нет ничего невозможного, — сказал я. — Спокойной ночи.

Она выбежала из палаты, не удосужив меня ответом.

Я откинулся на подушки и задумался. Похоже, меня поместили в частную клинику, а это означало, что кто-то оплачивает счета, причем немалые. Но кто именно? Я не помнил ни своих родственников, ни друзей. Какой напрашивался вывод? Меня упрятали сюда враги.

Я продолжал думать, но безуспешно.

В голове — полная пустота.

Врагов своих я тоже не помнил.

Мой автомобиль упал с небольшого обрыва прямо в озеро. Да, конечно. А дальше?..

Я...

Внезапно меня вновь прошиб пот, и мускулы непроизвольно напряглись.

Я не знал, кто я такой.

Значит, думать больше было не о чем, и, усевшись на постели, я принялся разбинтовывать многочисленные повязки, которыми меня обмотали с головы до ног. Никаких неприятных ощущений я при этом не испытал, да к тому же во мне крепла уверенность, что я поступаю правильно. Выломав в изголовье кровати железный прут, я разбил гипс на правой ноге. Внезапно мне захотелось убраться из клиники как можно скорее и сделать что-то очень важное. Правда, я не знал, что именно.

Я несколько раз согнул и разогнул правую ногу. Полный порядок.

Я разбил гипс на левой ноге, поднялся и подошел к стенному шкафу.

Моей одежды там не было.

Затем я услышал шаги.

Быстро вернувшись на кровать, я улегся и тщательно накрыл себя бинтами и обломками гипса.

Дверь открылась.

Щелкнул выключатель, в палате зажегся яркий свет, и я увидел здорового детину в белом халате.

— Говорят, вы грубо обошлись с нашей медсестрой и отказались ей подчиняться, — сказал он, и на этот раз не имело смысла притворяться, что я сплю. — Как прикажете вас понимать?

— Не знаю, — ответил я. — Не люблю приказывать.

Мой ответ его озадачил, но ненадолго. Бросив на меня мрачный взгляд, он нахмурился.

— Сейчас время вашего вечернего укола.

— Вы врач? — спросил я.

— Нет. Но я действую по распоряжению врача.

— А я отказываюсь от уколов и имею на это полное право. В конце концов, вам-то что за дело?

— Мне велено сделать вам укол, — упрямо повторил он, подходя ко мне с левой стороны и держа в руке неведомо откуда появившийся шприц...

Это был грязный, некрасивый удар, дюйма на четыре ниже пояса, и он упал на колени, выронив шприц и схватившись за кровать.

— — сказал он спустя некоторое время.

— Еще раз подойдете ко мне — и пеняйте на себя.

— Не... таких... выдывали... — Каждое слово давалось ему с большим трудом.

Пришла пора действовать.

— Где моя одежда? — спросил я.

—

— В таком случае мне придется позаимствовать вашу. Раздевайтесь!

На меня обрушился очередной поток брани, но я слишком устал, чтобы выслушивать всякие глупости, и поэтому накинул на него простыню и оглушил, ударив железным прутом по голове.

Примерно через две минуты я стал мужчиной в белом — цвет Моби Дика и ванильного мороженого. Какое уродство.

Я запихнул санитару в стенной шкаф и подошел к зарешеченному окну. Молодой месяц качался над верхушками тополей. Трава серебрилась и переливалась загадочным светом. Ночь неуверенно спорила с восходящим солнцем. Я так и не понял, куда попал. Палата моя находилась на третьем этаже красивого здания, и освещенный квадрат окна внизу говорил о том, что на первом этаже кому-то не спалось.

Я вышел в коридор. Слева он заканчивался глухой стеной с большим зарешеченным окном, сквозь которое были видны те же деревья, та же трава и тот же восход солнца. Я пошел направо.

Двери, двери, двери, без единой полоски света под ними; единственным звуком, нарушавшим мертвую тишину, был стук ботинок, которые, к сожалению, оказались мне слишком велики.

На часах моего приятеля, отдыхающего в стенном шкафу, было пять часов сорок четыре минуты. Металлический прут, который я заткнул за пояс под белый халат, все время бил меня по бедру. На потолке коридора, примерно через каждые двадцать футов, горели лампы дневного света.

Спустившись по лестнице на первый этаж, я вновь свернул направо и пошел вперед, высматривая дверь, за которой кто-то не спал.

Она оказалась последней по коридору, и я вошел очень невежливо, не постучавшись.

За большим письменным столом, роясь в одном из ящиков, сидел человек в роскошном домашнем халате. Он явно не был похож на пациента клиники.

Услышав шаги, человек поднял голову, и на мгновение губы его раздвинулись, словно он хотел позвать на помощь. От этой глупости его, видимо, удержало выражение моего лица. Он быстро поднялся с кресла.

Я не спеша закрыл за собой дверь.

— С добрым утром, — сказал я. — Боюсь, вас ждут крупные неприятности.

Люди, по-видимому, никогда не излечатся от любопытства, потому что, подождав секунды три и тем самым дав мне возможность подойти к столу вплотную, он спросил:

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, что собираюсь подать на вас в суд за похищение, издевательское отношение и

незаконное применение наркотиков, — ответил я. — В настоящий момент, например, мне необходим укол морфия, так что я за себя не отвечаю и...

— Убирайтесь отсюда! — Глаза его сверкнули.

Я увидел на столе пачку сигарет и не стал спрашивать разрешения.

— Сядьте, доктор, и прекратите болтать. Лучше подумайте хорошенько.

Он сел в кресло, но молчать, видимо, было выше его сил.

— Вы нарушили больничные правила, — сурово заявил он.

— Суд обязательно разберется, кто из нас прав, — сказал я. — А сейчас верните мою одежду и личные вещи. Я выписываюсь.

— Вы не в том состоянии...

— Не ваше дело. Отдайте мои вещи, если не хотите отвечать перед законом.

Он потянулся к кнопке звонка на столе, но я небрежно откинул его руку в сторону.

— Мои вещи, — повторил я. — А звать на помощь надо было раньше, когда я вошел. Вы опоздали, доктор.

— Мистер Кори, вы ставите меня в...

Кори?

— Я в ваше заведение не ложился, — перебил его я, — но выписаться сумею, будьте спокойны. Не задерживайте меня, доктор.

— Вы не в том состоянии, чтобы оставить стены клиники, где вам может быть оказана срочная медицинская помощь. Сейчас я позову санитара, и он поможет вам вернуться в палату и лечь в постель.

— Не советую, — сказал я. — Надеюсь, вы не хотите испытать на себе, в каком я состоянии? И прежде чем я уйду, вы ответите, кто меня сюда положил и заодно оплатил все счета.

Он вздохнул, и его маленькие усики печально вздрогнули.

— Ладно. Если вы настаиваете... — Он полез в открытый ящик стола... и я выбил пистолет из его руки раньше, чем он успел щелкнуть предохранителем. Ай да доктор! Я подобрал изящный кольт тридцать второго калибра и направил дуло на его голову.

— Отвечайте! По-видимому, вы считаете, что я опасен. Вы правы.

Он слабо улыбнулся и закурил сигарету: явный просчет с его стороны, если он хотел казаться спокойным. Руки у него здорово тряслись.

— Хорошо, Кори, — сказал он. — Я отвечу, если это доставит вам удовольствие. Вас положила в клинику родная сестра.

«?» — подумал я.

— Какая сестра?

— Эвелина.

Имя, которое ни о чем мне не говорило.

— Странно. Я не видел Эвелину много лет. Она даже не знает, где я живу.

Он пожал плечами.

— Тем не менее...

— Что ж, придется навестить родную сестру, — сказал я. — Какой у нее адрес?

— Точно не помню.

— А вы поройтесь в картотеке, доктор.

Он встал, подошел к небольшому шкафчику и почти сразу же достал одну из карточек.

Миссис Эвелина Флаумель... Адрес в Нью-Йорке был мне тоже незнаком, но я его запомнил. Судя по аккуратной записи, меня звали Карл. Карл Кори. Чем больше информации, тем лучше.

Я сунул пистолет за пояс, рядом с железным прутком.

— Хорошо. Где моя одежда и какую сумму вы собираетесь мне заплатить?

— Ваша одежда пропала при автомобильной катастрофе. И раз вы настроены так решительно, я считаю своим долгом предупредить, что у вас были переломы обеих ног, причем на левой ноге — в двух местах. Честно говоря, я просто не понимаю, как вы можете двигаться всего через две недели после...

— Быстрая заживляемость. Не увиливайте, доктор. Поговорим о деньгах.

— Каких деньгах?

— Которые вы заплатите мне без суда в компенсацию за незаконное лечение и так далее.

— Не смешите меня!

— Вот еще! Я согласен на тысячу долларов наличными.

— Я не намерен обсуждать этот вопрос.

— А жаль. Подумайте, что скажут о вашей клинике, когда я обращусь в Медицинское Общество, дам интервью репортерам...

— Шантаж, — пробормотал он, — и я на него не поддамся.

— Мне все равно, когда вы заплатите, сейчас или после решения суда, — сказал я. — Но если вы заплатите сейчас, это обойдется дешевле.

Если он согласится, значит, я прав и дело тут нечисто.

Он уставился на меня и довольно долго молчал.

— У меня нет при себе таких денег.

— В таком случае назовите любую разумную цифру.

Вновь пауза, на сей раз не столь продолжительная.

— Это вымогательство.

— Что за счета, доктор. Сколько?

— У меня в сейфе долларов пятьсот.

— Давайте.

Открыв маленький стенной сейф и тщательно проверив его содержимое, он сообщил, что там всего четыреста тридцать долларов, а так как мне не хотелось оставлять отпечатки пальцев, пришлось поверить ему на слово. Я засунул купюры во внутренний карман пиджака.

— Как вызвать такси?

Он назвал номер, и я заставил его позвонить, потому что не знал, — где нахожусь, и кроме того, не хотел, чтобы он догадался о плачевном состоянии моей памяти. Что ни говори, одна из повязок, которую я так тщательно разбинтовал, *была* вокруг моей головы.

Закончив разговор, он назвал адрес: частная клиника в Гринвуде.

Я прикурил одну сигарету от другой и плюхнулся в удобное кожаное кресло рядом с книжным шкафом, сняв со своих ног вериги фунтов в двести.

— Когда придет машина, вам придется меня проводить.

Он промолчал, и больше я не услышал от него ни слова.

2

Было восемь часов утра, когда шофер такси высадил меня на одной из пустынных улиц ближайшего города. Я расплатился и пошел пешком. Минут через двадцать я зашел в закусочную, сел за столик и заказал стакан сока, два яйца, тосты, бекон и три чашки кофе. Бекон оказался слишком жирным.

Уделив завтраку час, я решил сделать кое-какие покупки, но мне пришлось немного подождать, так как магазин открылся только в девять тридцать.

Я купил вельветовые брюки, три рубашки спортивного покроя, пояс, нижнее белье и ботинки впору, а заодно приобрел носовой платок, бумажник и расческу.

Затем я отправился на автобусную станцию и взял билет до Нью-Йорка. Никто не пытался меня остановить. Никто за мной не следил.

Сидя в мягком кресле у окна, глядя на убегающий осенний пейзаж и куда-то спешащие облака, я пытался собрать воедино все, что мне было известно.

Карла Кори, с переломами обеих ног (которые, кстати, меня абсолютно не беспокоили), положила в больницу его сестра, Эвелина Флаумель, после автомобильной катастрофы, происшедшей две недели назад. Я не знал никакой Эвелины. Персонал клиники, очевидно, получил четкие указания держать меня в беспомощном состоянии: по крайней мере, доктор был явно напуган, когда я пригрозил судом. Значит, враги меня боялись, и этим можно было воспользоваться.

Я стал мучительно вспоминать подробности аварии, и в результате у меня разболелась голова. Тем не менее, сам не знаю почему, я был твердо убежден, что попал в автомобильную катастрофу не случайно. Ну что ж, когда я все выясню, кому-то не поздоровится. Сильно не поздоровится. Горячая ненависть накатила волной, сдавила мне грудь. Пусть тот, кому я мешал, пеняет на себя. Я почувствовал непреодолимое желание физически уничтожить того человека и внезапно понял, что такие чувства мне не в диковинку и что в прошлой жизни я не раз убивал людей.

Вздрыгнув, я уставился в окно, глядя на опавшие мертвые листья.

Добравшись до Нью-Йорка, я первым делом побрился и подстригся, а затем передел рубашку: терпеть не могу, когда шею щекочат волосы. Кольт тридцать второго калибра, принадлежащий неизвестному врачу в Гринвуде, после некоторых колебаний я сунул в правый карман куртки. Правда, если милый доктор или моя сестра обратятся в полицию с просьбой разыскать сбежавшего пациента, незаконное ношение оружия сослужит плохую службу, но, во-первых, найти меня будет не так-то легко, а во-вторых, я не знал, как развернутся события. Быстро перекусив в ближайшем кафе, я в течение часа ездил на метро и автобусах, неожиданно соскакивая на остановках, а затем взял такси и отправился к Эвелине, моей неизвестной сестре, за разъяснениями.

Проезжая по улицам города, я составил план дальнейших действий, и когда в ответ на мой стук примерно через минуту дверь старинного большого особняка отворилась, я уже знал, что буду говорить. Я тщательно обдумал свое поведение, когда шел к подъезду по извилистой аллее мимо дубов-великанов и толстых осин, а ветер холодил только что подстриженную шею под воротником куртки. Запах парикмахерской от моих волос смешивался с густыми ароматами плюща, обвивавшего стены дома. Ничто вокруг не было мне знакомо, так что вряд ли я бывал здесь раньше.

Я постучал в дверь, и мне ответило эхо.

Затем я засунул руки в карманы и стал ждать.

Когда дверь отворилась, я улыбнулся и кивнул плоскогрудой служанке с большим количеством родинок на лице и ярко выраженным пуэрто-риканским акцентом.

— Да? — спросила она.

— Мне бы хотелось видеть миссис Эвелину Флаумель.

— Как прикажете доложить?

— Ее брат, Карл.

— О, входите, пожалуйста.

Я очутился в прихожей, пол которой был выстлан мозаикой из небольших бежево-розовых плиток, а стены обшиты панелями красного дерева. На потолке висела серебряная в эмали люстра с четырьмя хрустальными плафонами.

Горничная исчезла, и я внимательно посмотрел по сторонам, пытаясь что-нибудь вспомнить.

Безрезультатно.

Тогда я стал просто ждать.

Горничная вернулась довольно быстро и, улыбнувшись, кивнула головой.

— Проходите, пожалуйста. Миссис Флаумель примет вас в библиотеке.

Мы поднялись по лестнице на третий этаж и прошли по коридору мимо двух запертых дверей. Третья дверь слева была открыта, и горничная остановилась, пропуская меня вперед.

Как и в любой другой библиотеке, повсюду на стеллажах стояли книги. На стенах висели два пейзажа и одна марина. На полу лежал толстый зеленый ковер. Рядом с большим письменным столом стоял непомерных размеров глобус, с поверхности которого на меня смотрела Африка. Позади стола, во всю стену, было вставлено оконное стекло толщиной не менее восьми сантиметров.

На женщине, сидевшей за столом, было платье цвета морской волны. Вьющиеся волосы в локонах, одновременно напоминающие закатные облака, освещенные солнцем, и пламя свечи в темной комнате, ниспадали до плеч. Огромные глаза за стеклами очков — впрочем, в очках она не нуждалась — светились голубизной, как озеро Эри в три часа пополудни ясным летним днем. Она улыбнулась, не разжимая коралловых, под цвет волос, губ.

Я знал эту женщину, но абсолютно не помнил, кто она такая.

Перешагнув через порог, я тоже улыбнулся, не разжимая губ.

— Привет, — сказал я.

— Здравствуй. — Она указала рукой на стул с высокой спинкой и подлокотниками, в котором можно было удобно развалиться и о чем-нибудь помечтать. — Садись, пожалуйста. — Я сел, и она молча принялась изучать мое лицо. — Рада тебя видеть.

— Взаимно. Как поживаешь?

— Спасибо. Признаться, не ожидала, что ты придешь.

— Знаю. Должен же я отблагодарить тебя за сестринские заботу и внимание. — Я специально говорил с легкой иронией, чтобы посмотреть, как она отреагирует. В эту минуту в библиотеку вошел огромный пес, ирландский волкодав, и молча улегся у стола.

— Не стоит благодарности, — ответила она в том же тоне. — Разве могла я бросить брата в беде? В следующий раз будь осторожнее за рулем.

— Можешь не сомневаться, в следующий раз я приму все меры предосторожности. — Она не подозревала, что я понятия не имею, о чем говорю, и я решил этим воспользоваться. — Я пришел, потому что нам есть что сказать друг другу. Ты как считаешь?

— Да. Ты обедал?

— Перекусил в кафе часа два назад.

Она позвонила горничной и приказала накрыть на стол. Потом искоса на меня посмотрела.

— Я знала, что ты выберешься из клиники, но не думала, что так скоро. И все же не понимаю, почему ты пришел именно ко мне.

— Решил сделать тебе сюрприз.

Она задумалась, потом предложила мне сигарету. Мы закурили.

— От тебя всегда можно было ждать чего угодно, — нарушила она затянувшуюся паузу, — и ты всегда

выходил сухим из воды. Но боюсь, сейчас этот номер не пройдет.

— Почему? — спросил я.

— Ставки слишком высоки, и мне кажется, ты просто блефуешь, явившись ко мне без предварительной договоренности. Я всегда восхищалась твоей смелостью, Корвин, но будь благоразумен. Ты прекрасно понимаешь, чем это может кончиться.

Корвин? Запомним.

— В данный момент я ничего не понимаю, — сказал я. — Ты забываешь, что на некоторое время я был выключен из игры.

— И ты ни с кем не общался?

— Не успел.

Она посмотрела на меня, склонив голову набок и слегка прищурившись. Ее изумительные глаза заблестели.

— Странно, — задумчиво произнесла она. — Как-то не верится, но, может быть, ты не врешь. Может быть. Тогда, конечно, ты принял единственно правильное решение и обезопасил себя со всех сторон. Дай мне подумать.

Я затаился сигаретой, надеясь услышать еще что-нибудь, но она молчала, и я решил заговорить первым, начиная игру, в которой ничего не понимал, с партнерами мне неизвестными и по ставкам, о которых не имел ни малейшего представления.

— Мне непонятны твои сомнения, — заявил я. — Главное, что я пришел именно к тебе.

— Да, — ответила она. — Знаю. Но ты слишком умен, и цель твоего визита наверняка неоднозначна. Ну да ладно, не будем спорить. Поживем — увидим.

Спорить? О чем? Увидим? Что? Журавля в небе?

Горничная вошла с подносом, на котором стояли тарелки с бифштексами и кувшин пива, и на некоторое время я был избавлен от необходимости делать загадочные замечания и тонко намекать на обстоятельства, о которых ничего не знал. Бифштекс с кровью был превосходен, и я с жадностью на него набросился, смачно хрустя свежеподжаренным хлебом и запивая галлонами пива мою первую за день роскошную трапезу. Она засмеялась, глядя на меня и нарезая мясо мелкими кусочками.

— Что мне в тебе нравится, так это жажда жизни, Корвин, — сказала она. — Жаль будет, если ты с ней расстанешься.

— Мне тоже, — пробормотал я.

И внезапно я увидел ее в зеленом, как морские глубины, платье с большим вырезом и пышными складками. Звучала музыка, пары кружились в вальсе, отовсюду доносились веселые голоса. Я был одет в черный с серебром... Видение исчезло. Но я твердо знал, что вспомнил часть своего прошлого, и про себя выругался, сетуя на провалы в памяти. О чем мы с ней разговаривали там, в зале, не обращая внимания на веселье и танцы?

Я наполнил кружки пивом и решил проверить на Эвелине свое видение.

— Помнишь тот бал? — спросил я. — Ты была в изумрудном платье, а я в черных с серебром одеждах. Играла музыка, а мы с тобой стояли и разговаривали. Какой прекрасной казалась жизнь...

На лице ее появилось мечтательное выражение, щеки порозовели.

— Да. Много воды утекло с тех пор... Скажи, ты действительно ни с кем не вел переговоров?

— Честное слово, — поклялся я, стараясь удержаться от улыбки.

— Сейчас все изменилось к худшему, — вздохнула она, — и отражения оказались не так безопасны, как мы думали...

— Продолжай.

— Он не изменился. Разве что забот прибавилось.

— Понятно.

— Да. И, как ты понимаешь, ему необходимо знать твои намерения. Что ты собираешься предпринять?

— Ничего, — небрежно ответил я.

— То есть как? — Глаза ее изумленно расширились.

— По крайней мере в данный момент, — торопливо сказал я. — Сначала мне надо во всем разобраться.

— Вот оно что.

Второй ирландский волкодав вошел в библиотеку и тоже улегся у стола. Мы молча допили пиво, доели бифштексы и бросили кости собакам.

Потом нам подали кофе, и неожиданно я понял, что испытываю по отношению к этой женщине самые настоящие братские чувства, которые, однако, я быстро в себе подавил.

— Итак, что новенького? — спросил я, прихлебывая кофе маленькими глоточками. Безобидная фраза, вполне естественная и абсолютно безопасная, ведь вряд ли она спросит в ответ, что я имею в виду.

— Все по-прежнему. — Она откинулась на спинку кресла и рассеянно уставилась в потолок. — Ничего особенного не произошло. Возможно, ты поступил умнее всех нас вместе взятых. Мне и самой здесь нравится. Но... разве можно забыть...

Я опустил голову, не зная, какое выражение придать своему лицу, и на всякий случай сказал замогильным голосом:

— Ты права. Это невозможно.

Пауза затянулась, и я понятия не имел, как вести себя дальше, но, слава богу, она заговорила первой.

— Скажи, ты меня ненавидишь?

— Ты с ума сошла! — воскликнул я. — Что бы между нами ни произошло, как я могу тебя ненавидеть?

Видимо, мой ответ ей понравился, потому что она улыбнулась, обнажив белоснежные зубы.

— Спасибо. Несмотря ни на что, ты — настоящий мужчина.

Я поклонился и расшаркался, не вставая со стула.

— От твоих похвал у меня закружится голова.

— Ну это вряд ли.

И я почувствовал себя неуютно.

Сидевшая передо мной женщина наверняка знала того, кто хотел погубить меня, и ненависть вспыхнула во мне с новой силой. Я едва удержался от желания потребовать у нее ответа.

— И все же, что ты собираешься предпринять? — спросила она, и я невнятно пробормотал, не придумав ничего лучше:

— Все равно ты мне не поверишь.

— Как мы можем тебе верить?

Я решил запомнить это «мы».

— Вот видишь. Но я хочу доказать, что говорю правду, и поэтому останусь жить в твоём доме. Тебе не составит большого труда следить за каждым моим шагом.

— А потом?

— Потом? Поживем — увидим.

— Умно, — сказала она. — Необычайно умно. И ты ставишь меня в неловкое положение. — (Честно

говоря, мне просто некуда было идти, а деньги, полученные за шантаж, таяли с каждой минутой.) — Оставайся, конечно, но учти, — она взяла в руки цепочку с брелоком, висевшую у нее на шее, — что это — ультразвуковой свисток для собак. У Доннера и Блитцера четыре брата, каждый из них прошел дрессировку, и они сбегаются по первому моему зову. Если они нападут все вместе, даже тебе не удастся долго продержаться. В Ирландии и волков-то не осталось после того, как там вывели эту породу собак.

— Знаю, — машинально ответил я и тут же понял, что действительно это знаю.

— Да, — продолжала она. — Эрик останется доволен, когда я скажу, что ты — мой гость. Он вынужден будет оставить тебя в покое, а ведь ты только этого и добиваешься, n'est-ce-pas?

— Oui.

Эрик! Меня заколотил озноб. Я помнил, хорошо помнил Эрика, и это было очень важно, хотя мы давно не виделись.

Почему?

Потому что я его ненавидел. Ненавидел так сильно, что убил бы, не моргнув глазом. Вполне возможно, что когда-то я пытался это сделать.

И между нами существовала какая-то связь.

Родственная?

Да, да, именно так. Нас обоих раздражало, что мы... братья. Я помнил... помнил...

Большой, сильный Эрик, с влажной кудрявой бородой и с такими же глазами, как у Эвелины!

Воспоминания нахлынули на меня, в висках застучало, лоб покрылся испариной.

Но лицо мое осталось бесстрастным. Я медленно затянулся сигаретой, сделал глоток пива и неожиданно сообразил, что Эвелина действительно была моей сестрой! Только звали ее не Эвелиной. Что ж, придется быть осторожнее. В конце концов, совсем необязательно называть ее по имени.

Кто я такой? И что все это значит?

Эрик, внезапно подумал я, прекрасно знал об автомобильной катастрофе, которая должна была закончиться моей гибелью. Уж не он ли ее организовал? Да, подсказал мне внутренний голос, больше некому. А Эвелина была его сообщницей и заплатила доктору, чтобы меня пичкали наркотиками. Неизвестно еще, что хуже, смерть или...

Я вздрогнул. Попад в ее дом, я сунул голову в пасть льва: стал пленником Эрика. Они могли расправиться со мной в любую секунду.

Но она сказала, что Эрику придется оставить меня в покое, когда он узнает, что я — ее гость. Я задумался. Я не имел права верить всему, что мне говорили. Либо придется все время быть начеку, либо надо уходить и ничего не предпринимать до тех пор, пока память полностью ко мне не вернется.

Не знаю, как объяснить, но я чувствовал, что время не ждет. Мне почему-то казалось, что я немедленно должен разобраться, в чем дело, и начать действовать. И если необходимо подвергнуться опасности, чтобы вернуть память, или рискнуть жизнью ради достижения важной цели, быть по сему. Я остаюсь.

— ...помню, — сказала Эвелина, и я понял, что она говорит уже в течение нескольких минут. Возможно, она просто болтала о пустяках, но скорее всего меня захлестнула волна воспоминаний, и я просто перестал слушать. — ...тот день, когда ты победил Джулиана в его любимых состязаниях, а он с проклятьями швырнул в тебя бокал с вином. Но главный приз достался тебе. И внезапно он испугался, что позволил себе лишнее. А ты просто рассмеялся и выпил с ним другой бокал вина. Мне кажется, он до сих пор раскаивается, что не сдержался, — ведь Джулиан такой хладнокровный и старается во всем тебе подражать, хоть и завидует. Ты помнишь? Но я все равно ненавижу его по-прежнему и надеюсь, когда-нибудь он споткнется. Теперь недолго осталось ждать...

Джулиан, Джулиан, Джулиан... Да и нет. Человек, которого мне удалось вывести из себя, несмотря на его легендарное самообладание. Охота... главный приз... Что-то очень знакомое, но хоть убей, я не мог

вспомнить, в чем было дело.

— А Каин? Помнишь, как здорово ты его высмеял? Он ненавидит тебя лютой ненавистью...

Похоже, я не пользовался особой популярностью.

Каин... Я его знал. Хорошо знал.

Эрик, Джулиан, Каин, Корвин. Комната поплыла у меня перед глазами, пульс бешено забился в висках.

— Это было так давно... — невольно вырвалось у меня.

— Корвин, — сказала она, — давай перестанем играть в прятки. Ведь я понимаю, что ты пришел ко мне вовсе не для того, чтобы себя обезопасить. Наверняка ты хочешь со мной договориться, и, зная твои силы, я никогда не поверю, что ты останешься в стороне. Мне неизвестно, что ты задумал, но, может быть, нам удастся заключить с Эриком взаимовыгодную сделку. — Это «нам» прозвучало явно фальшиво. Видимо, она тщательно взвесила все обстоятельства (мне неизвестные) и пришла к выводу, что мое присутствие ей на руку. Похоже, сестричка Эвелина решила урвать себе лакомый кусочек. Я улыбнулся. — Скажи, — продолжала она, — ведь ты пришел, чтобы договориться с Эриком? И предпочитаешь вести переговоры через посредника?

— Может быть, — сказал я. — В данный момент мне бы не хотелось отвечать на твой вопрос. Я совсем недавно поправился и решил остановиться у тебя на тот случай, если начну действовать или захочу договориться с Эриком.

— Думай, что говоришь. Ведь ты прекрасно понимаешь, что я доложу каждое твое слово.

— Как знаешь. — Пришла пора рискнуть и попробовать перехватить инициативу. — Но может быть, тебе выгоднее иметь дело со мной?

Брови ее сдвинулись, и между ними легли крохотные морщинки.

— Я не совсем понимаю, что ты предлагаешь.

— Я ничего не предлагаю... пока. Я действительно не лгу, когда говорю, что еще не принял окончательного решения. Но я не уверен, что захочу договориться с Эриком. В конце концов... — Я умолк и многозначительно на нее посмотрел, прекрасно понимая, что молчание мое вряд ли выглядит убедительным. Но я иссяк.

— Разве у тебя есть другая кандидатура? — Внезапно она вскочила, схватившись за свисток. — Блейз! Ну конечно!

— Сядь и не смей меня, — сказал я. — Неужели я пришел бы к тебе, прекрасно понимая, чем это грозит, если бы собирался договориться с Блейзом?

Рука, сжимавшая свисток, опустилась, и, искоса на меня посмотрев, она снова уселась в кресло.

— Кто знает? — произнесла она после непродолжительного молчания. — Ведь ты — игрок в душе и способен на предательство. Но если ты пришел убить меня, это глупо. Кому-кому, а тебе должно быть известно, что я вовсе не такая важная птица. И кроме того, мне всегда казалось, что ты хорошо ко мне относишься.

— Так оно и есть, — с готовностью согласился я. — Можешь мне поверить, тебе не о чем беспокоиться. Как странно, что ты заговорила о Блейзе.

Приманка, приманка, приманка! Мне так много надо было узнать!

— Почему? Значит, вы все-таки вели переговоры?

— На этот вопрос я тоже предпочитаю не отвечать, — сказал я, довольный, что добился некоторого преимущества. — Но уверяю тебя, в любом случае я ответил бы ему то же, что и Эрику: «Я подумаю».

— Блейз, — повторила она.

Блейз, сказал я сам себе. Блейз, ты мне нравишься. Я должен плохо к тебе относиться, хоть и не помню, по какой причине, но ты мне нравишься. Я это знаю.

Какое-то время мы сидели молча, и внезапно на меня навалилась смертельная усталость. Но я ничем себя не выдал. Я не имел права показывать своей слабости. Я знал, что обязан быть сильным.

— Хорошая у тебя библиотека, — заметил я, нарушая затянувшуюся паузу.

— Спасибо. — Она внимательно на меня посмотрела. — Блейз... Скажи, ты действительно считаешь, что у него есть шанс?

Я пожал плечами.

— Трудно сказать. Может быть, он в себе уверен. А может, и нет. По крайней мере я здесь ни при чем. Внезапно я увидел, что рот у нее приоткрылся, а глаза изумленно расширились.

— Ни при чем? — повторила она. — Послушай, неужели ты сам решил рискнуть?

Я рассмеялся в надежде, что это хоть как-то ее успокоит.

— Не болтай глупостей, — заявил я, стараясь говорить как можно увереннее. — Зачем мне рисковать?

Но в глубине моей души зазвенела какая-то струна, а в голове молнией блеснула мысль: «Почему бы и нет?»

И мне стало страшно.

Мой ответ, казалось, ее успокоил, и, улыбнувшись, она махнула рукой в сторону встроенного в стену бара.

— Я бы выпила коктейль, только покрепче.

— С удовольствием к тебе присоединюсь. — Поднявшись, я подошел к бару, смешал напитки и налил два полных бокала. — Знаешь, — сказал я, вновь усаживаясь на стул, — я рад, что мы сидим с тобой вдвоем, разговариваем, как прежде, и никто нам не мешает. По крайней мере у меня возникают приятные воспоминания.

И лицо ее озарилось прекрасной улыбкой.

— Ты прав. Если ни о чем не думать, можно на секунду представить, что мы снова в Эмбере.

И бокал чуть не выпал у меня из рук.

Эмбер! Горячая волна прокатилась по моей спине, ударила в голову.

Она тихонько заплакала, и я поднялся, обнял ее за плечи и осторожно притянул к себе.

— Не плачь, сестричка, не надо! Не травми мне душу! — Эмбер! Волшебное, животрепещущее слово, которое так много значило! — Подожди, настанут еще хорошие времена!

— Ты действительно так думаешь?

— Да! — громко сказал я. — Я в этом уверен!

— Ты сумасшедший! Наверное, поэтому я всегда любила тебя больше других братьев. Когда ты так говоришь, я тебе верю, хоть и знаю, что ты — сумасшедший! — Она опять заплакала, но довольно быстро успокоилась. — Корвин, — всхлипнула она в последний раз, — если когда-нибудь ты добьешься своего, если каким-то чудом, неизвестным даже на отражениях твое желание исполнится, ты ведь не забудешь свою глупенькую сестричку Флоримель?

— Да, — ответил я, вспомнив ее имя, как только его услышал. — Обещаю, что не забуду.

— Спасибо. Я доложу Эрику, что ты появился, но ничего не скажу о Блейзе и о своих подозрениях...

— Спасибо, Флора.

— Только я все равно тебе не верю. Помни об этом.

— Естественно.

Потом она позвонила горничной, которая проводила меня в спальню, и я с трудом разделся, свалился в постель и проспал одиннадцать часов кряду.

3

Когда я проснулся следующим утром, Флора куда-то ушла, даже не оставив записки. Горничная подала мне завтрак на кухне и отправилась по своим делам. Я не стал ни о чем ее расспрашивать. Либо она ничего не знала, либо отказалась бы отвечать на мои вопросы и в любом случае обязательно донесла бы на меня Флоре. А поскольку в настоящий момент я оказался полновластным хозяином дома, я решил для начала обыскать библиотеку. Я вообще люблю библиотеки. За стеной красивых и мудрых слов чувствуешь себя спокойно, уютно и, главное, безопасно. К тому же книги помогают забыть о неприятностях.

Доннер, Блитцер или один из его родственников появился неизвестно откуда и пошел за мной на негнущихся ногах, осторожно пригнувшись. Я попробовал с ним подружиться, но, судя по всему, это было сложнее, чем договориться с полицейским, остановившим тебя за превышение скорости. Проходя по коридору, я заглянул в две комнаты, на которые обратил внимание вчера вечером, но ничего интересного не увидел.

Когда я вошел в библиотеку, Африка все еще глядела прямо на меня. Я закрыл за собой дверь, чтобы собаки не мешали, и прошел мимо стеллажей, читая названия книг на корешках.

Основу всей коллекции составляли книги по истории и частично по искусству. Я взял одно из роскошных изданий и принялся рассеянно листать страницы. Самые умные мысли обычно приходили мне в голову, когда я отвлекался и думал о чем-то постороннем.

Совершенно очевидно, Флора была богата. Означало ли это, если мы действительно являлись братом и сестрой, что я тоже не нуждался в деньгах? Я стал думать о своем доходе, социальном положении и профессии. Мне казалось, что денежный вопрос никогда меня не беспокоил и средства к существованию я добывал без особого труда. Был ли у меня свой дом? Этого я не помнил.

Каким родом деятельности я занимался?

Я уселся в кресло за письменным столом и начал методично обшаривать свою память, пытаюсь понять, кто я такой. Исследовать самого себя со стороны очень трудно, и, наверное, поэтому у меня ничего не вышло.

Обратиться к врачу? Эта мысль пришла мне в голову когда я рассматривал анатомические рисунки Леонардо да Винчи. Почти машинально я стал повторять в уме некоторые стадии хирургической операции и понял, что в прошлом оперировал людей.

Но я не был практикующим врачом, и мое медицинское образование являлось лишь частью куда более обширных знаний. Так кем же я был? Кем?

Что-то привлекло мое внимание.

Сидя за письменным столом, я видел всю комнату до противоположной стены, на которой рядом с ковром висела антикварная кавалерийская сабля. Вчера вечером я ее просто не заметил, так как сидел спиной к двери.

Я встал с кресла, подошел к стене, взял саблю в руки и невольно поморщился, увидев, в каком состоянии находилось боевое оружие. Мне захотелось взять масляную тряпку и абразив, чтобы привести клинок в надлежащий вид. Значит я разбирался в оружии, по крайней мере рубящем.

Моя рука привычно обхватила эфес, я чувствовал себя спокойно и уверенно. Я отсалютовал. Провел атаку, сделал несколько выпадов и принял оборонительную позицию. Да, я умел фехтовать.

Час от часу не легче.

Я внимательно осмотрелся в надежде, что какая-нибудь мелочь сможет пробудить мою память, но ничего путного не увидел и, повесив саблю на место, вернулся за письменный стол с твердым намерением исследовать его содержимое.

Удобно усевшись в кресло, я выдвинул средний ящик и принялся за работу.

Чековые книжки, конверты, почтовые марки, листы бумаги, огрызки карандашей, резинки — в общем, обычный ассортимент.

Каждый ящик я вытаскивал и держал на коленях, выкладывая предметы на стол по одному, а затем складывая их обратно в том же порядке. Никаких умственных усилий я не прилагал: руки работали сами. Видимо, подобные навыки были частью подготовки, которую я получил в прошлом, и они заодно подсказали мне, что у ящиков всегда надо осматривать дно и боковые стенки.

Тем не менее я чуть было не прозевал одну деталь и спохватился в самую последнюю минуту: задняя стенка правого нижнего ящика была ниже, чем у остальных.

Я наклонился, заглянул в глубь пустого пространства и увидел нечто похожее на плоскую коробку, которая на поверку оказалась небольшим потайным ящичком, запертым на ключ.

Примерно минута ушла у меня на дурацкую возню со скрепками, булавками, шпильками и, наконец, с металлическим рожком для обуви, лежавшим на столе. Рожок для обуви решил исход дела.

В потайном ящичке лежала колода карт.

И когда я увидел рисунок на обложке пачки, я вздрогнул, дыхание мое участилось, а на лбу выступил холодный пот.

Это был рисунок белого единорога, стоявшего на травянистом поле на задних лапах и глядевшего вправо.

Я знал этот рисунок, но не мог вспомнить, что он означал, и мне было обидно до слез.

Я достал колоду из пачки. Обычные гадальные карты с чашами, пиками, мечами и прочими атрибутами. Но картинки..

Я вставил на место оба ящика, но только до середины, чтобы случайно не закрыть потайного, пока не посмотрю колоду до конца.

Картинки выглядели совсем как живые. Казалось, изображенные на них люди готовы были в любую минуту сойти со сверкающих глянцевых поверхностей. Карты были холодными на ощупь, и мне доставляло удовольствие держать их в руках. Внезапно я понял, что когда-то обладал такой же колодой.

Я начал раскладывать карты на столе.

На первой из них был нарисован невысокий человек с хитрыми глазами, острым носом, смеющимся ртом и копной соломенных волос. Его красные, желтые и коричневые одежды напоминали костюм эпохи Возрождения. На нем были короткая кожаная куртка и длинный плащ. Его звали Рэндом. И я его знал.

Со следующей карты на меня смотрел Джулиан. Бесстрастное лицо, непроницаемый взгляд голубых глаз, черные волосы ниже плеч. Белые доспехи, именно белые, а не серебристые или с металлическим оттенком, создавали такое впечатление, словно он с головы до ног был покрыт эмалью. Я знал, однако, что, несмотря на кажущуюся хрупкость, даже декоративность, эти доспехи смягчали практически любой удар и их невозможно было пробить. Именно над Джулианом я одержал победу, после чего он швырнул в меня бокал с вином. Я его знал, и я его ненавидел.

На третьей карте я увидел смуглого черноглазого Каина, в черном с зеленым отливом атласном костюме и треуголке набекрень, украшенной плюмажем из зеленых перьев. Он стоял ко мне в профиль, отведя одну руку в сторону и вывернув носки сапог. На поясе его висел кинжал, в рукоять которого был вставлен большой изумруд. Я не помнил, в каких мы были отношениях.

Следующим был Эрик. Красивый мужчина с длинными волосами цвета воронового крыла, настолько черными, что они отливали голубизной. Борода его курчавилась, обрамляя улыбающийся рот. Одетый в простой кожаный камзол, кожаные чулки, плащ-накидку и высокие черные сапоги, он стоял, заткнув большие пальцы сильных уверенных рук за пояс (правая рука рядом с черными перчатками). На красной перевязи с застежкой из большого рубина висела серебряная шпага. Стоячий воротничок и манжеты рубашки были оторочены красной канвой. Это он, Эрик, хотел погубить меня, подстроив автомобильную катастрофу, и чуть было не преуспел в этом намерении. Я смотрел на своего брата и чувствовал, что в глубине души я его немного боюсь.

Затем появился Бенедикт, человек с незаурядным умом, высокий и худощавый. Его желтые, красные и коричневые одежды странным образом напоминали мне копны душистого сена. У него был сильный

волевой подбородок, карие глаза и прямые каштановые волосы. Он стоял рядом с гнедым конем, опираясь на копьё, увенчанное гирляндой цветов. Бенедикт редко смеялся. И он мне нравился.

Перевернув следующую карту, я на секунду перестал дышать, и сердце мое чуть не выпрыгнуло из груди.

Это был я.

У меня возникло такое ощущение, будто я собрался побриться и смотрю в зеркало. Зеленые глаза, черные волосы, черные с серебром одежды. Край длинного плаща отогнулся, как бывает при порыве ветра. На мне были черные сапоги, такие же, как у Эрика, а на боку висела шпага, несколько тяжелее, но не такая длинная, как у него. Черные с серебристым отливом перчатки облегли мои руки; плащ был застегнут на шею брошью в форме серебряной розы.

Я, Корвин.

Высокий крупный мужчина смотрел на меня со следующей карты. Мы были очень похожи, только подбородок его чуть больше выдавался вперед, а тело казалось необычайно мощным. Правда, он был медлителен, но о силе его ходили легенды. Одетый в серый с голубым костюм по фигуре, опоясанный широким поясом, он стоял и смеялся. Вокруг его шеи, на широкой цепи, висел серебряный охотничий рог. Спокойное лицо украшали коротко подстриженная борода и небольшие усики. В правой руке он держал кубок с вином. Внезапно я почувствовал к нему сильную привязанность. И вспомнил его имя. Жерар.

На другой карте был изображен человек с большой русой бородой и огненно-рыжими волосами, разодетый в красные и желтые шелка. В правой руке он держал шпагу, а в левой — кубок с вином, а в глазах его, таких же голубых, как у Флоры и Эрика, плясали дьявольские огоньки. Клинок шпаги украшал золотой орнамент. Три кольца с большими изумрудом, рубином и сапфиром сверкали на пальцах. Это был Блейз.

Следующего человека я узнал с первого взгляда. Он был одновременно похож и на Блейза, и на меня. Мои глаза и черты лица, правда более мелкие; но волосы как у Блейза, хотя лицо чисто выбрито. Одетый в зеленый охотничий костюм, он сидел на белой лошади, глядя в сторону. В нем одновременно уживались сила и слабость, решительность и безволие. Соответственно, я то одобрял, то порицал этого человека и не любил его, несмотря на то что неплохо к нему относился. Его звали Бранд...

Неожиданно я понял, что хорошо знаю этих людей, темню все их достоинства и недостатки. Ничего удивительного. Ведь они были моими братьями.

Я закурил сигарету из пачки, лежавшей на столе, откинулся на спинку кресла и попытался суммировать то, что мне стало известно.

Они были моими братьями, эти восемь странных людей, одетых в странные одежды. И они имели полное право одеваться, как им вздумается, так же как я имел право носить костюм только двух цветов. Я усмехнулся, вспомнив покупки, которые сделал в маленьком гринвудском магазина. Черные брюки, черную куртку, три серых рубашки со стальным отливом.

Вновь взяв колоду в руки, я сразу же нашел карту с изображением Флоры, в зеленом, как морские глубины, наряде. Да, именно такой вспомнил я ее накануне. На следующей карте была изображена девушка с густыми черными волосами ниже плеч и большими голубыми глазами, одетая в черное платье с серебряным поясом вокруг талии. Мои глаза наполнились слезами, сам не знаю почему. Ее звали Дейдра.

Затем я увидел Фиону с копной огненно-рыжих волос, как у Блейза и Бранда, моими глазами и жемчужной кожей. Я ненавидел ее всеми силами души. Следующей была Льювилла. Изумрудные глаза под цвет волос, печальное выражение на лице, переливающееся серо-зеленое платье с бледно-желтым поясом. Я знал, что Льювилла чем-то отличается от нас. Но она тоже была моей сестрой.

Мне стало очень одиноко, но одновременно я, как ни странно, чувствовал присутствие этих людей рядом с собой.

Карты были так холодны на ощупь, что я снова сложил их вместе, правда с явной неохотой. По непонятной причине мне было жалко с ними расставаться. Но других картинок в колоде я не нашел, хотя почему-то (проклятое почему-то) не сомневался, что она была неполна и нескольких карт в ней

недоставало.

Мне стало до боли обидно, что я никак не могу вспомнить изображений на отсутствующих картах.

Откинувшись на спинку кресла, я взял со стола дымящуюся сигарету и задумался. Почему я так отчетливо вспоминал факты, когда держал колоду в руках? Сейчас я знал неизмеримо больше, чем раньше, и тем не менее собственное прошлое оставалось для меня тайной за семью печатями.

Для чего надо было изображать на картах самих себя? Откуда у меня это непреодолимое желание сунуть колоду себе в карман? Желание, которое, к великому моему сожалению, придется подавить, потому что Флора сразу заметит пропажу и у меня могут быть крупные неприятности.

Я вздохнул, положил карты в потайной ящик и привел письменный стол в порядок. А затем... господи, как я напрягал свой мозг в поисках ответа на мучивший меня вопрос! Безрезультатно!

И внезапно я вспомнил магическое слово.

Эмбер!

Слово, которое взволновало меня до такой степени, что я невольно избегал думать о нем со вчерашнего вечера. Оно навевало тоску, бредило душу, вызывало ностальгическое чувство. В нем была заключена красота и нежность, любовь и почти божественная сила. Оно казалось родным и близким. Эмбер являлся моей частичкой, а я — частичкой Эмбера. Внезапно я понял, что это — название места, которое я когда-то знал. Но как я ни ломал себе голову, ничего больше вспомнить мне не удалось.

Долго ли я сидел, задумавшись, сказать трудно: время, казалось, перестало существовать. Словно издали услышал я стук в дверь. Ручка медленно повернулась, и в библиотеку вошла Кармелла, горничная Флоры. Остановившись на пороге, она поинтересовалась, не угодно ли мне сделать перерыв на ленч.

Конечно, угодно! Я тут же отправился на кухню и умял половину холодного цыпленка, запив его четвертой молока. Кофейник я отнес в библиотеку, тщательно обходя любопытных собак, и с наслаждением пил вторую чашку черного кофе, когда раздался телефонный звонок.

Мне очень хотелось снять трубку, но я подумал, что в доме наверняка полно параллельных аппаратов и к телефону подойдет Кармелла.

Я ошибся. Телефон продолжал звонить, и в конце концов я не выдержал.

— Слушаю, — сказал я. — Резиденция Флаумель.

— Будьте любезны, попросите миссис Флаумель к телефону.

Говорил он быстро, нервно и чуть задыхаясь, а в трубке трещало и слышались посторонние голоса, как при междугородной связи.

— Мне очень жаль, но ее нет дома. Что-нибудь передать или вы перезвоните?

— Кто это говорит? — требовательно спросил он.

И, чуть поколебавшись, я ответил:

— Корвин.

— О боже! — воскликнул голос.

Наступило продолжительное молчание. Я решил, что он повесил трубку, но на всякий случай сказал «алло», и в это время он тоже произнес: «Она еще жива?»

— Какого черта! Конечно, она жива! И вообще, с кем я разговариваю?

— Неужели ты не узнал меня, Корвин? Это Рэндом. Послушай, я в Калифорнии, и у меня крупные неприятности. Я хотел спрятаться у Флоры в доме. Ты с ней?

— Временно.

— Понятно. Послушай, Корвин, ты окажешь мне покровительство? — Он помолчал, потом добавил: — Очень тебя прошу.

— С удовольствием. Но я не могу отвечать за Флору, пока не переговорю с ней.

— Ты защитишь меня от нее?

— Да.

— Больше мне ничего не надо. Сейчас попытаюсь пробраться в Нью-Йорк. Придется идти в обход, так что не знаю, сколько времени займет дорога. Если повезет с отражениями, скоро увидимся. Пожелай мне удачи.

— Удачи.

Раздался щелчок повешенной трубки, и я снова услышал треск и отдаленные голоса.

Значит, хитрый маленький Рэндом попал в беду! Не знаю почему, но меня это ничуть не беспокоило. Я, конечно, попытаюсь ему помочь и заодно выведаю все, что смогу. Ведь Рэндом был ключом к моему прошлому, а может, к будущему. Я знал, что мы никогда не испытывали друг к другу братской любви. Но я также знал, что Рэндом был решителен, смел, очень умен и до странности сентиментален. Правда, его честное слово не стоило выеденного яйца и, клянясь в вечной верности, он мог продать труп своего собеседника в анатомичку, которая заранее пообещала хорошо заплатить. Я прекрасно помнил этого маленького шпиона и испытывал к нему некоторую слабость, потому что, как мне казалось, мы провели вместе несколько приятных вечеров. Но доверять ему? Никогда! Я решил ничего не говорить Флоре до самой последней минуты. Пусть Рэндом будет моей козырной картой: если не тузом, то по крайней мере валетом!

Я плеснул в чашку горячий кофе и начал прихлебывать маленькими глоточками.

От кого Рэндом хотел спрятаться?

Уж конечно, не от Эрика, иначе он никогда не позвонил бы Флоре. И, кстати, почему он спросил, жива она или нет, когда понял, с кем разговаривает? Неужели моя ненависть к Эрику была настолько сильна, что я, по мнению родственников, мог убить тех, кто ему помогал? Станный вопрос, но тем не менее, Рэндом его задал.

В чем Флора помогала Эрику? Почему обстановка была накалена до такой степени, что я почти физически ее ощущал? И, наконец, от кого скрывался Рэндом?

Эмбер.

Только там можно было найти ответ на любой вопрос.

Эмбер. Ключ ко всем тайнам, в том числе — к моему прошлому. Мне почему-то казалось, что совсем недавно в Эмбере произошли большие перемены. Придется быть начеку и делать вид, что я все знаю, а тем временем собирать сведения по крупицам и составлять из них одно целое. Я не сомневался, что смогу обмануть кого угодно; видимо, члены нашей семьи не испытывали особого доверия друг к другу, так что мои умалчивания или двусмысленные ответы никого не удивят. А когда я пойму, в чем дело, и добьюсь своего, то не забуду тех, кто помогал мне, и не пощажу своих врагов. Потому что таков был закон нашей семьи, а я был истинным сыном своего отца...

Внезапно у меня опять разболелась голова и забился пульс в висках. Когда я подумал об отце, в мозгу мелькнула какая-то мысль, догадка, мгновенно исчезнувшая, и голова заболела еще сильнее. Я попытался расслабиться, и через некоторое время боль поутихла, а потом я заснул прямо в кресле, так ничего и не вспомнив.

Не знаю, долго ли я спал, но был поздний вечер, когда дверь открылась и в библиотеку вошла Флора, одетая в длинную серую шерстяную юбку и зеленую шелковую блузку. На шее ее все еще висел ультразвуковой свисток, волосы были пучком уложены на затылке, и выглядела она очень устало.

— Добрый вечер, — сказал я, вставая с кресла.

Флора не ответила и, подойдя к бару, налила полную рюмку виски, которую выпила одним глотком, как заправский пьяница. Вновь наполнив рюмку до краев, она подошла к столу и села на стул с подлокотниками.

Я прикурил и протянул ей зажженную сигарету.

Она молча кивнула, глубоко затагнулась и нехотя произнесла:

— По дороге в Эмбер почти невозможно пройти.

— Почему?

Она изумленно на меня посмотрела.

— Когда ты был там в последний раз?

Я пожал плечами.

— Не помню.

— Что ж, не буду настаивать. Мне казалось, это твоих рук дело.

Я промолчал, потому что понятия не имел, о чем она говорит, и неожиданно вспомнил, что в Эмбер можно легко попасть иным способом. Правда, Флора была лишена такой возможности.

— Жаль, твоей колоде не хватает нескольких карт, — небрежно заметил я.

Она подскочила на стуле, пролив виски на юбку, схватилась за свисток.

— Отдай!

Я быстро встал, взял ее за плечи.

— Я не брал твоих карт! К слову пришлось, вот я и сказал, что у тебя неполная колода.

Она явно успокоилась и тихонько заплакала, а я мягко подтолкнул ее, помогая сесть на стул и облокотиться о спинку.

— Я решила, ты их украл. — Она бросила на меня взгляд исподлобья. — Совершенно очевидно, что нужной карты у меня нет, и твоя жестокая шутка неуместна.

Я промолчал, твердо зная, что не должен извиняться.

— Далеко тебе удалось уйти?

— Нет. — Внезапно Флора посмотрела на меня, рассмеялась, и в глазах ее зажглись огоньки. — Значит, это все-таки ты закрыл дорогу в Эмбер? Зная, что Эрик интересуется каждым твоим шагом, ты решил не пустить меня к нему с целью заманить его сюда? Верно? Но ведь Эрик кого-нибудь пришлет. Он никогда не явится сам.

Странные нотки восхищения проскальзывали в голосе этой женщины, рассуждавшей о ловкости и уме, которые я проявил, помешав ее планам. И тем не менее она спокойно признавалась в предательстве и не скрывала, что обязательно меня выдаст, как только ей представится такая возможность. Откуда столько бесстыдства, да еще в присутствии предполагаемой жертвы? Ответ напрашивался сам собой: так поступали все члены нашей семьи. Нам незачем было хитрить друг перед другом. Впрочем, Флора, видимо, была простодушнее остальных братьев и сестер.

— Неужели ты считаешь меня полным идиотом? — спросил я. — Или думаешь, я пришел к тебе специально, чтобы Эрик мог меня сцапать? Кто бы ни закрыл дорогу в Эмбер, так тебе и надо!

— Ну хорошо, я была дурой. А куда подевался твой хваленый ум? Ведь ты тоже изгнанник!

Ее слова причинили мне боль, хотя я знал, что она ошибается.

— Черта с два! — невольно вырвалось у меня.

Она опять рассмеялась.

— Так и знала, что ты разозлишься. Ладно, допустим, ты скрываешься на отражениях с какой-то целью. Это безумие! Чего ты добиваешься? Зачем пришел?

Я пожал плечами.

— Мне было любопытно, что ты собираешься делать. Тебе не удастся меня удержать, если я захочу уйти. Это не удавалось даже Эрику. А может, просто захотелось тебя увидеть. Может, к старости я становлюсь сентиментален. Как бы то ни было, я погощу совсем недолго. Если бы ты те поторопилась меня

выдать, то в конечном счете осталась бы только в выигрыше. Помнишь, вчера вечером ты попросила не забывать тебя, если произойдет одно обстоятельство...

Прошло несколько секунд, прежде чем Флора поняла, о чем я говорю, но все равно у нее было передо мной преимущество, потому что я не понимал ни единого своего слова.

— Значит, ты решился! — воскликнула она. — Ты все-таки решился!

— А вот в этом можешь не сомневаться! — ответил я, твердо зная, что, о чем бы ни шла речь, я пойду на любой риск ради достижения неведомой мне цели. Пока неведомой. — Так и доложи Эрику. Но помни, что я могу выйти победителем, и тогда лучше быть мне другом, чем врагом.

Угрозило же меня потерять память! Дорого бы я дал, чтобы знать, о чем говорю. Кое-как разобравшись в ситуации и ведя деловые разговоры, не понимая их значения, я тем не менее чувствовал, что поступаю правильно, что иначе нельзя...

Внезапно она кинулась мне на шею и расцеловала в обе щеки.

— Я ничего ему не скажу. Нет, правда, Корвин! И мне кажется, ты добьешься своего! Блейз, конечно, тебе не помощник, но Жерар будет на твоей стороне, а может, и Бенедикт. И если Каин поймет, что за тобой — сила, он тоже к вам присоединится...

— Успокойся, Флора. Я сам решу, что мне делать.

Она подошла к бару и налила два бокала вина.

— За будущее!

— За будущее грех не выпить, — согласился я.

Мы выпили.

Она вновь наполнила бокалы и пристально на меня посмотрела.

— Либо Эрик, либо Блейз, либо ты. Да, больше никому. А ты всегда был умен и находчив. Но ты исчез так давно, что я не могла считать тебя претендентом.

— А зря.

Я прихлебывал вино маленькими глоточками, надеясь, что она замолчит хоть на минуту. Слишком уж очевидно Флора пыталась вести двойную игру.

Меня что-то смутно беспокоило, и я хотел разобраться в своих ощущениях.

Глядя на карты, я чувствовал, как далеки от меня люди, на них изображенные, и в пространстве, и во времени.

Сколько мне было лет?

Судя по всему, около тридцати, хотя Флора все время говорила о каких-то отражениях, и я интуитивно знал, что был куда старше. Много воды утекло с тех пор, как я в последний раз видел своих братьев и сестер вместе, в дружеской непринужденной обстановке, такими же спокойными и веселыми, как на картах.

Во входную дверь позвонили, и я услышал шаги Кармеллы, спешившей узнать, кто пришел.

— Брат Рэндом, — небрежно сообщил я, глядя на Флору. — Я обещал ему свое покровительство.

Она изумленно на меня посмотрела и улыбнулась, как бы по достоинству оценивая мой ловкий ход.

Я был рад, что она считает меня великим интриганом.

Так мне было спокойнее.

4

Спокойнее мне было минуты три, не больше.

Быстро сбежав по лестнице, я успел открыть дверь раньше Кармеллы.

Он ввалился в прихожую и первым делом запер дверь на крюк. На нем не было ни короткой кожаной куртки, ни плаща-накидки. Под его голубыми глазами лежали тени, и ему давно следовало побриться. Одетый в коричневый шерстяной костюм и кожаные ботинки, он держал на руке легкое габардиновое полупальто. Но это был Рэндом, такой же, каким я видел его на карте, только не смеющийся, а усталый и с грязью под ногтями.

— Корвин? — воскликнул он и обнял меня.

Я сжал его плечо.

— Ты в таком состоянии, что рюмка виски тебе не повредит.

— Да. Да. Да... — согласился он, и я подтолкнул его, пропуская вперед. Минуты через три, сидя с рюмкой в одной руке и зажженной сигаретой в другой, он сообщил: — За мной гонятся. Скоро будут здесь.

Флора вскрикнула, но мы не обратили на нее никакого внимания.

— Кто? — спросил я.

— Какие-то бандиты из отражений. Понятия не имею, кто их послал. Человек пять, а может, шесть. Мы вместе летели, но потом я зафрахтовал личный самолет. Несколько раз менял направление, чтобы сбить их с курса, но ничего не вышло, а мне не хотелось отклоняться далеко в сторону. Они потеряли мой след в Манхэттене, но думаю, ненадолго.

— И ты не знаешь, кто их послал?

Он ухмыльнулся.

— Кто-нибудь из наших родственников, больше никому. Может, Блейз. А может, Джулиан или Каин. А может быть, ты, чтобы заманить меня в ловушку. Хотя надеюсь, это не так. Ведь это не так?

— Увы! — сказал я. — Ты считаешь, положение серьезное?

Он пожал плечами.

— С двумя-тремя я бы справился. Но их слишком много.

Рэндом был невысок ростом, примерно пять футов шесть дюймов, и весил не больше ста тридцати пяти фунтов. Но он не шутил, утверждая, что запросто мог бы справиться с двумя-тремя громилами. Внезапно мне пришло в голову, что я — его брат, а следовательно, тоже должен обладать большой физической силой. Но что значит «большой»? Я чувствовал, что могу встретиться с кем угодно, особо не беспокоясь за себя, но как узнать предел своих возможностей?

Ждать ответа пришлось недолго. Во входную дверь громко постучали.

— Что будем делать? — спросила Флора.

Рэндом рассмеялся, развязал галстук и кинул его на стол поверх габардинового полупальто. Затем он снял пиджак и огляделся по сторонам. Взгляд его остановился на сабле, и в ту же секунду он кинулся к ней и сорвал со стены. Я вытащил из кармана пистолет и щелкнул предохранителем.

— Что будем делать? — повторил Рэндом. — Вполне вероятно, они проникнут в дом. Когда ты в последний раз дралась, сестричка?

— Слишком давно, — ответила Флора.

— Тогда постарайся освежить свою память, потому что времени у нас в обрез. Можешь не сомневаться, ими кто-то управляет. Но нас трое, а их всего шестеро. Не о чем беспокоиться.

— Мы не знаем, из какого они отражения, — сказала она.

— Какое это имеет значение?

— Вот именно, — вставил я. — Может, открыть дверь?

И Рэндом, и Флора едва заметно вздрогнули.

— Лучше подождем, — сказал мой брат.

— Можно позвонить в полицию, — предложил я. Оба они истерически рассмеялись. — Или позвать на помощь Эрика. — Я в упор посмотрел на Флору.

Она отрицательно покачала головой.

— Не успеешь. Можно, конечно, воспользоваться его картой, но когда он ответит, если захочет, будет поздно.

— К тому же их мог послать именно Эрик, — заметил Рэндом.

— Сомневаюсь, — сказала Флора. — Сильно сомневаюсь. На него совсем не похоже.

— Верно, — согласился я, всем своим видом показывая, что прекрасно разбираюсь в ситуации.

В дверь опять постучали, на этот раз значительно сильнее.

— Послушай, а Кармелла не откроет? — спросил я, невольно вздрогнув.

Флора покачала головой.

— Не думаю. Вряд ли она откроет на стук.

— Но ведь ты не знаешь, на что они способны! — внезапно вскричал Рэндом и выбежал из библиотеки.

Я пошел следом, и нам удалось вовремя остановить Кармеллу, собиравшуюся впустить незваных гостей. Мы велели ей запереться у себя и не выходить, что бы она ни услышала.

— Теперь видишь, как силен противник? — спросил Рэндом. — Что происходит, Корвин?

Я пожал плечами.

— Если бы я знал! Но не беспокойся, в данный момент я на твоей стороне. Отойди-ка!

И я открыл дверь.

Первый бандит попытался отпихнуть меня и ворваться в прихожую, но жесткий удар локтем отшвырнул его назад.

Их действительно было шестеро.

— Что вам угодно? — спросил я.

Он молча выхватил пистолет.

Я быстро закрыл дверь и запер ее на крюк.

— Ты не солгал, — сказал я. — Но откуда мне знать, что это не твоих рук дело, брат Рэндом?

— Знать ты, конечно, не можешь, — ответил он, — но я дорого бы дал, чтобы твои слова оказались правдой. Жуткие твари.

С этим утверждением трудно было не согласиться. Наши посетители, столпившиеся на крыльце особняка, явно выступали в тяжелой весовой категории, а широкополые шляпы, надвинутые на глаза, закрывали их лица.

У меня заложило уши, и я понял, что Флора воспользовалась ультразвуковым свистком. Через несколько секунд раздался звон разбитого стекла и глухое рычание.

— Флора позвала на подмогу собак, — сообщил я Рэндому. — Она обзавелась шестеркой волкодавов, которые при других обстоятельствах перегрызли бы нам с тобой глотки.

Он кивнул, и мы побежали на звуки высаживаемых окон.

Двое громил с пистолетами в руках стояли в гостиной на первом этаже. Я убил первого, упал на бок и перекатился по паркетному полу, стреляя во второго. Рэндом перескочил через меня, взмахнул саблей, и

голова бандита внезапно отделилась от туловища.

Следующая пара перелезла через подоконник, и я расстрелял все патроны, одновременно вслушиваясь в рычание псов и неумолкающую пальбу.

Трое убитых громил и такое же количество Флориных волкодавов. Мне стало легче при мысли, что мы разделились с половиной нападающих, и я убил еще одного, причем способом, повергнувшим меня в изумление.

Внезапно, не задумываясь, я схватил тяжелое дубовое кресло, швырнул его через всю комнату, футов на тридцать, и не промахнулся. Позвоночник бандита сломался, как спичка.

Я бросился к двум оставшимся, но Рэндом меня опередил.

Проткнув первого саблей, он отбросил падающее тело псам, и тут же повернулся ко второму. И тот оказался бессилен. Ему лишь удалось убить одну из собак, но это было последнее, что он успел сделать. Маленький Рэндом задушил его голыми руками.

В результате сражения, длившегося несколько минут, двое собак были убиты, одна смертельно ранена. Рэндом избавил ее от дальнейших мучений быстрым ударом сабли, и мы принялись изучать наших бывших противников.

Выглядели они крайне необычно.

В гостиную вошла Флора и тоже принялась рассматривать незваных гостей.

У них были красные, словно налитые кровью, глаза.

Лишний сустав на каждом пальце.

Выдающиеся вперед челюсти (и когда я открыл одному из них рот, то насчитал сорок четыре зуба, значительно больших размеров и острее, чем у человека).

Кожа на их лицах была толстой, серого цвета и твердой на ощупь.

Продолжать не имело смысла. Я понял, что ничего не понял.

— Можешь не сомневаться, они из отражения, — сказал Рэндом, и я кивнул. — Не повезло беднягам. Вряд ли они думали, что мне на выручку придут брат-воин да с полтонны собак. — Он подошел к выбитому окну и выглянул на улицу, а я остался стоять на месте. Негоже мне было вмешиваться в его дела. — Никого, — сообщил Рэндом спустя несколько минут. — Похоже, мы всех уложили.

Задвинув плотные оранжевые шторы, он стал двигать к окну тяжелую мебель, а я тем временем обыскал трупы.

Документов я не обнаружил, что, впрочем, было неудивительно.

— Вернемся в библиотеку, — предложил мой брат, закончив постройку баррикады. — Я не успел допить виски. — Мы поднялись наверх, и первым делом он повесил саблю на место, тщательно вытерев клинок. Я налил рюмки. Рэндом выпил. — Будем считать, теперь я в полной безопасности, — сказал он. — Тем более что нас трое в одной лодке.

— Похоже говоришь, — согласилась Флора.

— Господи, у меня крошки во рту со вчерашнего дня не было! — объявил он.

Флора тут же отправилась за Кармеллой, собираясь выпустить ее из заточения и распорядиться накрыть на стол в библиотеке. Не успела дверь закрыться, Рэндом резко ко мне повернулся.

— В каких вы отношениях? — спросил он.

— Стараюсь не поворачиваться к ней спиной, когда мы наедине.

— Она все еще сторонница Эрика?

— Насколько я знаю, да.

— В таком случае что ты здесь делаешь?

— Пытаюсь выманить Эрика. Он знает, что может добраться до меня, только явившись сюда собственной персоной, и мне интересно, насколько велико его желание со мной расправиться.

Рэндом покачал головой.

— Он никогда на это не пойдет. С какой стати? Пока ты здесь, а он там, для чего ему рисковать?

Ведь его позиция сильнее. И если тебе хочется что-то изменить, именно ты должен к нему отправиться.

— Я сам пришел к такому же выводу.

Глаза его сверкнули, на губах появилась знакомая ухмылка, совсем как на карте. Он провел рукой по соломенным волосам и посмотрел мне прямо в глаза.

— Собираешься рискнуть? — спросил он.

— Может быть.

— Не валяй дурака! У тебя на лице все написано! Поверь, меня не придется долго уговаривать. Я ненавижу плохой секс, но Эрика люблю еще меньше!

Я закурил сигарету, обдумывая его слова.

— Ты говоришь себе, — продолжал он. — «Можно ли верить Рэндому? Он хитер, коварен и обязательно предаст, если ему предложат более выгодную сделку». Верно? — Я кивнул. — Подумай, брат Корвин. Я, конечно, никогда не делал тебе ничего хорошего, но и плохого тоже. О, несколько злых шуток, это я признаю. Но согласись, мы лучше остальных членов нашей семьи понимали друг друга, и главное, каждый из нас занимался своими делами и не совал носа в чужие. Подумай хорошенько. Мне кажется, я слышу шаги Флоры или горничной, так что давай сменим тему разговора. Хотя нет... скорее! Надеюсь, у тебя имеется колода наших любимых фамильных карт?

Я покачал головой.

В эту минуту в комнату вошла Флора.

— Сейчас Кармелла накроет на стол, — сообщила она.

Мы выпили за предстоящий обед, и Рэндом подмигнул мне за ее спиной.

На следующее утро трупы неизвестных исчезли из гостиной, на коврах не осталось ни одного пятна крови, окно было как новое, и Рэндом объяснил, что «принял надлежащие меры». Я побоялся спросить, что он имеет в виду.

Мы одолжили у Флоры «мерседес» и поехали кататься. Пригороды Нью-Йорка показались мне до странности незнакомыми. Я никак не мог понять, что в них изменилось, но чувствовал себя неуютно. От нескончаемых мыслей у меня вновь начался приступ головной боли, и я решил ни о чем не думать и воспринимать жизнь такой, какая она есть.

Я сидел за рулем, Рэндом — рядом со мной на переднем сиденье. Я небрежно заметил, что хотел бы опять оказаться в Эмбере, и стал ждать, как он отреагирует.

— Я никогда не мог понять, — последовал ответ, — что тобой руководит. Неужели только месть?

Я, конечно, мог бы промолчать, но мне хотелось завязать разговор, и поэтому я произнес свою коронную фразу:

— Знаешь, кажется, я рискну.

Рэндом повернулся (до этого он смотрел в окно) и бросил на меня странный взгляд.

— Наверное, каждый из нас мечтал о власти — сказал он. — По крайней мере, чего скрывать, мне такая мысль приходила в голову и, хоть я от нее отказался, игра стоит свеч. Я понимаю, ты сейчас спрашиваешь, помогу я тебе или нет. Да, помогу. И пошлю к чертям всех остальных. — Он откинулся на спинку сиденья. — Как ты думаешь, на Флору можно рассчитывать?

— Сомневаюсь, — ответил я. — Если она будет уверена, что мы победим, то, конечно, к нам

присоединится. Но сейчас ни в чем нельзя быть уверенным.

— И потом тоже, — заявил он.

— И потом тоже, — повторил я, чувствуя, что мне необходимо с ним согласиться. Я боялся признаться, что потерял память. Мне так много надо было узнать, и не к кому было обратиться. Я сидел за рулем и думал о дурацком положении, в которое попал помимо собственной воли. — Итак, когда начнем? — спросил я.

— Когда скажешь.

Вот я и влип. Теперь уже не отделаться ничего не значащей фразой, но молчать тоже было нельзя.

— Я готов.

Он ничего не ответил и закурил сигарету, по-моему, чтобы выиграть время.

— Хорошо. — Он глубоко затянулся. — Когда ты там был в последний раз?

— Так давно, что не помню.

— Хорошо, — повторил он. — Придётся идти в обход. Сколько у нас бензина?

— Три четверти бака.

— Поверни за следующим углом налево. Может, проскочим.

Я повернул налево, и тротуары внезапно начали сыпать искрами.

— Черт! — выругался он. — Перестарался! Не пользовался этой дорогой лет двадцать.

Я продолжал править машиной, не в силах даже выругаться от изумления... Небо стало зеленым, потом розовым.

Я закусил губу, чтобы не ляпнуть чего лишнего.

Мы проехали под мостом, и небо вновь стало голубым, зато вдоль дороги появились большие желтые ветряные мельницы.

— Не беспокойся, — быстро сказал Рэндом. — Могло быть хуже.

Я заметил, что мы ехали по мощеной улице, а люди, стоявшие на обочине, были одеты более чем странно.

— Сверни направо.

Я молча повиновался.

Пурпурные облака закрыли солнце, стал накрапывать дождь, почти мгновенно превратившийся в ливень. Молния расколола небо надвое, забушевал ветер. Щетки лобового стекла работали на полную мощность, но не справлялись с потоками воды. Я включил фары и сбросил скорость.

Нам навстречу (могу поклясться) попался скачущий всадник, низко пригнувшийся в седле. Он был одет в серый плащ с поднятым воротником и широкополую шляпу, надвинутую на лоб.

Облака рассеялись, и я увидел берег моря. Дождь прекратился, и я выключил щетки и фары. На сей раз дорога была грунтовой, но я окончательно потерял ориентировку. В зеркальце заднего обзора не было видно города, который мы только что проехали. Я почти перестал удивляться и только крепче схватился за руль, проезжая мимо виселицы, на которой болтался повешенный за шею скелет, скрипуче раскачивающийся под порывами ветра.

Рэндом продолжал молча курить и смотреть в окно, а дорога тем временем свернула с берега, заворачивая за невысокий холм. Травянистая равнина без единого деревца расстилалась справа от нас, слева возвышалась гряда холмов. Небо стало темно-голубым, как вода в глубоком прозрачном озере оазиса. Я не помню, чтобы мне приходилось когда-нибудь видеть такое красивое небо.

Рэндом на секунду открыл окно, чтобы выбросить окурок, и ледяной ветер ворвался в машину, продувая салон. Я почувствовал соленый острый запах моря.

— Все дороги ведут в Эмбер, — сказал мой брат как нечто само собой разумеющееся.

И я неожиданно вспомнил, что Флоре не удалось попасть в Эмбер. Рэндом, конечно, мог посчитать меня вероломным обманщиком, не сообщившим заранее важных сведений, но я все равно решил рассказать ему о мытарствах нашей сестры. Безопасность прежде всего.

— Знаешь, — сказал я, — когда ты звонил по телефону, Флоры не было дома, и я уверен, она пыталась попасть в Эмбер, но не смогла. Дорога была закрыта.

Он засмеялся.

— Эта женщина начисто лишена воображения. Естественно, дорога сейчас закрыта. От нас потребуются все силы и умение, чтобы попасть в Эмбер, и в конце концов придется идти пешком. А Флора, видимо, решила, что ей, как принцессе, усыпят путь розами. Она набитая дура и к тому же дрянь, которая не должна жить на свете. Но это не мне решать. К сожалению... На перекрестке сверни направо...

В чем тут было дело? Я понимал, что экзотические перемены вокруг происходили благодаря каким-то действиям Рэндома, но ведь он ничего не предпринимал, только курил и смотрел в окно. Как мне узнать его секрет, ни о чем не спрашивая? А может, спросить? Но тогда он немедленно поймет, что у меня нелады с памятью, и я окажусь в полной его власти. Я свернул направо. Над нашими головами загорелось розовое солнце. Голубая пустыня простиралась на многие мили, куда хватало глаз. Ловкий фокус.

Мотор закашлял, чихнул, вновь заработал плавно.

Рулевое колесо поменяло форму, приняв вид полумесяца. Сиденье отодвинулось, автомобиль приобрел низкую посадку, а лобовое стекло чуть приподнялось.

Я опять промолчал, тем более что на нас обрушилась песчаная фиолетовая буря. Но когда она промчалась, мне не удалось сдержать возгласа изумления.

Примерно в полумиле от нас образовалась огромная пробка из машин, и я слышал, как шоферы непрерывно сигналили друг другу.

— Скинь скорость, — сказал Рэндом. — Первое препятствие.

Я скинул газ, и поднявшийся ветер вновь принялся швырять в машину тучи песка. Фары я включить не успел. Буря мгновенно улеглась, и я несколько раз моргнул, пытаясь убедиться, что не сплю.

Машины исчезли, гудки умолкли. Пустыня сыпала искрами, совсем как тротуары в Нью-Йорке, а Рэндом невнятно ругался, проклиная неизвестно кого и что.

— Злость берет, когда думаю, что поменял направление, как ему хотелось, — сказал он. — Дураку ясно, что иначе я поступить не мог.

— Эрик? — спросил я.

— Может быть. Что будем делать? Попробуем идти в обход или поедem дальше? Я не знаю, что нас ждет впереди.

— Давай поедem дальше, — предложил я. — Рискнем. В конце концов, первое препятствие мы преодолели.

— Хорошо, — пробормотал он. — Кто знает, каким будет второе?

Второе препятствие оказалось существом, другого слова мне подобрать не удалось. Оно — существо — было похоже на плавильную печь с руками, которые шарили по дороге, подбирая автомобили и отправляя их в пасть. Я ударил по тормозам.

— В чем дело? — спросил Рэндом. — Не останавливайся. Как ты собираешься проехать?

— Извини, не ожидал увидеть такую жуть, — ответил я, и он бросил на меня странный взгляд, а за окнами вновь разыгралась песчаная буря.

Я понял, что сморозил глупость.

Когда небо посветлело, мы опять катились по пустынной грунтовой дороге. В отдалении сверкали купола башен.

— По-моему, я его надул, — сказал Рэндом. — Пришлось закрутить несколько отражений в одно, этого он никак не мог предвидеть. Нельзя закрыть все дороги в Эмбер.

— Что верно, то верно, — согласился я, пытаюсь несколько сгладить впечатление, которое произвела на него моя неосторожная фраза.

Я стал думать о Рэндоме. Несмотря на щедушный вид, он обладал огромной силой, и не только физической. В чем она заключалась? О каких отражениях он все время говорил? Я не сомневался, что в настоящий момент мы путешествовали по этим самым отражениям и что Рэндом, спокойно куривший сигарету, был виновником перемен, происходивших вокруг. Изредка он бормотал себе под нос, что где-то надо прибавить, а где-то отнять, как будто Вселенная была одним большим уравнением, и неожиданно я понял, что Рэндом действительно оперирует пространством, надеясь очутиться в удивительном мире под названием Эмбер. Более того, я твердо знал, что когда-то обладал той же силой, которая вернется ко мне не раньше, чем я вспомню свое прошлое.

Но я не мог вспомнить.

Дорога резко вернула, пустыня закончилась: мы ехали вдоль полей, заросших высокой голубой травой. Через некоторое время показались холмы, и у подножья третьего из них грунтовая дорога перешла в проселочную — ухабистую грязную и с колючим кустарником по обочинам.

Прошло еще полчаса, и мы очутились в загадочном лесу квадратных деревьев с огромными дуплами и причудливо изрезанными пурпурными листьями. Начал накрапывать мелкий дождик, сгустились сумерки. От мокрой земли поднимался пар. Справа от нас завыл какой-то зверь.

За короткое время руль поменял форму три раза, в последнем варианте превращаясь в деревянный шестиугольник. Автомобиль стал большим и высоким, а на его капоте неведомо откуда появилось украшение в виде фламинго. На сей раз я воздержался от каких-либо высказываний и молча подвинул неудобное сиденье вперед. Рэндом, однако, неодобрительно посмотрел на руль, покачал головой, и неожиданно деревья стали выше, ветви опутала паутина, гроздь лиан опустились до самой земли, а машина приобрела почти прежний вид. Я посмотрел на датчик бензина: осталось меньше половины бака.

Ухабистая дорога превратилась в асфальтовое шоссе. Рядом с ним текли искусственные каналы с грязной водой, по которой плыли листья, ветки и разноцветные птичьи перышки. Внезапно я ощутил непривычную легкость во всем теле, у меня закружилась голова, и в ту же секунду я услышал голос Рэндома:

— Дыши медленнее и глубже. Я попробую пойти напрямик, так что атмосфера и гравитация изменятся. Нам везет до неприличия. Будем ковать железо, пока горячо, и попробуем подъехать как можно ближе к Эмберу.

— Неплохо придумано, — согласился я.

— Как знать, — задумчиво произнес он. — По крайней мере, игра стоит све... Осторожнее!

На вершине холма показался грузовик, несущийся нам навстречу по правой стороне дороги. Я резко свернул влево, пытаюсь избежать столкновения, но шоферу грузовика, видимо, пришла в голову та же мысль, и мы одновременно оказались на встречной полосе движения. Мне пришлось вывернуть руль до упора. «Мерседес» влетел в кювет, и я едва справился с управлением: еще чуть-чуть, и машина свалилась бы в канал.

Грузовик завизжал тормозами и остановился. Я попытался дать задний ход, чтобы выбраться на шоссе, но колеса прочно застряли в мягкой грязи и даже не пробуксовывали. Затем послышался звук хлопнувшей дверцы, и разъяренный водитель выскочил из грузовика с правой стороны, а это означало, что аварийную ситуацию создал я, и никто другой. Само собой, в Соединенных Штатах не было левостороннего движения, как в Англии, но я давно уже не сомневался, что покинул землю, которую знал.

Грузовик оказался автоцистерной, на борту которой большими красными буквами было написано ГУНОКО, а внизу, буквами помельче, «Мы едем по всему миру». Я вышел из «мерседеса» и попытался извиниться перед подошедшим шофером, но на меня обрушился поток брани. Он был здоровенным детиной, почти с меня ростом, но гораздо шире в плечах, и в руке держал большой гаечный ключ.

— Послушайте, я ведь извинился, — сказал я. — Что еще надо? Люди, кажется, не пострадали, и машины тоже.

— Таких, как ты, нельзя подпускать к рулю на пушечный выстрел! — заревел он. — Из-за тебя...

Дверца «мерседеса» распахнулась, и к нам присоединился Рэндом. В руке он держал пистолет.

— Убирайся! — коротко бросил он, глядя на водителя грузовика.

— Спрячь пистолет. — Я посмотрел на Рэндома, но он не обратил на мои слова ни малейшего внимания и щелкнул предохранителем.

Несчастный шофер побледнел как полотно и, бросив гаечный ключ, повернулся и побежал со всех ног, а мой брат тщательно прицелился в удаляющуюся спину. Я едва успел ударить его по локтю, когда раздался выстрел. Пуля ударилась об асфальт и рикошетом отлетела в сторону.

Лицо Рэндома побелело от гнева.

— Черт бы тебя побрал! — воскликнул он. — Я мог попасть в бак с бензином!

— Ты мог попасть в шофера.

— Ну и что? Вряд ли мы воспользуемся этой дорогой раньше, чем у них сменится несколько поколений. Этот ублюдок осмелился оскорбить принца Эмбера! Когда я стрелял, то думал о твоей чести!

— Я сам в состоянии защитить свою честь! — холодно ответил я, почувствовав ни с чем не сравнимую ярость, и внезапно услышал свой голос как бы со стороны. — Потому что он был мой, и в моей власти было решать, казнить его или миловать.

И Рэндом опустил голову.

— Прости меня, брат, — еле слышно сказал он. — Прости, что осмелился вмешаться в твои дела. Но я не сдержался, когда услышал, как он с тобой разговаривает. Я понимаю, что должен был подождать или по крайней мере спросить твоего разрешения, прежде чем действовать.

— Хорошо. — Я помолчал, прислушиваясь к шуму мотора удаляющегося грузовика. — Давай попробуем выбраться на шоссе и, если получится, поедem дальше.

Задние колеса увязли в грязи примерно до середины дисков, и пока я смотрел на них, пытаюсь что-нибудь придумать, Рэндом меня окликнул.

— Порядок. Я взялся за передний бампер, а ты берись сзади. Только не забудь поставить машину на левую полосу движения.

Он не шутил.

Правда, Рэндом что-то говорил о меньшей гравитации, но она практически не ощущалась. К тому же, хоть я и чувствовал себя достаточно сильным, мысль о том, что «мерседес» можно поднять за задний бампер, казалось мне дикой.

Однако иного выхода не было. Рэндом мог потерять терпение и спросить, почему я мешаю, а мне все еще не хотелось говорить ему о странных провалах в моей памяти.

Так что я наклонился, ухватился поудобнее, выдохнул воздух и напряг мускулы ног. С чавкающим звуком задние колеса вырвались из мокрой грязи. Я держал задний конец машины примерно в двух футах над землей! Это было тяжело, черт побери! Это было тяжело, но оказалось возможным!

С каждым шагом я увязал в грязь дюймов на шесть, но тем не менее я нес машину, и Рэндом тоже.

Мы поставили ее на шоссе, и кузов качнулся на амортизаторах. Затем я снял ботинки, вылил из них воду, вытер пучком травы, выжал носки, отряхнул и закатал манжеты брюк, бросил ботинки с носками на заднее сиденье и сел за руль босиком.

Рэндом устроился рядом и хлопнул дверцей.

— Послушай, — сказал он. — Я еще раз хочу принести извинения за...

— Прекрати, — перебил я. — Инцидент исчерпан.

— Но мне не хочется, чтобы наши отношения испортились.

— Они не испортятся. Но впредь постарайся сдерживать свой пыл, если тебе захочется кого-нибудь убить в моем присутствии.

— Я обещаю! — торжественно заявил он.

— Тогда поехали дальше.

Мы промчались по каньону, окруженному высокими скалами, и очутились в городе, который, казалось, был выстроен из стекла или стеклозаменителя. Высокие здания выглядели хрупкими и непрочными, а жители — прозрачными, и розовое солнце высвечивало их внутренние органы и остатки недавних обедов. Они останавливались и глазели на машину, собираясь толпами на перекрестках, но ни один не попытался остановить нас или перейти улицу.

— Так рождаются легенды, — заметил Рэндом.

Я кивнул.

Дорога закончилась, превращаясь в гладкую поверхность, похожую на сплошной лист силикона, который постепенно сузился и вновь превратился в шоссе, протекающее вдоль болот — топких, бурого цвета и вонючих. Могу поклясться, что в одном из них копошился диплодок, укоризненно посмотревший нам вслед. Затем над машиной, громко хлопая крыльями, пронеслось нечто похожее на огромную летучую мышь, а на бирюзовом небе засверкало золотое солнце.

— У нас осталось четверть бака бензина, — сказал я.

— Хорошо, — Рэндом откинулся на спинку сиденья. — Останови машину. — Я нажал на тормоз и вырулил на обочину. Он молчал довольно долго и лишь минут через пять-шесть удовлетворенно кивнул. — Вперед! — Мы проехали по шоссе около трех миль, и путь нам преградила стена из отесанных бревен, которую я стал объезжать, пока не уперся в большие ворота. — Посигналь, — уверенно произнес Рэндом. — Здесь мы будем в полной безопасности.

Я посигналил, и вскоре деревянные ворота заскрипели на ржавых железных петлях и распахнулись настежь.

Я въехал внутрь и увидел слева от себя бензоколонку, ничем не отличающуюся от тех, которыми много раз пользовался при менее загадочных обстоятельствах. Из небольшого служебного домика вышел человек, толстый, как пивная бочка, с широченными плечами и носом, похожим на клубничину.

— Бензин? — лаконично спросил он.

— Да, — Я кивнул. — Стандартный. Залейте полный бак.

— Поставьте машину к этой колонке. — Толстяк махнул рукой.

Я повернулся к Рэндому.

— Послушай, а наши деньги здесь примут?

— А ты взгляни на них. — Я открыл бумажник и увидел, что он туго набит оранжевыми и желтыми купюрами с римскими цифрами по углам и буквами Д. Р. Рэндом ухмыльнулся. — Не беспокойся, я ничего не забыл.

— Прекрасно. Между прочим, я проголодался.

Мы стали оглядываться по сторонам, и почти сразу же я увидел рекламный щит с изображением человека, продающего жареного цыпленка, и указателем, как проехать в кафе. Реклама горела неоном.

Земляничный нос вынул шланг из бака, демонстративно подождав, пока немного бензина плеснет на землю, подошел к нам и сообщил:

— Восемь Драгм Регумз.

Я покопался в бумажнике и протянул ему одну бумажку в V Д. Р. и три по I Д. Р.

— Спасибо. — Он сунул деньги в карман. — Проверить масло и воду?

— Да.

Он долил в радиатор немного воды, сказал, что уровень масла в норме, протер лобовое стекло грязной тряпкой и ушел в свой домик.

Мы отправились в кафе под названием «Кенни Руа», где нам подали «Тонкое чаше жареных ципляч» и большой кувшин пива. Затем мы помылись прямо на улице и, вновь усевшие в машину, поехали к воротам, которые открыл человек с алебардой через левое плечо.

Силиконовая дорога уходила вдаль, и, проехав несколько миль, мы увидели динозавра. Он неодобрительно на нас посмотрел, остановился в нерешительности и свернул налево. Над машиной пролетели еще три птеродактиля.

— Мне больно отказываться от неба Эмбера, — произнес Рэндом, и я утвердительно кивнул, хотя понятия не имел, о чем он говорит. — Но я боюсь рисковать. Нас может разнести в клочья.

— Ты прав, — согласился я.

— С другой стороны, здесь мне тоже не нравится.

Я опять кивнул, и мы продолжали ехать вперед, а силиконовая дорога кончилась, уступив место мощеной.

— Что ты собираешься предпринять? — рискнул спросить я.

— Небо у нас есть, теперь попробую изменить местность.

И мощеная дорожка исчезла. Под каменистой равниной изредка проглядывала черная земля. Еще через несколько минут на нашем пути стали попадаться островки зелени. Их было совсем немного, но такую ярко-зеленую траву я видел первый раз в жизни.

Островков становилось все больше и больше, и вскоре появились первые деревья, а затем показался лес.

Но какой лес!

Я и представить себе не мог, что на свете существуют деревья такие могучие и величавые, изумрудно-зеленого цвета с вкраплениями золота. Они подавляли своим присутствием, царили над окружающим миром. Я увидел огромные сосны, дубы, клены и множество деревьев, названий которых не знал. В их ветвях шелестел ветерок, и, чуть приоткрыв окно, я почувствовал фантастически нежный, приятный аромат, который хотелось вдыхать, не переставая. Я опустил стекло до конца.

— Арденнский лес, — сказал человек, который был моим братом, и я знал, что он говорит правду, и по-доброму завидовал его знаниям, не имея возможности пользоваться своими.

— Брат, ты все делаешь правильно, — невольно вырвалось у меня. — Даже лучше, чем я ожидал. Спасибо тебе.

Мои слова привели его в некоторое замешательство, и мне показалось, что для него в диковинку слышать слова благодарности от кого-либо из родственников.

— Я делаю все, что в моих силах, — ответил он, — и обещаю всегда помогать тебе, чем могу. Пока что нам неслыханно везет, даже не верится! У нас есть и небо, и лес! Осталось меньше половины пути, а мы не встретили ни одного серьезного препятствия. Ты дашь мне регентство?

— Да, — твердо сказал я, не понимая, о чем идет речь, но чувствуя внутреннюю потребность удовлетворить любую его просьбу, если это будет в моей власти.

Он кивнул.

— С тобой можно иметь дело.

Рэндом всегда был хитер, маниакально подозрителен и вечно против чего-нибудь восставал, вспомнил я. В свое время ему здорово влетало от родителей, но и они не могли с ним справиться. И внезапно я понял, что у нас были одни и те же родители, другие, чем у меня и Эрика, или у Блейза и Фионы. Об остальных я ничего не помнил.

Мы ехали по неровной лесной дороге, которой, казалось, не было ни конца ни края. Величественные деревья окружали нас со всех сторон, и я чувствовал себя на удивление хорошо и спокойно. Изредка из придорожных кустов выбегали испуганный олень или изумленная лиса. Лучи солнца пробивались сквозь листву, напоминая струны восточного музыкального инструмента. Влажный ветерок был напоен животворными ароматами. И я понял, что неоднократно скакал по Арденнскому лесу верхом, гулял в нем, охотился, лежал на спине под деревьями, закинув руки за голову и глядя в небо, взбирался по стволам великанов, перебираясь с ветки на ветку, и смотрел на вечно меняющийся зеленый мир внизу.

— Как здесь хорошо! — невольно воскликнул я, не понимая, что произнес эти слова вслух, пока Рэндом не ответил:

— Ты всегда любил Арденнский лес.

Мне показалось, что в его голосе проскользнула нотка удивления, но я не был в этом уверен.

Издали до нас донесся звук охотничьего рога.

— Увеличь скорость, — внезапно сказал Рэндом.

— Это охотничий рог Джулиана.

Я нажал на педаль газа.

Звук рога раздался еще раз, значительно ближе.

— Его проклятые гонимые раздерут автомобиль на куски, а птицы выклюют нам глаза! — воскликнул Рэндом. — Надо же было повстречаться с ним, когда он охотится! Не сомневаюсь, Джулиан с наслаждением бросит травлю любого зверя, лишь бы не упустить такой добычи, как два родных брата!

— Живи сам и не мешай жить другим — вот мой девиз, — заметил я.

Рэндом ухмыльнулся.

— Какая идиллия! Могу поспорить, ты изменишь свой девиз ровно через пять минут. — Звук рога раздался еще ближе, и мой невежливый брат выругался. — Черт!

Стрелка на спидометре застыла на отметке 75 (означающей мили в час), а ехать быстрее по лесной дороге я не решался.

Рог пропел три раза, совсем неподалеку, и я услышал слева от себя собачий лай.

— До Эмбера далеко, но практически мы находимся в реальном мире, так что в соседних отражениях не скроешься, — сказал Рэндом. — К тому же, если Джулиан действительно охотится за нами, он или его отражение настигнут нас где угодно.

— Что будем делать?

— Надеяться, что он охотится не за нами. Прибавь газу.

Звук рога раздался совсем рядом.

— Никак он едет на электричке? — иронически спросил я.

— Джулиан скачет на Моргенштерне, самом могучем и быстром коне, которого он когда-либо создал.

И, задумавшись над последней фразой Рэндома, я понял, что Джулиан действительно создал Моргенштерна, оперируя отражениями, и что непревзойденный скакун обладал силой и скоростью урагана.

Я вспомнил, что всегда боялся этого коня, и в ту же секунду его увидел.

Моргенштерн был метра на полтора выше в холке, чем любой из скакунов, мне известных; мертвый взгляд его глаз пронизывал насквозь; седая грива развевалась по ветру; копыта блестели, как полированная сталь. Он несся за нашей машиной быстрее ветра, и ноги его мелькали с такой скоростью, что их не было видно, а в седле, пригнувшись, скакал Джулиан, совсем такой, как на игровой карте: с длинной гривой черных волос, ослепительно голубыми глазами, одетый в белые доспехи.

Он улыбнулся нам и помахал рукой, а Моргенштерн вскинул голову и заржал.

Я вспомнил, что Джулиан однажды заставил своего подручного нацепить мою старую куртку и мучить коня. Вот почему он чуть не убил меня в тот день, когда мы охотились, и я спешил, чтобы освежевать оленя.

Я снова поднял стекло, надеясь, что Моргенштерн не успел учуять мой запах. Но Джулиан меня заметил, и я подумал, что теперь он наверняка не отстанет. Рядом с ним бежали штурмгончие, неслыханно живучие твари с клыками тверже стали. Они тоже были пришельцами из других отражений, потому что ни один нормальный пес не смог бы выдержать такой убийственной гонки. Правда, слово «нормальный» никак не подходило к миру, в котором я оказался.

Джулиан сделал нам знак остановиться, и я посмотрел на Рэндома, который пожал плечами и ответил на мой безмолвный вопрос:

— Если мы не остановимся, он нас уничтожит.

Я нажал на тормоз, сбросил газ и остановился посередине дороги.

Моргенштерн присел на задние ноги, перемахнул через машину одним прыжком и ударил копытами о землю. Собаки кружили неподалеку, высунув языки и тяжело дыша. Бока лошади тоже вздымались и блестели от пота.

— Какой сюрприз! — медленно, с ленцой в голосе, произнес Джулиан, и большой орел с черно-зеленым оперением, круживший в небе, опустился и уселся ему на плечо.

— Вот именно, — согласился я. — Как дела?

— Как обычно, — небрежно ответил он. — Лучше не бывает. Надеюсь, у вас с братом Рэндомом тоже все в порядке?

— Жизнь бьет ключом, — сказал я, а Рэндом кивнул и добавил:

— Я думал, в столь беспокойные времена ты найдешь себе занятие поважнее охоты.

— Я испытываю наслаждение, загоняя зверя, — последовал ответ. — К тому же мне постоянно приходится думать о родственниках. — Я почувствовал, как по моей спине побежали мурашки. — Я даже представить себе не мог, что в машине окажутся два моих брата. Ведь насколько я понимаю вы не катаетесь ради удовольствия, а куда-то спешите, скажем, в Эмбер? Да или нет?

— Да. — Я не стал лгать. — Могу я полюбопытствовать, почему ты здесь, а не там?

— Эрик послал меня вести наблюдение за дорогой, — спокойно ответил он, и моя рука невольно потянулась к одному из пистолетов, заткнутых за пояс. Не знаю почему, но я неожиданно подумал, что пуля не пробьет его доспехов, и решил в случае опасности стрелять в Моргенпггерна. — Ну что ж, братья, — сказал Джулиан, улыбаясь. — Я рад, что вы вернулись, и хочу пожелать вам доброго пути. До встречи. — Он резко развернул коня и поскакал в лес.

— Давай уберемся отсюда подобра-поздорову! — воскликнул Рэндом, как только Джулиан скрылся из виду. — Либо он постарается устроить засаду, либо опять начнет преследование. — И с этими словами Рэндом вытащил из-за пояса пистолет и положил его на колени.

Минут через пять, в течение которых я ехал довольно медленно и почти успокоился, раздался звук охотничьего рога.

Я увеличил скорость, зная, что Джулиан все равно нас догонит, но пытаюсь выиграть время и оторваться от него как можно дальше. Нас заносило на виражах, мы проносились мимо небольших холмов и долин, и однажды я чуть было не наехал на оленя, но умудрился проскочить по самой обочине, избежав столкновения.

Звук рога становился все слышнее, и Рэндом начал ругаться вполголоса. Я неожиданно подумал, что Арденнский лес закончится еще не скоро, и эта мысль не принесла мне успокоения.

Мы очутились на довольно прямом участке пути, и примерно минуту я вел машину с предельной скоростью. Звук рога отдалился, но затем дорога сузилась, стала петлять, и мне пришлось скинуть газ. Джулиан вновь начал нас догонять.

Примерно через шесть минут я увидел его в зеркальце заднего обзора. Собаки, окружившие Моргенштерна, прыгали и бешено лаяли.

Рэндом опустил боковое стекло и, выждав некоторое время, стал стрелять.

— Черт бы побрал эти доспехи! — воскликнул он. — Уверен, что попал в Джулиана дважды, а он даже не покачнулся!

— Мне бы не хотелось убивать коня, — сказал я, — но все же попробуй. Иного выхода нет.

— В него я тоже стрелял, — ответил Рэндом, с отвращением швыряя пистолет на пол и вынимая из-за пояса другой. — Но либо я никудышный стрелок, либо правду говорят, что Моргенштерна можно убить только серебряной пулей.

Из последней обоймы, однако, он не потратил даром ни одного патрона и уложил шестерых псов, но их осталось по меньшей мере две дюжины.

Я дал ему один из своих пистолетов, и еще пять собак прекратили нас преследовать.

— Последнюю обойму, — заявил Рэндом, — я приберегу для головы Джулиана, если он подскочит достаточно близко!

Наши преследователи находились футах в пятидесяти от машины, и это расстояние все время сокращалось. Я прикинул в уме их скорость и резко ударил по тормозам. Несколько собак не успели отпрыгнуть, но Джулиан внезапно исчез, и на какое-то мгновение огромная тень затмила солнце.

Моргенштерн перемахнул через «мерседес» одним скачком, и всадник круто развернул его в нашу сторону, а я тут же надавил на педаль газа, бросая машину вперед. Моргенштерн величественно поднялся в воздух и опустился на обочину дороги. В зеркальце я видел, как две собаки уцепились за задний бампер, оторвали его и снова ринулись в погоню. Три гончие валялись мертвыми на земле, но их оставалось еще пятнадцать-шестнадцать.

— Неплохо, — сказал Рэндом. — Но тебе повезло, что они не кинулись на колеса. От резины полетели бы клочья. Наверное, им никогда не приходилось загонять такого зверя, как автомобиль.

Я отдал ему свой последний пистолет, тот самый, из которого только вчера в нас стреляли бандиты.

— Постарайся убить как можно больше собак.

Он расстрелял обойму спокойно и со снайперской точностью, и псов стало на шесть меньше.

А Джулиан скакал рядом с машиной, и в руке его была шпага.

Я громко посигналил, надеясь спугнуть Моргенштерна, но он и ухом не повел, а когда я резко свернул руль в сторону, грациозно отпрыгнул и избежал столкновения. Рэндом низко пригнулся, положив пистолет на согнутую в локте левую руку и целясь в Джулиана.

— Не стреляй, — попросил я. — Попробую взять его живым.

— Ты сумасшедший, — ответил он, но пистолет опустил, а я вновь резко ударил по тормозам и, как только машина остановилась, распахнул дверцу и выскочил... О, черт! я ведь был босиком! Проклятье!

Я нырнул под удар шпаги, схватил Джулиана за руку и рванул на себя что было сил, выбивая из седла. Он успел ударить меня бронированным кулаком по голове, так что искры из глаз посыпались, но своего я добился.

Оглушенный падением, Джулиан лежал, ничего не соображая, а вокруг прыгали псы, и Рэндом отбивался от них ногами. Я подобрал шпагу и приставил ее к горлу Джулиана.

— Прикажи собакам убраться, — крикнул я, — или я пригвозжу тебя к земле!

Он что-то резко произнес, и штурмгончие отбежали, недовольно ворча. Рэндом держал Моргенштерна под уздцы, но конь мотал головой и пытался вырваться.

— Итак, дорогой брат, что ты можешь сказать в свое оправдание? — спросил я.

— Если хочешь меня убить, не тяни, — ответил он.

— Я убью тебя, когда мне заблагорассудится. — Сам не знаю почему, но я испытывал чувство глубокого удовлетворения, глядя на комья грязи, прилипшие к его безупречно чистым, белым доспехам. — А теперь скажи, что ты дашь за свою жизнь?

— Все, что у меня есть, и ты это знаешь.

Я отступил на шаг.

— Садись в машину на заднее сиденье.

Он молча повиновался, и я на всякий случай отобрал у него кинжал. Рэндом сел на свое место рядом со мной, но направил дуло пистолета на голову Джулиана.

— Почему бы тебе не убить его? — спросил он.

— Думаю, он еще пригодится. Во-первых, мне многое надо узнать, а во-вторых, нам предстоит долгий путь.

Я включил зажигание, и «мерседес» плавно тронулся с места. Гончие дружно припустили за машиной. Моргенштерн скакал рядом.

— Боюсь, как заложник я ничего не стою, — заметил Джулиан. — А если ты будешь меня пытаться, я не скажу больше, чем знаю, а знаю я совсем немного.

— Вот и начни с того, что знаешь, — предложил я.

— Когда положение усугубилось, — сказал он, — позиция Эрика была самой сильной, ведь он остался в Эмбере. По крайней мере, я посчитал именно так и предложил ему свои услуги. Если бы на его месте оказался один из вас, я, вероятно, сделал бы то же самое. Эрик поручил мне охранять Арденнский лес, через который протекает основная дорога в Эмбер. Жерар контролирует южные подступы. Каин — в северных водах.

— А Бенедикт? — спросил Рэндом.

— Понятия не имею. Может, он с Блейзом. А может, на одном из отражений и просто не знает, что произошло. Я не удивлюсь, если его вообще нет в живых. Слишком много лет прошло с тех пор, как я в последний раз видел Бенедикта.

— Какое количество войск ты держишь в Арденне? — спросил Рэндом.

— Тысячу человек. Убежден, что за нами наблюдают даже сейчас.

— И если они не хотят, чтобы ты скоропостижно скончался, им придется ограничиться одними наблюдениями, — заметил Рэндом.

— Ты, как всегда, прав. — Джулиан повернулся в мою сторону. — Должен признаться, Корвин, ты поступил очень разумно, оставив меня в живых. Теперь тебе удастся беспрепятственно проехать через лес.

— Ты говоришь так потому, что очень хочешь жить, — ответил Рэндом.

— Конечно, я хочу жить. Ведь вы меня не убьете?

— А как ты думаешь?

— Но ведь я рассказал все, что знал!

Рэндом рассмеялся.

— Ты не сказал ничего существенного, и я убежден, что пытка развязала бы твой язык. К счастью, еще не поздно. Можно остановить машину в укромном месте и исправить это маленькое упущение. Что скажешь, Корвин?

— Там видно будет. Где Фиона?

— По-моему, где-то на юге, но точно не знаю.

— А Дейдра?

— Тоже не знаю.

— Льювилла?

— В Рембэ.

— Хорошо. — Я кивнул. — Мне кажется, ты действительно сказал все, что знал.

— Да.

Мы продолжали ехать в полном молчании, и постепенно лес начал редеть. Штурмгончие и Моргенштерн давно отстали, но орел Джулиана все еще парил высоко в небе. Дорога круто завернула, поднимаясь к узкому перевалу между двумя пурпурными горами.

— Удобное место для засады, — заметил Рэндом.

— Похоже говоришь, — отозвался я. — Что скажешь, Джулиан?

Он вздохнул.

— Скоро подъедем к заставе. Но думаю, осложнений не предвидится.

Осложнений не было. Когда я посигналил у ворот, к нам вышел стражник в зеленой с коричневым кожаной куртке и шпагой наголо. Я небрежно указал большим пальцем сжатой в кулак руки на заднее сиденье и спросил:

— Понятно?

Ему было понятно, и нас он тоже узнал, а посему поспешил распахнуть ворота настежь и даже отдал честь, когда мы проезжали мимо.

Мы миновали еще две заставы, и орел отстал где-то по пути. Высоко в горах, на высоте в несколько тысяч футов, я остановил машину. Справа от нас гигантская скала уходила в небо, слева — зияла пропасть.

— Выходи, — сказал я Джулиану. — Пришла пора размять ноги.

Он побледнел.

— Я не стану унижаться, вымаливая у тебя свою жизнь.

И вышел из машины.

— Эх, опять не повезло! — огорченно воскликнул я. — Передо мною так давно никто не унижался! Обидно, право. Ну что ж, подойти к обрыву и встань вот здесь... еще ближе, пожалуйста. — И Рэндом прицелился ему в голову. — Совсем недавно, — продолжал я, — ты говорил, что предложил бы помощь всякому, кто оказался бы на месте Эрика.

— Да.

— Посмотри вниз. — Он молча повиновался, но думаю, мало что увидел. — Хорошо. Запомни свои слова на тот случай, если произойдут какие-нибудь перемены. И запомни, кто подарил тебе жизнь, хотя любой другой на моем месте ее бы отнял. Поехали, Рэндом. Нам пора.

Джулиан остался стоять на краю пропасти. Он тяжело дышал, и брови его были сдвинуты.

Когда мы добрались до вершины перевала, бензин почти кончился. Я поставил передачу на нейтральную, выключил мотор, и машина покатила вниз.

— Я сейчас думаю о том, — сказал Рэндом, — что ты не потерял былой прозорливости и проницательности ума. Я, наверное, все же убил бы Джулиана за то, что он попытался сделать. Но ты поступил правильно. Мне кажется, он нас поддержит, если удастся взять верх над Эриком, а тем временем, естественно, доложит ему обо всем, что произошло.

— Естественно, — согласился я.

— У тебя было больше причин желать его смерти, чем у любого из нас.

Я улыбнулся.

— Эмоции неуместны в политике, юриспруденции и торговых сделках.

Рэндом закурил две сигареты и протянул мне одну из них.

И глядя сквозь сигаретный дым вниз, я увидел море, раскинувшееся под вечерним темно-голубым небом, на котором сверкало золотое солнце. Я и представить себе не мог, что такое море может существовать на свете. словно толстым слоем искрящейся пурпурной краски покрыли полотно, подумал я, и мне стало немного страшно. Неожиданно я понял, что говорю на каком-то странном языке, который тем не менее хорошо знаю. Я читал «Балладу о Мореходах», и Рэндом внимательно слушал и ждал, когда я закончу.

— Я много раз слышал, что «Балладу о Мореходах» сочинил ты, — сказал он. — Правда?

— Это было так давно, что я просто не помню.

Дорога постепенно сворачивала влево, и по мере того как мы въезжали в лесистую долину, море открывалось перед нашим взором во всем своем великолепии.

— Маяк Кабры, — сказал Рэндом, указывая рукой на большую серую башню, возвышавшуюся над водой. — Я совсем забыл о его существовании.

— Представь себе, я тоже. Какое непонятное чувство испытываешь, когда возвращаешься домой. — И тут я понял, что мы говорим не по-английски, а на Языке Тари.

Примерно через полчаса спуск закончился, и машина довольно долго катилась по инерции, прежде чем я включил зажигание. При звуке мотора стайка черных птиц выпорхнула из придорожных кустов. Серая тень, похожая на волчью, взметнулась из-за дерева и пропала. Невидимый олень, спасаясь от серой тени, умчался, ломая ветки. Мы ехали по лесистой долине, расположенной на ровном участке высокой скалы, и неуклонно приближались к морю. Перевал остался сзади и чуть справа.

Чем дальше мы въезжали в долину, тем яснее видели панораму величественных гор, марширующих, казалось, прямо к побережью, одетых в сверкающую каменную мантию, расцвеченную зелеными, розовыми и пурпурными красками, а на самом последнем и самом высоком пике висела вуаль легких облачков, пронизанная золотыми лучами солнца. Бензин почти кончился, а ехать оставалось миль тридцать пять. Я твердо знал, что этот последний пик был местом нашего назначения, и у меня защемило сердце. Рэндом, не отрываясь, смотрел в том же направлении.

— Никто ничего не украл, — пошутил я. — Скала на месте.

— Я почти забыл, — прошептал он.

Я переключил передачу и, случайно посмотрев вниз, увидел, что брюки мои как-то странно блестят. К тому же они стали обтягивать лодыжки, а манжеты исчезли. Я невольно бросил взгляд на свою рубашку.

Она превратилась в черную куртку с серебряной окантовкой и широким поясом. По внешней стороне брюк тоже шла серебряная строчка.

— Кажется, я выгляжу достаточно эффектно, — заметил я в надежде услышать объяснение Рэндома.

Он ухмыльнулся, и я неожиданно понял, что он одет в коричневые брюки с красными лампасами и оранжевую рубашку с коричневым воротником и манжетами. Коричневая фуражка с желтым козырьком лежала рядом на сидении.

— А я сидел и гадал, когда ты, наконец, заметишь, — сказал Рэндом. — Как самочувствие?

— Лучше не бывает. Кстати, бензин на нуле.

— Слишком поздно, — ответил он. — Мы находимся в реальном мире, и работа с отражениями отнимет слишком много сил, не говоря о том, что нас сразу обнаружат. Боюсь, придется бросить машину.

Ее пришлось бросить примерно через две с половиной мили. Я съехал на обочину и остановился. Закатное солнце посылало нам прощальный поклон, тени удлинились.

Я полез на заднее сиденье, за ботинками, превратившимися в высокие черные сапоги, услышал, как под ними что-то звякнуло, и увидел относительно тяжелую серебряную шпагу в ножнах, ремешки которых идеально подходили к петлям на моем поясе. Рядом с сапогами лежал черный плащ с брошью-застежкой в форме серебряной розы.

— Ты, наверное, думал, что расстался с ними навсегда? — спросил Рэндом.

— Честно говоря, да.

Мы вышли из машины и пошли по дороге. Вечер был прохладен, воздух напоен терпкими ароматами. Солнце садилось, и на небе начали появляться первые звезды. Рэндом первым нарушил молчание.

— Не нравится мне это, — сказал он.

— Что ты имеешь в виду?

— Наше непонятное везение. Мы беспрепятственно добрались до Арденнского леса и проехали его, хоть Джулиан и сделал попытку нас остановить. Я начинаю подозревать, что нам намеренно позволили проникнуть в стан врага.

— Мне пришла в голову та же мысль, — солгал я. — Как ты думаешь, что это может значить?

— Боюсь, нас гонят, как зверей, прямо на охотника. По-моему, здесь дело нечисто.

Несколько минут мы шагали в полном молчании, затем я спросил:

— Может, засада? Послушай, как тихо в лесу.

— Не знаю.

Мы прошли мили две, и солнце скрылось за вершинами гор. Ночь была темной, небо усыпано бриллиантами звезд.

— Мы избрали самый неподходящий способ передвижения, — заметил Рэндом.

— Не спорю.

— И все же я боюсь вызвать лошадей.

— Я тоже.

— А как ты сам оцениваешь обстановку? — спросил он.

— По-моему, дело дрянь. У меня такое ощущение, что за нами следят.

— Может, уйти с дороги?

— Мне пришла в голову та же мысль, — вновь солгал я. — По крайней мере, если мы свернем в лес, хуже не будет.

Мы свернули в лес.

Нас окружали деревья, валуны причудливой формы, высокий кустарник. А по небу плыла серебряная луна, похожая на большую лампаду, освещавшую ночь.

— Меня не оставляет чувство, что наша затея обречена на провал, — сказал Рэндом.

— Ты веришь своим чувствам?

— Вполне.

— Что тебя беспокоит, брат?

— Слишком быстро мы очутились рядом с Эмбером. Мне это не нравится. Назад дороги нет, а управлять отражениями в реальном мире невозможно. Нам остается рассчитывать лишь на наши шпаги. — (На его поясе висела короткая, с орнаментом на ножнах, шпага.) — И я считаю, мы очутились здесь не против воли Эрика, а согласно задуманному им плану. Сделанного не воротишь, так что говорить тут не о чем, но я предпочел бы, чтобы нам пришлось сражаться за каждый дюйм пути.

Мы прошли еще около мили и остановились покурить, тщательно прикрывая огоньки сигарет ладонями.

— Какая прекрасная ночь, — сказал я, обращаясь к Рэндому и прохладному ветерку.

— Да... что это?

Позади нас в кустах зашуршало, и он мгновенно выхватил шпагу из ножен. Мы подождали несколько минут и, не заметив ничего подозрительного, пошли дальше.

Спустя некоторое время я услышал непонятное шуршание впереди.

Я посмотрел на Рэндома, и он кивнул, после чего мы стали двигаться медленнее и с большей осторожностью.

Посторонние звуки прекратились, но справа от нас, довольно далеко, мерцал слабый свет, похожий на огонь костра. Я махнул рукой в его сторону, и Рэндом пожал плечами, молча углубляясь вслед за мной в лес.

Примерно через час мы оказались рядом с лагерем. Вокруг костра сидели четыре человека, еще двое спали неподалеку. Девушка, привязанная к дереву, смотрела в противоположную сторону, но когда я увидел ее фигуру, у меня защемило сердце.

— Неужели... — прошептал я.

— Да, — ответил Рэндом. — Это она.

Затем девушка повернула голову, и я сразу ее узнал.

Дейдра!

— Интересно, что натворила эта ведьма? — пробормотал Рэндом. — Судя по форме солдат, ее ведут в Эмбер.

Я посмотрел на красное и коричневое, с серебряной нитью, обмундирование и вспомнил (не только по портрету на карте), что Эрик предпочитал эту расцветку любой другой.

— Коль скоро она понадобилась Эрику, он ее не получит, — сказал я.

— Лично мне Дейдра глубоко безразлична, — заметил Рэндом, — но тебе она всегда нравилась, так что...

Он выхватил шпагу из ножен.

Я последовал его примеру.

— Приготовиться, — прошептал я, выпрямляясь во весь рост. И мы кинулись в атаку.

Все сражение заняло минуты две, не больше. Она смотрела на нас, и свет костра превращал ее лицо в непрерывно меняющуюся маску. Она смеялась, и плакала, и выкрикивала наши имена громким испуганным голосом, а потом я перерезал стягивающие ее тело веревки и помог подняться на ноги.

— Здравствуй, сестра. Не хочешь ли пойти с нами в Эмбер?

— Нет, — сказала она. — По правде говоря, мне хочется сохранить жизнь, которую вы только что спасли. Можно подумать, я не знаю, зачем вы идете в Эмбер.

— Разыгрывается трон, — сообщил Рэндом (что было для меня новостью), — и мы — заинтересованные стороны.

— Если у вас осталась хоть капля разума, вы откажетесь от участия в этой игре, зато будете жить долго и счастливо.

Дейдра выглядела утомленной, на ее лице и руках засохла грязь, но боже! до чего она была красива!

Я обнял ее, потому что мне так захотелось, и прижал к груди. Рэндом отыскал мех с вином, и мы с удовольствием выпили.

— Эрик — единственный повелитель Эмбера, — сообщила Дейдра, — и войска ему преданы.

— Я не боюсь Эрика, — сказал я и вдруг понял, что не уверен в своих словах.

— Он никогда не позволит тебе вернуться в Эмбер, — продолжала она. — Я тоже была пленницей, но два дня назад удрала подземным ходом и решила скрыться на одном из отражений, чтобы не мозолить глаза остальным. К сожалению, я не успела уйти из реального мира. Солдаты арестовали меня сегодня утром и вели обратно, чтобы передать с рук на руки своему господину. Может, он решил со мной расправиться, хотя в Эмбере я играла роль марионетки, не более. Думаю, Эрик будет взбешен, когда узнает, что мне удалось бежать. Впрочем, я ни в чем не уверена.

— А где Блейз? — спросил Рэндом.

— Он посылает из отражений невиданных чудовищ, которые не дают Эрику спать спокойно. Но Блейз ни разу не атаковал всеми силами, так что остается только гадать, кому достанутся корона и скипетр, хоть Эрик и держит бразды правления в своих руках.

— Понятно? А нас он когда-нибудь вспоминал?

— Тебя — нет, Рэндом. Корвина — часто. Эрик все еще боится, что Корвин вернется в Эмбер. Следующие пять миль можно пройти относительно спокойно, но потом — каждая пядь пути грозит смертельной опасностью. Каждый камень — ловушка, за каждым деревом — засада. Эрик хорошо подготовился к встрече с Блейзом и Корвином. Он наверняка хотел, чтобы вы подошли вплотную к Эмберу, ведь, с одной стороны, отсюда невозможно бежать на отражения, а с другой — почти каждый ваш шаг становится известен. Никто не может пробраться в Эмбер незамеченным.

— Но тебе удалось бежать.

— Ну и что? Во-первых, я покинула город, а не пыталась в него проникнуть. Во-вторых, Эрик не следил за мной, как за вами; я — женщина и лишена имперских амбиций. И в-третьих, меня все равно поймали, чему вы были свидетелями.

— Но теперь ты свободна, сестра, — сказал я, — и останешься свободной до тех пор, пока у меня хватит сил поднять шпагу в твою защиту.

Дейдра поцеловала меня в лоб и украдкой сжала руку. Я всегда млел, когда она так делала.

— Я уверен, что за нами следят, — пробормотал Рэндом, и по его сигналу мы отступили в лес. Лежа за кустом, пристально глядя в темноту, мы возбужденно перешептывались, но так и не пришли к единому выводу. Выяснилось, что окончательное решение должен принимать именно я. Вопрос, который следовало решить, был до смешного прост: «Что делать дальше?», но я посчитал его слишком важным и понял, что больше не имел права притворяться. Я знал, что не могу доверять своим родным, даже очаровательной Дейдре, но она мне всегда нравилась, а Рэндом, не колеблясь, согласился принять участие в моих делах, так что лучше было признаться им, чем кому-либо другому. Впрочем, выбирать не приходилось.

— Дорогие мои родственники, — сказал я, — боюсь, мне придется вас огорчить.

Я не успел договорить, как рука Рэндома судорожно сжала эфес шпаги. Видимо, в нашей семье не было принято доверять друг другу. Мне показалось, я слышу его невысказанную мысль: «Корвин заманил меня сюда, чтобы предать».

— Если ты заманил меня сюда, чтобы предать, — сказал он, — живым я не дамся.

— Ты шутишь? — сердито спросил я. — Мне нужна твоя помощь, а не жизнь. Но тебе придется огорчиться, когда ты узнаешь, что я ровным счетом ничего не понимаю. Я, конечно, догадываюсь, где мы находимся и почему скрываемся от солдат. Я смутно помню, что такое Эмбер. Но если быть до конца откровенным, я даже не знаю, кто я такой.

После довольно продолжительного молчания Рэндом прошептал:

— Что ты хочешь этим сказать?

— Вот именно, — вставила Дейдра.

— Я хочу сказать, что мне удалось вас одурачить. Разве тебе не показалось странным, что я лишь управлял машиной, взвалив все заботы на твои плечи?

— Но ведь ты был моим начальником! — воскликнул Рэндом. — Я считал, ты обдумываешь план дальнейших действий. И ты не потерял былой прозорливости. Я знаю, что ты — Корвин.

— А сам я узнал об этом всего несколько дней назад. Да, я тот, кого вы называете Корвином. Но совсем недавно я попал в автомобильную катастрофу, получил травму черепа — могу показать шрамы, когда станет светло, — и в настоящее время страдаю от амнезии. Когда вы говорите о каких-то отражениях, я не понимаю ни единого слова. Эмбер остается для меня тайной за семью печатями. Правда, я помню своих сестер и братьев, а также то, что им нельзя доверять. Вот и весь мой сказ. Что будем делать?

— О боже! — простонал Рэндом. — Да, теперь понимаю... Ответы невпопад, нелепые оговорки... Но как тебе удалось обмануть Флору?

— Повезло, — ответил я. — А может, сработало подсознание. Впрочем, Флора настолько глупа, что обмануть ее нетрудно. Но сейчас я нуждаюсь в вашей помощи.

— Как ты думаешь, отсюда можно уйти на отражения? — спросила Дейдра, и я с облегчением подумал, что теперь избавлен от необходимости отвечать на непонятные вопросы.

— Да, — сказал Рэндом, — но я — против. Мне бы хотелось видеть Корвина в Эмбере, а голову Эрика на копье. И я, пожалуй, рискну помочь правому делу, так что ни о каком бегстве не может быть речи. Если хочешь, иди одна. Все вы считали меня хвастуном и неженкой. Что ж, проживем — увидим. Но я не отступлюсь.

— Спасибо, брат, — сказал я.

— Правду говорят, что встречаться при лунном свете — дурная примета, — заметила Дейдра.

— Ты предпочла бы остаться привязанной к дереву? — спросил Рэндом, и она не нашла, что ответить.

Мы лежали за кустом, не шевелясь, и вскоре на поляну, где горел костер, вышли трое людей. Они посмотрели по сторонам, и один из них внезапно нагнулся и понюхал землю.

— Вейры, — прошептал Рэндом, и дальнейшее я увидел, как в тумане. Незнакомцы упали на четвереньки, и лунный свет как-то странно посеребрил их серые одежды. Три пары горящих глаз уставились в нашем направлении.

Я проткнул первого волка шпагой, и ночную тишину прорезал мучительный человеческий вопль. Рэндом одним ударом отсек голову второму, а Дейдра, к моему изумлению, подняла третьего волка высоко в воздух и с размаху ударила о колено, переломив ему позвоночник, словно сухую спичку:

— Скорее! — вскричал Рэндом. — Проткни их своей серебряной шпагой!

Я послушно воткнул клинок сначала в одного оборотня, потом в другого. Послышались еще два душераздирающих вопля.

— Надо уходить, — решительно заявил Рэндом. — Здесь нельзя оставаться.

Примерно через час, в течение которого мы продирались сквозь высокий кустарник, Дейдра не выдержала.

— Куда это мы идем? — спросила она.

— К морю.

— Зачем?

— Оно хранит память Корвина.

— О чем ты говоришь?

— О Ребмэ, естественно.

— Сначала тебя там убьют, а потом скормят твои куриные мозги рыбам.

— Я не пойду с вами. Мы расстанемся на берегу, а ты поговоришь с нашей сестрой.

— Ты хочешь, чтобы он вновь прошел Лабиринт?

— Да.

— Это рискованно.

— Знаю... Послушай, — обратился он ко мне, — ты честно все рассказал, и поэтому я хочу предупредить: если окажется, что ты — не Корвин, тебя ждет гибель. Но я убежден, что ты не можешь быть никем другим. Твое поведение, несмотря на потерю памяти, говорит само за себя. Рискни, поставь жизнь на карту, и если пройдешь испытание, которое мы называем Лабиринтом, наверняка все вспомнишь. Согласен?

— Не знаю, — ответил я. — Что такое Лабиринт?

— Ребмэ — призрачный город, отражение Эмбера на дне морском. То, что происходит в Эмбере, отражается в Ребмэ, как в зеркале, и живут там подданные Льювиллы. Меня они ненавидят за кое-какие грехи молодости, но если ты поговоришь с ними откровенно и, возможно, намекнешь на цель своего путешествия, думаю, они разрешат тебе пройти Лабиринт, который, хоть и является зеркальным отражением основного, ничем от него не отличается и дает власть над отражениями детям нашего отца.

— Для чего мне нужна эта власть? — спросил я.

— Чтобы понять, кто ты такой.

— В таком случае я согласен.

— Хорошо. Нам надо идти строго на юг. До Лестницы несколько дней пути... Ты пойдешь с нами, Дейдра?

— Я пойду с моим братом Корвином.

Я знал, что она так ответит, и обрадовался.

Мне было страшно, но я обрадовался.

Мы шли всю ночь. Нам удалось избежать встречи с тремя вооруженными отрядами, а наутро мы улеглись спать в пещере.

5

На заре третьего дня, едва не столкнувшись с дозорными очередного отряда, мы подошли к серо-розовому песчаному пляжу величественного моря. Нам не хотелось выходить на берег, открытый со всех сторон, и мы решили пересечь его только напротив Faiella bionin — Лестницы, ведущей в Ребмэ.

Восходящее солнце отражалось в пенящихся волнах миллиардами танцующих искр, слепящих глаза. В течение двух дней мы питались одними фруктами, запивая их водой, но я позабыл о голоде, глядя на широкое полотно оранжевого, розового и красного песка с вкраплениями ракушек, плавника и отполированных голышей. А впереди лежало море, темно-синее, золотое, пурпурное; оно вздымалось и падало, мягко волнуясь под крышей фиолетового неба, в котором пел песню легкий бриз.

Гора Колвир возвышалась милях в двадцати от нас к северу. Она глядела прямо на солнце, баюкая Эмбер в своих объятиях, как нежная мать дитя, и золотая заря закрывала город радугой, словно вуалью. Рэндом посмотрел на вершину, скрипнул зубами и отвернулся. Не помню — по-моему, я сделал то же самое.

Дейдра дотронулась до моей руки, кивнула и зашагала вдоль берега. Мы с Рэндомом отправились следом. Видимо, она знала, куда идти.

Мы прошли примерно четверть мили, и нам показалось, что земля слегка дрожит под нашими ногами.

— Стук копыт! — воскликнул Рэндом.

— Смотрите! — Дейдра запрокинула голову и указала наверх.

Над нами парил орел.

— Долго еще идти? — спросил я.

— До пирамиды, — ответила Дейдра, и примерно в ста ярдах я увидел восьмифуттовую остроконечную каменную кладку из больших серых валунов, отшлифованных временем и изъеденных водой, ветром и песком.

Стук копыт слышался все отчетливее; прозвучал сигнал рога, но не такой мощный, как у Джулиана.

— Бежим! — крикнул Рэндом.

И мы побежали.

Орел мгновенно снизился, и Рэндом отмахнулся от него шпагой. Птица поднялась ввысь и пикировала на Дейдру. Я тоже выхватил шпагу и нанес удар. Перья полетели во все стороны. Клинок наткнулся на что-то твердое, и, по-моему, орел упал, но я не стал оглядываться. От мерного стука копыт дрожала земля, рог непрерывно подавал сигналы.

Мы добежали до каменной пирамиды, и Дейдра свернула направо, к морю.

Я не стал спорить с женщиной, которая, видимо, хорошо знала, что делала, и поэтому последовал за ней, мельком увидев за своей спиной всадников.

Правда, они были достаточно далеко, но неслись по берегу во весь опор. Собаки лаяли, рог трубил, а мы с Рэндомом бежали за нашей сестрой сломя голову и вскоре очутились в волнах прибоя.

Когда мы зашли в воду по пояс, Рэндом мрачно произнес:

— Останусь я здесь или пойду с вами — конец один: меня ждет гибель.

— Первое — неизбежно, второе — непредсказуемо, — сказал я. — Оставь сомненья!

Дно под ногами было каменистым и постепенно уходило в глубину. Я не понимал, как мы будем дышать, если окажемся под водой, но Дейдра уверенно двигалась вперед, и я решил не задавать лишних вопросов.

И все же мне было страшно, а когда вода поднялась до шеи, подступив к лицу, я испугался по-настоящему.

Каждые несколько футов дно становилось ниже. Неожиданно я понял, что мы спускались по гигантской лестнице, которая называлась Faiella bionin.

Дейдра скрылась из виду. Я набрал полную грудь воздуха и, пытаясь унять бешено колотящееся сердце, шагнул вслед за ней.

Я шел по широким ступеням. Меня немного удивило, что я спускался по лестнице, словно она была на земле, и хотя мои движения замедлились, тело не стремилось всплыть и почти не испытывало сопротивления. Меня беспокоило только одно: что мне делать, когда кончится воздух в легких?

Пузыри весело булькали над головами Рэндома и Дейдры. Я попытался разглядеть, как они дышат, но ничего не понял. Вроде бы грудные клетки обоих вздымались и опускались самым естественным образом.

Когда мы оказались футов на десять ниже уровня моря, Рэндом, шедший слева, обратился ко мне, и я услышал его голос, вибрирующий, как эхо в гулкой ванной. Но слышно было хорошо.

— Не знаю, смогут ли они заставить лошадей спуститься под воду, но собаки наверняка останутся на берегу.

— Как тебе удастся дышать? — попытался спросить я, и с изумлением понял, что говорю совершенно свободно.

— Расслабься, — быстро ответил он. — Не задерживай дыхания. Пока ты не сошел с Лестницы, можешь дышать, как на земле.

— Почему? — спросил я.

— Если дойдем, узнаешь. — Голос его звенел в прохладной зеленоватой воде.

Мы спустились уже на двадцать футов, и я осторожно сделал первый вдох. Ничего страшного не произошло, и я стал дышать полной грудью. Над моей головой тоже появились пузыри, но никаких неприятных ощущений я не испытал.

Глубинное давление тоже не ощущалось. Лестница, по которой мы шли, была окутана призрачным зеленоватым туманом. Прямая, как струна, без единого поворота, она вела далеко-далеко вниз. И впереди брезжил свет.

— Если успеем пройти арку, мы спасены, — сказала моя сестра.

— Это вы спасены, — мрачно заявил Рэндом, и мне стало интересно, чем он так согрешил, что боится Ребмэ, как черт ладана. — Если солдатам придется спешиться, наверняка успеем.

— Тогда они вообще прекратят преследование, — резонно заметила Дейдра и ускорила шаг.

Мы спустились уже на пятьдесят футов ниже уровня моря. Было темно и холодно, но свет впереди стал ярче, и вскоре я увидел его источник.

Справа от меня возвышалась колонна, заканчивающаяся большим светящимся шаром. Точно такая же колонна стояла пятнадцатью ступенями ниже, но слева; далее ряд колонн уходил вниз, располагаясь в шахматном порядке. Когда мы приблизились к первой из них, заметно посветлело, а Лестница стала лучше видна: она была футов пятьдесят в ширину, ограждена каменными перилами, а ее белые ступени с зелеными и розовыми прожилками напоминали мраморные.

Мимо нас проплывали рыбы. Я оглянулся, но никого не увидел.

Стало совсем светло. Мы подошли к первой колонне, и неожиданно я понял, что она заканчивалась отнюдь не светящимся шаром. Видимо, мой мозг невольно пытался найти разумное объяснение необъяснимому, и поэтому я принял за шар пламя, которое подымалось над колонной фута на два и было похоже на факел. Я решил ни о чем не спрашивать и — да простят мне это выражение — поберечь дыхание, так как спускались мы очень быстро.

Мы шли словно по ярко освещенному бульвару и, когда миновали шесть факелов, Рэндом сказал:

— За нами гонятся.

Я оглянулся и увидел в отдалении четырех всадников в сопровождении пеших солдат.

Когда смеешься под водой и слышишь собственный смех, испытываешь странное чувство.

— Пусть гонятся! — воскликнул я, дотрагиваясь до эфеса шпаги. — Цель близка, и я знаю, что теперь ничто не сможет меня остановить!

Тем не менее мы ускорили шаг, а потом побежали, и вода по бокам слилась в одно темное чернильное пятно, а колонны мелькали с такой скоростью, что я потерял им счет. Далеко-далеко внизу показался широкий сводчатый проход.

Дейдра перепрыгивала через три ступеньки сразу, а они дрожали от стука копыт.

Солдаты спускались шеренгами, занимая пространство от одних перил до других, но были довольно далеко, в то время как четверо всадников явно приблизились.

Мы с Рэндомом бежали за Дейдрой изо всех сил, но я продолжал держать руку на эфесе шпаги.

Три, четыре, пять; у шестой колонны я оглянулся и увидел скачущих лошадей футах в пятидесяти. Солдат практически не было видно. Впереди, примерно в двухстах футах, возвышалась грандиозная арка, украшенная многочисленными изображениями тритонов, нимф, русалок и дельфинов. Она сверкала белизной, и мне показалось, что под ее сводами стояла группа людей.

— Должно быть, им не терпится узнать, в чем дело, — пробормотал Рэндом.

— Им не удастся удовлетворить своего любопытства, если мы не успеем добежать, — ответил я и, обернувшись, увидел всадников, приблизившихся еще на десять футов.

Двадцатью ступеньками ниже нам пришлось повернуться к арке спиной: вибрация зеленой воды стала настолько сильной, что мы могли погибнуть под копытами лошадей в любую минуту.

Они скакали прямо на нас, и арка находилась всего в ста футах сзади, но с тем же успехом она могла быть и в сотне миль. Прежде всего необходимо было избавиться от преследователей.

Я пригнулся, когда первый из них попытался нанести мне удар шпагой. Справа скакал второй солдат, и поэтому, естественно, я отпрыгнул влево, поближе к перилам. Теперь ему пришлось далеко отклониться в седле, чтобы до меня добраться, ведь оружие он держал в правой руке. Именно в эту секунду клинок моей шпаги вонзился ему в горло.

Фонтан крови ударил вверх и заиграл алым туманом в зеленоватом свете. Жаль, здесь нет Ван Гога, мелькнула в моей голове сумасшедшая мысль.

Лошадь без седока пронеслась мимо, а я набросился на первого всадника сзади. Он успел повернуться и отпарировать удар, но скорость, с которой он скакал, плюс сила моего удара, выбили его из седла. Когда он падал, я оттолкнул его ногой, и тело поднялось вверх. Проплывая над моей головой, он успешно отразил еще один выпад, но неожиданно оказался за пределами Лестницы. Я услышал дикий крик, и, раздавленный водой, солдат бесследно исчез.

Я посмотрел на Рэндома. Он расправился с первым всадником и убил лошадь второго. Я не успел подойти, как все было кончено: он проткнул соперника шпагой и громко засмеялся. Кровь медленно поднималась над трупами, и внезапно я вспомнил, что действительно был знаком с безумным, печальным, вздорным Винсентом Ван Гогом, который, к сожалению, никогда не сможет написать этой удивительной картины.

Мы успели. Увидев множество обнаженных шпаг, солдаты не выдержали и повернули обратно. Рэндом пробормотал: «Теперь-то мне крышка» — и мы подошли к группе людей, пришедших нам на помощь.

Моему брату немедленно приказали отдать шпагу, что он и сделал, пожав плечами. Затем двое солдат встали у него по бокам, а третий — сзади, и мы начали вновь спускаться по Лестнице.

Через пятнадцать минут, а может, полчаса (в непривычной обстановке я всегда теряю чувство времени) мы добрались до места нашего назначения.

Перед нами высились Золотые Ворота Ребмэ. Мы прошли их и очутились в городе.

Все было видно, как в зеленом тумане. Высокие хрупкие здания из разноцветного камня стояли в

определенном порядке, группами, и мой мозг, блуждающий в потемках, попытался связать воедино обрывки далеких воспоминаний. У меня ничего не вышло, и от путаницы мыслей в очередной раз заболела голова. Я только знал, что когда-то гулял по этим или таким же улицам, которые помнил и не помнил в одно и то же время.

С тех пор как у Рэндوما потребовали шпагу, он не произнес ни единого слова. Дейдра задала всего один вопрос: где Льювилла? Ей ответили, что она в Ребмэ.

Я принялся рассматривать наш эскорт. Он состоял из одних мужчин с зелеными, красными и черными волосами. Только у одного из них были фиолетовые глаза, у остальных — зеленые. Поверх брюк и коротких плащей из водорослей подводные жители носили кольчуги и пояса из ракушек; к последним были пристегнуты короткие шпаги. Никто меня не приветствовал и не задал ни одного вопроса, хотя изредка я ловил на себе любопытные и настороженные взгляды.

Мы шли по широкой городской улице, освещенной все теми же колоннами, стоявшими значительно ближе одна к другой, чем на Лестнице. Повсюду плавали пучеглазые рыбы, а люди наблюдали за нами из пятиугольных окон домов. Свернув за угол, мы попали в холодное течение, которое показалось мне легким бризом, а через несколько шагов очутились в теплом, похожем на ласковый ветерок.

Нас проводили во дворец, расположенный в центре города и знакомый мне до боли. Он был точной копией — зеркальным отражением — дворца в Эмбере, но казалось, плывал в зеленом тумане и выглядел не совсем привычно из-за большого количества зеркал, странным образом вставленных в стены торцом.

В фарфоровом зале, который я тоже помнил, на высоком троне сидела женщина, и волосы ее были зелеными с серебряной нитью, глаза овальные, как большие нефриты, а брови разлетались, как крылья чаек. У нее был маленький рот, небольшой подбородок, высокие скулы и свежие округлые щеки. Лоб ее охватывал обруч белого золота; на хрустальном ожерелье висел большой сапфир, покоящийся в углублении обнаженных грудей с зелеными сосками. На ней были брюки из морских водорослей и широкий серебристо-голубой пояс; на пальцах сверкали кольца с камнями разных оттенков голубизны; правая рука сжимала скипетр из розового коралла. Она заговорила с нами, не поздоровавшись, не поприветствовав улыбкой.

— Что ищете вы здесь, объявленные вне закона? — спросила она, и речь ее текла плавно, а голос был нежен и тих.

Дейдра ответила за всех нас.

— Мы бежим от гнева Эрика, принца, царящего в истинном городе. Я не стану ничего скрывать; наше заветное желание — лишить его власти, и если он любим здесь, мы погибли. Но я чувствую, что этого не может быть. Мы пришли просить помощи, благородная Муари...

— Я не дам войск для нападения на Эмбер, — перебила она. — Вы ведь знаете, хаос отразится в моем королевстве, как в зеркале.

— Нам не нужна военная помощь, любезная Муари, — ответила Дейдра. — Наша просьба пустячная и не доставит хлопот ни тебе, ни твоим подданным.

— Говори! Ты знаешь, что Эрик ненавистен нам так же, как этот предатель, стоящий от тебя по правую руку! — Она указала на Рэндوما, который смотрел на нее вызывающим наглым взглядом, искривив рот в презрительной усмешке.

Если ему предстояла расплата за преступление — в чем бы оно ни заключалось, — он готов был заплатить любую цену, как истинный принц Эмбера, подобно тому, как много веков назад ее заплатили три моих брата, неожиданно вспомнил я. Рэндом умрет, издеваясь над палачами и смеясь во все горло, пока не захлебнется собственной кровью, а умирая, изрыгнет проклятие, которое обязательно сбудется. И я знал, что тоже обладаю этим даром, и обязательно воспользуюсь им, когда возникнет такая необходимость.

— Я прошу не за себя, а за моего брата, Корвина, — сказала Дейдра, — брата принцессы Льювиллы, живущей в твоём дворце. По-моему, принц Корвин никогда не причинял вам вреда.

— Верно. Но почему он не попросит сам за себя?

— В том-то и дело. Мой брат не знает, о чем просить. На одном из отражений он попал в аварию и почти полностью потерял память. Мы решили посетить твое королевство, чтобы он смог вновь обрести ее, познать свое прошлое, оказать сопротивление Эрику...

— Продолжай, — произнесла женщина, сидящая на троне, и бросила на меня взгляд из-под длинных ресниц.

— В одном из уголков твоего дворца находится большая комната, куда заходят немногие. На полу этой комнаты выложен узор, который мы называем Лабиринтом. Только истинные потомки покойного короля Эмбера могут пройти его и остаться в живых, и тому, кто выдержит испытание, дается власть над отражениями. — Тут Муари несколько раз моргнула, и я невольно подумал, что она, должно быть, не одного своего подданного отправила на верную смерть в надежде овладеть тайной отражений и укрепить могущество Ребмэ. — Мы считаем, — продолжала Дейдра, — что только Лабиринт вернет принцу Корвину память. Он не может пройти его в Эмбере, а следовательно, остается Ребмэ, потому что в Tir-na Nog'th, как ты понимаешь, нам не попасть.

Муари перевела взгляд с Дейдры на Рэндома, потом посмотрела на меня.

— А Корвин готов рискнуть? — спросила она.

— Я всегда готов, госпожа, — ответил я, и тогда она улыбнулась.

— Что ж, в таком случае не возражаю. Однако за пределами моего государства я не могу гарантировать вашей безопасности.

— Ваше Величество, — ответила Дейдра, — мы не требуем никаких привилегий и, когда уйдем, сами о себе позаботимся.

— О Рэндоме, — сказала Муари, — позабочусь я.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Дейдра, так как Рэндом, естественно, не мог при сложившихся обстоятельствах говорить от своего имени.

— Ты ведь, конечно, помнишь, что Рэндом однажды был моим гостем, и я приняла его как друга, а он поторопился исчезнуть вместе с моей дочерью, Морганой.

— Всекие ходили слухи, но я не уверена ни в их достоверности, ни правдивости.

— Через месяц, — продолжала Муари, — дочь моя вернулась. А еще через несколько месяцев, родив сына, Мартина, она покончила с собой. Что ты на это скажешь, принц Рэндом?

— Ничего, — ответил мой брат.

— Мартин решил пройти Лабиринт совсем еще юношей, ведь в его жилах текла королевская кровь. Он был единственным из нас, кому это удалось. Мой внук исчез на одном из отражений, и с тех пор я его не видела. Что ты на это скажешь, принц Рэндом?

— Ничего.

— И поэтому я должна подвергнуть тебя наказанию. Ты женишься по моему выбору и будешь жить в моем королевстве ровно год, а если откажешься, готовься расстаться с жизнью. Что ты на это скажешь, принц Рэндом?

Рэндом утвердительно кивнул и ничего не ответил.

Муари ударила скипетром по подлокотнику бирюзового трона.

— Хорошо, — величественно произнесла она. — Да будет так!

Мы отправились в отведенные нам апартаменты, чтобы привести себя в порядок и отдохнуть с дороги. Через некоторое время Муари появилась в дверях моей комнаты.

— Приветствую тебя, о королева, — сказал я.

— Повелитель Корвин из Эмбера, — ответила она. — Я всегда мечтала с тобой встретиться.

— Я тоже, — солгал я.

- Твои похождения — легенда.
- Спасибо, но я все равно ничего не помню.
- Могу я войти?
- Конечно. — Я сделал шаг в сторону.

Она вошла в великолепно обставленную комнату, которую сама для меня выбрала, и присела на краешек оранжевой кушетки.

- Когда ты намерен пройти Лабиринт?
- Чем скорее, тем лучше.

Она задумалась на мгновение, потом спросила:

- Где ты был все последнее время?
- На далеком отражении, — ответил я, — которое научился любить.
- Как странно, что повелитель Эмбера обладает подобным чувством.
- Может быть, я выбрал неверное слово.
- Сомневаюсь. Баллады Корвина всегда затрагивали живые струны в моей душе.
- Госпожа слишком добра ко мне.
- Но справедлива.
- Когда-нибудь я сочиню балладу в твою честь.
- А чем ты занимался на своем далеком отражении? — спросила она.

— Помнится, я был профессиональным солдатом и дрался под знаменами того, кто мне платил. Кроме того, я сочинял музыку и песни, ставшие впоследствии популярными.

- И то и другое кажется мне вполне естественным.
- Прошу тебя, скажи, что ожидает моего брата, Рэндома?

— Он женится на девушке по имени Вайа, моей придворной даме. Она незрячая, и у нее нет поклонников.

- И ты считаешь, она будет счастлива? — спросил я.

— Выйдя замуж за Рэндома, Вайа завоюет положение в обществе, — ответила Муари, — несмотря на то что через год останется одна. Ведь кем бы Рэндом ни был, он прежде всего принц Эмбера!

- А если она его полюбит?
- Неужели на свете существует любовь?
- Я, например, люблю Рэндома как брата.

— Еще ни один принц Эмбера не произносил подобных слов, и я отношу их на счет твоего поэтического темперамента.

— И тем не менее, — продолжал настаивать я, — прежде чем решиться на подобный шаг, ты должна быть твердо уверена, что действуешь в интересах девушки.

— Я все обдумала, — сказала она, — и убеждена в правильности своего решения. Вайа оправится от удара, какой бы силы он ни был, а я сделаю ее первой придворной дамой королевства.

— Что я могу сказать? Возможно, ты права. Будь по-твоему. — Я наклонился, поцеловал ей руку и отвернулся. Мне стало грустно и обидно — за девушку, разумеется.

— Повелитель Корвин, — торжественно произнесла она, — ты — единственный принц Эмбера, за исключением Бенедикта, который может рассчитывать на мою помощь. Но Бенедикт бесследно исчез, тому вот уже двадцать два года, и один Лир знает, где могут лежать его кости.

— Я ничего не помню, — ответил я. — Сплошной туман в голове. Пожалуйста, не обращай на меня внимания. Бенедикт был моим военным инструктором и научил владеть всеми видами оружия. Я даже думать не хочу, что мог погибнуть человек столь искусный, терпеливый и мягкий в обращении.

— Совсем как ты, Корвин, — сказала Муари и, взяв меня за руку, притянула к себе.

— Ты ошибаешься, — ответил я и сел рядом.

— Обед подадут не скоро, — заметила она и ласково прикоснулась ко мне теплым плечом.

— Когда?

— Когда прикажу.

И мне ничего не оставалось, как притянуть ее к себе и нащупать застёжку пояса.

На оранжевой кушетке я подарил Муари обещанную балладу, и губы ее ответили мне без слов.

Завершив трапезу (я научился искусству есть под водой, о чем расскажу подробнее позже, если в этом возникнет необходимость), мы встали из-за стола, накрытого в Мраморном зале, стены которого были украшены коричневыми и красными сетями и канатами. Длинный узкий коридор привел нас к спиральной лестнице, светившейся в темноте и уходившей далеко вниз. Спустившись на несколько ступенек, Рэндом энергично воскликнул: «К черту!», сошел с лестницы и поплыл рядом.

— Так быстрее, — пояснила Муари.

— Слишком долго идти, — согласилась Дейдра, которая, естественно, не раз спускалась по такой же лестнице в Эмбере.

Мы присоединились к Рэндому и минут через десять достигли дна. Я вновь стоял на ногах, и тело мое не стремилось всплыть. Несколько небольших факелов, расположенных в нишах, тускло горели, освещая окружающее нас пространство.

— В чем тут дело? — спросил я. — Почему в той части океана, которая является отражением Эмбера, вода подчиняется иным законам?

— Потому что так должно быть, — сказала Дейдра, и ответ ее вызвал во мне раздражение.

Из огромной пещеры, в которой мы очутились, по всем направлениям уходили тоннели. Мы свернули в один из них. Идти пришлось довольно долго, и в самом конце пути нам стали встречаться боковые ответвления, входные отверстия которых были закрыты решетками или дверьми. У седьмой по счету двери мы остановились.

Высеченная из цельной каменной плиты, обитая металлом, она была раза в два выше моего роста, и, глядя на нее, я невольно вспомнил легенды о тритонах.

Затем Муари улыбнулась — и улыбка эта предназначалась мне одному, — вытащила большой ключ из связки, висевшей у нее на поясе, и сунула его в замочную скважину. Однако открыть дверь ей не удалось: то ли силенок не хватило, то ли в помещение давно не входили.

Рэндом что-то проворчал, откинул руку Муари в сторону, взялся за ключ, небрежно повернул его и, услышав громкий щелчок, толкнул дверь ногой.

Мы увидели большую комнату, похожую на танцевальный зал. Черный гладкий пол блестел, как стекло. На полу был выложен узор, который назывался Лабиринтом.

Холодный огонь сверкал, дрожал и переливался, непрерывно меняя очертания. Его ажурный рисунок, в котором чувствовалась неведомая сила, почти целиком состоял из кривых линий, и лишь в центре проглядывались две или три прямых. Он напоминал мне фантастически сложную головоломку, только непомерных размеров, которую можно было решить, водя карандашом (или ручкой, если на то пошло) по бумаге, чтобы куда-то попасть или откуда-то выбраться. Мне даже показалось, что я слышу слова: «Начало здесь», — и я невольно посмотрел в противоположный конец комнаты, заодно прикинув размеры Лабиринта. Он был ярдов сто пятьдесят в длину и сто в поперечнике, не меньше.

В моей голове зазвенели колокола, и на смену им пришла привычная боль. Мой мозг, видимо,

панически боялся мыслей о Лабиринте и гнал их прочь. Но если я действительно был принцем Эмбера, моя кровь, мои нервы, мои гены знали и помнили странный огненный узор и должны были помочь мне правильно решить эту проклятую головоломку.

— Эх, покурить бы! — сказал я, и девочки с готовностью захихикали, не подавая виду, что тоже нервничают.

Рэндом взял меня за руку.

— Тебе предстоит тяжелое испытание, но его можно выдержать, иначе мы бы с тобой сейчас не разговаривали. Иди очень медленно и, главное, не отвлекайся. С каждым твоим шагом вверх будет подниматься сноп искр. Не волнуйся. Это не может причинить тебе вреда. Ты все время будешь чувствовать сильный поток, как бы проходящий сквозь тело, и станешь как пьяный. Сосредоточься и во что бы то ни стало продолжай идти вперед. Запомни, ты можешь погибнуть, если остановишься или свернешь в сторону.

Он наставлял меня на ходу: мы огибали комнату по правой стене, направляясь к дальнему концу Лабиринта. Девочки немного отстали.

Я наклонился и шепнул ему на ухо:

— Я пытался уговорить Муари смягчить наказание. Не вышло.

— Так и знал, что ты за меня заступишься. Не беспокойся, Корвин. Если придется год стоять на голове, я тоже выдержу. К тому же я могу надоесть им до такой степени, что меня выгонят раньше.

— Она хочет женить тебя на слепой. Ее зовут Вайа.

— Великолечно! — сказал он. — Прекрасная шутка!

— Помнишь, мы обсуждали вопрос о регентстве?

— Да.

— Будь добр к ней, проживи здесь ровно год, и я в долгу не останусь.

Молчание.

Затем Рэндом многозначительно сжал мне руку.

— Твоя подружка? — Он ухмыльнулся. — Хорошенькая?

— Я могу считать, мы договорились? — медленно спросил я.

— Считаю, договорились.

И незаметно мы пришли в дальний угол комнаты, с которого начинался Лабиринт.

Я посмотрел на огненную линию рядом с моей правой ногой. Вода неожиданно показалась мне очень холодной.

Не колеблясь, я поставил на светящуюся тропинку левую ногу, и вокруг нее заплясали бело-голубые искры. Я сделал первый шаг и почувствовал тот поток, о котором говорил Рэндом. Я пошел вперед.

Послышался громкий треск, и волосы на моей голове встали дыбом. Тропинка круто завернула, чуть ли не в обратном направлении. Еще через десять шагов мне показалось, что мое тело стало испытывать какое-то сопротивление, словно передо мной образовался непроницаемый барьер, толкающий меня назад с той же силой, с которой я стремился его преодолеть.

Я боролся, как мог, продолжая идти вперед. Препятствие под названием Первая Вуаль, неожиданно вспомнил я. Испытание, которое мог выдержать только человек, являвшийся составной частью Лабиринта.

Ноги отказывались мне повиноваться, каждый шаг давался с огромным трудом, из волос начали сыпаться искры. Я сосредоточился на огненной линии, ничего не видя вокруг и жадно хватая ртом воздух.

Сопротивление исчезло так же внезапно, как появилось. Я «сорвал» Первую Вуаль, выдержал испытание, и в результате что-то приобрел.

Я приобрел частичку самого себя.

Перед моим внутренним взором появились мертвецы Аушвица, с пергаментной кожей и торчащими ребрами. Я знал, что присутствовал на процессе в Нюрнберге. Слышал голос Стивена Спендера, декламирующего «Вену», видел премьеры постановок Бертольта Брехта. Помнил, как ракеты вылетали из стальных шахт в Пенемюнде, Ванденберге, Кеннеди, Кызылкуме. Своими руками трогал Великую китайскую стену. Мы пили вино и пиво, и Шахпур сказал, что в стельку пьян, а потом его стошнило. В девственных зеленых лесах американского запада я как-то добыл три скальпа за один день. В долгом походе я мурлыкал под нос мелодию, вскоре ставшую популярной песней: «Блондиночка, блондиночка...». Я помнил... помнил мою жизнь на отражении, которое люди называли Землей.

Еще три шага.

Я держал в руке окровавленную шпагу. Покончив с тремя противниками, я ускакал, скрываясь от погони. Это было во времена Великой французской революции... Воспоминания, уходившие в глубь веков.

Еще один шаг.

Шаг... к мертвым. Они были повсюду. Стоял жуткий омерзительный запах гниющей плоти, и где-то была издыхающая от смертельных побоев собака. Клубы черного дыма застилали небо, ледяной ветер бил в лицо редкими каплями дождя. В горле у меня пересохло, руки тряслись, голова горела, как в огне. Я шел, спотыкаясь, в тумане горячки, пожиравшей мои тело и мозг. Придорожные канавы были завалены отбросами, дохлыми кошками и зловонными нечистотами. Скрипя несмазанными колесами и звеня колокольчиком, по улице проехала похоронная телега, обдав меня грязью с головы до ног.

Долго ли я блуждал, не знаю. Очнулся я, когда незнакомая женщина схватила меня за руку и я увидел на ее пальце перстень с изображением черепа и костей. Она отвела меня к себе, но очень скоро убедилась, что я не смогу ей заплатить и к тому же ничего не соображаю. Страх исказил черты ее накрашенного лица, стер улыбку красных губ, и она убежала, а я свалился на кровать, как подкошенный.

Позже — не помню когда — огромный детина, наверное, хозяин проститутки, вошел в комнату, надавал мне пощечин и стащил с кровати. Я вцепился в его правый бицепс мертвой хваткой и повис, а он потащил меня к двери.

Когда я понял, что он собирается вышвырнуть меня на улицу, я сжал его руку сильнее, бессвязно протестуя. Я сжал его руку изо всех своих маленьких сил, несвязно моля о пощаде.

Затем, сквозь пот и слезы, застилавшие мне глаза, я увидел, как его лицо исказилось болью, и услышал страшный крик, который он не в силах был сдержать.

В том месте, где я сжимал руку, кость была сломана.

Он оттолкнул меня левой рукой и упал на колени, плача. Я сидел на полу, и на какое-то мгновение мысли мои обрели прежнюю ясность.

— Я... остаюсь... здесь... — сказал я, еле ворочая языком. — Убирайся. Если ты вернешься, я тебя убью!

— Ты болен чумой! — выкрикнул он. — Завтра телега подберет твой смрадный труп! — И он плюнул мне в лицо, с трудом поднялся на ноги и, спотыкаясь, вышел из комнаты.

Каким-то чудом я добрался до двери и задвинул тяжелый засов. Потом лег на кровать и уснул.

Если за моим трупом приезжали на следующий день, они, должно быть, испытали сильное разочарование. Я проснулся через десять часов весь в холодном поту и понял, что кризис миновал. Я был очень слаб, но в здравом рассудке.

Мне стало ясно, что я выздоровел.

Я взял плащ мужчины, висевший в шкафу, и немного денег из ящика стола.

И был год Чумы, и я вышел в Ночь, и пошел по дороге в Лондон, сам не зная зачем.

Я не понимал, где очутился, не помнил, как меня зовут.

Именно так все и началось.

Я продолжал идти по Лабиринту, и с каждым шагом снопы искр поднимались все выше и выше,

достигая колен. Я совершенно перестал ориентироваться и не знал, где остались Дейдра, Рэндом и Муари. Меня пронизывали какие-то бурные потоки, от которых вибрировало тело и дрожала вода перед глазами. Щеки мои онемели, словно я их отлежал; шею леденило сзади. Я стиснул зубы, чтобы не стучали.

Моя амнезия возникла отнюдь не в результате автомобильной катастрофы. Я потерял память еще во времена правления Елизаветы I. Флора наверняка решила, что после аварии я все вспомнил. От мысли, неожиданно пришедшей в голову, я вздрогнул: Флора осталась на отражении Земля специально, чтобы за мной следить.

Значит, с конца шестнадцатого века?

Может быть, раньше. Скоро вспомню.

Я быстро сделал еще шесть шагов и вышел на прямой отрезок пути. В ту же секунду передо мной вновь возник невидимый барьер. Вторая Вуаль.

Тропинка уводила меня все дальше и дальше. Резкий поворот направо...

Я был принцем Эмбера. Нас было пятнадцать братьев, но шестеро погибли. У нас было восемь сестер, но две, а может, четыре тоже погибли.

Почти все свободное время мы проводили, путешествуя по отражениям или обитая в наших собственных Вселенных. Вопрос был чисто риторическим, хоть и являлся одним из основных в философии: может ли человек, обладающий властью над отражениями, создавать свои собственные Вселенные? Не знаю, какие выводы делала философия, но на практике это было возможно.

Следующий поворот... и мне показалось, что я двигаюсь сквозь липкий тягучий клей.

Один, два, три, четыре... я с трудом поднимал не желавшие подниматься сапоги и ставил их один впереди другого. Кровь стучала в моих висках, сердце билось с такой силой, что грозило разорваться.

Эмбер!

Я вспомнил Эмбер, и идти сразу стало легко.

Эмбер был величайшим городом, который когда-либо существовал или будет существовать на свете. Эмбер был, есть и будет, и любой другой город в пространстве, времени или других измерениях являлся лишь отражением одной из стадий его развития. Эмбер, Эмбер, Эмбер... Я помню тебя. Я никогда тебя не забуду. Наверное, я всегда тебя помнил, хоть и жил на отражении Земля, потому что слишком часто тревожили меня по ночам сны, в которых я видел золотые и зеленые купола твоих башен, широкие бульвары, просторные парки, газоны и клумбы с красными и желтыми цветами. А иногда мне казалось, что я дышу твоим сладким воздухом, блуждаю по неведомым дворцам и храмам, чувствую необъяснимое присутствие чего-то позабытого, навечно оставшегося в твоих стенах.

Бессмертный Эмбер, по образу и подобию которого созданы все города мира, я не могу позабыть тебя и сейчас, созерцая Царство Хаоса и рассказывая эту историю единственному слушателю, чтобы он, может быть, рассказал ее другим, если я здесь погибну. Но ничто не может сравниться со счастьем, которое я испытал, стоя в лабиринте Ребмэ, когда вспомнил тебя, о город, в котором я был рожден властвовать...

Через десять шагов огненная тропинка стала петлять, и мне пришлось сосредоточить все свое внимание, чтобы случайно не шагнуть в сторону.

Это было трудно, дьявольски трудно, тем более что вода, казалось, превратилась в бурный поток, грозивший унести меня за пределы Лабиринта. Я боролся из последних сил, инстинктивно чувствуя, что, свернув с тропинки, обреку себя на верную смерть.

Огонь плясал перед моими глазами, и я не осмеливался поднять голову, чтобы посмотреть, долго ли еще мне осталось идти.

Бурный поток превратился в слабое течение, возвращая мне очередную частичку утраченной памяти. Я вспомнил свою жизнь в Эмбере.

Нет, я не стану делиться воспоминаниями, ведь они мои: жестокие, разгульные и благородные,

начинающиеся с детских лет, проведенных во дворце Эмбера, над которым развевалось зеленое знамя моего отца Оберона с изображением белого единорога, стоявшего на задних лапах и глядевшего вправо.

Рэндом и даже Дейдра прошли Лабиринт. Значит, я, Корвин, пройду его во что бы то ни стало, невзирая ни на какие препятствия.

Тропинка перестала петлять, превращаясь в Великую Дугу. Силы, формирующие Вселенную, начали играть мной, как мячиком, заставляя увидеть мир другими глазами.

Однако у меня было преимущество перед любым человеком, который осмелился бы пройти Лабиринт впервые. Я знал, что один раз уже выдержал трудное испытание, а значит, выдержу его и сейчас. Это знание помогало мне справиться с неестественным страхом, который появлялся, затмевая рассудок, и исчезал, чтобы вернуться с удвоенной силой. Лабиринт полностью восстановил мою память. Я вспомнил свою жизнь до того, как попал на отражение Земля, и я вспомнил другие отражения, милые моему сердцу, а одно — самое любимое, если не считать Эмбера.

Три коротких дуги, прямая, несколько крутых виражей, и я вновь приобрел то, чего на самом деле никогда не терял: власть над отражениями.

Десять поворотов, изматывающих все силы, еще одна короткая дуга, прямая, и, наконец, Последняя Вуаль.

С каждым шагом мне казалось, что я сейчас умру. Вода стала холодной, как лед, потом закипела. Она давила, толкала меня назад. Я боролся, как мог, механически переставляя одну ногу за другой. Огненные искры поднялись до моего пояса, затем до груди и плеч. Они обжигали глаза. Я почти ничего не видел.

Короткий вираж, непроницаемая тьма...

Один, два... При последнем шаге у меня возникло ощущение, что я пытаюсь проломить бетонную стену.

Я ее проломил.

Затем я медленно повернулся, глядя на пройденный путь. Я не мог позволить себе роскоши упасть от усталости. Я был принцем Эмбера, и ничто — видит бог! — ничто не могло заставить меня показать слабость перед моими вассалами. Даже Лабиринт!

Видели меня или нет, значения не имело. Я весело помахал рукой, предположительно в нужном направлении, и задумался...

Теперь я знал, что вернуться назад по огненной тропинке будет совсем несложно.

К чему затрудняться?

Правда, у меня не было при себе колоды фамильных карт, но Лабиринт обладал силами, дающими возможность открыть окно в любой мир.

Они ждали меня, мой брат, сестра и Муари, подарившая мне несколько волшебных часов.

Но Дейдра вполне могла сама о себе позаботиться; в конце концов, мы спасли ей жизнь.

Рэндом застрял в Ребмэ на год, если, конечно, у него не хватит смелости пройти Лабиринт, добраться до его центра и исчезнуть, куда он пожелает.

Что же касается Муари, я буду счастлив увидеться с ней снова, когда представится такая возможность.

Я наклонил голову, закрыл глаза, но прежде мне показалось, что неподалеку мелькнула чья-то тень.

Рэндом? Все-таки рискнул? Как бы то ни было, он не знал, куда я собираюсь отправиться. Никто не мог этого знать.

Я открыл глаза.

Меня знобило, я чертовски устал, но я был в Эмбере, в истинном зале Лабиринта, а не в зеркальном его отражении. Отсюда я мог переместиться в любое место, куда захочу.

Но попасть обратно будет практически невозможно.

Я стоял в раздумье, и с моей одежды капала вода.

С Эриком можно будет встретиться в королевских покоях, если он их занял, или в тронном зале. Но в случае опасности придется срочно возвращаться, чтобы вновь пройти Лабиринт и добраться до его центра. Путь слишком долгий и трудный.

Я переместился в одно из потайных мест дворца, который знал, как свои пять пальцев. В маленькой квадратной комнатке не было окон, и свет в нее проникал сквозь узкие щели бойниц. Я закрыл выдвижную дверь на засов, — смахнул пыль с деревянной скамьи, стоявшей у стены, подстелил плащ и прилег вздремнуть. Если кто-нибудь захочет до меня добраться, ему, придется здорово попотеть.

Я заснул.

Проснувшись, я встал, отряхнул плащ, накинул его и вышел из своего закутка. Мне пришлось спускаться и подниматься по бесчисленному количеству лестниц, которыми был так богат дворец, прежде чем я нашел искомую отметку на стене.

Она привела меня к площадке одного из пролетов лестницы, где я остановился и сквозь наблюдательный глазок посмотрел внутрь комнаты. Никого. Отодвинув дверную панель, я вошел.

Как всегда, меня поразило и привело в восхищение обилие книг на полках. Осмотрев каждый уголок библиотеки и убедившись, что опасности нет, я подошел к хрустальному сундучку, в котором хранилось (старая фамильная шутка) самое изысканное лакомство нашей семьи, а именно, колоды карт. Из четырех имевшихся там на данный момент я долго пытался выудить одну, чтобы не сработала сигнализация, и минут через десять мне это удалось. Не без труда, конечно.

Усевшись в удобное кресло, я принялся размышлять, что делать дальше.

Карты ничем не отличались от тех, что я видел у Флоры, но колода была полной. Сверкающие глянцевые картинки казались холодными на ощупь. Теперь я знал почему.

Перетасовав колоду, я разложил карты надлежащим образом и начал их читать. Будущее не сулило ничего хорошего всей нашей семье, и я вновь собрал карты вместе.

Кроме одной.

Той, на которой был изображен мой брат Блейз.

Я сложил остальную колоду в пачку, сунул ее за пояс и стал смотреть на Блейза.

В это время в замочной скважине главного входа в библиотеку заскрипел ключ. Что мне было делать? Ослабив шпагу в ножнах, я стал ждать дальнейшего развития событий и на всякий случай пригнулся, прячась за высоким столом.

В дверях появился Дик, старый слуга, в обязанности которого входило убирать помещение: вытряхивать окурки из пепельниц, опорожнять корзинки для бумаг, вытирать пыль с полок и тому подобное.

Так как быть обнаруженным не приличествовало моему сану, я встал, выпрямляясь во весь рост.

— Здравствуй, Дик, — сказал я. — Ты меня помнишь?

Он резко повернулся, побледнел и на какое-то мгновение застыл на месте.

— Конечно, милорд. Как я мог забыть?

— Почему бы и нет? Слишком много времени прошло.

— Невозможно, милорд Корвин.

— Боюсь, я явился сюда без приглашения, да и без чьего-либо ведома, но если Эрику это не понравится, будь любезен, передай ему, что я лишь воспользовался своим правом и что скоро он со мной встретится.

— Будет исполнено, милорд, — ответил он, низко кланяясь.

— Подойди ближе, дружище Дик, присядь на минутку и выслушай меня.

Он послушно подошел, а я вновь сел в кресло.

— Когда-то, — сказал я, обращаясь к морщинистому старцу, — меня считали пропавшим без вести и не сомневались, что я не вернусь. Но раз уж так получилось, что они ошиблись, придется мне не согласиться с притязаниями Эрика на трон Эмбера. Вопрос, конечно, сложный, но мне кажется, заяви свои права прямой наследник, Эрик ни в ком не нашел бы поддержки. По этой и многим, многим другим причинам — в большинстве своем личного характера — я намерен оказать Эрику сопротивление. Сам не знаю, по какому праву, но клянусь честью, он заслуживает того, чтобы с ним боролись! Так и передай! Если он пожелает меня увидеть, скажешь, что я на отражении, но не там, где был раньше. Он поймет. Вряд ли ему удастся со мной расправиться, потому что я сумею не хуже, чем он, принять все необходимые меры предосторожности. И я буду бороться с ним до победного конца, до последнего вздоха, пока один из нас не погибнет. Что ты думаешь по этому поводу, старина?

Дик поцеловал мне руку.

— Да здравствует Корвин, повелитель Эмбера! — воскликнул он, и в глазах его стояли слезы.

Дверь заскрипела и распахнулась настежь.

В библиотеку вошел Эрик.

— Привет, — сказал я, вставая с кресла и стараясь говорить как можно более оскорбительным тоном. — Вот уж не думал, что, не успев вернуться, сразу тебя увижу. Как дела в Эмбере?

Глаза его расширились от изумления, но ответил он мгновенно и весьма саркастически:

— Дела идут, Корвин. К сожалению, не всегда успешно.

— Обидно, — заметил я. — Неужели ничего нельзя сделать?

— Я знаю способ. — Он взглянул на Дика, который молча удалился и закрыл за собой дверь. Эрик взялся за эфес шпаги. — Ты желаешь завладеть тронem, — сказал он.

— Разве один я?

— Наверное, ты прав, — ответил он, тяжело вздохнув. — Недаром говорят: «Дурная голова ногам покоя не дает». Сам не понимаю, почему каждый из нас стремится попасть в столь двусмысленное положение. Но ты не мог забыть, что я дважды побеждал тебя и в конечном итоге милостиво подарил жизнь, позволив остаться на одном из отражений.

— Хороша милость! Ты прекрасно знаешь, что бросил меня подыхать от чумы! И если быть точным, первый раз ты меня не победил. Насколько я помню, ни одному из нас не удалось взять верх.

— В таком случае давай выясним отношения раз и навсегда. Я старше и сильнее тебя, Корвин. Если ты настаиваешь на дуэли, я не возражаю. Убей меня, и может быть, тебе удастся занять трон. Попробуй. Хотя вряд ли у тебя получится. И мне бы хотелось покончить с твоими притязаниями прямо сейчас. Нападай, Корвин! Посмотрим, чему ты научился на отражении, имя которому Земля!

Обе наши шпаги одновременно сверкнули в воздухе.

Я вышел из-за стола.

— Сколько себя помню, — сказал я, — никогда не встречал такого самовлюбленного эгоиста, как ты, Эрик. Почему ты решил, что, кроме тебя, нет достойных занять трон?

— Потому что я его занял. Попробуй, отними!

И я попробовал.

Он отбил прямой выпад в голову, а я — атаку в область сердца и попытался нанести укол в руку.

Он легко парировал и толкнул между нами небольшой стул.

Я ударил по стулу ногой, норовя попасть Эрику в лицо, но, к сожалению, промахнулся, и он вновь перешел в наступление.

Я отпарировал его атаку, он — мою. Я сделал несколько выпадов, отразил несколько атак.

Затем я попытался провести одну хитрую комбинацию, которой научился во Франции: сначала атака, потом финт в четвертой позиции, финт в шестой и выпад, заканчивающийся уколом в руку.

Удар прошел, и из его кисти потекла кровь.

— О, ненавистный брат! — вскричал он, отступая. — Мне донесли, что Рэндом выступил вместе с тобой.

— Верно. Многие из нас сплотились против тебя.

Он яростно бросился в атаку, заставив меня отступить, и внезапно я почувствовал, что уступаю ему в мастерстве, несмотря на все свое умение владеть шпагой. Возможно, он был одним из самых сильных противников, с которыми мне когда-либо приходилось иметь дело. Страх перед поражением заставил меня обороняться с удвоенной силой, но Эрик неумолимо продолжал идти вперед, а я — отступать, шаг за шагом. В течение нескольких веков мы обучались искусству ведения боя у известнейших фехтовальщиков. Самым великим и непревзойденным мастером шпаги был наш брат, Бенедикт, но сейчас он не мог мне помочь, даже если бы согласился принять мою сторону. Я схватил со стола какие-то мелкие предметы — первое попавшееся под руку — и швырнул их в Эрика. Он быстро отклонил корпус, ни на секунду не прерывая атаки, а я начал постепенно уходить влево, и все это время кончик его шпаги мелькал перед моими глазами. И тут я испугался по-настоящему. Он фехтовал блестяще. Если б не моя к нему ненависть, я бы заплодировал столь великолепной демонстрации приемов боя.

Он продолжал меня теснить, и страх следовал за мной по пятам: я понял, что не смогу победить. Он фехтовал лучше. Я выругался про себя, но легче мне не стало. Я попытался провести еще три неожиданных приема, но был отбит в каждом. Он парировал небрежно, заставляя меня все время обороняться и отражать атаку за атакой.

Поймите меня правильно: я фехтую безупречно. Но, видимо, не так хорошо, как он.

Затем в зале снаружи послышались какие-то звонки и раздались возбужденные голоса: сработала система сигнализации. Скоро в библиотеку ворвутся наемники Эрика, и если не он, так они меня прикончат, может стрелой из арбалета, а может — иным способом, результат будет один.

С правой кисти моего брата капала кровь. Рука его все еще оставалась твердой, но я подумал, что при других обстоятельствах, непрерывно обороняясь, мне удалось бы измотать Эрика до такой степени, что рана помешала бы ему парировать один из моих выпадов.

Я выругался, на этот раз вслух, и он засмеялся.

— Ты поступил как последний дурак, появившись в Эмбере, — сказал он.

Я продолжал отступать по кругу, преследуя определенную цель, а Эрик так ничего и не понял до самой последней минуты. (Дверь в библиотеку оказалась за моей спиной. Рискованный маневр, ведь у меня совсем не осталось пространства для отражения его атак, но лучше риск, чем верная смерть).

Левой рукой я ухитрился задвинуть засов. Дверь была достаточно тяжелой, и высадить ее будет нелегко. Я выиграл несколько минут, но получил ранение в плечо, лишь частично парировав прямой выпад. К счастью, это было мое левое плечо.

Я улыбнулся, стремясь показать Эрику, насколько уверен в себе.

— А тебе не кажется, что ты поступил как последний дурак, появившись в библиотеке? — спросил я. — Вот видишь, ты уже фехтуешь медленнее. — И, кинувшись вперед, я провел бешеную по скорости атаку. Он парировал, но отступил на два шага. — Эта рана тебя доконает, — добавил я. — Рука твоя слабеет. Неужели ты не чувствуешь, что в ней почти не осталось силы...

— Заткнись! — вскричал он, и я с удовольствием отметил, что его наконец-то проняло.

Мои шансы увеличились в несколько раз, и я продолжал наступать, наращивая темп и одновременно понимая, что долго мне не выдержать такой убийственной скорости.

Но Эрик этого не понимал.

Я посеял в нем страх, и он начал отступать, думая только об обороне.

В дверь колотили, но сейчас я мог не беспокоиться за свои тылы.

— Я многому научился, Эрик, — сказал я. — И мне ничего не стоит тебя прикончить. Твоя песенка спета, братец.

Страх появился в его глазах, исказил лицо, заставил резко изменить манеру боя. Теперь он только защищался, продолжая отступать. Значит, мой блеф удался, ведь Эрик всегда фехтовал лучше меня. Впрочем, так ли это? Не внушил ли я сам себе — не без помощи Эрика, разумеется, — что он сильнее? Не приобрел ли тем самым комплекса неполноценности? Вполне возможно, я владел шпагой ничуть не хуже, чем он. Чувствуя внезапно появившуюся уверенность, я вторично провел хитроумную комбинацию и вновь добился успеха.

— Как глупо, Эрик, — сказал я. — Никак не думал, что ты дважды попадаешься на эту удочку.

Отступая, он зашел за большое кресло, и некоторое время к нему трудно было подступиться.

Колотить в дверь перестали, крики утихли.

— Мои люди пошли за топорами, — задыхаясь, произнес Эрик. — Ты оглянуться не успеешь, как они высадят дверь.

На моем лице не дрогнул ни один мускул. Я продолжал улыбаться.

— И все же на это уйдет несколько минут. Вполне достаточно, чтобы покончить с нашим делом. Ты слабеешь прямо на глазах, а из руки кровь так и хлещет — посмотри сам!

— Заткнись!

— К тому времени, как они высадят дверь, здесь останется только один принц Эмбера, и им будешь не ты!

Судорожным движением он смахнул левой рукой ряд книжек с полки и швырнул их в моем направлении. Мне не удалось уклониться от падающих повсюду толстых томов, но Эрик не воспользовался полученным преимуществом. Вместо того чтобы атаковать, он отбежал в сторону, схватил небольшой стул и прижал его к груди. Затем, забившись в угол, он выставил стул и шпагу перед собой.

— Подходи! — вскричал он. — Попробуй теперь меня одолеть!

— Ты трусил.

Он расхохотался.

— Не все ли равно? Прежде чем ты успеешь меня убить, дверь рухнет, и тогда тебе крышка.

Я быстро пересек комнату, остановился у потайной двери, через которую вошел в библиотеку, и открыл ее левой рукой.

— Считаю, тебе крупно повезло, — сказал я. — Ты спас себе жизнь, но мы еще встретимся, и тогда тебе ничто не поможет.

Он плюнул в мою сторону, обругал грязными словами, традиционными для нашей семьи, и даже поставил стул, чтобы сделать совсем уже неприличный жест рукой, а я тем временем вышел на лестничную площадку и закрыл дверь на тяжелый засов.

Тупой удар и — и я увидел восемь дюймов сверкающей стали, появившейся в деревянной панели рядом с моим плечом. Эрик бросил свою шпагу, как копье. Рискованный шаг, ведь я мог вернуться. Впрочем, он знал, что делал: дверь трещала под ударами топоров и грозила рухнуть в любую секунду.

Я быстро спускался и поднимался по многочисленным лестницам, торопясь поскорее очутиться в маленьком закутке, где так сладко выспался, и думал о том, что стал фехтовать куда сильнее, чем раньше. В начале поединка я чувствовал свою беспомощность перед человеком, который победил меня в последней стычке. Может быть, столетия, проведенные на отражении Земли, не прошли даром, и я действительно многому научился. По крайней мере теперь я знал, что не уступлю Эрику, и мысль эта была мне приятна. Если мы встретимся вновь, в чем я не сомневался, и нам никто не помешает... как знать? Тем

более, что мои шансы выглядели предпочтительнее. Сегодняшняя дуэль явно напугала Эрика, и, возможно, в следующий раз он уже не будет так уверен в себе, начнет колебаться, и атаки его замедлятся.

С последней лестничной площадки я просто спрыгнул, чуть подогнув колени при приземлении, — высота была футов пятнадцать. На пять минут (те самые пять минут, вошедшие в поговорку) я опередил погоню и теперь не сомневался, что успею бежать.

Ведь за поясом у меня лежала колода карт.

Я вновь вытащил карту с изображением Блейза и внимательно посмотрел на нее. Плечо у меня болело, но я позабыл о ране, чувствуя странный холодок, пробежавший по телу.

Существовало два способа бежать из Эмбера на отражения.

Первый, наиболее редко применяемый, — пройти Лабиринт.

Второй — воспользоваться одной из картинок в колоде гадальных карт, если, конечно, тебе не страшно было довериться брату или сестре.

Я подумал о своем брате, Блейзе, и решил, что в какой-то степени могу ему доверять. Блейзу, судя по всему, грозили крупные неприятности, и вряд ли он отказался бы от моей помощи.

Я пристально посмотрел на портрет человека в красных и оранжевых одеждах, державшего в правой руке шпагу, а в левой — кубок с вином. Дьявольские огоньки плясали в его голубых глазах, русая борода, волосок к волоску, блестела, золотой орнамент на шпаге, неожиданно понял я, в точности повторял рисунок одной из частей Лабиринта. Кольца сверкали на пальцах. Казалось, изображение чуть дрогнуло.

Человек на карте ожил, поменял позу. Он еще не видел меня, но губы его зашевелились.

— Кто? — спросил он.

— Корвин, — ответил я, и Блейз протянул левую руку, в которой на этот раз не было кубка с вином.

— Что ж, иди ко мне, если хочешь.

Я тоже протянул руку, и пальцы наши соприкоснулись. Я сделал шаг вперед.

Карту с изображением Блейза я все еще держал в левой руке, но теперь мы стояли бок о бок, на высоком утесе, и слева от нас зияла пропасть, а справа высился замок. Красное небо раскинулось от горизонта до горизонта над нашими головами.

— Здравствуй, Блейз, — сказал я, засовывая карту обратно в колоду. — Спасибо тебе за помощь.

Внезапно я почувствовал сильную слабость и понял, что из моего левого плеча все еще течет кровь.

— Ты ранен! — воскликнул Блейз, обнимая меня, и я собрался было согласно кивнуть, но неожиданно потерял сознание.

Поздно вечером, удобно развалившись в большом кожаном кресле, я потягивал виски и наслаждался жизнью. Мы с Блейзом курили, передавали бутылку друг другу и разговаривали.

— Значит, ты действительно побывал в Эмбере?

— Разумеется.

— И ранил Эрика на дуэли?

— Да.

— Черт! Лучше бы ты его убил! — Он запнулся. — Впрочем, нет. Тогда тебе удалось бы захватить власть, а против Эрика у меня шансов больше... Хотя кто знает? Каковы твои планы?

Я решил быть с ним предельно откровенным.

— Каждый из нас претендует на трон, — сказал я, — так что притворяться бессмысленно. Естественно, я не собираюсь тебя убивать — это было бы слишком глупо, — но и не откажусь от своих притязаний только потому, что ты — радушный хозяин. Рэндом надолго выбыл из игры, так что его можно не принимать в расчет. Бенедикт куда-то исчез; о нем никто не слышал. Жерар и Каин предпочли оказать

поддержку Эрику и не являются претендентами. Значит, остаются Бранд и наши сестры. О Бранде я ничего не знаю. Дейдра совершенно беспомощна и вряд ли опасна, разве что объединится с Льювиллой и получит поддержку в Ребмэ. Флора — сторонница Эрика, не более. Что замышляет Фиона, одному богу известно.

— Значит, остаемся мы с тобой, — подытожил Блейз, наливая полные рюмки. — Ты прав. Но мои шансы выглядят предпочтительней. Ты поступил разумно, обратившись ко мне за помощью. Стань моим союзником, и я сделаю тебя регентом.

— Какой ты благородный! — сказал я. — Там видно будет.

Мы молча выпили.

— Чего ты можешь добиться в одиночку? — спросил он, и я понял, что ему крайне важно услышать мой ответ.

— Набрать войско для осады Эмбера.

— На каком отражении, хотел бы я знать?

— А вот это — мое дело. Но против тебя я воевать не стану. Из всех возможных претендентов на трон я предпочел бы видеть монархом тебя, себя, Жерара или Бенедикта, если он жив.

— И предпочтительнее — себя.

— Естественно.

— В таком случае мы прекрасно понимаем друг друга. А значит, можем стать союзниками, хотя бы на время.

— А как ты думаешь, почему я обратился именно к тебе?

Он улыбнулся в густую бороду.

— Тебе нужна была помощь, и из многих зол ты выбрал меньшее.

— Тоже верно.

— Как бы я хотел, чтобы Бенедикт был с нами, а Жерар не переметнулся к Эрику.

— Мечты, мечты, — заметил я. — Мечтай об одном, делай совсем другое, и тогда в любом случае останешься в выигрыше.

— Неплохо сказано.

Некоторое время мы молча курили.

— Я могу тебе верить? — спросил он.

— Так же, как я тебе.

— В таком случае давай договоримся. Все эти годы я считал тебя погибшим и никак не думал, что ты появишься в самый критический момент и заявишь свои права на престол. Но раз уж ты здесь, я хочу предложить тебе объединить силы и осадить Эмбер. Оставшийся в живых займет трон. Если повезет обоим, какого черта! Будем драться на дуэли!

На мгновение я задумался. Предложение было очень выгодным, на лучшее я вряд ли мог рассчитывать. И поэтому я сказал:

— Утро вечера мудренее. Не возражаешь, если я дам ответ завтра?

— Конечно.

Мы допили виски и ударились в воспоминания. Плечо у меня гудело, но виски помогло, а мазь, которую наложил на рану Блейз, сняла боль. В конце концов оба мы расчувствовались.

Мне всегда казалось, что члены нашей семьи испытывали духовную близость только в те редкие минуты, когда жизнь сталкивала их на одном пути. Боже! Ночь кончилась прежде, чем мы всласть наговорились! Потом Блейз хлопнул меня по здоровому плечу и сказал, что у него нет больше сил и что слуга подаст мне завтрак в постель. Я кивнул, мы обнялись, и он отправился спать, а я подошел к окну и

посмотрел вниз.

Костры далекого лагеря мерцали, как звезды. Тысячи звезд. Блейз собрал большие силы, и я ему позавидовал. Наверное, зря. Блейз был единственным, кто действительно мог победить Эрика и стать довольно неплохим монархом, хоть я и предпочел бы видеть на троне самого себя.

Я стоял и размышлял и внезапно обратил внимание на то, что тени, двигавшиеся у костров, имели какие-то странные очертания. Интересно, из каких солдат состояла армия Блейза?

Праздный интерес: у меня и того не было.

Вернувшись к столу, я налил себе последнюю рюмку. Однако, прежде чем выпить, я зажег светильник и достал из-за пояса украденную мною колоду карт.

Разложив их перед собой, я поместил в середину ту, на которой был изображен Эрик, и убрал остальные в пачку.

Через некоторое время картинка ожила, и я увидел дремлющего Эрика в ночной рубашке.

— Кто? — спросил он сонным голосом. Рука его была перевязана.

— Я, — сказал я. — Корвин. Как самочувствие? — Он выругался, а я рассмеялся. Я понимал, что слишком много выпил и поэтому затеял опасную игру, но тем не менее продолжал: — Мне почему-то захотелось сообщить тебе, что мои дела идут лучше не придумаешь. Кстати, ты был прав, утверждая, что дурная голова ногам покоя не дает. Свою дурную голову тебе недолго осталось носить на плечах! Так что веселись, пока можешь, братец! Тот день, когда я появлюсь в Эмбере, станет последним днем твоей жизни! И я хотел предупредить тебя, что этот день не за горами!

— Не жди пощады, — ответил он, глядя мне прямо в глаза. На какую-то секунду мне показалось, что расстояние, разделяющее нас, исчезло.

Я сделал ему нос и закрыл карту ладонью. Это было все равно что повесить телефонную трубку. Засунув карту Эрика обратно в колоду, я отправился спать и, засыпая, подумал о войске Блейза.

Победить Эрика будет нелегко.

6

Отражение, на котором я очутился, называлось Аверн, и его обитатели мало чем походили на людей. Я присмотрелся к ним на следующее утро, когда Блейз совершал обход войска. Семифутового роста, с красной кожей, на которой волосы почти не росли, с кошачьими глазами и шестипалыми конечностями, солдаты были одеты в легкую серо-голубую форму, напоминавшую шелковую, но явно сотканную из другого материала. За поясом каждого висели две короткие сабли, загнутые крюками на концах. Остроконечные уши и длинные когти на пальцах выглядели весьма непривычно.

Климат здесь был теплым, природа поражала контрастами красок, и все думали, что мы — боги.

Блейз подыскивал отражение, где религия говорила о братьях-богах, похожих на нас и попавших в беду. Как в любой мифологии, добрых братьев угнетал злой, которому удалось захватить власть. И разумеется, среди верующих бытовала легенда из Апокалипсиса, по которой они будут призваны сражаться на стороне добрых братьев.

Рука моя висела на черной перевязи, я шел, осматривая войско, и размышлял о том, что скоро большинство солдат погибнет.

Перед одним из них я остановился и окинул его взглядом.

— Знаешь ли ты, кто такой Эрик?

— Князь Тьмы, — незамедлительно ответил он.

— Хорошо, — сказал я и пошел дальше. Набранное войско состояло из стандартного пушечного мяса.

— Сколько у тебя человек? — спросил я Блейза.

— Около пятидесяти тысяч.

— Приветствую тебя, идущего на смерть, — перефразировал я. — О какой осаде Эмбера может идти речь? Тебе не удастся дойти до подножия Колвира. Смешно думать, что эти несчастные, махая игрушечными саблями, выступают против бессмертного города.

— Знаю, — ответил он. — Но я располагаю и другими силами.

— Ты называешь эту армию силой?

— А что ты скажешь о трех эскадрах, всего в два раза уступающих численностью объединенным флотам Каина и Жерара?

Это было не так уж плохо.

— Явно недостаточно, — сказал я. — Детские игрушки.

— Знаю, — повторил он. — Но можно считать, начало положено.

— А до конца слишком далеко. Эрик будет спокойно отсиживаться во дворце и громить наши войска по мере их продвижения вперед. Далее битва разгорится у подножия Колвира, где многие сложат головы. Затем предстоит подняться по Лестнице и войти в Эмбер. Как ты думаешь, много солдат останется в живых? Остатки нашей армии можно будет уничтожить за пять минут, а потери Эрика останутся минимальными. Если это все, чем ты. располагаешь, брат Блейз, твоя затея постепенно перестает мне нравиться.

— Эрик объявил, что его коронация состоится через три месяца. За это время, надеюсь, мне удастся набрать четвертьмиллионную армию. Я объявлю против Эмбера крестовый поход, каких еще не знала история.

— Но Эрик тоже не станет сидеть сложа руки. Не знаю, Блейз... то, что ты предлагаешь, — самоубийство. Когда я с тобой разговаривал, то не подозревал об истинном положении вещей.

— У тебя имеются другие предложения? — спросил он. — Ведь ты пришел ко мне с пустыми руками. Правда, ходили слухи, что когда-то ты командовал большими силами. Где твое войско?

Я отвернулся.

— Его не существует. Я знаю.

— Разве ты не можешь найти отражение своего отражения?

— Я не хочу говорить на эту тему, — сказал я. — Прости.

— В таком случае какой от тебя прок?

— Я уйду, если ты считаешь, что моя задача заключается только в том, чтобы добыть тебе как можно больше пушечного мяса.

— Подожди! — вскричал он. — Я сказал, не подумав! Мне не обойтись без твоих советов. Пожалуйста, останься. Я даже извинюсь, если хочешь.

— Это необязательно, — ответил я, зная, что значит для принца Эмбера просить прощения. — Я останусь. Думаю, мне удастся тебе помочь.

— Замечательно! — Он дружески хлопнул меня по здоровому плечу.

— И я достану тебе войско, — добавил я. — Можешь не беспокоиться.

Обещание свое я выполнил.

Исходив множество отражений, я обнаружил расу мохнатых существ с клыками и когтями, более или менее похожих на людей и обладающих разумом первокурсников (извините, мальчики, я имел в виду, что они были преданны, доверчивы, честны и их ничего не стоило обмануть таким негодяям, как мы с Блейзом). Мое воззвание к ним напоминало шутки конферансье самого дурного пошиба.

В результате, сотысячная армия была готова идти за нами в огонь и воду.

На Блейза это произвело впечатление, и он заткнулся. Примерно через неделю плечо мое выздоровело, а через два месяца численность нашего войска превысила четверть миллиона солдат.

— Корвин, Корвин! Ты все тот же Корвин! — воскликнул Блейз, и мы опять просидели всю ночь за бутылкой виски.

Но мне было не по себе. Я прекрасно понимал, что почти все наши люди погибнут и виновником их гибели буду я. Ведь несмотря на то что они являлись жителями отражений, смерть для них была такой же реальностью, как для любого из нас. Во мне крепло чувство, похожее на раскаяние.

Много ночей я проводил, рассматривая карты. Колода у меня была полной, с изображением Эмбера на одной из карт, и я знал, что, воспользовавшись ею, могу в любую минуту попасть в город. На других картах, отсутствовавших в колоде Флоры, были изображены наши погибшие или исчезнувшие братья и сестры, а на последней — отец. Я быстро отвел глаза. Он пропал без вести.

Я подолгу всматривался в каждое лицо, размышляя, с кем выгоднее всего вступить в переговоры. Раскладывая карты, я каждый раз получал один и тот же ответ.

Каин.

Темноволосый, в черном с зеленым отливом атласном костюме и треуголке набекрень, украшенной плюмажем из зеленых перьев, он стоял ко мне в профиль. На его поясе висел кинжал, в рукоять которого был вставлен большой изумруд.

— Каин, — сказал я.

— Кто?

— Корвин.

— Корвин! Это что, шутка?

— Нет.

— Что тебе надо? — Он попытался посмотреть мне в глаза, но я не отрывал взгляда от его руки, которую он держал рядом с кинжалом.

— А ты не догадываешься?

— Где ты?

— С Блейзом.

— Ходили слухи, что недавно ты побывал в Эмбере, и... у Эрика перевязана рука.

— Я тому причиной. А теперь назови свою цену.

— Что ты имеешь в виду?

— Поговорим откровенно. Как ты считаешь, мы с Блейзом можем победить?

— Нет, и поэтому я на стороне Эрика. Тебе нужен мой флот, ведь ты за ним меня вызвал, верно?

— Мой проницательный брат, — ответил я. — Что ж, приятно было побеседовать. До скорого свидания, может быть, в Эмбере. — Я поднял руку, и он торопливо воскликнул:

— Подожди!

— Зачем?

— Я даже не знаю, что ты мне предлагаешь.

— Нет, знаешь. Ты наверняка все понял, и мое предложение, видимо, тебе не подходит.

— Я этого не говорил. Но Эрик захватил власть по праву.

— Праву сильного.

— Пусть так. И все же что ты предлагаешь?

Мы разговаривали около часа, после чего морские пути были открыты для трех эскадр Блейза, которые могли остановиться в северных водах и подождать подкреплений.

— Если ты проиграешь, в Эмбере состоятся три казни, — сказал он.

— Ты думаешь, мы обречены?

— Нет. Мне кажется, в скором времени трон займешь либо ты, либо Блейз. Я согласен стать регентом и служить победителю. Но за оказанную помощь я предпочел бы все-таки получить голову Рэндома.

— Нет, — сказал я. — Если ты будешь настаивать, считай, мы не договорились.

— Я не буду настаивать.

Я улыбнулся, прикрыл карту ладонью, и Каин исчез.

Разговор с Жераром придется отложить на следующий день. Каин окончательно меня вымотал.

Я лег в постель и мгновенно заснул.

Узнав, как обстоят дела, Жерар согласился нас не трогать. В основном потому, что с этой просьбой обратился к нему именно я, и он предпочел из двух зол выбрать меньшее.

Мы быстро договорились, и я обещал исполнить все, о чем он просил, благо ничьих голов ему не требовалось.

Затем я провел смотр войскам и рассказал солдатам об Эмбере. Как ни странно, верзилы с красной кожей и мохнатые человечки с клыками и когтями очень быстро подружились. Рассказ о них можно было закончить одной фразой: «Они считали нас богами».

Печальная правда.

Я смотрел на эскадру кораблей, которая должна была пересечь Великий океан, окрасив его волны кровью погибших в разных отражениях. Немногие дойдут до Эмбера.

Я думал об армии Аверна и мохнатых человечках с отражения, которое они называли Риик. Им предстояло отправиться в Эмбер сухопутным путем.

Я перетасовал колоду, разложил карты и взял в руки ту, на которой был изображен Бенедикт. Долгое

время всматривался я в его портрет, но не ощутил ничего, кроме холода.

Я решил попытать счастья с Брандом. И вновь — холод.

Затем внезапно раздался крик. Мучительный, раздирающий душу.

— Помоги мне!

— В чем дело? — спросил я.

— Кто? — прохрипел голос, и я увидел, как тело Бранда забилося в судорогах.

— Корвин.

— Вытащи меня отсюда, брат Корвин! Все, что ни попросишь, будет твоим!

— Но где ты?

— Я...

Перед моими глазами возникли странные, непрерывно меняющиеся картины, которые мой мозг отказывался воспринимать. Затем раздался еще один крик, страшный, душераздирающий, и наступила мертвая тишина. Поверхность карты вновь стала холодной.

Меня трясло как в лихорадке, сам не знаю почему. Оставив карты разбросанными по столу, я подошел к окну отведенной мне в замке комнаты и, закулив сигарету, уставился в ночь.

Далекое звезды на черном небе, казалось, были окутаны таинственной дымкой. Я не увидел ни одного знакомого созвездия. Маленькая голубая луна быстро карабкалась по небосводу.

Ночь принесла с собой неожиданный зябкий холод, и я плотнее запахнулся в плащ, вспоминая неудавшуюся зимнюю кампанию в России. Боги! Я чуть было не превратился в сосульку! Ради чего?

Ради того, конечно, чтобы занять трон Эмбера и позабыть о всех прошлых горестях и несчастьях?

Но что случилось с Брандом? Почему мне не удалось понять, на каком он отражении? Кто придумал для него нечеловеческие, страшные пытки?

Ни на один из этих вопросов я не знал ответа.

Глядя на голубой диск луны, продолжавшей свое путешествие, я напряженно думал. Неужели я неправильно оценил обстановку, чего-то не учел, упустил из виду какую-нибудь важную деталь?

И вновь я напрасно искал ответа.

Я вернулся к столу налил себе рюмку виски, перетасовал колоду и вытащил из нее карту отца.

Оберон, повелитель Эмбера. Он стоял передо мной в зеленых, обшитых золотом одеждах. Высокий, широкоплечий, с черными волосами и бородой, в которых пробивалась седина. Золотые кольца с зелеными камнями сверкали на его пальцах. На боку висела шпага в черных с зеленым отливом ножнах. Когда-то мне казалось, что бессмертный король вечно будет править в Эмбере. Что произошло? Почему отец исчез? Где встретил свою кончину?

Глядя на карту, я сконцентрировался.

Ничего.

Нет... что-то...

Я не услышал, а почувствовал ответ, уловил еле заметное движение, и фигура на карте съежилась, поменяла позу, превратилась в тень того человека, который был моим отцом.

— Отец? — сказал я. Молчание. — Отец!

— Да... — Голос был слабым и далеким, как шум прибоя в морской раковине, когда ее приложишь к уху.

— Где ты? Что с тобой?

— Я...

Долгое молчание.

— Отец! Это я, Корвин, твой сын. Что произошло в Эмбере? Куда ты исчез?

— Мое время кончилось.

— Ты отрекся от престола? Братья ничего мне не говорили, а я недостаточно доверяю им, чтобы расспрашивать. Сейчас Эрик захватил власть в свои руки. Джулиан сторожит Арденнский лес, а Каин и Жерар патрулируют морские пути. Блейз собирается выступить против них, и я к нему присоединился. Что скажешь, отец?

— Ты единственный... из всех... кто спросил... — выдохнул он. — Да...

— Что «да»?

— Борись с ними.

— Но где ты? Как я могу тебе помочь?

— Мне... никто не может помочь. Займи трон...

— Я? Или вместе с Блейзом?

— Ты... один...

— Слышу, отец.

— Даю тебе свое благословение... займи трон... и поспеши...

— Но почему?

— У меня не хватает сил... займи трон!

И он исчез.

Значит, отец был жив. Любопытно. Что это меняло?

Я сделал глоток виски и задумался.

Главное, что король Эмбера был жив. Почему он исчез? Где пропадал? Вопросы можно было задавать до бесконечности. Ответов на них я все равно не знал, а гадать, не имея информации, считал бессмысленным.

Однако...

Ощущение, которое я никак не мог уловить, не давало мне покоя. Я хочу быть откровенным до конца, у нас с отцом никогда не было хороших отношений. Я не испытывал к нему чувства ненависти, как Рэндом и некоторые другие мои братья, но, честно говоря, никогда его не любил. С детских лет отец представлялся мне человеком сильным, властным и всегда находящимся поблизости. Я ничего о нем не знал. Имя Оберона неоднократно упоминалось в учебниках истории Эмбера, которую мы изучали, а история Эмбера насчитывала столько тысячелетий, что им можно было потерять счет. Хотите верить, хотите нет.

Я допил виски и отправился спать.

На следующее утро я присутствовал на военном совете Генерального штаба, возглавляемого Блейзом. В нем участвовали сухопутные офицеры и четыре адмирала, каждый из которых командовал, соответственно, четвертой частью морских сил. В общей сложности собрались около тридцати высоких чинов, как больших и красных, так и маленьких волосатых.

Заседание длилось около четырех часов, после чего мы сделали перерыв на обед. Было принято решение выступить через три дня. Путь в Эмбер лежал, как известно, через отражения, по которым мог путешествовать только человек королевской крови. Поэтому мне предстояло занять место на флагмане флотилии, а Блейзу — возглавить сухопутные силы.

Меня тревожил один вопрос, и я задал его Блейзу: как он собирался воевать с Эмбером, если бы я не появился и не предложил свою помощь? Он объяснил, что, во-первых, мог бы справиться в одиночку и сначала провести флот, оставив его на большом расстоянии от берега, а потом вернуться на одном из

кораблей в Аверн и отвести солдат в заранее условленное место; а во-вторых — найти среди отражений своего двойника, который согласился бы ему помочь.

Мне стало немного не по себе, когда я услышал о втором его плане, хотя я твердо знал, что я — это я, а не мое отражение. Что же касается первого плана, думаю, у него тоже ничего бы не вышло, потому что флот, находящийся далеко от берега, не смог бы увидеть сигналов с суши, а прибыть в точно назначенное место в срок (учитывая не только препятствия на пути, но и непредвиденные обстоятельства, неизбежно возникающие у большой армии на марше) было практически невозможно.

Но я всегда считал Блейза блестящим стратегом, и когда он разложил передо мной составленные им карты Эмбера и пригородов, объясняя план нападения, я в очередной раз убедился, что мой брат — настоящий принц: хитрый и вероломный.

На беду, нам предстояло иметь дело тоже с принцем, причем занимавшим в данный момент куда более выгодное положение. Я был встревожен, но день коронации приближался, и мне не хотелось отказываться от задуманного. Если мы потерпим поражение, нам не сносить голов, но только Блейз обладал достаточными силами, чтобы напасть на Эмбер и победить Эрика.

Я решил побродить по отражению, которое называлось Аверн, и отправился в путь. Я смотрел на долины, покрытые туманом, на пропасти и дымящиеся кратеры вулканов, на ослепительно яркое солнце и красное небо, которое могло кого угодно свести с ума. Я думал о морозных ночах и слишком жарких днях, взбирался на величественные скалы, бродил по черным песчаным кряжам, отбивался от небольших, но свирепых и ядовитых зверьков, отдыхал в роще пурпурных деревьев, похожих на высокие бесформенные кактусы. На второй день, стоя на утесе у самого моря, я решил, что мне здесь нравится. И если сыны этой земли погибнут, сражаясь за богов, я обеспечу им бессмертие, сложив о них песню.

Попытавшись таким образом избавиться от угрызений совести, я взошел на флагманский корабль и принял командование. Если мы победим, имена воинов будут вписаны в историю золотыми буквами.

Я был их кумиром и первооткрывателем. Я повелевал.

На следующий день мы подняли паруса, и, стоя на капитанском мостике, я ввел эскадру в шторм и вывел ее значительно ближе к месту нашего назначения. Мы миновали водяные смерчи, затем каменистую отмель, и воды океана потемнели, став почти такими же, как в Эмбере. Я не потерял способности управлять отражениями. Мне подчинялись пространство и время. И вскоре мы окажемся на Родине. Разумеется, на моей Родине.

Мы проплывали мимо странных островов, где каркали зеленые птицы, а зеленые обезьяны висели на деревьях, как фрукты. Вереща и раскачиваясь они кидали в нас камнями.

Поменяв курс, мы ушли далеко в море, потом повернули обратно к берегу.

Тем временем Блейз делал марш-бросок по суше. Я не сомневался, что он дойдет до Эмбера, какие бы преграды ни воздвигал на его пути Эрик. Мы поддерживали связь с помощью карт, и Блейз всегда сообщал мне последние новости. Так, например, десять тысяч убитыми он потерял в битве с кентаврами; пять тысяч — при страшном землетрясении; полторы тысячи погибли от бубонной чумы, короткое время свирепствовавшей в лагере; девятнадцать тысяч сгнули в джунглях отражения, которого я не знал, где напалм падал с каких-то жужжащих предметов, пронесившихся в небе; шесть тысяч дезертировало в стране, похожей на землю обетованную, им обещанную; судьба пятисот солдат, пересекавших пустыню и внезапно увидевших грибообразное облако, была неизвестна; восемь тысяч шестьсот человек сгорели в долине, когда неизвестные боевые машины использовали против них огнеметы; восемьсот — заболели, и их пришлось оставить; двести умерли при переправах через водные препятствия; пятьдесят четыре скончались в результате дуэлей; триста отравились незнакомыми фруктами; тысяча была растоптана стадом животных, похожих на бизонов; семьдесят три пропали без вести; полторы тысячи смыло в реку во время наводнения; две тысячи погибли от ураганного ветра, неожиданно обрушившегося на них из-за голубых холмов.

Я был доволен, что за это время потерял всего сто восемьдесят шесть кораблей.

Уснуть, быть может, видеть сны...

Эрик уничтожал нас исподволь, не торопясь. Его предполагаемая коронация должна была состояться через несколько недель, и он, естественно, знал, что мы приближаемся. Поэтому мы погибали, и сил у нас становилось все меньше и меньше.

Есть такой закон, по которому только принц Эмбера может путешествовать по отражениям, хотя, конечно, он волен взять с собой тех, кого сочтет нужным. Мы вели за собой войска и видели, как гибли люди, но я хочу, чтобы вы знали: существуют отражения и субстанция, так устроен мир. Из субстанции сотворены Эмбер, Земля и все сущее на ней. Отражений — бесчисленное множество, и на них происходят самые разнообразные события, отражающие истинные. Эмбер своим существованием predetermined подобное положение вещей. Что еще можно сказать? Отражения простираются от Эмбера до Хаоса, и путешествовать по ним можно тремя способами, каждый из которых достаточно труден.

Первый состоит в следующем: если в твоих жилах течет королевская кровь, ты можешь идти сквозь отражения, заставляя их меняться на твоём пути, как тебе заблагорассудится, пока не окажешься именно там, куда хотел попасть. В созданном тобою мире ты можешь делать все, что захочешь, если, конечно, не вмешаются родственники.

Второй способ заключается в использовании карт, которые Дворкин, великий человек, изобрел специально для того, чтобы члены королевской семьи могли поддерживать связь и видеться друг с другом в любое время. Дворкин был старым-престарым художником, покорившим пространство и перспективу. Он нарисовал не только портреты, благодаря которым мы могли в любую минуту оказаться рядом, но и всю колоду гадальных карт, и у меня давно сложилось впечатление, что карты эти обладают многими другими свойствами, о которых мы даже не подозревали.

Третьим способом был Лабиринт, также созданный Дворкиным исключительно для членов нашей семьи. Проходя лабиринтом, ты сначала узнавал, как пользоваться картами, а потом получал власть над отражениями.

Карты и Лабиринт давали возможность мгновенно попасть из реального мира на отражения. Первый способ был куда более трудным.

Теперь я знал, что делал Рэндом, когда мы ехали с ним на «мерседесе». Во время нашего путешествия мой брат создавал по памяти реальный мир, постепенно меняя отражения и удаляя из них все лишнее. И только достигнув полного соответствия в деталях, он сказал, что мы прибыли к месту назначения.

Ничего особенного: обладая знаниями, найти свой Эмбер мог каждый. Даже сейчас мы с Блейзом вольны были отправиться на отражения истинного Эмбера, где правили бы долго и счастливо. Но мы хотели иного. Ничто не могло сравниться с реальным городом, в котором мы родились и по образу и подобию которого создавались все города, сколько их было в целом свете.

Итак, мы избрали самый трудный способ и шли по отражениям, а любой человек, обладающий над ними властью, мог воздвигать препятствия на нашем пути, чтобы помешать нападению на Эмбер. В данном случае таким человеком оказался Эрик, и наше войско таяло на глазах. Что ожидало нас в будущем? Этого никто не знал.

Но если Эрик станет коронованным королем Эмбера, на одних отражениях это событие повторится, а на другие неизбежно окажет сильное влияние. И именно поэтому я не сомневался, что каждый из нас хотел бы видеть на троне только самого себя.

Мы миновали призрачный флот Жерара — Летучих Голландцев данного отражения, — и я понял, что до Эмбера рукой подать.

На восьмой день нашего путешествия разразился шторм.

Море почернело, на небе стали собираться тучи. На какое-то мгновение наступил полный штиль, и паруса безжизненно повисли. Огромное голубое солнце спрятало свой лик. Мне стало ясно, что наконец-то Эрик взялся за нас не на шутку.

Ураганный порыв ветра обрушился на флагманский корабль и — да простят мне избитое выражение — разбился о его борт.

«И рвал нас ветер, и била буря», как говорят или говорили поэты. При первом же шквале мне показалось, что мои внутренности вывернули наизнанку. Нас кидало из стороны в сторону, как игральные кости, которые великан тряс в кулаке перед тем, как бросить. Ливень хлестал по палубам, которые попеременно захлестывали гигантские волны. Небо почернело, пошел мокрый снег с градом, и раздался ужасающий раскат грома. Я уверен, что от неожиданности все мы вскрикнули одновременно. По крайней мере, я вскрикнул. С большим трудом добрался я до брошенного штурвала и, привязавшись ремнем, выравнивал корабль. Эрик, черт его побери, решил покончить с нами одним ударом.

Затем я почувствовал легкое покалывание во всем теле, звон в ушах и увидел Блейза, находящегося как бы на другом конце туманного серого тоннеля.

— В чем дело? — спросил Блейз. — Я уже несколько раз пытался с тобой связаться, а ты не отвечаешь.

— Жизнь наша полна неожиданностей, — ответил я. — Одна из них мешает нам плыть дальше.

— Шторм?

— Скорее его дедушка. Подожди-ка, слева по борту какое-то чудовище. Если у него есть хоть капля мозгов, оно уйдет на глубину. Слава богу, проскочили.

— У нас то же самое, — сообщил Блейз.

— Чудовище?

— Шторм. Мы потеряли двести человек.

— Надейся и жди, — посоветовал я. — А также не сдавайся и, если можешь, свяжись со мной чуть позже. Договорились?

Он кивнул, и я увидел, как за его спиной сверкнули две молнии.

— Эрик знает наши силы, — сказал он на прощанье, и я не мог не согласиться.

Прошло еще три часа, прежде чем шторм начал утихать, и много позже я узнал, что мы потеряли половину флота (на одном только флагмане погибли сорок человек команды из ста двадцати). Шел сильный дождь.

И тем не менее мы выдержали, сам не знаю как, и к вечеру плыли по синему морю, на дне которого находился Ребмэ.

Я вынул колоду карт, чтобы узнать новости у Рэндома.

— Поворачивай обратно, — сказал он, как только услышал мой голос. Я спросил почему. — Потому что, если верить Льювилле, Эрику ничего не стоит стереть вас в порошок. Она советует вам подождать немного, а когда страсти улягутся, скажем, через год, нанести внезапный удар.

Я покачал головой.

— К сожалению, это невозможно. Мы понесли большие потери, и цель близка. Сейчас или никогда. — Он пожал плечами, и на лице его появилось выражение, которое легко было выразить словами: «Не говори потом, что я тебя не предупреждал». — А все же почему? — спросил я.

— Мне стало известно, что Эрик может управлять погодой в реальном мире.

— Это не меняет дела.

Он вновь пожал плечами.

— Не говори потом, что я тебя не предупреждал.

— Ты убежден, что Эрик о нас знает?

— Как ты думаешь, он полный идиот?

— Нет.

— Значит, знает. Колебания на отражениях так сильны, что даже я, не выходя из Ребмэ, могу точно сказать, где вы находитесь.

— У меня с самого начала были недобрые предчувствия относительно исхода нашей кампании, — признался я. — Но ее организатор — Блейз.

— Выйди из игры, и пусть с плеч летит только его голова.

— Нет, так я рисковать не стану. Он может победить. Я веду флот.

— Ты разговаривал с Каином и Жераром?

— Да.

— Значит, ты считаешь, что на море у тебя есть шанс. Но послушай, Корвин, если верить придворным сплетням в Ребмэ, Эрик научился контролировать Драгоценный Камень Правосудия. С его помощью можно управлять погодой в реальном мире. Это бесспорный факт. Какими еще свойствами обладает Камень, не знает никто.

— Ничего не попишешь. Справимся. Не бежать же без оглядки от нескольких жалких штормов.

— Корвин, я должен тебе признаться, что три дня назад я беседовал с Эриком.

— Зачем?

— По его просьбе. Я говорил с ним больше от скуки. Он обрисовал мне в мельчайших подробностях, какими средствами защиты располагает.

— Джулиан наверняка сообщил ему, что мы путешествовали вместе. Эрик специально завел с тобой разговор, не сомневаясь, что ты передашь мне его содержание.

— Может, ты и прав, но это не меняет того, что он сказал.

— Верно, — согласился я.

— В таком случае брось Блейза, а спустя некоторое время напади на Эрика сам.

— На днях в Эмбере состоится его коронация.

— Ну и что? С королем воевать не сложнее, чем с принцем. Какая тебе разница, как он будет называться, когда ты одержишь победу? Эрик останется Эриком.

— Ты опять прав, — вновь согласился я. — Но я дал слово.

— Возьми его обратно.

— Не могу.

— Ты просто сумасшедший. Псих.

— Не спорю.

— Что ж, в любом случае ни пуха тебе ни пера.

— К черту.

— До встречи.

Вот так закончился наш разговор, и, честно говоря, он меня встревожил.

Неужели западня?

Эрик был далеко не глуп и, возможно, действовал наверняка, не сомневаясь в успехе. Я пожал плечами, облокотился о леер и засунул колоду карт за пояс.

Гордость и одиночество — неизменные спутники принца Эмбера, не способного никому верить. Печальная истина, но я был принцем Эмбера.

У меня не вызывало сомнений, что Рэндом прав и шторм, обрушившийся на нас, вызвал Эрик, который действительно научился управлять погодой в Эмбере.

Я решил принять контрмеры.

Мы шли на всех парусах к Эмберу, в котором бушевала метель. Это была самая ужасная метель, которую я когда-либо создавал. Крупные хлопья снега начали падать на поверхность океана.

Пусть попробует, если сможет, остановить естественный процесс, начавшийся на отражении.

Он его остановил.

Примерно через полчаса снегопад прекратился. Эмбер, единственный город, был практически неприступен. Эрик лишний раз доказал, что может управлять погодой, а так как мне не хотелось менять курс, я ничего больше не стал предпринимать.

Зачем?

Если нас ждет смерть, мы все равно не повернем назад.

Второй шторм, куда страшнее первого, был электрическим и направлен только на нашу флотилию, но на этот раз я стоял у штурвала с самой первой минуты. Нас расшвыряло в разные стороны, и в результате мы потеряли еще сорок кораблей.

Я вызвал Блейза, чтобы узнать, как обстоят дела.

— У меня осталось около двухсот тысяч солдат. Сильное наводнение, — сообщил он, и я рассказал ему о своем разговоре с Рэндомом. — Похоже на правду, — сказал Блейз. — Но нам не стоит отвлекаться на мысли о том, может или не может Эрик управлять погодой. Все равно мы победим.

— Надеюсь.

Я закурил и облокотился на штурвал.

Скоро покажется Эмбер. Я могу попасть в него, когда захочу, ведь я вновь обрел власть над отражениями.

Но дурные предчувствия могут возникнуть у кого угодно.

Там хорошо, где нас нет...

Мы продолжали идти вперед, подняв все паруса, и внезапно нас окутала тьма и начался шторм, еще хуже двух предыдущих.

Мы уцелели чудом, но я испугался. Все, что говорил Рэндом, действительно оказалось правдой, а поворачивать было поздно: мы вошли в северные воды. Теперь все зависело от Каина. Если он сдержит слово, можно спать спокойно, если нет — наше положение безнадежно.

Я решил исходить из того, что он нас предал. В конце концов, зачем ему было рисковать головой? И когда эскадра Каина стала приближаться, я привел флот — семьдесят три оставшихся на плаву корабля — в боевую готовность. Карты солгали, а может, сказали чистую правду, указав на Каина как на главное действующее лицо, от которого зависел исход битвы за Эмбер.

Флагман эскадры увеличил ход, оторвавшись от остальных кораблей, и я сделал то же самое, двигаясь навстречу. Мы могли бы спокойно поговорить, воспользовавшись картами, но Каин избрал другой путь. Сила была на его стороне, и фамильный этикет позволял ему поступить так, как он сочтет нужным, а Каин, видимо, хотел, чтобы о нашем разговоре стало известно всем. Он крикнул мне в рупор:

— Корвин! Будь любезен, сдай командование флотом! Твое дело проиграно. Тебе не удастся пройти!

Я посмотрел на него через разделяющее нас водное пространство и тоже поднес рупор к губам.

— А наш договор?

— Аннулирован. С такими силами, как у тебя, нечего и думать о нападении на Эмбер. Пощади жизни людей и сдайся, пока не поздно.

Я взглянул на восходящее солнце.

— Выслушай меня, брат Каин, — сказал я, — и окажи мне одну любезность. Позволь созвать совет капитанов, чтобы изложить им суть твоего ультиматума. Я дам ответ, когда солнце окажется в зените.

— Хорошо, — ответил он, не задумываясь. — Надеюсь, они поймут, что их положение безнадежно.

Я отдал приказ отвести флагман обратно к флотилии и сошел с капитанского мостика.

Если я попытаюсь спастись бегством, Каин немедленно кинется вдогонку. У него имеются пушки, и,

как только мы окажемся на отражениях (в реальном мире порох почему-то не воспламенялся), он хладнокровно расстреляет мои корабли один за другим. Если же я все брошу и просто исчезну, мои люди попадут в плен, так как без меня им не уйти на отражения. И в том и в другом случае дело дрянь.

Рэндом оказался прав.

Я вытащил карту Блейза и сконцентрировался. Он ответил не сразу.

— Что случилось? — раздался наконец его голос, и мне показалось, я слышу шум битвы.

— Неприятности, — сказал я. — Семьдесят три моих корабля вошли в северные воды Эмбера, но Каин приказал нам сдаться до полудня.

— Черт побери! — воскликнул Блейз. — Мне не удалось продвинуться так далеко, как тебе. Ты застал меня в самый разгар битвы с кавалерией. Мое войско тает на глазах. Так что я не могу ничего посоветовать. У меня хватает неприятностей. Поступай, как сочтешь нужным. Они опять атакуют! — И он исчез.

Я вытащил из колоды карту Жерара.

В начале разговора мне показалось, что я вижу за его спиной тонкую береговую линию, очень похожую на южный берег Эмбера. Наша беседа оставила в моей душе неприятный осадок. Я спросил, может и хочет ли он помочь мне в сражении против Каина.

— Я согласился пропустить тебя, — ответил он, — и поэтому увел свою эскадру на юг. Захоти я прийти к тебе на помощь, мне все равно не успеть. Но я не хочу. Я никогда не обещал, что помогу тебе убить нашего брата.

И, не дожидаясь ответа, он исчез. Ну что ж, Жерар был прав. Он согласился дать мне шанс победить и вовсе не обязан был выигрывать за меня сражение.

Неужели из создавшейся ситуации нет выхода?

Я закурил сигарету и начал мерить палубу шагами. Туман рассеялся, солнце давно взошло и ласково припекало спину. Скоро полдень. Часа через два...

Я вытащил колоду из-за пояса и задумчиво подкинул ее на ладони. С ее помощью, например, можно было помериться силой воли с Эриком или Каином — еще одно свойство карт, мне известное. Они были изготовлены по повелению Оберона рукой сумасшедшего художника Дворкина Баримена, горбуна с диким взглядом, который ранее был волшебником, священником или психиатром (тут мнения расходились) на каком-то далеком отражении, где отец спас его от смерти мученика. Деталей мы не знали, но не вызывало сомнений, что с тех самых пор Дворкин слегка тронулся умом. Это не мешало ему быть великим художником, и никто не отрицал, что он обладал какой-то странной силой. Мы часто разговаривали о нем, пытались понять, погиб он или просто скрылся. Возможно, его убил отец, не желая, чтобы тайное стало явным.

Каин, конечно, будет готов к нападению. Вряд ли мне удастся сломить его волю и подчинить себе. Сделать его беспомощным я смогу, но он наверняка это предусмотрел и отдал приказ своим капитанам атаковать ровно в полдень.

Об Эрике и говорить не приходилось. Он будет готов ко всему. Если у меня не останется другого выхода, я, конечно, попытаюсь на него напасть. Мне нечего было терять, кроме собственной души.

В колоде находилась также карта с изображением Эмбера. Я могу отправиться туда в любую минуту. По моим подсчетам вероятность того, что мне удастся проникнуть во дворец и убить Эрика, составляла одну миллионную долю процента.

Я готов был умереть в сражении, но не хотел, чтобы на моей совести лежала бессмысленная гибель многих людей. Сомнительно, что в моих жилах текла королевская кровь, хоть Лабиринт меня не уничтожил. Истинный принц Эмбера никогда не задумывался над такими пустяками. Я решил, что столетия, проведенные на отражении Земли, изменили меня, сделали более человечным, не похожим на остальных моих братьев.

Я принял решение сдать флот, а затем отправиться в Эмбер и вызвать Эрика на дуэль, которая должна была закончиться смертью одного из нас. Он будет дураком, если согласится, но другого выхода я не

видел.

Собираясь отдать соответствующий приказ капитанам, я повернулся, и в этот момент чужая воля пригнула меня к палубе. Я едва мог дышать.

Мне стало ясно, что кто-то воспользовался моей картой, и спустя примерно минуту я с трудом выдавил сквозь стиснутые зубы:

— Кто?

Ответа не последовало, но что-то продолжало сдавливать мой мозг, а я сопротивлялся изо всех сил, отказываясь подчиняться чужой воле.

И только поняв, что без упорной борьбы сломить меня невозможно, он заговорил, и я услышал слова, словно принесенные порывом ветра.

— Как самочувствие, братец? — спросил Эрик.

— Могло быть хуже, — сказал (или подумал) я, и он усмехнулся, хотя голос его явно дрожал от напряжения.

— Жаль, — произнес он. — Если бы ты вернулся в Эмбер, чтобы оказать мне поддержку, то многое бы выиграл. Сейчас, конечно, уже поздно. Я успокоюсь не раньше, чем уничтожу и тебя, и Блейза.

Я промолчал, употребив все оставшиеся силы на борьбу. Он отступил при этом бешеном натиске, но освободиться мне не удалось.

Если бы один из нас отвлекся даже на долю секунды, он либо стал бы безвольной марионеткой в руках противника, либо вошел бы с ним в физический контакт. Теперь я ясно видел Эрика в его дворцовых покоех. И оба мы боялись шевельнуться, чтобы не оказаться в чужой власти.

Поэтому мы уставились друг на друга, и со стороны было непонятно, какая упорная борьба шла между нами. Что ж, по крайней мере он решил одну из моих проблем, начав атаку первым. Наморщив лоб, Эрик держал мою карту в левой руке. Я попытался найти хоть какую-то брешь в его обороне, но безуспешно. Офицеры флагмана что-то говорили мне, но я не слышал ни единого слова.

Который был час?

Я потерял счет времени. Может, полдень уже наступил, а Эрик только этого и ждал? Я ни в чем не был уверен.

— Я знаю, о чем ты думаешь, — сказал он. — Чувствую. Да, я разговаривал с Каином. Он доложил мне, что ты попросил отсрочки. И я могу удерживать тебя в беспомощном состоянии, пока весь твой флот не окажется в Ребмэ, на дне морском. Твоих людей сожрут рыбы.

— Подожди! — вскричал я. — Они считали, что воюют за правое дело, и ни в чем не виноваты! Мы с Блейзом их обманули. Гибель нескольких человек ничего тебе не даст. Я уже принял решение сдать флот.

— В таком случае тебе не следовало медлить, потому что сейчас слишком поздно. Я не могу вызвать Каина, чтобы отменить свое распоряжение. Мне придется тебя освободить, а как только я это сделаю, ты либо уничтожишь меня физически, либо подчинишь своей воле. Мы слишком тесно связаны.

— Предположим, я дам тебе слово, что не предприму такой попытки?

— Клятву может нарушить каждый, в особенности когда на карту поставлено королевство.

— Но ведь ты можешь читать мои мысли! Неужели ты не чувствуешь, что я говорю правду? Я сдержу слово.

— Я действительно чувствую в тебе странную обеспокоенность за людей, которых ты обманул, и не совсем понимаю, чем она вызвана. И тем не менее — нет. Сам знаешь почему. Даже если ты говоришь искренне — а я это допускаю, — искушение будет слишком велико, и ты можешь не выдержать, если тебе представится возможность меня уничтожить. Я не хочу рисковать. — И я понимал, о чем он говорит. При мысли о троне Эмбера каждый из нас способен был потерять голову. — Ты стал на удивление хорошо владеть шпагой, — заметил Эрик. — По крайней мере в этом отношении ссылака благоприятно на тебя

подействовала. Ты фехтуешь почти так же искусно, как я, лучше всех остальных, за исключением Бенедикта, разумеется, которого скорее всего нет в живых.

— Не обольщайся, — сказал я. — Уверен, что справлюсь с тобой в два счета. И раз уж ты заговорил на эту тему, хочу предложить...

— Не надо. Я не собираюсь драться с тобой на дуэли. — Он улыбнулся, прочитав мою мысль, которая была не только в мозгу, но наверняка отражалась на моем лице. — Я все больше и больше жалею, что мы с тобой враги. Ты мог бы пригодиться мне, как никто другой. Джулиана я презираю, Каин — трус, Жерар силен, но глуп.

Я решил замолвить доброе словечко хоть за одного из моих братьев.

— Послушай, — сказал я. — Рэндом отправился со мной в Эмбер по принуждению. Он не разделяет моих взглядов. Думаю, если бы ты попросил, он согласился бы стать твоим союзником.

— Этот ублюдок! — воскликнул Эрик. — Я не попросил бы его подать мне ночной горшок! В нем могла оказаться крыса! И раз ты просишь за Рэндома, я тем более его не помилую. Ты, конечно, мечтаешь, чтобы я прижал его к груди и вскричал: «Брат мой!». О нет! Слишком рьяно ты его защищаешь, а значит, он меня ненавидит, и тебе об этом прекрасно известно! Не надейся, что я проявлю милосердие по отношению к Рэндому.

Неожиданно я почувствовал запах дыма и услышал скрежет металла о металл. Значит, Каин атаковал, уничтожая мои корабли один за другим.

— Прекрасно! — сказал Эрик, уловив мою мысль.

— Останови их! Пожалуйста! У нас нет ни одного шанса против огромной эскадры!

— Нет! Даже если ты согласишься подчиниться моей воле... — Он прикусил губу и выругался. На этот раз и я уловил его мысль.

Эрик собирался предложить мне подчиниться его воле, пообещав взамен сохранить жизни моим людям. Вырвав у меня согласие, он хладнокровно приказал бы Каину продолжать уничтожение флота. Мщение в духе Эрика, но он проговорился в пылу обуревавших его страстей.

Я усмехнулся, понимая, что он раздражен донельзя.

— Все равно никуда ты не денешься, — убежденно заявил Эрик. — Скоро твой флагман будет захвачен.

— Но пока этого не произошло, — воскликнул я, — получай!

И я ударил по нему всей силой воли, проникая в глубины его мозга, уничтожая невидимые барьеры разума своей ненавистью. Я почувствовал его боль и ударил еще сильнее. За все те годы, что я провел в ссылке, я бил, требуя наконец расплаты. За то, что он бросил меня подыхать во время чумы, я бил, требуя мщения. За автомобильную катастрофу, которую он подстроил, я бил, чтобы он страдал, как страдал я.

И Эрик не выдержал. Он не мог больше меня контролировать и постепенно сдавал позиции, а я удвоил усилия, сгибая его волю.

— Дьявол! Ты сам дьявол! — вскричал он и закрыл мою карту ладонью.

Контакт был прерван, и я стоял, дрожа всем телом.

Я добился своего. Победил Эрика в состязании воли. Теперь уже никогда не буду я бояться брата-тирана. Я был сильнее.

Я огляделся по сторонам. Битва разгоралась, и по палубам текла кровь. Нас взяли на abordаж, матросы Каина стремительно атаковали, а тем временем другой корабль заходил с левого борта. Над моей головой просвистела стрела из арбалета.

Я выхватил шпагу и кинулся в гущу сражения.

Не знаю, сколько человек я убил в тот день. Я потерял им счет после двенадцати или тринадцати. Физическая сила, присущая каждому принцу Эмбера, способному запросто поднять «мерседес» за бампер,

сослужила мне хорошую службу, позволяя выкидывать нападавших за борт одной рукой.

Мы перебили команды обоих кораблей, открыли кингстоны и отправили их в Ребмэ, на дно морское. Пусть Рэндом повеселится. В этой битве я потерял половину своих людей, но сам отделался синяками и царапинами. Мы поспешили на помощь нашим товарищам и потопили еще один рейдер Каина.

Спасенные нами матросы перешли на флагман, и вновь у меня была полная команда.

— Крови! — вскричал я. — Требую крови и мщения, мои воины, и обещаю, что память о вас навсегда сохранится в Эмбере!

И, как один, они подняли шпаги и воскликнули: «Крови! Мщения!» И реки... нет, моря крови пролились в тот день. Мы потопили еще два рейдера Каина, каждый раз пополняя свои силы остатками команд со спасенных кораблей. Прежде чем начать новый бой, я взобрался на мачту и посмотрел по сторонам.

Силы противника превосходили наши примерно втрое. От моего флота осталось от сорока пяти до пятидесяти пяти кораблей.

Мы потопили шестой рейдер, а седьмой и восьмой не заставили себя ждать и сами направились в нашу сторону. Их мы тоже потопили, но я опять потерял половину людей и был дважды ранен: в левое плечо и правое бедро.

Не успели мы свободно вздохнуть, рядом с нами оказались еще два рейдера, и нам пришлось бежать. Один из наших кораблей только что вышел победителем из неравного боя, и я перешел на него с остатками команды, так как флагман получил повреждения и сильно кренился на борт.

Передохнуть нам не дали и в очередной раз попытались взять на абордаж.

Люди мои устали, да и я был не в форме. К счастью, матросы противника тоже были не железными, и нам удалось захватить судно противника, которое находилось в еще лучшем состоянии, чем наше, а затем потопить рейдер, поспешивший на помощь. У меня осталось сорок человек команды, а сам я чуть не падал от усталости. Теперь в поле зрения не было ни одного корабля, способного прикрыть наши тылы. Каждый из них вел бой по меньшей мере с двумя рейдерами Каина. Поэтому мы позорно бежали, выиграв таким образом минут двадцать.

Я попытался скрыться на отражениях, но так близко от Эмбера оперировать пространством чрезвычайно сложно, и концентрация отнимает массу времени. Куда легче подойти к Эмберу вплотную, чем уйти из него, потому что он — центр Вселенной. Тем не менее мне не хватало всего десяти минут, чтобы выполнить задуманное.

Один из рейдеров нас догнал и вынудил принять бой, а вдалеке я увидел корабль под черно-голубым флагом с изображением единорога. Каин торопился лично свести со мной счеты.

Бой с рейдером мы выиграли, но прежде чем успели открыть кингстоны, флагман Каина подошел к нам почти вплотную. Я стоял на залитой кровью палубе, вокруг меня собрались человек двенадцать, и Каин крикнул мне с капитанского мостика, чтобы я сдавался.

— Если я сдамся, ты гарантируешь жизнь моим людям? — крикнул я в ответ.

— Да. В сражении я могу потерять несколько человек, а в этом нет нужды.

— Даешь слово принца?

Он задумался, потом кивнул.

— Хорошо. Прикажи им сложить оружие и перейти на мой корабль. Мы сейчас подойдем.

Я засунул шпагу в ножны и обратился к окружающим меня матросам:

— Вы бились на славу, — сказал я, — и заслужили мою вечную благодарность. Но мы проиграли. — Продолжая говорить, я тщательно вытер окровавленные руки о плащ (не люблю портить произведения искусства). — Сложите оружие, но знайте, что подвиги ваши никогда не будут забыты. Придет день, и во дворце Эмбера я воздам вам почести, которых вы заслуживаете. — Моя команда — девять высоких краснокожих и трое маленьких волосатых — плакали, кидая оружие на палубу. — И не думайте, что все

потеряно, — добавил я. — Мы проиграли лишь одну битву, а тем временем сражение идет повсюду. Мой брат, Блейз, на подходе к Эмберу. Каин сдержит слово и сохранит ваши жизни, когда увидит, что я ушел к Блейзу. Мне жаль, что я не могу взять вас с собой. — И с этими словами я вытащил из колоды нужную мне карту и опустил ее как можно ниже, чтобы не заметили с подходившего корабля.

Под холодной, очень холодной поверхностью карты фигура зашевелилась и ожила.

— Кто? — спросил Блейз.

— Корвин. Как дела?

— Мы выиграли сражение, но потеряли очень много людей. Сейчас отдыхаем перед очередным марш-броском. А у тебя что нового?

— Мы проиграли, хотя уничтожили по меньшей мере половину флота Каина. Он как раз собирается захватить мой корабль, так что помоги мне исчезнуть. — Блейз протянул руку, я дотронулся до нее и в ту же секунду очутился с ним рядом. У меня подкосились ноги, и я чуть было не упал, но он поддержал меня за плечи. — Кажется, это начинает входить в привычку, — пробормотал я и тут только заметил, что у Блейза сочилась кровь из раны на голове, а левая рука была перевязана.

— Пришлось схватиться за другой конец сабли, — пояснил он, проследив направление моего взгляда. — Немного щиплет.

Я перевел дыхание, и мы отправились в его палатку, где он открыл бутылку с вином и дал мне хлеба, сыра и вяленого мяса. К тому же у него сохранился довольно приличный запас сигарет, и я с наслаждением закурил, предоставив врачу перевязывать мои раны.

В нашей армии все еще оставалось около ста восьмидесяти тысяч человек. Когда на землю спустились сумерки, я взобрался на вершину холма, посмотрел вниз, и перед моим внутренним взором промелькнули тысячи солдатских лагерей, в которых я отдыхал на протяжении нескольких столетий. Я подумал о повелителях Эмбера, о простых людях, так на них не похожих, и на глаза мои навернулись слезы. Жизнь человеческая была коротка, а они совсем не ценили ее, превращая в прах на полях сражений.

Я вернулся в палатку Блейза, и мы допили с ним бутылку вина.

Всю ночь бушевал ураган. Ветер не утих с появлением зари, едва пробившей себе дорогу в серой мгле и посеребренной небо, и продолжался в течение всего дня тяжелейшего перехода.

Дождь, да еще холодный, фактор деморализующий, а маршировать, когда на тебя льет, — занятие не из самых приятных. Лично я всегда ненавидел слякоть, но почему-то на протяжении многих веков мне все время приходилось месить грязь ногами!

Мы попытались найти отражение с более приемлемыми погодными условиями, но не тут-то было. В Эмбер нам разрешали войти только насквозь промокшими, под грохотание грома и сверканье молний.

На следующее утро температура резко упала, и, взглянув на замерзшие полотнища знамен, я увидел серое небо, с которого хлопьями валил густой снег. При дыхании у меня изо рта вырывался пар.

Войско было плохо подготовлено к зиме, если, конечно, не считать маленьких волосатых людей, и мы приказали двигаться как можно быстрее, чтобы избежать обморожений. Высокие солдаты с красной кожей страдали. Их мир был очень теплым.

В тот день на нас напали тигр, белый медведь и волк. Длина тигра, которого убил Блейз, была чуть больше четырнадцати футов от носа до кончика хвоста.

Мы маршировали, не останавливаясь, и к вечеру началась оттепель. Блейз подгонял людей, стремясь как можно скорее покинуть холодное отражение. Судя по карте с изображением Эмбера, там стояла теплая сухая осень, а мы все ближе и ближе подходили к реальному миру.

Снежная буря сменилась холодным дождем, затем пошел теплый, и к полуночи установилась более или менее нормальная погода. Был отдан приказ разбить лагерь и выставить тройные наряды караулов. Наши солдаты валились с ног от усталости, и в случае нападения противник мог бы взять их чуть не голыми руками. Но что нам оставалось делать?

Нападение произошло через несколько часов, и по описанию тех, кто уцелел, я понял, что руководил им Джулиан.

Отряды неприятеля атаковали по периферии — самое уязвимое место лагеря, и знай я заранее, что Джулиан лично примет участие в сражении, я подавил бы его волю, воспользовавшись картой из колоды. К сожалению, я узнал об этом значительно позже.

Наши солдаты явно упали духом, но тем не менее подчинились приказу идти вперед.

В холодном отражении мы потеряли примерно две тысячи человек; число погибших ночью пока еще не было установлено.

Весь следующий день мы непрерывно попадали в засады. Такое огромное войско, как наше, не могло успешно действовать против быстрых рейдов, которые Джулиан совершал на наши фланги. Мы теряли десять человек убитыми, а он — не более одного-двух.

К полудню мы спустились в долину, протянувшуюся параллельно морскому берегу. Арденнский лес находился к северу, слева от нас; Эмбер — прямо впереди. Легкий прохладный бриз был напоен пряным запахом земли и сладкими ароматами трав. Изредка с деревьев падали листья. До Эмбера оставалось восемьдесят миль, и на горизонте можно было видеть огни большого города.

Днем пошел дождь, небо затянуло грозовыми облаками, засверкали молнии, но шторм прекратился так же быстро, как начался, и из-за туч выглянуло солнце.

Затем мы почувствовали запах гари.

Через некоторое время клубы дыма обволокли нас со всех сторон.

Вскоре показались языки пламени, которые вздымались и опадали, привычно потрескивая и уничтожая все на своем пути. В задних рядах началась паника. Раздались крики, колонны сломали строй, и солдаты побежали.

Хлопья пепла падали на нас сверху, дым ел глаза. Мы пытались убежать от огня, а он, казалось,

подступал к нам все ближе, ослепляя огромными полотнищами пламени, оглушая звуками, подобными раскатам грома. Деревья почернели, листья скрючились, кустарник пылал. Раскаленным воздухом невозможно было дышать.

Мы кинулись вперед, не сомневаясь, что нас ждет страшная участь.

И мы не ошиблись.

Деревья-великаны падали, преграждая путь. Приходилось перепрыгивать через стволы, обходить их стороной. Нам удалось найти небольшую тропинку...

Жара становилась невыносимой. Олени, волки, лисы, зайцы бежали рядом, не обращая внимания ни на нас, ни на своих естественных врагов. Тучи птиц затмили небо. Они носились с громкими криками, роняя на нас помет, но мы уже ни на что не обращали внимания.

Поджечь этот древний лес, не менее священный, чем Арденнский, казалось мне кощунством. Но Эрик был принцем Эмбера и скоро станет его королем. Окажись я на его месте, может быть...

У меня обгорели брови и волосы. Мое горло вполне могло заменить собой печную трубу. Интересно, сколько людей останется в нашей войске после столь зверской расправы?

Семьдесят миль лесистой долины лежали между нами и Эмбером и тридцать миль по лесу мы уже прошли.

— Блейз! — хрипло выкрикнул я. — Через две-три мили, на развилке дороги, нам необходимо свернуть направо. Это — наш единственный шанс! Похоже, вся Гарнатская долина будет выжжена. Если не доберемся до воды, мы погибли!

Он кивнул.

Мы бежали сломя голову, но огонь все-таки опережал нас. С трудом добрались мы до развилки дороги, сбивая пламя с дымящихся одежд, вытирая глаза от копоти, отплевываясь от пепла, стряхивая с волос тлеющие угольки.

— Еще четверть мили, — задыхаясь, сказал я.

Горящие ветви падали на меня, обжигая лицо и руки, пульсирующие от боли. Тело бил озноб. Трава горела под нашими ногами, но мы неслись, как сумасшедшие, вниз по склону холма, у подножия которого протекал Ойзен. Я никогда не думал, что смогу мчаться с такой скоростью. Мы с разбега бросились в воду, принявшую нас в свои прохладные объятия.

Мы с Блейзом старались не терять друг друга из виду в то время, как течение подхватило нас и понесло по извилистому руслу реки. Сплетенные ветви над нашими головами напоминали пылающий свод собора. Они с треском ломались и падали, и нам приходилось либо уворачиваться, либо нырять как можно глубже, чтобы уберечься от лишних ожогов. Обуглившиеся деревьяшки в реке дымились и шипели, а головы уцелевших воинов напоминали кокосовые орехи.

Вода была темна и прохладна, и у меня зуб на зуб не попадал от холода.

Через несколько миль горящий лес закончился, и мы поплыли к морю мимо плоской болотистой равнины. Идеальное место для засады лучникам Джулиана, решил я и высказал свое мнение Блейзу. Он тут же согласился, но резонно заметил, что в нашем положении выбирать не приходится. Возразить мне было нечего.

Течение продолжало нести нас к морю, а деревьяшки вокруг все еще дымились и шипели.

Казалось, прошло несколько часов (хотя этого просто не могло быть), и мои опасения начали сбываться. На нас посыпалась туча стрел.

Я нырнул и долгое время плыл под водой. Течение помогло, и я преодолел довольно большое расстояние.

Когда я вынырнул, на меня вновь начали падать стрелы.

Один бог знал, какая из них могла оказаться последней в моей жизни, но я не стал испытывать судьбу,

набрал полную грудь воздуха и ушел под воду.

Рука моя коснулась дна. Я на ощупь пробирался среди подводных камней. Когда легкие мои готовы были разорваться от боли, я выплыл у правого берега, сделал глубокий вдох и тут же нырнул, даже не посмотрев, где нахожусь.

Я плыл сколько мог, затем вынырнул.

На этот раз мне не повезло. Стрела вонзилась в мой бицепс. Я тут же опустился на дно, сломал ее у наконечника и вытащил острие, продолжая плыть вперед, подобно лягушке, загребая правой рукой. Я прекрасно понимал, что не успеет моя голова показаться на поверхности, она станет мишенью для стрелков, и поэтому заставил себя держаться до тех пор, пока в ушах не загудело, а перед глазами не заплясали красные искры. Наверное, я пробыл под водой не менее трех минут.

Когда я вынырнул, никто в меня больше не стрелял. Отплываваясь и жадно хватая ртом воздух, я добрался до левого берега, уцепился за камыши и огляделся по сторонам.

На низкой равнине деревья почти не росли, и огонь сюда не дошел, оба берега были пустынными, но в реке я тоже не увидел ни одного человека. Мог ли я оказаться единственным, кто уцелел в этом огненном аду? Невероятно. В конце концов, нас было слишком много.

Я чуть не падал от усталости, на мне не осталось ни одного живого места, и каждый дюйм моей кожи горел, как в огне. К тому же от купания в ледяной воде меня трясло как в лихорадке. Если я хотел выжить, мне следовало как можно скорее выбраться на берег, но тем не менее я решил не рисковать и проплыть еще немного, чтобы окончательно оторваться от своих преследователей.

Не помню, как, но я нырял и плыл под водой еще четыре раза, после чего почувствовал, что на пятый мне уже не вынырнуть. Поэтому я подплыл к берегу, схватился за какой-то большой камень, отдышался, выбрался из воды и, перекатившись на спину, огляделся по сторонам. Местность была мне незнакома, но вокруг ничего не горело. Справа от меня рос густой кустарник; я дополз до него, забрался внутрь и уснул.

Открыв глаза, я первым делом горько пожалел о том, что проснулся. У меня болело все тело, к горлу подкатывала тошнота. Несколько часов пролежал я в полубессознательном состоянии и в конце концов с трудом дополз до реки и с жадностью напился. Затем я вновь добрался до кустарника и заснул.

Очнувшись во второй раз, я все еще чувствовал себя достаточно плохо, но слабость прошла, и мне удалось дойти до реки и обратно. С помощью ледяной карты Блейза я выяснил, что он жив.

— Где ты? — спросил Блейз, когда мы обменялись приветствиями.

— Понятия не имею. Но где бы я ни был, мне крупно повезло. Подожди-ка, по-моему, море близко. Я чувствую его запах и, кажется, слышу плеск волн.

— Ты у реки?

— Да.

— На каком берегу?

— На левом, северном, если встать лицом к морю.

— В таком случае оставайся на месте, — сказал Блейз. — Я кого-нибудь за тобой пришлю. Со мной две тысячи человек, и люди продолжают прибывать, так что Джулиан вряд ли осмелится напасть.

— Хорошо, — согласился я, и на этом наш разговор закончился.

Я остался на месте. И заснул.

Я услышал, что сквозь кусты кто-то пробирается и, затаив дыхание, осторожно раздвинул ветки. Неподалеку стояли трое высоких солдат с красной кожей.

Я пристегнул шпагу, почистил одежду, пригладил рукой волосы, сделал несколько глубоких вдохов, выпрямился и, слегка покачнувшись, вышел на открытое место.

— Я здесь, — объявил я.

Услышав мой голос, двое солдат выхватили кривые сабли и заняли оборонительные позиции. Правда, они быстро меня узнали, улыбнулись и, отсалютовав, проводили в лагерь, до которого было не более двух миль. Я прошел их самостоятельно, отказавшись опереться о предложенную мне руку.

Невесть откуда появившийся Блейз сообщил, что он собрал уже три тысячи человек. Затем он позвал врача и предоставил меня его заботам.

Ночь прошла спокойно, никто на нас не нападал, а весь следующий день люди продолжали прибывать группами и поодиночке. В результате наше войско насчитывало теперь пять тысяч солдат. В отдалении виднелся Эмбер.

Вторая ночь тоже закончилась без происшествий, и на заре мы отправились в путь.

К полудню мы прошли пятнадцать миль. Мы двигались вдоль берега моря, и отрядов Джулиана нигде не было видно.

Моя боль от ожогов утихла, бедро почти не болело, но плечо и рука давали о себе знать, так что иногда мне приходилось стискивать зубы, чтобы удержаться от крика.

До Эмбера оставалось сорок миль. Погода стояла ясная, а выжженный лес слева от нас представлял собой пустынное черное пепелище. Огонь уничтожил также почти весь кустарник, но это было нам только на руку. Теперь мы могли не бояться засады.

К заходу солнца мы прошли еще десять миль и разбили лагерь прямо на морском берегу.

Следующим утром мне неожиданно пришло в голову, что вот-вот должна состояться коронация Эрика, и я напомнил об этом Блейзу... Мы совсем забыли о том, сколько прошло времени, но в конце концов подсчитали, что у нас в запасе есть еще несколько дней.

До полудня мы шли ускоренным походным шагом, затем расположились на отдых. Еще двадцать пять миль, и мы окажемся у подножия Колвира. К сумеркам это расстояние сократилось до десяти миль, но мы продолжали идти вперед и разбили лагерь только в полночь. Я чувствовал себя значительно лучше и даже попытался устроить нечто вроде разминочного боя с тенью, делая выпады шпагой. На следующий день я был почти здоров.

Мы дошли до подножия Колвира, где нас встретили все отряды Джулиана и присоединившиеся к нему матросы эскадры Каина.

Блейз стоял, как на параде, и командовал, словно Роберт Е. Ли в битве при Чанселлорсвиле; мы разбили неприятеля наголову. Джулиан, естественно, исчез, а у нас осталось три тысячи солдат.

Но мы победили, и той ночью у нас был праздник. Мы победили.

И тем не менее я боялся и высказал свои опасения Блейзу. Три тысячи солдат против Колвира.

Я потерял флот, а Блейз — более девяноста восьми процентов войска. Радоваться было нечему.

Утром мы начали восхождение. На каждой ступеньке лестницы, ведущей в гору, могли одновременно уместиться не более двух человек, а позднее нам придется идти цепью.

Позади остались сто ярдов подъема, двести, триста...

С моря подул ураганный ветер, и мы прижались к каменному склону, который не в состоянии был нас защитить. Несколько сот людей погибли.

Мы вновь пошли вперед, и хлынул дождь. Ступеньки стали скользкими, подъем делался все круче. Поднявшись на четверть высоты Колвира, мы встретили колонну спускающихся солдат. Последовал короткий обмен ударами, и двое людей упали в пропасть. Мы выиграли две ступеньки и потеряли одного человека.

Так продолжалось более часа, и мы прошли примерно треть пути, а цепочка наших солдат все уменьшалась и уменьшалась, неумолимо подступая к Блейзу и ко мне. Хорошо хоть, что высокие краснокожие воины оказались сильнее гвардейцев Эрика. Бряцало оружие, раздавался короткий вскрик, и

человек пролетал мимо нас. Иногда он был краснокожий, иногда — мохнатый, но чаще всего — одетый в форму гвардии Эрика.

Мы добрались до середины лестницы, сражаясь за каждую ступеньку. Когда мы доберемся до вершины горы, перед нами окажется широкая Лестница, по отражению которой я спускался в Ребмэ. Эта Лестница приведет нас к гигантской арке, являющейся восточными воротами Эмбера.

В нашем авангарде осталось человек пятьдесят. Потом сорок... тридцать... двадцать... дюжина...

Восточной лестницей, петляющей зигзагами по склону Колвира, редко кто пользовался. Она была построена скорее для красоты, чем по необходимости. В наши первоначальные планы входило пересечь долину (ныне выжженную), обойти гору и ударить по Эмберу с запада. Но лесной пожар и Джулиан спутали нам все карты. Следовательно, оставалось либо атаковать в лоб, либо отступить. А отступить было некуда.

Три гвардейца Эрика полетели в пропасть, и мы выиграли четыре ступеньки. Затем погиб один из наших солдат, и ступенька была потеряна.

С моря дул холодный резкий ветер, у подножия горы начали собираться птицы. Сквозь облака проглянуло солнце: видимо, Эрик решил не управлять погодой во время битвы.

Мы поднялись еще на шесть ступенек и потеряли одного человека.

Все это было странно, и дико, и печально...

Скоро придет очередь Блейза, а затем моя, если он погибнет.

Впереди остались шестеро наших воинов.

Десять ступенек...

Их осталось пятеро.

Мы медленно поднимались на Колвир, а лестница сзади, насколько хватало глаз, была залита кровью. Оправдать себя всегда несложно.

Наш пятый солдат убил четверых, прежде чем погиб, и мы прошли еще один короткий зиг (или заг) склона горы.

Только вперед! Четвертый воин авангарда сражался, держа в каждой руке по сабле. Он бился за святое дело и поэтому наносил удары с большим воодушевлением. Ему удалось справиться с тремя гвардейцами.

Третий не обладал такой верой, а может, просто хуже владел оружием, и был убит сразу же.

И их осталось двое.

Блейз вытащил свою длинную шпагу с золотым орнаментом, и клинок ее блеснул на солнце.

— Скоро, брат! — сказал он. — Теперь уже скоро! Посмотрим, как они выстоят против принца Эмбера!

— Надеюсь, только одного, — заметил я, и он ухмыльнулся.

По моим подсчетам, мы прошли три четверти пути, когда Блейзу пришлось вступить в бой.

Он мгновенно убил первого гвардейца, вонзил острие шпаги в горло второго и ударил его по голове третьего, скидывая его вниз. Дуэль с четвертым продолжалась несколько секунд, но исход ее не вызывал сомнений.

Я поднимался вслед за Блейзом и на всякий случай тоже вытащил шпагу из ножен. Он был великолепен и владел оружием куда лучше, чем я предполагал. Шпага его, словно живая, мелькала в отблесках солнца. Он стремительно продвигался вперед, и гвардейцы падали перед ним — о боже, как они падали! И что бы ни говорили о Блейзе, в тот день он показал себя истинным принцем, достойным сыном Эмбера. Я стал думать, долго ли он продержится.

В левой руке Блейз держал кинжал, которым пользовался с яркой жестокостью и при малейшей

возможности, пока не лишился его, оставив в горле своей одиннадцатой жертвы.

Я не видел конца колонне солдат Эрика. Видимо, она доходила до самого верха лестницы. Я надеялся, что мне не придется вступить в бой. Я почти верил в это.

Еще три гвардейца пролетели мимо меня в пропасть, и мы очутились на небольшой лестничной площадке перед очередным поворотом. Блейз расчистил площадку и вновь начал подниматься по ступенькам. Я наблюдал за ним уже полчаса, а воины, выступавшие против него, все умирали и умирали. Я слышал шепот восхищения солдат, шедших сзади, и у меня невольно мелькнула сумасшедшая мысль, что Блейзу удастся расправиться со всеми гвардейцами в одиночку.

Он использовал каждый трюк, известный в фехтовании. Он выбивал шпаги плащом, делал подножки. Он хватал противника за кисть руки, выворачивал и скидывал в пропасть без борьбы.

Мы дошли до следующей лестничной площадки, и я увидел, что на рукаве Блейза, не перестававшего улыбаться, выступила кровь. Гвардейцы, стоявшие за теми, которых он убивал, были бледны, как смерть. Это тоже ему помогало. Возможно, и мое присутствие нагоняло на них страх, действовало на нервы, сковывало движения. Как я позднее узнал, они слышали о нашей битве на море.

Блейз расчистил очередную лестничную площадку. Честно говоря, я не думал, что ему удастся продержаться так долго. Столь феноменального владения шпагой я не видел с тех самых пор, как Бенедикт в одиночку удерживал проход через Арденнский лес против Лунных Всадников Генеша.

Однако Блейз начал уставать, это я тоже видел. Если бы можно было подменить его хоть ненадолго, дать ему возможность отдохнуть..

Но такой возможности не было. Поэтому я продолжал идти сзади, со страхом ожидая, что очередной удар окажется для него последним.

Я знал, что он слабеет. До вершины горы оставалось сто футов.

Внезапно Блейз стал мне близок. Он был моим братом и не отказал мне в помощи, а сейчас, прекрасно понимая, что вряд ли ему удастся продержаться до конца, продолжал сражаться... тем самым давая мне шанс завоевать трон...

Он убил еще троих, но с каждым ударом рука, державшая шпагу, двигалась все медленнее. Поединок с четвертым гвардейцем затянулся минут на пять, и я был уверен, что следующий противник окажется для него последним.

Я ошибся.

Пока Блейз пытался высвободить клинок из тела, я переброшил шпагу из правой руки в левую, выхватил из-за пояса кинжал и метнул его. По самую рукоять вошел он в горло пятого гвардейца.

Блейз перепрыгнул через две ступеньки сразу и ударом локтя скинул очередного солдата в пропасть, затем сделал прямой выпад, вспоров живот следующему.

Я не отставал ни на шаг, готовясь вступить в бой, как только возникнет необходимость, но Блейз пока что не нуждался в моих услугах. С необычайной энергией, как будто к нему пришло второе дыхание, кинулся он вперед и выиграл для нас две ступеньки.

Я держал наготове еще один кинжал, который мне передали по линии, и бросил его, как только заметил, что Блейз начал уставать. Но в момент броска гвардеец нагнулся, и кинжал ударил его рукояткой по голове. Это, правда, помогло Блейзу столкнуть своего противника с лестницы, но идущий следом солдат решительно бросился в атаку, и хотя шпага Блейза вошла ему в грудь, он потерял равновесие, и они вместе полетели в пропасть.

Повинуясь непонятному инстинкту, почти не соображая, что делаю, но тем не менее прекрасно понимая, что мгновенные решения почти всегда себя оправдывают, я выхватил левой рукой из-за пояса колоду карт, швырнул ее Блейзу, который на секунду как бы завис над бездной (настолько быстро отреагировали мои мускулы), и крикнул ему во все горло:

— Лови скорее! Лови же, идиот!

У меня не было времени смотреть, что произойдет дальше: пришлось вступить в бой.

Но колоду он поймал. Это я успел заметить краешком глаза.

И тогда начался последний этап нашего восхождения на Колвир. Скажу только, что нам удалось это сделать, и я остановился, тяжело дыша, на верхней площадке лестницы, и стал ждать, когда вокруг меня соберутся остатки моего войска.

Мы построились и кинулись в атаку. Чтобы дойти до гигантской арки, являющейся восточными воротами Эмбера, нам потребовался примерно час. Мы миновали ее с боем и вошли в город.

Где бы сейчас ни был Эрик, я уверен, он не предполагал, что нам это удастся. Невольно я вспомнил Блейза. Хватило ли у него времени выхватить нужную карту и воспользоваться ею, прежде чем он упал на дно пропасти? Видимо, я никогда этого не узнаю.

Мы недооценили противника, сильно недооценили. Сейчас его войско намного превосходило наше численностью, и нам оставалось только биться до последнего, потому что о победе нечего было даже мечтать. Зачем я сваял дурака и бросил Блейзу колоду карт? Я знал, что у него не было своей, и действовал подсознательно, повинуюсь инстинкту, который, скорее всего, приобрел на отражении Земля. Ведь карты необходимы были мне, чтобы спастись, если меня разобьют наголову.

Меня разбили наголову.

Наступил вечер, и моя небольшая армия таяла на глазах. Нас окружили со всех сторон, а до дворца было еще далеко. Мы потерпели поражение.

Льювилла или Дейдра предоставили бы мне убежище. Зачем я лишил себя возможности к ним обратиться? Я отразил очередную атаку, убил гвардейца и перестал думать о своем поступке.

Солнце зашло, небо потемнело. Нас оставалось всего несколько сотен, и мы не приблизились к дворцу ни на шаг. Затем я увидел Эрика, отдающего какие-то распоряжения громким голосом. Если бы только мне удалось подойти к нему ближе! Но это было невозможно.

Я сдался бы ему в плен, чтобы сохранить жизни моим людям. Но сдаваться было некому, и никто не предлагал мне условий капитуляции. Эрик не услышал бы меня, закричи я во все горло. Он был слишком далеко.

Скажу короче: они убили всех, кроме меня.

А на меня набросили сети и сбили на землю, обстреляв тупыми стрелами без наконечников. Я помню, что получил множество ударов по голове и впал в беспамятство, похожее на кошмарный сон, от которого никак не удавалось избавиться.

Мы потерпели поражение.

Пробудился я в подземной темнице Эмбера, горько сожалея, что мне не удалось победить, хотя трудный путь я прошел почти до самого конца. Если меня оставили в живых, значит, у Эрика были на то основания. Перед моими глазами возникли видения колодок, огня и щипцов для пыток. Я представил себе, как постепенно начну деградировать, лежа на сырой соломенной подстилке.

Долго ли я оставался без сознания? Неизвестно.

Я тщательно обыскал маленькую тюремную камеру, пытаюсь найти хоть какой-нибудь предмет, с помощью которого можно было бы покончить жизнь самоубийством.

Безуспешно.

Устроившись поудобнее, я заснул.

Проснулся я в полном одиночестве. Никто меня не пытал, и мне некого было подкупить. Еды тоже никто не принес.

Я лежал, завернувшись в плащ, и вспоминал свою жизнь с тех пор, как очнулся в Гринвуде и отказался от укола. Может быть, зря.

Я познал отчаяние.

Скоро должна была состояться (если уже не состоялась) коронация Эрика.

Но сон — благо, а я так устал...

Впервые за долгое время я получил возможность отдохнуть и забыть о всех своих неприятностях.

Камера была темной, сырой, и в ней пахло гнилью.

Сколько раз я просыпался и вновь засыпал — не помню. Дважды я находил у двери поднос с мясом, хлебом и водой. Каждый раз я съедал все без остатка. В камере было холодно. Я ждал.

Затем за мной пришли.

Дверь распахнулась, и камера тускло осветилась. Я моргнул с непривычки, и в этот момент меня позвали.

В коридоре выстроился отряд стражников, так что сопротивляться было бессмысленно. Я потер рукой щечину на подбородке и пошел туда, куда меня повели.

Шли мы долго — сначала коридорами, потом по спиральной лестнице — и в результате очутились во дворце Эмбера. Я ни о чем не спрашивал, со мной никто не разговаривал. Меня привели в теплую, чисто убранную комнату и велели раздеться донага. Я разделся. Затем мне указали на ванну с горячей водой, от которой поднимался ароматный пар, и подошедший слуга помыл меня, подстриг и побрил. Когда я вытерся насухо, мне дали чистую одежду — черную с серебряной отделкой. Когда я оделся, на меня накинули плащ — черный с застежкой в форме серебряной розы.

— Теперь вы готовы, — сказал сержант. — Следуйте за мной.

Я последовал за ним, а стражники окружили меня со всех сторон.

Через некоторое время мы очутились в мастерских, где кузнец сковал мне руки цепями, которые невозможно было разорвать, и обул ноги в кандалы. Я знал, что ничего не добьюсь, если окажу сопротивление, разве что буду избит до бесчувствия. Я не хотел быть избитым до бесчувствия и поэтому не сопротивлялся.

Затем несколько солдат охраны взяли цепи в руки и повели меня по дворцу. Я не глядел по сторонам и не восхищался великолепным убранством залов. Я был пленником. Возможно, в скором времени я окажусь либо в могиле, либо на дыбе. Сейчас я был бессилен что-нибудь изменить. Быстрый взгляд в окно подсказал мне, что наступил вечер, и я не испытывал ностальгии, шагая по дворцу, где все мы играли детьми.

Длинным коридором меня провели в большой банкетный зал. Повсюду были расставлены столы, а за ними сидели люди. Многих я знал.

Я увидел знакомые лица, в том числе Флору и придворного музыканта, лорда Рейна (именно я посвятил его в рыцари), с которым не встречался несколько столетий. Заметив, что я на него смотрю, Рейн отвернулся.

Меня подвели к большому столу в центре зала и усадили на стул.

Стражники встали сзади, приковав мои цепи к кольцам, недавно вделанным в пол, — видимо, специально для этой цели. Кресло во главе стола пока еще пустовало.

Справа от меня сидела миниатюрная блондинка, которую я не знал, слева — Джулиан. Не обращая на него внимания, я повернулся к незнакомке.

— Добрый вечер. Кажется, нас забыли представить. Меня зовут Корвин. — Она беспомощно посмотрела на своего соседа, рыжеволосого гиганта с кучей веснушек, но тот сделал вид, что оживленно беседует с какой-то дамой. — Если вы мне ответите, ничего страшного не произойдет, — сказал я. — Честное слово, я не заразный.

Она выдавила из себя слабое подобие улыбки.

— Меня зовут Кармель. Здравствуйте, принц Корвин.

— Какое приятное у вас имя, — заметил я. — Скажите, почему такая приличная девушка, как вы, оказалась в этом зале?

Она быстро взяла в руки бокал и сделала глоток воды.

— Корвин, — нарочито громко произнес Джулиан, — мне кажется, леди возмущена твоими наглыми к ней приставаниями.

— Правда? Откуда тебе знать? По-моему, с тобой она за весь вечер и словом не обмолвилась.

Джулиан не покраснел. Он стал белым как мел.

— Достаточно. Немедленно замолчи.

И тогда я потянулся и намеренно громко забренчал цепями. Во-первых, это произвело желаемый эффект, а во-вторых, я узнал, сколько свободного пространства находится в моем распоряжении. Недостаточно, конечно. Эрик, как всегда был бдителен.

— Подсядь поближе, братец, и прошепчи мне свои возражения на ушко, — сказал я.

Но он почему-то остался на месте.

Так как меня усадили за стол последним, я не сомневался, что главные события должны были произойти с минуты на минуту. Я не ошибся.

Зазвучали фанфары, и в зале появился Эрик.

Все встали.

Кроме меня.

Стражникам пришлось изо всех сил натянуть цепи, и я поневоле принял вертикальное положение.

Эрик улыбнулся и спустился с небольшой лесенки. На нем была тяжелая горностаевая мантия, почти полностью скрывавшая его традиционный костюм. Он встал во главе стола рядом с креслом, слуга остановился сзади, и виночерпии тут же принялись разливать вино.

Когда бокалы были наполнены, Эрик громко воскликнул:

— Выпьем за здоровье тех, кто всегда будет жить в Эмбере, вечном городе!

И все подняли бокалы.

Кроме меня.

— Возьми бокал, — сказал Джулиан.

— Подай его мне.

Он не шелохнулся, лишь сверкнул глазами. Тогда я быстро взял бокал в руки. Между мной и Эриком сидели человек двести гостей, но мой голос разнесся по всей зале. И Эрик не отрывал от меня взгляда, пока я произносил свой тост:

— За Эрика, который сидит в самом конце стола!

Никто со мной не чокнулся, и Джулиан первым выплеснул вино на пол. Остальные последовали его примеру, но я успел выпить почти до дна, прежде чем бокал выбили из моих рук.

Эрик уселся в кресло, придворные заняли свои места, а стражники отпустили державшие меня цепи, и я упал на стул. Лакеи принялись разносить всевозможные блюда, а так как я был голоден, то ел больше других и с огромным удовольствием. Музыка не умолкала ни на секунду, и трапеза продолжалась по меньшей мере два часа. За все это время никто не сказал мне ни единого слова, и сам я тоже ни с кем не разговаривал. Но мое присутствие ощущалось всеми, и поэтому за нашим столом было куда менее оживленно, чем за остальными.

Каин сидел по правую руку Эрика. Джулиан явно был не в фаворе. Рэндом и Дейдра отсутствовали. В зале находилось много дворян, которых я знал и даже считал своими друзьями, но ни один из них не кивнул в ответ, случайно встретившись со мной взглядом.

Я понял, что осталось выполнить небольшую формальность, и Эрик станет королем Эмбера.

Так оно и произошло.

Когда обед закончился, никто не стал произносить длинных речей. Эрик поднялся с кресла, музыка стихла, прозвучали фанфары, и процессия дворян прошествовала в тронный зал дворца.

Я знал зачем.

Эрик остановился рядом с тронном, и все склонили перед ним головы.

Кроме меня, естественно, но стражники вновь натянули цепи, и на этот раз я был поставлен на колени.

Сегодняшний день был днем его коронации.

В тронном зале стояла мертвая тишина. Затем Каин внес подушку, на которой лежала корона. Корона Эмбера. Он преклонил колени, вытянул руки и застыл в этом положении.

Рывком цепей меня подняли на ноги и потащили вперед. Мгновенно поняв, чего добивается Эрик, я начал бешено сопротивляться, но пинками и ударами меня вновь поставили на колени у самых ступенек трона.

Зазвучала нежная музыка — это были «Зеленые Рукава» — и голос Джулиана за моей спиной громко произнес:

— Состоится коронация принца Эмбера! — Затем он прошептал мне на ухо: — Возьми корону и протяни ее Эрику. Он коронует сам себя.

Я посмотрел на серебряную корону Эмбера, лежавшую на алой подушке, которую держал Каин. На конце каждого из семи ее пиков сверкал драгоценный камень. Обруч был усыпан изумрудами, а по его бокам горели два рубина. Я не шевельнулся, думая о тех временах, когда корона эта украшала голову нашего отца.

— Нет, — сказал я, и меня ударили по лицу.

— Возьми ее и протяни Эрику, — повторил Джулиан.

Я попытался кинуться на него, но цепи были надежно натянуты. Мне снова дали пощечину.

Я уставился на острые высокие пики и согласно кивнул.

— Хорошо. — Потянувшись к короне, я взял ее в руки, быстро одел себе на голову и воскликнул: — Корону принца Корвина, который отныне становится королем Эмбера!

Корону немедленно сняли и положили на подушку. Меня несколько раз сильно ударили по спине. По всему залу прокатился шепоток.

— Еще раз, — сказал Джулиан. — Протяни ее Эрику.

— Хорошо, — ответил я, чувствуя, как по моей спине течет что-то мокрое и липкое.

И я швырнул корону изо всех сил, надеясь выбить Эрику глаз.

Он поймал ее правой рукой и улыбнулся, словно добился того, чего хотел.

— Спасибо, — произнес он. — А сейчас я обращаюсь ко всем присутствующим и тем, кто слышит меня на отражениях. В этот день я принимаю корону и трон. В моей руке — скипетр королевства Эмбер. Я завоевал трон в честной борьбе и занимаю его по праву!

— Лжец! — крикнул я, но мне тут же зажали рот.

— Я корону себя и отныне буду называться Эриком Первым, королем Эмбера!

— Да здравствует король! — три раза прокричали придворные.

Эрик наклонился и прошептал мне на ухо:

— Никогда в жизни не видел ты зрелища более прекрасного, чем сегодня... Эй, стража! Я повелеваю

выжечь Корвину глаза! Пусть последним его воспоминанием будет праздничное великолепие этого дня! А затем бросьте его в самую далекую темницу, самое глубокое подземелье Эмбера, чтобы память о нем стерлась и имя его было забыто!

Я плюнул Эрику в лицо, и меня опять избили.

Я сопротивлялся изо всех сил, но меня выволокли из тронного зала. Никто не смотрел в мою сторону, и последнее, что я помню, это фигура Эрика, который восседал на троне и милостиво улыбался столпившимся вокруг придворным.

Его приказание было исполнено, и, благодаря богу, я потерял сознание, прежде чем они успели закончить.

Я не имею ни малейшего представления, сколько времени прошло с тех пор, как я очнулся в абсолютной тьме от ужасающих, ни с чем не сравнимых головных болей. Возможно, именно тогда я изрек свое проклятье, а может, несколько раньше, когда глаз моих коснулось раскаленное железо. Не помню. Но я знал, что никогда Эрик не будет спокойно восседать на троне, потому что проклятье принца Эмбера, произнесенное в отчаянии и ярости, всегда сбывается.

Во тьме подземелья я царапал ногтями соломенную подстилку, но слезы отказывались течь, и это было самое страшное. Спустя много-много часов (только ты и я, боже, знаем, как долго я мучился) ко мне вновь пришел сон.

Я пробудился, но боль меня не оставила. Я встал. Измерил шагами камеру. Четыре шага в ширину, пять в длину. Дыра в полу вместо уборной, соломенный тюфяк в углу. Щель под дверью, за которой стоял поднос с затхлым куском хлеба и бутылкой воды. Я поел и попил, но сил у меня не прибавилось.

Голова моя болела так сильно, а в душе моей не было покоя.

Я старался спать как можно больше, и никто не приходил меня навестить. Я просыпался, шел в противоположный конец камеры, на ощупь находил поднос с едой, если его оставляли, и съедал все без остатка. Я старался спать как можно больше.

Когда я проснулся на восьмой раз, боль из моих глазниц ушла, Я ненавидел своего брата, который стал королем Эмбера. Лучше бы он убил меня.

Я попытался представить, что говорят во дворце по поводу моего приговора, но ничего путного в голову не приходило.

Что ж, когда Эмбер окажется во тьме, Эрик горько пожалеет о том, что он со мной сделал. Я знал, что так будет, и это хоть немного меня утешало.

Так началась моя жизнь во тьме, и я не мог измерить ее течение. Думаю, и зрячий не отличил бы день от ночи в этом мрачном подземелье.

Время шло своим чередом, не поддаваясь никакому учету, и иногда меня бил озноб и охватывал страх, потому что я не мог понять, провел я в своей камере много недель, часов, месяцев или лет.

Я старался вообще не думать о времени. Я спал, ходил (я уже точно знал, куда поставить ногу и где надо повернуть) и размышлял о своей прошлой жизни. Иногда я сидел, скрестив ноги, и дышал ровно и глубоко, стараясь опустошить мозг от мыслей. Это помогало — думать ни о чем.

Эрик был далеко не дурак. Я не потерял своей силы, но теперь не мог ею воспользоваться. Слепому не нужна была власть над отражениями.

Борода моя отросла до груди, волосы свисали ниже плеч. Первое время я умирал от голода, но затем аппетит пропал. Когда я вставал слишком резко, у меня начинала кружиться голова.

Мне снились кошмары, в которых я был все еще зрячим, и тем горше были пробуждения. Постепенно я начал забывать события, приведшие к моей слепоте. Мне начало казаться, что они произошли не со мной, а с каким-то другим человеком. Может, так оно и было.

Я очень сильно похудел. Я пытался представить, каким бледным и изможденным сейчас выгляжу. Несколько раз мне хотелось заплакать, но я был лишен этой возможности. Слезные железы не желали функционировать. Когда я думал, что человека можно довести до такого состояния, мне становилось страшно.

Однажды я услышал, как в дверь тихо поскреблись, но не обратил на это внимания. Звук повторился, и вновь я промолчал. Затем послышался тихий голос, зовущий меня по имени.

Я пересек камеру.

— Здесь, — сказал я.

— Это я, Рейн. Как ваши дела?

Я расхохотался.

— Прекрасно! Ох, лучше не придумашь! Бифштексы, шампанское, танцовщицы чуть не каждую ночь. Боже! Ну и вопросы ты задаешь!

— Простите, — прошептал он. — Честное слово, я ничем не могу вам помочь. — И в голосе его прозвучала неподдельная боль.

— Знаю, — ответил я.

— Если б только мог, я бы все для вас сделал.

— Тоже знаю.

— Я кое-что вам принес. Возьмите. — Маленькое окошко в нижнем углу двери скрипнуло, открываясь.

— Что это? — спросил я.

— Чистая одежда. И три буханки свежего хлеба, головка сыра, немного говядины, две бутылки вина, блок сигарет и несколько коробков спичек.

Голос мой охрип от волнения, в горле пересохло.

— Спасибо, Рейн. Ты — хороший человек. Как тебе удалось ко мне прийти?

— Я знаком со стражником, который сегодня дежурит. Он будет молчать. Он слишком многим мне обязан.

— Смотри, как бы ему не пришло в голову заплатить тебе все долги сразу, написав донос. Я, конечно, очень тебе благодарен, но больше не приходи. Естественно, я уничтожу улики, которые могут тебя выдать.

— Мне жаль, что все кончилось так печально, Корвин.

— Мне тоже. Спасибо, что подумал обо мне, несмотря на повеление Эрика забыть мое имя.

— Это было несложно, — сказал он.

— Сколько времени я здесь пробыл?

— Четыре месяца и десять дней.

— Что нового в Эмбере?

— Эрик правит государством. Других новостей нет.

— Где Джулиан?

— В Арденнском лесу, командует войском.

— Почему?

— С некоторых пор какие-то загадочные существа стали проникать к нам из других отражений.

— Понятно. А Каин?

— Развлекается в Эмбере. В основном пьет вино и ухаживает за женщинами.

— Жерар?

— Назначен адмиралом флота.

Я вздохнул с облегчением. Честно говоря, я боялся, что Жерар попадет в немилость после того, как он увел эскадру на юг, освобождая мне путь.

— О Рэндоме ничего не слышно?

— Он — пленник, но находится под домашним арестом.

— Что? Рэндома взяли в плен?

— Да. Он прошел Лабиринт в Ребмэ и переместился в Тронный зал Эмбера. Прежде чем его схватили, он успел ранить Эрика из арбалета.

— И его не казнили?

— Ходят слухи, что Рэндом женат на дворянке из Ребмэ. А Эрик в данный момент не хочет осложнять отношений между королевствами, одно из которых является зеркальным отражением другого. У Муари сильное войско; поговаривают, Эрик намеревается на ней жениться и сделать своей королевой. Интересные слухи, хотя, конечно, глупо им верить.

— Да, — согласился я.

— Вы ведь очень ей нравились, правда?

— Может быть. Откуда ты знаешь?

— Я присутствовал в Тронном зале, когда Рэндому произносили приговор, и мне удалось с ним поговорить. Миледи Вайа, его жена, попросила разрешения жить вместе с мужем под домашним арестом. Эрик до сих пор не решил, что ответить.

Я с удивлением подумал о слепой женщине, которую никогда не видел.

— Как давно это произошло? — спросил я.

— Мм-мм... Рэндом появился в Эмбере тридцать четыре дня назад. Вайа подала прошение неделей позже.

— Она, должно быть, странная женщина, если действительно любит Рэндома.

— И я так думаю, — согласился Рейн. — Более неподходящую пару трудно себе представить.

— Если увидишь Рэндома, передай ему привет и вырази мое сочувствие.

— Хорошо.

— А где мои сестры?

— Дейдра и Льювилла остались в Ребмэ. Леди Флоримель осыпана милостями и стала одной из первых придворных дам. Я не знаю, где сейчас Фиона.

— О Блейзе я тебя не спрашиваю. Уверен, что он погиб.

— Наверное, — сказал Рейн. — Хотя тело его так и не было обнаружено.

— О Бенедикте ничего не слышно?

— Нет.

— А о Бранде?

— Ни слуху ни духу.

— Что ж, будем считать, я достаточно подробно расспросил тебя о своей семье. И хватит об этом. Ты сочинил какие-нибудь новые баллады?

— Нет, — ответил Рейн. — Работаю сейчас над «Осадой Эмбера». Не знаю, станет ли мое произведение популярным, но запретят его в любом случае.

Я протянул руку через маленькое окошко в углу двери.

— Я хочу пожать тебе руку, — сказал я, и тут же почувствовал прикосновение его пальцев. — Спасибо тебе за все, но больше не приходи. Глупо так рисковать.

Он сжал мою руку, что-то пробормотал и ушел.

Я нащупал пакет с едой, вскрыл его и до отвала наелся мясом — самой сытной пищей, которая там была, — и хлебом. Оказывается, я совсем забыл, что есть можно вкусно. Затем меня стало клонить ко сну, и я задремал, а проснувшись, откупорил бутылку вина.

В моем ослабленном состоянии потребовалось совсем немного, чтобы захмелеть. Я закурил сигарету, уселся на соломенный тюфяк, облокотился о стену и расслабился.

Я помнил Рейна еще ребенком. В те времена я был взрослым молодым человеком, а он — кандидатом в королевские шуты. Придворные издевались над тощим неглупым пареньком, кто как мог. Кстати, я тоже не был исключением. Я сочинял музыку, писал стихи, а он достал где-то лютню и научился на ней играть. Вскоре мы начали петь на два голоса, и я к нему привязался. Потом мы попробовали сочинять вместе, и хотя у него плохо получалось, я старался лишний раз похвалить его, испытывая в глубине души раскаяние, что издевался над ним раньше. К тому же я научил Рейна владеть шпагой, и ни ему, ни мне не пришлось пожалеть об этом. Спустя несколько лет он стал придворным музыкантом Эмбера. Рейн считался моим пажом, и когда начались войны против темных сил из отражения Вейрмонкен, я пожаловал ему грамоту на дворянство, и мы сражались с ним бок о бок. Я посвятил его в рыцари на поле битвы при Джонс Фоллз, и он того заслуживал. Рейн продолжал сочинять стихи и музыку и вскоре превзошел меня, своего учителя. Он всегда носил малиновые одежды, а слова его были — чистое золото. Я любил его, как друга, одного из немногих в Эмбере. Правда, я никогда не думал, что он рискнет принести мне передачу. Никто другой не осмелился бы меня навестить. Я сделал глоток вина за его здоровье и закурил вторую сигарету. Рейн был хорошим человеком. Мне пришло в голову, что Эрик рано или поздно лишит его звания придворного музыканта.

Окурки и (спустя некоторое время) пустую бутылку я выкинул в дыру для уборной. Неожиданная проверка могла уличить меня в том, что я «развлекаюсь», и тем самым я сильно подвел бы Рейна. Я съел все, что он принес, и впервые за время заточения почувствовал себя сытым. Последнюю бутылку вина я приберег на тот случай, если мне захочется напиться и хоть ненадолго обо всем позабыть.

Это произошло довольно скоро, и, отоспавшись, я вновь вернулся к своим думам.

Я надеялся, что Эрик не знает всех скрытых сил, которыми обладали члены нашей семьи. Просто не может знать. Да, конечно, он был королем Эмбера. Но не таким, как отец, обладающий колоссальными знаниями и умеющий применять их на деле. А значит, у меня имелся один шанс на миллион, ничтожный, но драгоценный, мысль о котором не давала мне сойти с ума в минуты самого страшного отчаяния.

Хотя, возможно, какое-то время я был безумен. И сейчас, очутившись в Царстве Хаоса, я не могу вспомнить многих дней своего пребывания в темнице. Чем они были заполнены — тайна, и я не собираюсь обращаться к психиатру, который сорвет с нее покровы.

К тому же, милые мои врачи, вряд ли кто-нибудь из вас способен лечить членов нашей семьи.

Я лежал на соломенном тюфяке, мерил шагами пол. Меня окружала тьма. Я стал очень чуток к звукам. Я слышал шуршанье крысиных лапок по соломе, отдаленные стоны узников, эхо шагов стражника, оставляющего поднос у двери. По звукам я научился с точностью определять расстояние и направление.

Видимо, я стал также более восприимчив к запахам, хоть и старался не обращать на них внимания. Я мог бы поклясться, что в тошнотворном воздухе камеры долгое время держался запах гниющей плоти. Интересно, что произойдет, если я умру? Сколько бутылок с водой и кусков хлеба уберут, прежде чем стражнику придет в голову проверить, жив ли его узник?

Ответ на этот вопрос мог оказаться для меня крайне важен.

Запах смерти и разложения держался в камере не менее недели.

Как я ни сдерживался, как ни боролся с искушением, в конце концов у меня осталась одна пачка сигарет.

Я открыл ее и закурил. Рейн принес мне большой блок «Салема», и я выкурил одиннадцать пачек. Двести двадцать сигарет. Я знал, что выкуриваю сигарету за семь минут (когда-то давно я засекал время по часам). Значит, я потратил на курение одну тысячу пятьсот сорок минут, или двадцать пять часов сорок минут. Я был уверен, что перерыв между сигаретами составлял по меньшей мере час, даже полтора. Пусть будет полтора часа. На сон у меня уходило от шести до восьми часов в сутки. Следовательно, шестнадцать-восемнадцать часов я бодрствовал и, таким образом, выкуривал за день десять или двенадцать сигарет. Нетрудно было подсчитать, что Рейн посетил меня примерно три недели назад. Он говорил, что я сижу в тюрьме четыре месяца и десять дней. Значит, уже пять месяцев.

Я берег последнюю пачку «Салема», как мать ребенка. Когда сигареты закончились, настроение мое резко ухудшилось.

И вновь прошло много времени.

Очень часто я думал об Эрике. Справлялся ли он с обязанностями монарха? Какие задачи перед собой ставил? С какими трудностями сталкивался? Почему ни разу не спустился в темницу, чтобы помучить меня? Забудут ли обо мне в Эмбере, согласно королевскому повелению? Никогда, решил я.

Куда подевались все мои братья? Почему ни один из них не установил со мной связь? Ведь это было так просто: достать из колоды карту и вызволить меня из беды.

Однако никто этого не сделал.

Иногда я вспоминал Муари, последнюю женщину, которую любил. Чем она занималась? Думала ли обо мне? Наверное, нет. Может, она стала любовницей Эрика или вышла за него замуж. Просила ли она, чтобы меня освободили? Наверное, тоже нет.

А где мои сестры? Забудь их. Все они ведьмы.

Я уже был слепым раньше, в восемнадцатом веке, и произошло это на отражении Земля после сильной вспышки пороха. Слепота моя продолжалась около месяца, и зрение постепенно ко мне вернулось. Эрик же лишил меня глаз навечно. Я часто просыпался в холодном поту, от собственного крика, весь дрожа, потому что мне мерещился железный прут, медленно опускающийся, на мгновение застывший прямо перед глазами, прикоснувшийся к ним!..

Я застонал, вскочил с тюфяка и начал ходить по камере.

Нет ничего страшнее чувства беспомощности, а я был бессилен что-либо изменить. Как ребенок в утробе матери. Я продал бы душу дьяволу, лишь бы родиться вновь сильным и здоровым. Я продал бы ее и за меньшее: возможность вернуть зрение хотя бы на час и остаться наедине с Эриком, пока я буду драться с ним на дуэли.

Я лег на тюфяк и заснул. Когда я проснулся, у двери стоял поднос с хлебом и водой. Я поел и вновь принялся мерить камеру шагами. Ногти на моих руках и ногах отросли до безобразия. Борода спускалась ниже пояса, волосы падали на лицо. Тело мое было грязным и вонючим и все время чесалось. Может быть, по мне бежали вши.

Я никогда не думал, что принца Эмбера можно довести до такого состояния, и поэтому задыхался от бессильной ярости. С детских лет я привык считать нас высшими существами: идеально чистыми, хладнокровными, несокрушимыми, совсем такими, как на картах. Я ошибался.

Впрочем, подобно многим людям, мы были изобретательны.

Я рассказывал сам себе различные истории, представлял всевозможные ситуации, вспоминал самые приятные минуты своей жизни — а их было немало.

Я мечтал оказаться на воле, где дул ветер, шли дожди и снег, грело солнце. На отражении Земля у меня был собственный небольшой самолет, и я всегда наслаждался чувством полета. Передо мной распахивалось голубое небо, а внизу лежали миниатюрные города или чистое пространство океана. Я думал о женщинах, которых любил, веселых вечеринках, полях сражения. Но рано или поздно мысли мои вновь возвращались к Эмберу.

В одну из таких минут мои слезные железы неожиданно начали функционировать, и я заплакал.

Прошло много дней, о которых я ничего не помню.

Но однажды, проснувшись, я услышал скрип ключа в замке.

Рейн приходил ко мне так давно, что я забыл и вкус вина, и запах сигарет. Я потерял представление о времени.

В коридоре стояли двое людей. Я понял это, прислушиваясь к их шагам, прежде чем дверь распахнулась и Джулиан произнес мое имя. Я ответил не сразу, и он повторил:

— Корвин? Подойди ко мне.

Неповиновение ни к чему бы не привело, поэтому я встал, подошел к двери и остановился, почувствовав, что Джулиан рядом.

— Что тебе надо? — спросил я.

— Пойдем со мной. — И он взял меня за руку.

Мы шли по коридору, и Джулиан молчал, а я скорее умер бы, чем заговорил первым. Судя по эху шагов, сначала мы очутились в большом зале, потом поднялись по лестнице и в конце концов попали во дворец.

Меня привели в какое-то помещение и усадили на стул. Парикмахер залязгал ножницами, подрезая мне волосы, затем спросил (я не узнал его голоса), желаю я подстричь или побрить бороду.

— Побрить, — ответил я, и маникюрша принялась усердно работать над двадцатью моими ногтями.

Меня помыли, а после ванной помогли облачиться в чистые одежды, которые висели на мне, как на вешалке. Я совсем забыл, что сильно похудел.

Вскоре меня отвели в другое помещение, где звучала музыка, вкусно пахло и слышался веселый смех. Я понял, что нахожусь в Банкетном зале дворца.

Когда Джулиан усадил меня за стол, шум голосов несколько утих.

Прозвучали фанфары, и меня заставили подняться на ноги.

Я услышал тост, который громко произнес Каин:

— За Эрика Первого, короля Эмбера! Да здравствует король!

Я не стал пить, но, казалось, этого никто не заметил.

Я старался наесться до отвала, потому что так вкусно меня не кормили ровно год. Из застольных бесед я понял, что сегодня — годовщина коронации Эрика.

Со мной никто не разговаривал, я ни к кому не обращался. Корвин присутствовал, но Корвина не существовало. Таким образом, Эрик хотел меня унижить, а заодно напомнить братьям, что он не пощадит тех, кто осмелится посягнуть на его власть. К тому же им было приказано забыть мое имя.

Банкет продолжался далеко за полночь. Кто-то все время подливал мне вина в бокал (и на том спасибо), а я сидел, чуть развалившись, слушал музыку.

Когда столы убрали, меня усадили в уголок, чтобы я не мешал людям танцевать.

Я напился, как сапожник, и наутро был втащен в камеру чуть ли не волоком. К великому моему сожалению, я напился не до такой степени, чтобы меня вытошнило на пол или на чей-нибудь шикарный костюм.

Так закончился первый год тьмы.

8

Я не стану докучать вам ненужными повторами. Второй и третий год моего заточения ничем не отличались от первого и завершались банкетами в честь Эрика. На второй год Рейн приходил дважды. Он приносил мне полные корзинки продуктов и сообщал вороха новостей. На третий год он спускался в подземелье шесть раз, почти каждые два месяца. Я говорил ему, что рисковать — глупо, съедал все, что он приносил, и жадно выслушивал новости.

Дела в Эмбере шли неважно. Непонятные существа из других отражений бесчинствовали в реальном мире. Их уничтожали. Эрик не мог понять, что происходит. Я не рассказал Рейну о своем проклятье, но в душе порадовался, что оно сбывается.

Рэндом все еще был пленником. Его жена добилась своего и жила вместе с ним. Положение остальных моих братьев и сестер оставалось неизменным.

Пошел четвертый год моего заключения, когда это произошло.

Это...

Это! На радостях я откупорил последнюю бутылку вина и распечатал последнюю пачку сигарет, которые держал про запас.

Я курил сигареты, прихлебывал вино и наслаждался мыслью о том, что победил Эрика. Узнай он о случившемся, мне пришел бы конец. Но я был уверен, что он ни о чем не подозревает.

Поэтому я пил, курил, веселился, и в свете того, что произошло, строил планы.

Да, да, именно в свете!

Справа от себя я видел небольшое яркое пятно!

А теперь вспоминайте: я проснулся на больничной постели и узнал, что поправился слишком быстро. Вам ясно?

С точки зрения медицины переломы у меня срастаются практически мгновенно. Впрочем, как у всех членов нашей семьи.

Я заболел чумой и выздоровел. Я вынес все тяготы похода на Москву...

Никто не регенерирует так быстро, как я.

Когда-то мне говорил об этом Наполеон. И генерал Макартур, Регенерация нервных тканей заняла у меня больше времени. Ничего удивительного.

Это прекрасное яркое пятно справа означало только одно: ко мне вернулось зрение. Спустя некоторое время я понял, что свет проникал сквозь зарешеченное окошко в двери моей камеры.

Я вырастил новые глаза, сказали мне пальцы. Прошло более трех лет, но я использовал тот самый шанс на миллион, о котором говорил раньше. Эрик не обладал такими способностями, поэтому вряд ли мог предположить, что я вновь стану зрячим. Но я знал, что мои нервные клетки регенерируют. Во время франко-прусской войны я сломал позвоночник, и меня парализовало. Через два года я бегал, позабыв о болезни. И я с самого начала надеялся, что сумею вырастить новые глаза, хоть они и были выжжены каленым железом. Моя безумная надежда сбылась. Зрение ко мне вернулось.

Сколько времени осталось до четвертой годовщины коронации Эрика? Сердце сильно забилось в моей груди. Как только кто-нибудь заметит, что я зрячий, мне немедленно выжгут глаза. Следовательно, необходимо бежать из тюрьмы, пока год не закончился.

Как?

Раньше я не задумывался о побеге. Какой смысл бежать из камеры, не зная, куда идти дальше? Я был слеп, а на постороннюю помощь рассчитывать не приходилось.

Но сейчас...

Тяжелая деревянная дверь была обшита медными полосами. В ней имелись два отверстия:

крохотное зарешеченное окошко для наблюдений, примерно на пятифутовой высоте, и небольшие воротца в нижнем углу, сквозь которые подавался поднос с пищей. Кроме слабого света, проникавшего сквозь зарешеченное окошко, я ничего не видел. Во-первых, зрение еще не вернулось ко мне полностью, а во-вторых, насколько я знал, в подземных темницах Эмбера всегда царила непроницаемая тьма.

Я закурил сигарету и стал ходить из угла в угол, думая о побеге. В моем распоряжении были моя одежда, тюфяк и сколько угодно затхлой сырой соломы, разбросанной по полу. У меня оставались также несколько коробков спичек, но мысль о поджоге я отверг. Я сомневался, и не без основания, что в случае пожара меня кинутся спасать. Кроме того, я являлся счастливым обладателем ложки, украденной на последнем банкете. Я хотел стянуть нож, но Джулиан поймал меня на месте преступления. К счастью, он не видел, что незадолго до этого я засунул ложку в сапог.

Мог ли я совершить побег с помощью ложки?

Я часто слышал рассказы об узниках, которые умудрялись прокопать подземный ход чуть ли не пряжкой от пояса. Но у меня не было ни пояса, ни времени на подвиги в духе графа Монте-Кристо. Если я не сумею убежать в течение нескольких месяцев, мне придется расстаться с моими новыми глазами.

Я вновь подошел к двери. Цельнодубовая панель, обтянутая четырьмя медными полосами. Одна полоса сверху, другая — снизу, над воротцами, и две — перпендикулярно, по обе стороны квадратного зарешеченного окошка. Я знал, что дверь открывалась наружу и замок находился с левой стороны. Память услужливо подсказала, что помимо замка существует еще тяжелый засов и что толщина панели — два дюйма.

Налегая на дверь плечом, я точно определил место, где находился замок, придвинул тюфяк, чтобы удобнее было стоять на коленях, и ручкой ложки очертил квадрат, который мне следовало прорубить. Я работал до тех пор, пока рука не стала свинцовой от усталости, наверное, несколько часов. Затем провел пальцами по деревянной поверхности. Я добился немногого, но ведь это было только началом. Взяв ложку в левую руку, я продолжал трудиться.

Я все время жил надеждой, что скоро появится Рейн. Я не сомневался, что мне удастся уговорить его отдать кинжал. Однако он все не появлялся, и я продолжал потихоньку снимать стружку с двери.

Я работал день за днем, не покладая рук, и вскоре вгрызся в дерево примерно на полдюйма. Каждый раз, когда раздавались шаги стражника, я убирал тюфяк на прежнее место и ложился спиной к двери. Как только стражник уходил, я возобновлял работу. Но вскоре, как ни обидно, мне пришлось сделать перерыв, и довольно продолжительный.

Дело в том, что руки мои, хоть я и заворачивал их в тряпки, на которые рвал одежду, покрылись водяными пузырями. Пузыри полопались, и в конце концов я стер ладони и пальцы в кровь. Пришлось отложить ложку в сторону, а свободное время посвятить составлению планов на будущее.

Прорубив дверь и вынув замок, я подниму засов. Шум от его падения, естественно, привлечет внимание стражника. Но я успею выйти из камеры. Он будет вооружен. Мне придется с ним драться. Зная, что я слеп, стражник не станет меня бояться. А может, и станет, если слышал, как мы с Блейзом сражались на лестнице, ведущей в Эмбер. Стражника придется убить, и тогда я буду вооружен. Я схватил себя левой рукой за правый бицепс и напряг мускулы. О боже! Я совсем высох! Как бы то ни было, во мне текла королевская кровь, и я чувствовал, что даже в ослабленном состоянии сумею справиться с обычным человеком. Может быть, я обманывал себя, но вскоре мне придется проверить свои силы на деле.

Если этот план удастся и в руках моих окажется шпага, ничто меня не остановит. Я доберусь до Лабиринта, пройду его и перемещусь на любое отражение. Я залечу свои раны и теперь уже не стану спешить. Пусть пройдет сто лет, но я нападу на Эмбер не раньше, чем буду уверен в победе. В конце концов, формально я был королем Эмбера. Разве я не короновал себя в присутствии всех прежде, чем Эрик? Это послужит мне оправданием, когда я отправлюсь на войну за трон.

Если бы только можно было управлять отражениями, не выходя из Эмбера! Тогда мне не пришлось бы проходить Лабиринт. Но мой Эмбер — центр Вселенной, и уйти из него непросто.

Руки мои зажили примерно через месяц: от грубой работы на них образовались жесткие мозоли. Я

ощупал отверстие, которое пытался выдолбить. Мне удалось прорубить дверь наполовину.

Я взялся за ложку, но в это время раздались шаги стражника. Быстро оттащив тюфяк, я улегся на него спиной к двери. Воротца скрипнули, поднос стукнул об пол, и шаги стали удаляться. Я заранее знал, что мне принесли: кружку воды, ломоть заплесневелого хлеба и, если повезло, кусок сыра. Я решил перекусить чуть позже и вновь принялся за работу.

Затем я услышал смешок.

Он раздался совсем рядом, за моей спиной.

Я повернулся, хотя и так было ясно, что в моей камере появился посторонний. Он стоял у левой стены и хихикал.

— Кто здесь? — спросил я, и голос мой прозвучал как-то странно. Впрочем, это были первые слова, которые я произнес за долгое-долгое время.

— Узник, — произнес незнакомец. — Хочет удрать. — И он опять захихикал.

— Как вы сюда попали?

— Взял и пришел.

— Но как? Откуда?

Я зажег спичку, и мне стало больно глазам. Я поднял ее повыше. Передо мной стоял горбун меньше пяти футов ростом. Почти карлик. Борода и волосы у него были почти такими же длинными, как у меня.

Из-под волос, закрывающих все лицо, торчал большой крючковатый нос и блестели черные глаза.

— Дворкин! — воскликнул я.

Он опять захихикал.

— Верно. А тебя как зовут?

— Неужели вы не узнали меня, Дворкин? — Я зажег еще одну спичку и поднес к своему лицу. — Посмотрите внимательно. Не обращайтесь внимания на бороду и волосы. Прибавьте сотню фунтов к моему весу. Вы ведь рисовали меня со всевозможными подробностями для нескольких колод гадальных карт.

— Корвин, — сказал он после недолгого раздумья. — Я тебя помню. Конечно, помню.

— Я думал, вас давно нет в живых.

— А я жив. Видишь? — И он сделал пируэт. — Как поживает твой отец? Ты давно его видел? Это он засадил тебя в тюрьму?

— Оберон исчез, — ответил я. — В Эмбере правит Эрик, и я — его пленник.

— Значит, я главнее тебя, — заявил Дворкин, — потому что я — пленник Оберона.

— Вот как? Разве вас арестовали?

Я услышал, как он заплакал и лишь несколько минут спустя произнес:

— Да. Оберон мне не доверял.

— Почему?

— Я сказал ему, что нашел способ уничтожить Эмбер, и объяснил, как это сделать. А он взял и засадил меня в темницу.

— Некрасиво с его стороны, — посочувствовал я.

— Знаю, — согласился он. — Но король выделил мне прекрасные комнаты и создал все условия для работы. Правда, через некоторое время он перестал меня навещать. Сначала он приводил с собой людей, которые показывали мне какие-то чернильные кляксы и просили сочинить о них разные истории. Было страшно интересно, но однажды я сочинил историю, которая мне самому не понравилась, и человек превратился в лягушку. Оберон ужасно разозлился, когда я отказался превратить его обратно, и перестал ко мне приходить. Я так давно никого не видел и ни с кем не разговаривал, что сейчас соглашусь

превратить лягушку в человека, если только король пожелает. Однажды...

— Как вы попали в мою камеру? — прервал я его излияния.

— Ты уже спрашивал. Взял и пришел.

— Но как? Сквозь стену?

— Конечно, нет. Сквозь отражение стены.

— Этого не может быть. В Эмбере нет отражений.

— Видишь ли... я сжульничал, — признался он.

— Как?

— Нарисовал новую карту. Мне ужасно хотелось посмотреть, что новенького... Ох ты! Только что вспомнил! Оставил ее дома, и теперь не смогу вернуться. У тебя не найдется что-нибудь перекусить? И то, чем рисуют? И то, на чем рисуют?

— Возьмите кусок хлеба, — предложил я, протягивая свой скудный паек. — И заодно немного сыра.

— Спасибо тебе, Корвин. — И он накинулся на еду, как будто голодал целую вечность, а затем выпил всю мою воду. — А теперь, если ты дашь мне перо и лист пергамента, я вернусь домой. Хочу прочитать одну книгу. Приятно было побеседовать. Жаль, что Эрик тебя упрятал. Когда-нибудь я тебя навешу, и мы опять поболтаем. Если увидишь отца, передай, пожалуйста, чтобы он не сердился за...

— У меня нет ни пера, ни пергамента, — сказал я.

— О господи! — воскликнул он. — Какое невежество!

— Знаю. Эрик никогда не был образованным человеком.

— Ну хорошо. — Дворкин вздохнул. — А что у тебя есть? Моя комната нравится мне больше твоей. По крайней мере там светлее.

— Мы с вами разделили обед, — на всякий случай напомнил я, — и сейчас мне хочется попросить вас об одной услуге. Если вы исполните мою просьбу, обещаю, что постараюсь помирить вас с отцом.

— Чего ты хочешь?

— На протяжении многих лет я был горячим поклонником вашего таланта, — ответил я, — и мне всегда хотелось иметь картину, написанную вашей рукой. Помните ли вы маяк на острове Кабра?

— Конечно. Я много раз бывал там и прекрасно знаю его хранителя, Жупена. Мы с ним частенько играли в шахматы.

— Больше всего на свете я мечтаю увидеть набросок этой серой башни в вашем магическом исполнении. Всю жизнь мечтал.

— Твою просьбу легко выполнить. И место ты выбрал приятное, ничего не скажешь. Я действительно делал когда-то наброски острова, но как-то никогда не удавалось к ним вернуться. Слишком много было другой работы. Если хочешь, я тебе их подарю.

— Нет. Я хочу иметь картину, которая постоянно находилась бы перед моими глазами и заодно скрашивала существование узников, которых посадят в эту камеру после меня.

— Я тебя понимаю. Но на чем же мне рисовать?

— У меня есть стило, — ответил я (ручка ложки здорово стерлась и заострилась), — а рисовать вы можете на противоположной стене. Мне хочется наслаждаться искусством, когда я прилягу отдохнуть.

Он долго обдумывал мои слова, потом неуверенно произнес:

— Здесь очень плохое освещение.

— В нашем распоряжении несколько коробков спичек. Я буду зажигать их по одной и держать перед вами. Если не хватит спичек, можно будет спалить немного соломы.

— Работать в таких ужасных условиях... — ворчливо произнес он, но я его перебил.

— Знаю, — сказал я. — И прошу прощения, о великий Дворкин, но других условий мне — увы! — не создать. Зато картина, нарисованная рукой гения, осветит мое жалкое существование и согреет меня в минуту скорби.

Он опять захихикал.

— Хорошо. Но ты обещаешь посветить мне потом, чтобы я мог сделать необходимый рисунок и вернуться домой?

— Обещаю. — Я сунул руку в карман. У меня оставались три полных коробка спичек и один только что начатый. Я дал Дворкину ложку и подвел его к стене. — Появилось ли у вас чувство инструмента?

— Да. Ведь это — заостренная ложка, верно?

— Верно. Я зажгу спичку, как только вы скажете, что готовы. Вам придется рисовать быстро, потому что запас спичек ограничен. Половину спичек я израсходую на картину маяка, а вторую половину — на ваш рисунок.

— Ладно, — согласился он. Я зажег спичку, и Дворкин тут же провел первую линию по серой сырой стене.

Первым делом он очертил большой прямоугольник, являющийся рамой картины. Несколько четких, уверенных штрихов, и передо мной начали вырисовываться очертания маяка. Уму непостижимо. Этот старый, немного придурковатый человек не потерял своей волшебной силы.

Когда спичка догорала до середины, я плевал на большой и указательный пальцы левой руки, брался за сгоревший конец и ждал, пока она догорит, прежде чем зажечь новую.

Первый коробок спичек закончился, но Дворкин уже нарисовал башню и сейчас работал над морем и небом. Я вдохновлял его, одобрительно бормоча всякую чушь.

— Замечательно, просто замечательно! — воскликнул я, когда картина была готова. Но он заставил меня истратить еще одну спичку, потому что забыл подписаться.

— А теперь давай восхищаться моим шедевром вместе, — заявил он.

— Если вы хотите вернуться домой, вам придется смириться с тем, что я буду восхищаться им за нас обоих, — сказал я. — На обсуждение картины спичек не хватит.

Он немного поворчал, но тем не менее подошел к другой стене и принялся рисовать. На серой поверхности появился рисунок небольшого кабинета: стол, череп на столе, стеллажи, заваленные книгами до самого потолка.

— Ловко получается, — одобрительно пробормотал он.

Я достал четвертый, начатый коробок, и мне пришлось истратить еще шесть спичек, пока он исправлял какие-то детали и подписывался. Когда я зажег следующую спичку (у меня оставались всего две), Дворкин пристально уставился на рисунок, сделал шаг вперед и исчез. От неожиданности я обжегся и выронил спичку на пол. Она упала на сырую солому и, зашипев, погасла.

Я стоял, весь дрожа, полный неизъяснимых чувств, и внезапно вновь услышал его голос. Дворкин вернулся.

— Послушай, — сказал он, — совсем забыл тебя спросить. Как ты будешь любоваться моей картиной, если здесь ничего не видно?

— Я хорошо вижу в темноте. Мы с ней старые друзья.

— О, понимаю! Спасибо, что объяснил. А теперь посвети мне, и я вернусь домой.

— Хорошо, — согласился я, беря в руки предпоследнюю спичку. — Но если вам захочется навестить меня еще раз, приходите со своим освещением. Спички кончились.

— Ладно. — Я зажег спичку, и Дворкин, окинув свой рисунок критическим взглядом, подошел к нему и вновь исчез. Я быстро повернулся и посмотрел на маяк Кабры, прежде чем спичка погасла.

Да, картина жила своей жизнью, и в ней чувствовалась та самая волшебная сила. Смогу ли я

воспользоваться ею? Ведь у меня осталась всего одна спичка.

Конечно, нет. Я находился не в том состоянии, чтобы быстро сконцентрироваться. Мысль о том, что я могу остаться в заточении, когда путь на свободу открыт, чуть не свела меня с ума. Необходимо было добыть огонь, хотя бы ненадолго.

Тюфяк!

Льняная ткань, набитая все той же соломой, но наверняка более сухой, чем на полу. Лен тоже горит неплохо. Я расчистил пол до камня, убрав всю мокрую солому. Потом стал искать ложку, чтобы вспороть тюфяк, и, не удержавшись, выругался. Дворкин унес ее с собой.

Я принялся раздирать тюфяк руками, и через некоторое время раздался треск рвущейся ткани. Я достал солому из середины, сложил ее небольшой кучкой, а рядом на всякий случай положил кусок материи. Мне не хотелось сжигать ее без надобности. Чем меньше дыма, тем лучше. Вдруг его заметит стражник? Правда, это было маловероятно, потому что паек мне уже принесли, а кормили здесь один раз в день.

Я зажег последнюю спичку и первым делом поднес ее к пустому коробку, а когда он разгорелся, положил его на солому. Мой небольшой костер начал затухать. Солома оказалась более сырой, чем я предполагал, хотя я и достал ее из середины тюфяка. Слава богу, я не успел еще выбросить пустые коробки из-под спичек, и с их помощью огонь вновь начал разгораться.

Я взял в левую руку кусок льняной ткани и выпрямился, глядя на картину.

Постепенно язычки пламени начали подниматься вверх, освещая противоположную стену. Я смотрел на серую башню, пытаюсь вспомнить, когда видел ее в последний раз. Мне показалось, я слышу крик чайки. Свежий, напоенный морскими ароматами ветерок пахнул мне в лицо.

Я бросил кусок льняной ткани в огонь, и пламя утихло на секунду, потом разгорелось вновь. Все это время я смотрел на картину, не отрываясь.

Рука великого Дворкина сохранила свою волшебную силу, потому что вскоре маяк начал казаться мне таким же реальным, как моя камера. Затем он стал единственной реальностью, а камера — лишь отражением за моей спиной. Я услышал плеск волн, почувствовал, как меня пригревает послеполуденное солнце.

Я сделал шаг вперед, но не наступил на свой костер.

Я стоял на небольшом песчаном пляже скалистого острова Кабра. Впереди высилось большое серое здание маяка, освещавшего по ночам водный путь кораблям Эмбера. Эмбер находился в сорока трех милях от острова, за моим левым плечом.

Я больше не был узником.

9

Я поднялся по каменной лестнице, ведущей к зданию маяка, и остановился перед дверью: высокой, тяжелой и водонепроницаемой. Позади меня, ярдах в трехстах, виднелась небольшая бухта, в которой стояли весельная лодка и небольшой парусник с каabinкой. Какое-то время я не мог оторвать взгляда от этой картины, показавшейся мне фантастической после долгого заключения. Я с трудом удержал рыдания, готовые вырваться из моей груди.

Отвернувшись от бухты, я постучал в дверь. Мне пришлось стучать еще два раза, прежде чем я услышал внутри какую-то возню и дверь распахнулась, заскрипев ржавыми петлями.

Жупен, хранитель маяка, оглядел меня с головы до ног налитыми кровью глазами. От него пахло виски. Он был меньше пяти с половиной футов ростом и так горбился, что невольно напоминал мне Дворкина. Его борода пепельно-серого цвета с желтыми пятнами у пересохших губ свисала ниже пояса и казалась еще длиннее моей. Пористую кожу, напоминавшую корку апельсина, солнце сожгло до такой степени, что она походила цветом на красное дерево. Как большинство людей, которые плохо слышат, он заговорил громким голосом:

— Кто вы? Что вам угодно?

Если я стал неузнаваем, меня это вполне устраивало.

— Путешественник с юга, который недавно потерпел кораблекрушение, — ответил я. — Много дней носило меня по волнам на обломке судна, и лишь сегодня прибило к этому острову. Все утро я лежал на берегу, а когда пришел в сознание, едва нашел в себе силы добраться до маяка.

Жупен шагнул вперед, взял меня за руку и обнял за плечи.

— Входи, входи скорее! — воскликнул он. — Обопрись о меня, не бойся. Все обойдется. Пойдем со мной.

Он привел меня в свою комнату, на удивление захламленную старыми книгами, морскими картами и всевозможными навигационными приборами. Жупен не очень твердо держался на ногах, поэтому я старался не слишком сильно на него наваливаться, одновременно всем своим видом показывая, как я ослаб. Я даже прислонился к дверному косяку, словно не в силах был идти дальше.

Он подвел меня к небольшой койке, предложил прилечь и ушел, чтобы запереть дверь и приготовить обед.

Я снял сапоги и вновь их надел, посмотрев на свои грязные ноги. Человек, прошедший несколько дней в море, не мог быть таким грязным, а мне совсем не хотелось, чтобы Жупен с первой минуты уличил меня во лжи. Я натянул на себя одеяло и с наслаждением откинулся на подушки.

Жупен вернулся довольно быстро. В руках он держал деревянный поднос с кружкой воды, кружкой пива, большим куском жареной говядины и половиной каравая. Локтем он спихнул с маленького столика какие-то бумаги и ногой пододвинул его к кровати. Поставив поднос на столик, он велел мне угощаться.

Я не заставил себя упрашивать. Я глотал пищу, почти не разжевывая, и ничего не мог с собой поделать. Я съел все до крошки и выпил обе кружки до дна.

Затем я понял, что смертельно устал. Увидев, что у меня смыкаются веки, Жупен понимающе кивнул и пожелал мне хорошо выспаться. Я заснул мгновенно.

Проснулся я глубокой ночью, чувствуя, что впервые за много недель отдохнул по-настоящему. Я встал, вернулся к входной двери и вышел на улицу. Было прохладно, и на кристально чистом небе горели, казалось, миллионы звезд. Огонь маяка на вершине башни то вспыхивал, то гас, бросая отсветы мне в спину. Я спустился к морю. Мне необходимо было привести себя в порядок, поэтому я выкупался (хоть вода и показалась мне ледяной), выстирал одежду и тщательно ее выжал. Примерно через час я вернулся на маяк, развесил одежду по спинкам стульев, чтобы высохла к утру, забрался под одеяло и заснул.

Наутро, когда я проснулся, Жупен давно был на ногах. Он приготовил обильный завтрак, с которым я расправился точно так же, как со вчерашним ужином. Одолжив бритву, зеркало и ножницы, я кое-как

побрился и подстригся, а затем вновь отправился купаться, после чего надел чистую, просоленную морской водой одежду и почувствовал себя человеком.

Когда я вернулся на маяк, Жупен внимательно посмотрел на меня и проворчал:

— Что-то ты кажешься мне знакомым, парень. — Я пожал плечами, и он требовательно произнес: — Расскажи о кораблекрушении.

Я удовлетворил его просьбу. Чего только я не наплел! Какие ужасные подробности вспомнил! Вплоть до сломавшейся грот-мачты, с треском рухнувшей на палубу!

Он потрепал меня по плечу, налил рюмку виски, угостил сигарой и держал спичку, пока я прикуривал.

— Отдыхай спокойно и ни о чем не думай. Я свезу тебя на берег, когда захочешь, или посигналю какому-нибудь кораблю, если он окажется тебе знаком.

Я воспользовался его гостеприимством. Мне необходимо было остаться на острове хотя бы ненадолго. Жупен кормил меня, поил и даже подарил рубашку, принадлежавшую его другу, который утонул в море.

Я жил на маяке в течение трех месяцев и постепенно набирался сил. Я помогал Жупену, чем мог. Следил за маяком, убирал комнаты в доме (даже выкрасил две из них и заменил оконные переплеты). Очень часто мы вместе смотрели на море, в особенности если бушевал шторм.

Жупен абсолютно не интересовался политикой. Ему было безразлично, кто правит в Эмбере. По его мнению, все мы были разгильдяями. Он обслуживал маяк, вкусно ел, пил хорошее вино, составлял морские карты и плевать хотел на то, что происходило в городе. Он нравился мне все больше и больше, а так как я тоже неплохо разбирался в морских картах, мы проводили долгие вечера, внося в них исправления. Когда-то давно я совершил морское путешествие к северу от Эмбера и по памяти составил для Жупена новую карту, основанную на моих личных наблюдениях. Это доставило ему огромное удовольствие.

— Кори, — (так я ему представился), — мне бы хотелось когда-нибудь уйти в плавание вместе с тобой. Я сначала не понял, что ты был капитаном.

— Кто знает, что готовит нам будущее, — сказал я. — Ведь ты тоже когда-то был капитаном.

— Откуда ты знаешь?

Честно говоря, я об этом вспомнил, но не стал, естественно, болтать лишнего, а просто махнул рукой в сторону книг и навигационных приборов.

— Нетрудно догадаться, глядя на эту коллекцию. К тому же ты любишь составлять морские карты. И разговариваешь, как человек, привыкший командовать.

Он улыбнулся.

— Да. Ты прав. В течение ста лет я командовал кораблем. Но это было так давно... Давай выпьем.

Я сделал маленький глоток и отставил рюмку в сторону. За три месяца я прибавил в весе фунтов сорок и сейчас боялся, что Жупен меня узнает и, может быть, выдаст Эрику. Правда, мы сильно подружились, и я не думал, что он так поступит, но рисковать мне тоже не хотелось.

Очень часто, обслуживая маяк, я размышлял. Не пора ли мне покинуть остров? Пора, решил я, добавляя в лампу несколько капель жира. Пришло время отправиться в путь, на отражения.

Однажды, гуляя по берегу, я почувствовал давление на мозг, мягкое, вопросительное. В ту же секунду я замер, закрыл глаза и заставил себя ни о чем не думать. Минут через пять давление исчезло.

Я продолжил прогулку и неожиданно заметил, что хожу по ограниченному пространству, словно все еще нахожусь в камере. Я улыбнулся.

Кто-то достал из колоды мою карту и попытался со мной связаться. Эрик? Может, ему стало наконец известно, что я бежал, и он решил выяснить, где я нахожусь? Навряд ли. Я чувствовал, что он боится контактов со мной, после того как я подавил его волю. Тогда кто? Джулиан? Жерар? Каин? Кем бы он ни

был, я знал, что мне удалось закрыться и моя судьба осталась ему не известна. Я не собирался поддерживать отношений со своими братьями и сестрами. Может быть, я не узнаю важных новостей и не получу дружеской помощи, но лучше остаться одному и в неведении, чем рисковать жизнью. Внезапно меня стал бить озноб. Я много думал в тот день и решил, что пришла пора трогаться в путь. Находясь так близко от Эмбера, я был слишком уязвим. Чувствовал я себя совсем неплохо, и отражения манили меня. Пребывание у Жупена внесло покой в мою душу. Тяжело будет расставаться с человеком, к которому я успел привязаться за эти три месяца. И все же однажды вечером, после традиционной партии в шахматы, я объявил ему о своем намерении покинуть остров.

Он налил виски, поднял рюмку и сказал:

— Счастливого пути, Корвин. Надеюсь, мы еще увидимся.

Я ни о чем не спросил, услышав свое настоящее имя, и он улыбнулся, понимая, что я оценил его тактичность.

— Ты хороший человек, Жупен, — сказал я. — И если мне удастся задуманное, я о тебе не забуду.

Он покачал головой.

— Мне ничего не нужно. Я люблю свою работу. Радуюсь, обслуживая этот дурацкий маяк. И если тебе удастся задуманное — нет, нет, ради бога, я не хочу знать, что именно, — заходи изредка на огонек, сыграть со мной партию в шахматы.

— Обязательно, — пообещал я.

— Можешь взять «Бабочку». (Так назывался его небольшой парусник).

— Спасибо.

— Прежде чем ты покинешь остров, — сказал он, — я советую тебе взять подзорную трубу, взобраться на башню и посмотреть на Гарнатскую долину.

— Зачем?

Он пожал плечами.

— Сам увидишь.

— Хорошо. Сделаю.

Потом мы пили виски и болтали о всяких пустяках и в конце концов стали устраиваться на ночлег. Мне будет не доставать старика Жупена. За исключением Рейна, он был единственным другом, которого я нашел по возвращении в Эмбер. Засыпая, я подумал о Гарнатской долине, пылавшей огнем четыре года назад. Что могло измениться за это время?

Мне снились оборотни и шабаш ведьм. Я спал, а над моей головой поднималась полная луна.

Я проснулся на рассвете. Жупен еще спал, и я обрадовался, потому что не люблю долгих прощаний. К тому же вчера у меня возникло предчувствие, что я вижу его последний раз в жизни.

Прихватив с собой подзорную трубу, я взобрался на башню, подошел к окну небольшой комнаты и стал смотреть на долину.

Над лесом висел туман. Это был холодный, серый туман, казалось, прилипший к верхушкам низкорослых черных деревьев. Корявые ветви переплелись вместе, словно пальцы паралитика. Среди них сновали черные тени, напоминающие очертаниями летучих мышей.

Чья-то злая воля чувствовалась в великом лесу, и внезапно я понял, чья именно. Это была моя злая воля.

Своим проклятьем я переродил Гарнатскую долину, сделал ее символом ненависти к Эрику и всем тем, кто не воспротивился исполнению его зверского приговора. Мне стало неприятно, хотя я знал, что вижу часть самого себя.

Я открыл новый путь в реальный мир. Гарнатский лес стал тропинкой сквозь мрачные и суровые отражения, по которым шествовало зло. Я вспомнил, что Рейн говорил мне о загадочных существах,

беспокоивших Эрика. Хорошо, конечно, если борьба с ними займет все его свободное время. Но, складывая подзорную трубу, я никак не мог отделаться от ощущения, что поступил неправильно. Правда, произнося проклятье, я не знал еще, что когда-нибудь увижу солнечный свет. Но сейчас зрение ко мне вернулось, и я понял, что выпустил из бутылки джинна, которого нелегко будет загнать обратно. Даже невооруженным глазом были видны какие-то странные силуэты, двигавшиеся в этом лесу. Я сделал то, чего никогда не делал со времен правления Оберона: открыл путь в Эмбер. Путь для темных сил. Придет день, когда король Эмбера (кто бы им ни был) должен будет закрыть этот путь. Я вновь посмотрел на Гарнатскую долину: символ моей боли, моего гнева, моей ненависти. Если когда-нибудь я выиграю битву за Эмбер, мне придется исправить свою ошибку, а это всегда непросто. Я вздохнул.

Что ж, быть по сему. А тем временем пусть Эрик разбирается, что к чему. Я не стану переживать, если у него прибавится головных болей.

Я быстро перекусил, снарядил «Бабочку», натянул паруса, оттолкнулся от берега и сел к штурвалу. Жупен обычно вставал очень рано, но может быть, он тоже не любил долгих прощаний.

Я держал курс на землю, почти такую же прекрасную, как Эмбер. В давние-давние времена она исчезла, поглощенная Хаосом, но где-то должно было остаться ее отражение. Я найду его, как нашел когда-то, вновь сделаю своим, и за моей спиной будет стоять непобедимое войско. Затем я приготовлю еще один сюрприз. Пока я не знал, что у меня получится, но тем не менее обещал себе, что день моего возвращения в бессмертный город ознаменуется залпами ружейных выстрелов.

Я начал управлять отражениями, и белая птица моей судьбы прилетела, усевшись мне на правое плечо, а я написал записку, привязал к ноге птицы и послал ее в путь. В записке было сказано:

«Я иду».

И стояла моя подпись.

Я не успокоюсь, пока не отомщу, а когда трон окажется моим, берегитесь, милый принц и те, кто осмелился встать на моем пути.

Солнце висело над моим левым плечом, а ветер надувал паруса и уносил меня вдаль. Я выругался, потом засмеялся.

Я бежал из тюрьмы и вынужден был скрываться, но я обрел свободу. И у меня появился шанс, о котором я мечтал.

Черная птица моей судьбы прилетела, усевшись мне на левое плечо, а я написал записку, привязал ее к ноге птицы и послал ее на запад. В записке было сказано:

«Эрик, я вернусь».

И стояла подпись:

«Корвин, повелитель Эмбера».

Демон-ветер нес меня к востоку от солнца.

II

РУЖЬЯ АВАЛОНА

1

Сойдя на берег, я сказал: «Прощай, „Бабочка“».

Парусник медленно развернулся и поплыл в глубину вод. Я знал, что он вернется в бухточку Кабры, потому что маяк находился неподалеку от отражения, на котором я высадился.

Обернувшись, я посмотрел на темную линию деревьев, понимая, что мне предстоит долгий путь. Я пошел вперед, производя нужные изменения. В молчаливом лесу царил предрассветный холодок, и это было здорово.

Я еще не добрал в весе фунтов пятьдесят, изредка у меня рябило в глазах, но постепенно я обретал прежнюю форму. Сумасшедший Дворкин помог мне бежать из темницы Эмбера, пьянчужка Жупен окончательно поставил меня на ноги, и теперь я хотел найти подобие отражения, которого больше не существовало. Избрав тропинку, я продолжал идти вперед.

Через некоторое время я остановился у высокого дерева, которое и должно было стоять на этом самом месте, засунул руку в большое дупло, вытащил свою серебряную шпагу и пристегнул ее к поясу. То, что она осталась в Эмбере, не имело ровным счетом никакого значения. Сейчас она была здесь, потому что лес находился на отражении.

Я шел в течение нескольких часов, оставляя невидимое солнце за левым плечом, затем немного передохнул и снова пустился в путь. Мне было приятно смотреть на опавшие листья, камни, пни, зеленеющие деревья, траву, темную землю. Я с наслаждением впитывал в себя маленькие запахи жизни, прислушивался к жужжащим, звенящим и чирикающим звукам вокруг. Боже! Как я восторгался своими глазами! Чувства, которые я испытывал после четырех лет полной тьмы, невозможно было передать словами. А ощущать свободу...

Полы моего старенького рваного плаща раздувались и хлопали под порывами ветра. Должно быть, я выглядел сейчас лет на пятьдесят: худой, если не тощий, и с морщинистым лицом. Разве кто-нибудь сможет меня узнать?

Я шел, меняя отражение за отражением, но так и не попал куда хотел. Наверно, я стал излишне сентиментален. Вот что произошло...

На обочине дороги я увидел семь человек: одного живого и шесть мертвых. Трупы лежали в самых разнообразных позах, и из многочисленных отсеченных конечностей кровь давно перестала течь. Оставшийся в живых находился в полусидячем положении и опирался на покрытый мхом ствол гигантского дуба, держа шпагу поперек колен. Его серые глаза были открыты и подернуты поволокой, костлявые пальцы судорожно сжаты, громадная рваная рана в боку сильно кровоточила. Доспехов на нем, в отличие от некоторых мертвецов, не было. Дышал он медленно и, насупив мохнатые брови, не отрывал взгляда от ворон, которые выклевывали трупам глаза. Меня он, казалось, не заметил.

Я поднял капюшон плаща и опустил голову, пряча лицо. Потом сделал несколько шагов вперед. Когда-то я знал этого человека, а может, такого же, как он, хотя с тех пор прошло много лет.

Когда я приблизился, он чуть поднял шпагу, направив острие мне в грудь.

— Я — друг, — сказал я. — Хотите глоток воды?

Какое-то мгновение он колебался, затем кивнул.

— Да.

Я протянул ему открытую фляжку; он выпил, закашлялся и вновь приложился к горлышку.

— Благодарю вас, сэр, — произнес он, отдышавшись. — Жаль, у вас нет ничего покрепче. Черт бы побрал эту царапину!

— Есть и покрепче. А вам можно?

Вместо ответа он протянул руку, и я дал ему другую фляжку. После первого глотка водки, которую пьет Жупен, он закашлялся секунд на двадцать, не меньше, а затем улыбнулся левой стороной рта и

доверительно мне подмигнул.

— Сразу полегчало. Не возражаете, если я смочу этой штукой свой бок? Жаль, конечно, хорошего напитка, но...

— Забирайте все, если надо. Но ведь у вас трясутся руки. Хотите, помогу?

Он кивнул, и я расстегнул его кожаную куртку, не обращая внимания на многочисленные царапины на руках, груди и плечах, а затем срезал кинжалом рубашку, прилипшую к ране. Рана выглядела достаточно неприятно и тянулась по всему животу, доходя до верхней части бедра. Стянув ее края руками, я вытер кровь шейным платком.

— Начали, — сказал я. — Сожмите зубы и отвернитесь.

Когда я стал лить водку на открытую рану, тело его судорожно дернулось, потом задрожало мелкой дрожью. Но он так и не вскрикнул. Я был уверен, что он смолчит. Сложив платок в несколько раз, я положил его на рану и туго перевязал полосой, которую оторвал от полы плаща.

— Хотите еще выпить? — спросил я.

— Воды. И мне необходимо хоть немного поспать.

Он сделал несколько глотков, и голова его склонилась на грудь. Я соорудил ему некое подобие подушки, накрыл плащами мертвецов, сел рядом и стал наблюдать за красивыми черными птичками.

Он меня не узнал. Неудивительно. Если бы я ему открылся, он, возможно, вспомнил бы меня — ведь мы были знакомы, хотя никогда не встречались.

Я отправился в далекое путешествие на поиски отражения, которое когда-то хорошо знал. Правда, оно было уничтожено, но я мог воссоздать его, поскольку Эмбер отбрасывает бесконечное количество отражений и любой человек королевской крови может управлять ими, как ему заблагорассудится. В моих жилах текла королевская кровь. Если вам больше нравится, можете называть отражения параллельными мирами, альтернативными вселенными или плодом воображения расстроенного мозга. Лично я — впрочем, как и все мои братья и сестры — называю их отражениями. Таким образом, можно сказать, что каждый из нас выбирает нужную ему вероятность и создает собственный мир, и хватит об этом.

На паруснике, а затем пешком я отправился в Авалон.

Я жил там много веков назад. Это долгая, сложная, удивительная и болезненно-мучительная история, и, может, я расскажу ее потом, если останусь в живых и успею закончить свое повествование.

Я подходил все ближе и ближе к Авалону, когда увидел раненого рыцаря и шесть трупов. Я, конечно, мог пройти мимо и на другом участке дороги встретиться с рыцарем, убившим шестерых бандитов и не получившим ни царапины, или, наоборот, с шестью целыми и невредимыми бандитами, которые весело смеялись бы, стоя над трупом рыцаря. Впрочем, многие скажут, что это не имеет значения, так как я перечисляю лишь вероятности, каждая из которых существует на одном из отражений.

Окажись на моем месте любой из членов нашей семьи — пожалуй, за исключением Жерара и Бенедикта, — он прошел бы мимо, не останавливаясь, ни на секунду не задумавшись. А я в последнее время стал самым настоящим мямлей. Раньше я таким не был. Возможно, пребывание на отражении Земля смягчило мой характер, а может, длительное заключение в темнице Эмбера заставило по-иному относиться к человеческим страданиям. Не знаю. Знаю только, что не смог остаться равнодушным, встретившись с тяжело раненным человеком, двойник которого был когда-то моим другом. Но если бы я прошептал ему на ухо свое имя, то скорее всего услышал бы в ответ проклятья и наверняка приобрел смертельного врага.

Что ж, долги надо отдавать. Я помогу ему, чем смогу, а затем пойду своей дорогой. Вряд ли я задержусь здесь надолго, и мне будет приятно оставить о себе добрую память.

Через несколько часов он проснулся.

— Привет, — сказал я, вынимая пробку из фляжки с водой. — Хотите пить?

Он протянул руку и, напившись, облегченно вздохнул.

— Спасибо. А теперь прошу простить меня за плохие манеры, ведь я не успел представиться. Но...

— Я вас знаю, — перебил я. — Меня зовут Кори.

Он вопросительно поднял бровь, словно на языке у него вертелся вопрос: «Кори, кто?», но промолчал, понимающе кивнув.

— Очень рад, сэр Кори, — обратился он ко мне как к равному. — Примите мою глубокую благодарность за все, что вы сделали.

— Лучшей благодарностью для меня является то, что вам стало легче, — не ударил я в грязь лицом. — Хотите перекусить?

— Да, если можно.

— Могу предложить вяленое мясо и хлеб, правда черствый. И большую головку сыра. Кушайте на здоровье.

Он не заставил себя долго упрашивать.

— А вы не составите мне компанию, сэр Кори?

— Я пообедал, пока вы спали. — Я многозначительно посмотрел на мертвых бандитов. Он улыбнулся. — ...Неужели вы справились с ними в одиночку? — спросил я. — Он кивнул. — Великолепно! Так что же мне с вами делать?

Он попытался заглянуть мне в глаза, но у него ничего не вышло.

— Не понимаю, что вы хотите этим сказать.

— Куда вы идете?

— Мои друзья живут примерно в пяти лигах к северу. Встреча с бандитами лишила меня возможности добраться до них. Сильно сомневаюсь, что найдется на свете человек, который смог бы взвалить меня на спину и пронести пять лиг. Это и дьяволу не под силу! Если б я выпрямился во весь рост, вы бы поняли, что я имею в виду, сэр Кори.

Я молча встал, вытащил шпагу и одним ударом свалил молодое деревце примерно двух дюймов толщины. Затем я срубил с него ветки и укоротил до нужной длины. Сделав то же самое со вторым деревцем, я соорудил некое подобие носилок, используя ремни и плащи мертвецов.

— Удары вашей шпаги смертельны, сэр Кори. К тому же она, кажется, серебряная.

— Вы в состоянии совершить небольшое путешествие? — спросил я.

Грубо говоря, пять лиг — примерно пятнадцать миль.

— А что будет с покойниками?

— Может, вы хотите предать их земле согласно христианскому обычаю? Черт с ними! Природа позаботится о том, что ей принадлежит. Нам пора уходить. Трупы уже начали смердеть.

— Хорошо бы хоть чем-нибудь их прикрыть. Они честно бились и заслуживают уважения.

Я вздохнул:

— Будь по-вашему, если это поможет вам спокойно спать. Лопаты у меня нет, так что придется завалить их камнями. Не обессудьте, но могила будет общей.

— Конечно, — сказал он. — И спасибо вам большое.

Я уложил шесть тел рядом, одно подле другого.

Раненый рыцарь что-то забормотал себе под нос — похоже, молитву.

Камней повсюду валялось великое множество, поэтому я работал быстро, выбирая самые большие, чтобы долго не возиться. В этом и заключалась моя ошибка. Один из камней весил фунтов четыреста, и я не стал катить его, а просто поднял и поставил на место.

Я услышал изумленный возглас, который говорил о том, что рыцарь прекрасно понял, сколько весит

этот камень.

Я выругался про себя. Потом — вслух!

— Вот черт, чуть было не надорвался!

Я стал выбирать камни поменьше и, завалив тела, выпрямился.

— Все. Теперь вы готовы?

— Да.

Я поднял его на руки и положил на носилки. Когда я укладывал его, он изо всех сил стиснул зубы.

— В какую сторону надо идти? — спросил я.

— В обратную. Свернете налево и дойдете до развилки. Потом свернете направо. А как же вы меня...

Не говоря ни слова, я взял носилки, как мать берет перепеленатого ребенка, и пошел по дороге.

— Кори? — сказал он.

— Что?

— Вы один из самых сильных людей, которых я когда-либо встречал, и мне кажется, я должен вас знать.

Чуть помедлив, я небрежно заметил:

— Стараюсь все время поддерживать форму. Живу на свежем воздухе, занимаюсь физическим трудом...

— И голос ваш кажется мне знакомым...

Он приподнялся, пытаясь рассмотреть мое лицо, и я решил как можно скорее переменить тему разговора.

— Куда мы идем?

— В крепость, которая принадлежит Ганелону.

— Этому сутяге! — воскликнул я, чуть не выронив носилки.

— Хотя я и не понимаю значения произнесенного вами слова, — заявил он, — ваш тон говорит о том, что оно оскорбительно. Если это действительно так, я вынужден требовать сатисфакции...

— Минутку, — перебил я. — У меня такое ощущение, что мы говорим о двух разных людях с одинаковым именем. Приношу свои извинения.

Сквозь ткань носилок я почувствовал, как напрягшееся тело расслабилось и обмякло.

— Несомненно, так оно и есть.

Я продолжал идти по дороге и вскоре свернул налево. Он заснул, даже захрапел, и тогда я ускорил шаг, а потом перешел на бег. В голову мне пришла мысль о том, что у шестерых бандитов, чуть было не отправивших рыцаря на тот свет, имеются товарищи, которые могут устроить засаду и напасть на меня, выскочив из-за какого-нибудь куста.

Когда мой подопечный заворочался и вздохнул, я вновь перешел с бега на обычный шаг. К этому времени я уже прошел развилку дороги и свернул направо.

— Кажется, я спал, — заявил рыцарь.

— ...И храпели, — добавил я.

— Сколько мы прошли?

— Около двух лиг.

— И вы не устали?

— Немного устал, — признался я. — Но отдыха мне пока не требуется.

— О боже! — воскликнул он. — Признаться, я рад, что мы с вами не враги. Послушайте, а вы уверены, что вы не дьявол?

— Конечно, дьявол, — ответил я. — Разве вы не чувствуете запах серы? И мое левое копыто сейчас отвалится от усталости.

Он и в самом деле несколько раз потянул носом воздух, прежде чем усмехнуться шутке, что меня задело.

Вообще-то, по моим подсчетам, мы прошли уже больше четырех лиг, и я надеялся, что он опять заснет, и все расстояния у него в голове перепутаются. Руки мои налились свинцовой тяжестью.

— Почему бандиты на вас напали? — спросил я.

— Они были Хранителями Круга. Одержимыми. И давно перестали походить на людей. Нам надо молиться богу, сэр Кори, чтобы души их нашли покой.

— Хранителями Круга? Какого Круга?

— Черного Круга, места беззакония, в котором обитают мерзкие твари. — Он глубоко вздохнул. — Источника всех несчастий на нашей земле.

— Эта земля не кажется мне особенно несчастной, — заметил я.

— У Ганелона сильное княжество, и он может дать отпор любому врагу. Но Круг расширяется, и я чувствую, что недалек день решительной битвы.

— Ваши речи возбудили мое любопытство.

— Сэр Кори, если вы до сих пор ничего не знали, постарайтесь забыть то, что я рассказал. Обойдите Черный Круг стороной и идите своей дорогой. И хотя я дорого бы дал, чтобы вы сражались в наших рядах, я не смею ни о чем вас просить, потому что никто не может предугадать, чем закончится битва.

Дорога стала подниматься в гору, и внезапно сквозь просвет деревьев я увидел знакомую мне до боли картину. От неожиданности я застыл на месте.

— В чем дело? — спросил рыцарь, повернув голову. Затем, присмотревшись, он облегченно вздохнул. — Оказывается, мы шли гораздо быстрее, чем я думал. Это — замок Ганелона.

Невольно я стал думать о Ганелоне, хотя это не доставило мне удовольствия. Он был предателем и убийцей, которого я выставил из Авалона и бросил на другом отражении и в другом времени — примерно так поступил со мной брат Эрик. Жаль, если Ганелон окажется именно здесь. Это было невероятно, но возможно. Он был обычным смертным, а я отправил его в изгнание более шести веков назад, но по времени этого отражения могло пройти всего несколько лет. Время — одна из функций отражений, и даже Дворкин не знал всех его особенностей. А может, он-то как раз и знал, и знание это свело его с ума. Как бы то ни было, я не верил, что речь шла о моем бывшем помощнике, товарище и старом недруге, потому что он никогда не стал бы сопротивляться беззаконию, напротив, творил бы его, управляя самыми мерзкими из всех тварей.

Я подумал о человеке, которого нес на руках и который тоже жил в Авалоне более шестисот лет назад. Время совпадало.

Мне совсем не хотелось встречаться с Ганелоном и быть узнанным. Он ничего не знал об отражениях и считал меня черным магом, который пощадил его жизнь, но обрек на жалкое существование. И кто знает: предложи я ему выбор, он мог бы предпочесть смерть изгнанию.

Тем не менее раненый рыцарь нуждался в уходе и крыше над головой, и поэтому я продолжал идти вперед.

Все же интересно...

Он меня вспомнил, хотя, конечно, не узнал. Может, ему пришлось иметь дело с моим двойником, который правил в этой стране, так похожей на Авалон? А как меня примут, когда поймут, кто я такой?

Солнце начало заходить. Подул прохладный ветерок. Мой подопечный храпел вовсю, и я вновь

перешел на бег. Мне вовсе не улыбалось встретиться ночью в лесу с неизвестными тварями из какого-то Круга. Я бежал, наступая на удлиняющиеся тени, и старался не думать о погоне, засаде и прочих ненужных вещах. Мысли в моей голове окончательно перепутались, у меня появилось странное предчувствие, и внезапно я услышал за своей спиной мягкий топот: «топ, топ, топ».

Я положил носилки на землю, повернулся и вытащил шпагу из ножен.

Две кошки.

По внешнему виду — сиамские, но каждая — величиной с тигра. Твердый взгляд ярко-желтых глаз без зрачков.

Когда я встал к ним лицом, они уселись и уставились на меня, не мигая. Нас разделяло шагов тридцать. Кошка, сидевшая слева, открыла пасть, и я поднял шпагу. «Интересно, зарычит она или замурлыкает?» — почему-то подумал я.

Но кошка заговорила:

— Человек. Смертный.

— И все еще живой, — сказала вторая кошка голосом первой.

— Убьем его, — заявила первая.

— А что делать с тем, кто его охраняет? Вид этой шпаги мне не нравится.

— Он смертный?

— Подойдите и узнаете, — спокойно ответил я.

— Он тощий и старый.

— Но он нес тяжелую ношу быстро и не отдыхая. Давай зайдем с двух сторон.

Как только они встали, я бросился вперед, и правая кошка тут же прыгнула на меня. Моя шпага расколола ей череп, прошла до лопаток. Я быстро повернулся, и в это время вторая кошка проскользнула к носилкам. Я рубанул сплеча.

Удар пришелся по спине, и клинок вошел в тело, как в масло, разрубив кошку пополам. Раздался дикий визг, напоминающий многократно усиленный скрип мела по доске. Мохнатое тело вспыхнуло ярким пламенем. Первая кошка тоже горела.

Но та, которую я разрубил, была еще жива. Она посмотрела на меня, встретила со мной взглядом и не опустила сверкающих глаз.

— Я умираю последней смертью, — сказала она, — а значит, я знаю тебя, Открыватель Пути. Почему ты убиваешь нас?

А затем голова ее загорелась.

Я отвернулся, вытер клинок о траву и вложил шпагу в ножны. Потом поднял носилки и, не обращая внимания на град сыпавшихся вопросов, пошел вперед.

Кажется, ситуация стала проясняться.

До сих пор я часто вижу во сне охваченную пламенем голову кошки и просыпаюсь в дрожи и в поту, а ночь кажется мне темной и полной видений, которые я никак не могу различить.

Замок Ганелона окружал глубокий ров. Подъемный мост с четырьмя башенками по углам был поднят и прикреплен к толстой крепостной стене, за которой высились другие башни. Казалось, они достигали до неба и щекотали животики низким тучным облакам, затмевающим ранние звезды и отбрасывающим тени на высокий холм, на котором стоял замок. Ветер донес до меня неясный шум голосов.

Я остановился напротив моста, опустил носилки, сложил ладони рупором и крикнул:

— Э-гей! Ганелон! Два путника заплутали в ночи!

Послышалось звяканье металла о камень, и я почувствовал, что меня рассматривают. Я тоже поднял голову и прищурился, стараясь хоть что-нибудь разглядеть, но ничего не увидел. Все-таки зрение еще не

вернулось ко мне полностью.

— Кто там? — спросил громкий гулкий голос.

— Ланс, тяжело раненный, которого я, Кори из Кабры, принес в замок.

Я услышал, как часовой передал мои слова по цепочке. Спустя некоторое время пришел ответ:

— Отойдите в сторону! Сейчас мы опустим мост! Вы можете войти!

Послышался тягучий скрип, и деревянная конструкция легла на землю рядом со мной. Я поднял носилки и пересек ров.

Вот и весь сказ о том, как я принес сэра Ланселота дю Лака в Замок Ганелона, которому я верил, как брату. Иными словами, не верил вовсе.

Я очутился в толпе и, присмотревшись, понял, что окружен солдатами. Враждебности они, однако, не проявляли, скорее наоборот — на лицах у многих было участливое выражение. Меня провели в большой двор, освещенный множеством факелов. Повсюду лежали спальные мешки. Пахло потом, дымом, лошадьми и готовящейся пищей. Похоже, здесь расположилась на ночлег небольшая действующая армия.

Люди подходили к нам, о чем-то спрашивали, но я не успел ничего ответить, потому что сквозь толпу протолкались двое стражников, вооруженных до зубов, и один из них обратился ко мне, слегка дотронувшись до плеча:

— Пойдемте с нами.

Они встали у меня по бокам, и солдаты расступились, давая нам дорогу. Сзади послышался скрип поднимающегося моста. Мы вошли в замок, сложенный из черного камня.

Миновав большой зал и комнату, похожую на приемную, мы стали подниматься по лестнице и на втором этаже остановились перед тяжелой дубовой дверью. Стражник постучал.

— Войдите, — произнес голос, который, к великому моему сожалению, был мне знаком.

Мы вошли.

Ганелон сидел за большим столом у широкого окна, выходящего во двор. На нем были черные брюки поверх черных сапог, черная рубашка и черная кожаная куртка. На широком поясе висел кинжал с рукоятью в форме копыта. Короткая шпага лежала на столе. У Ганелона были рыжие с проседью волосы и борода. Его черные, как эбеновое дерево, глаза блестели.

Он посмотрел на меня, потом перевел взгляд на двух стражников, которые внесли в комнату носилки.

— Положите его на мою кровать, — сказал он и добавил, не поворачивая головы: — Родерик, займись им.

Родерик, его врач, был старичком, который, как мне показалось, не мог причинить пациенту особого вреда. Это меня утешило. В конце концов, я не для того тащил Ланса пятнадцать миль, чтобы он истек кровью.

Затем Ганелон вновь обратился ко мне:

— Где вы его нашли?

— В пяти лигах к югу.

— Кто вы такой?

— Меня зовут Кори, — ответил я.

Он пристально посмотрел на меня и чуть улыбнулся в густые усы. Губы у него были тонкими и напоминали извивающихся червей.

— На чьей вы стороне? — спросил он.

— Не понимаю, что вы имеете в виду.

Я слегка наклонился, чтобы спина моя выглядела согбенной. Говорил я медленно, тихо и слегка

заикаясь. Моя борода была длиннее, чем у Ганелона, а забившаяся в нее дорожная пыль создавала впечатление седины. Я не сомневался, что выгляжу как пожилой человек.

— Я спрашиваю, почему вы ему помогли?

— Человек человеку — брат.

— Вы иностранец?

Я кивнул.

— Что ж, вы — мой гость. Оставайтесь в моем замке, сколько пожелаете.

— Спасибо. Но, наверное, я уйду завтра.

— Как вам будет угодно. А сейчас давайте выпьем по стаканчику вина, и вы расскажете, при каких обстоятельствах нашли Ланса.

Ганелон слушал, не перебивая, не отрывая от меня взгляда. Я всегда считал, что выражение «сверлить глазами» — глупое, но в этот вечер изменил свое мнение. Он не просто сверлил, он пронзал меня глазами, словно кинжалами. Интересно, какие выводы он сделал, о чем догадался?

Внезапно я почувствовал, как на меня наваливается усталость. Язык мой стал заплетаться. Нервное напряжение, стакан вина, теплая комната сказались на мне не лучшим образом, и неожиданно у меня создалось впечатление, что я стою в углу и наблюдаю за самим собой. Видимо, длительные нагрузки были мне пока что не под силу. Я заметил, что руки мои дрожат.

— Простите, — услышал я собственный голос. — Мне необходимо немного отдохнуть...

— Ну конечно! — сказал Ганелон. — Поговорим завтра. А сейчас идите спать и спите спокойно.

Он позвал охранника и приказал отвести меня в свободную комнату. Должно быть, я все время спотыкался, потому что ясно помню, как меня поддерживали за локоть.

В ту ночь я спал как убитый. Сон мой был без сновидений, и я проспал четырнадцать часов кряду.

Когда я проснулся, у меня ломило все тело.

Я тщательно помылся. На высоком столике стояла лохань с водой, а рядом лежали мыло и полотенце, предусмотрительно оставленные в комнате. Мне никак не удавалось избавиться от ощущения, что горло мое забито пылью, а глаза — песком.

Я сел в кресло и задумался.

В прежние времена я мог пронести Ланса пять лиг и глазом не моргнуть. В прежние времена я сражался целый день на горе Колвир, а затем вошел в Эмбер.

Но прежние времена прошли. Внезапно я понял, что выгляжу со стороны самой настоящей развалиной.

О этим нельзя было мириться. Силы возвращались ко мне слишком медленно, и я должен был набрать вес, причем как можно скорее.

Неделя-другая жизни на свежем воздухе, физические нагрузки помогут мне обрести прежнюю форму. Похоже, Ганелон меня не узнал. Вот и прекрасно. Воспользуюсь его гостеприимством.

Приняв это решение, я вышел из комнаты и отправился на поиски кухни, где съел обильный завтрак. Правда, уже наступило время ленча, но я предпочитаю называть вещи своими именами. Мне сильно хотелось курить, и я злорадно подумал о том, что мои запасы табака иссякли. Судьба была за то, чтобы я встал на ноги как можно скорее.

Стоял прохладный ясный день. Я вышел из замка и долгое время наблюдал за солдатами, проводившими военные учения.

В дальнем конце двора стояли мишени, прикрепленные к мешкам соломы. Лучники, надевшие кольца на большие пальцы рук, упражнялись в стрельбе, пуская стрелы в восточном стиле, держась за

тетиву не тремя (к чему я привык), а двумя пальцами. Я стал думать об этом отражении, на котором очутился случайно. Шпажисты использовали обе стороны и острие оружия, демонстрируя разнообразные приемы ведения боя. Всего во дворе упражнялось человек восемьсот, а остальные, видимо, располагались в замке. Они отличались один от другого телосложением, цветом волос и глаз и говорили на разных языках, среди которых преобладал авалонский, он же — эмберийский.

Пока я стоял, размышляя, один из учебных боев закончился. Солдат поднял руку, опустил шпагу, отер пот со лба и сделал шаг назад. Его противник, казалось, вообще не устал. Мне предоставился шанс заняться физическими упражнениями, которые я сам себе прописал.

Я подошел к солдату, улыбнулся и сказал:

— Я — Кори из Кабры. Мне понравилось, как вы фехтуете. — Обернувшись, я обратился к победителю, темноволосому гиганту, который, ухмыляясь, смотрел на своего отдыхающего товарища. — Не возражаете, если я поупражняюсь с вами, пока ваш друг отдыхает?

Продолжая ухмыляться, он покачал головой и указал пальцем на свои рот и ухо. Я попытался заговорить с ним на нескольких других языках, но безуспешно. Тогда я прибегнул к языку жестов, и он быстро понял, чего я хочу.

Побежденный солдат протянул мне шпагу, и по его глазам я понял, что он очень ею гордится. Шпага была короткой и значительно тяжелее, чем Грейсвандир. (Так называется моя шпага, имени которой я до сих пор не упоминал. Впрочем, это совсем другая история, и, может, я расскажу ее, а может, нет, прежде чем вы узнаете, почему я оказался сейчас в Царстве Хаоса. Но если я еще раз упомяну Грейсвандир, вы по крайней мере поймете, о чем идет речь.)

Я несколько раз взмахнул шпагой, чтобы привыкнуть к ней, отбросил плащ в сторону и встал в позицию.

Атака последовала мгновенно. Я отпарировал и перешел в наступление. Он отклонил корпус в сторону и сделал прямой выпад. Я отбил. Через пять минут я понял, что он был прекрасным фехтовальщиком. Естественно, не таким хорошим, как я. Дважды он просил меня прервать поединок и повторить неизвестные ему приемы. Схватывал он на лету. Минут через пятнадцать он начал улыбаться, наверняка считая, что долго я не продержусь. Видимо, четверти часа ему вполне хватало, чтобы сломить любого противника, если тот, конечно, не сдавался раньше. Через двадцать минут на лице его появилось недоуменное выражение. Я не был похож на человека, который может так долго выстоять. Но ведь ни один смертный не подозревает об истинной силе принца Эмбера.

Через двадцать минут он взмок от пота, но продолжал нападать. Мой брат Рэндом иногда выглядит, как пятнадцатилетний задохлик, и действует, как астматик, но однажды мы с ним устроили поединок на шпагах и бились в течение двадцати шести часов, чтобы выяснить, кто сдастся первым. (Если вам интересно, первым сдался я. На следующий день у меня было назначено свидание, и я не хотел приходить на него выжатым, как лимон.) Хотя для такого представления силенок у меня было маловато, я знал, что спокойно могу измотать своего противника. В конце концов, он был обычным человеком.

Через полчаса дыхание его участилось, атаки замедлились. Еще немного, и он сообразил бы, что я валяю дурака, и поэтому я поднял руку, опустил шпагу и сделал шаг назад. Он тут же бросился меня обнимать. Я не понял, что он сказал, но его удовольствие было очевидным. Я тоже был доволен.

Правда, я сильно расстроился, почувствовав, что устал. К тому же у меня закружилась голова.

Тем не менее тренировка была мне необходима. Я поклялся, что загоняю себя до полусмерти, наемся до отвала, выплюсь и на следующий день начну все сначала.

Поэтому я подошел к лучникам, одолжил лук и выпустил сотню стрел в «трехпалом стиле». Процент попадания был у меня не самым низким. Некоторое время я наблюдал за битвой всадников, вооруженных копьями, булавами и щитами, затем подошел к группе людей, отрабатывающих приемы ведения боя без оружия.

Я вошел в круг, победил трех солдат одного за другим и почувствовал, что больше ни на что не способен. Я тяжело дышал, с меня ручьем тек пот. Присев на скамейку, стоявшую в тени, я стал думать о

Лансе, о Ганелоне и об ужине. Минут через десять я с трудом поднялся, пошел в свою комнату и принял ванну.

К этому времени я был голоден, как волк, и поэтому отправился на поиски обеда и последних новостей.

Я не успел сделать и двух шагов по коридору, как стражник — тот самый, который вчера вечером поддерживал меня за локоть, — подошел ко мне и сказал:

— Милорд Ганелон просит вас отобедать с ним в его покоях после того, как зазвонит колокол.

Я поблагодарил его, заверил, что приду, вернулся к себе и растянулся на постели. Колокол зазвонил через несколько минут. Я встал и вышел из комнаты.

Мускулы у меня разболелись не на шутку, я был весь в синяках и царапинах. Что ж, тем труднее будет меня узнать. На мой стук дверь открыл мальчик, который тут же подбежал к другому пареньку и стал помогать ему накрывать на стол, стоявший у камина.

На Ганелоне были зеленая рубашка, зеленые брюки, зеленые сапоги и зеленый пояс, и сидел хозяин замка на стуле с высокой спинкой.

— Сэр Кори, мне доложили о том, как вы провели сегодняшний день, — сказал он, крепко пожав мне руку. — Теперь я перестал удивляться, что вы пронесли Ланса пять лиг. Глядя на вас, не скажешь, что вы настоящий мужчина... только поймите меня правильно, не обижайтесь, пожалуйста.

Я усмехнулся.

— Я не обижаюсь.

Он усадил меня за стол и протянул стакан белого вина, слишком сладкого, на мой вкус.

— Вы кажетесь мне таким немощным, хотя несли Ланса на руках, не отдыхая, убили двух мерзких тварей и сложили надгробие из больших камней. Ланс мне рассказал...

— Как он себя чувствует? — спросил я.

— Пришлось приставить к нему охрану, чтобы лежал смирно. Представьте, эта гора мускулов решила пойти прогуляться! Клянусь богом, он не встанет с постели раньше чем через неделю!

— Значит, ему лучше.

Ганелон кивнул.

— За его здоровье.

— За это я выпью с удовольствием.

Мы выпили.

Помолчав, он сказал:

— Если бы в моей армии было больше таких людей, как вы и Ланс, дело приняло бы другой оборот.

— О чем вы говорите?

— О Черном Круге. Неужели вы ничего не знаете?

— Нет. Ланс лишь упомянул о его существовании.

Один из мальчиков поджаривал огромный кусок говядины на малом огне. Поворачивая вертел, он поливал мясо вином, и когда до меня доходил вкусный запах, в моем животе начинало бурчать, а Ганелон ухмылялся в усы. Второй мальчик отправился на кухню за хлебом.

Долгое время Ганелон молчал. Он пил уже второй бокал вина, а я никак не мог справиться с первым.

— Вы когда-нибудь слышали об Авалоне? — неожиданно спросил он.

— Да, — ответил я. — Давным-давно читал мне стихи один странствующий бард, и я их запомнил: «На берегу реки благословенной сидели мы и, вспомнив Авалон, заплакали. В руках остались сломанные шпаги, щиты развесили мы на деревьях. Разрушены серебряные башни, утоплены в потоках крови. Так

сколько миль до Авалона? И все, и ни одной. Разрушены серебряные башни».

— Авалон разрушен?.. — спросил он.

— Лично я считаю, что бард был сумасшедшим. Сам я не знаю никакого Авалона.

Наступило молчание. Ганелон отвернулся и заговорил лишь через несколько минут. Голос его неувловимо изменился.

— Авалон существует. Я жил там много лет назад. Трудно поверить, что он разрушен.

— А почему вы сейчас живете здесь? — просил я.

— Меня изгнал из Авалона злой колдун, повелитель Эмбера — Корвин. Он отправил меня в эту страну сквозь тьму и безумие, обрек на мучительные страдания и верную смерть. Боже, как я страдал! Сколько раз был близок к смерти! Я все время пытался найти дорогу домой, но никто не знал, как попасть в Авалон. Я говорил с волшебниками и даже с одной пленной тварью из Круга, прежде чем мы ее убили. Безуспешно. Как сказал бард, Авалон «и вблизи, и вдали», — перефразировал он мои стихи. — Вы не помните имя этого барда?

— К сожалению, нет.

— А где находится Кабра?

— Далеко на востоке. Это — островное королевство.

— Можно ли нанять там солдат? Я хорошо заплачу.

Я покачал головой.

— Кабра — маленький остров с небольшим отрядом милиции, которая поддерживает порядок. Я уже не говорю о том, что путешествие в оба конца — по суше и по морю — займет несколько месяцев. У нас нет ни войска, ни наемников, и наш народ не отличается воинственностью.

— Глядя на вас, этого не скажешь. — Он бросил на меня быстрый взгляд.

Я сделал глоток вина.

— Я работал военным инструктором и обучал Королевскую Стражу.

— Не откажетесь поработать у меня в той же должности?

— Я останусь на несколько недель и помогу, чем могу.

Ганелон кивнул, чуть раздвинув губы в мимолетной улыбке.

— Вы принесли мне печальную весть. Но если чудесный Авалон разрушен, значит, тот, кто отправил меня в изгнание, погиб. — Он залпом выпил бокал вина. — Оказывается, демоны тоже смертны. Это меня утешает. Значит, и у нас есть шанс победить.

— Прошу прощения, — сказал я, решив сыграть ва-банк, чтобы отвести от себя подозрения. — Если вы говорите о Корвине из Эмбера, то он погиб.

Бокал выпал у него из рук и разбился.

— *Вы знаете Корвина?* — воскликнул он.

— Нет, но я знаю о нем. Несколько лет назад я встретил одного из его братьев, человека по имени Бранд. Он рассказал мне об Эмбере и о битве, в которой Корвин и Блейз сражались во главе огромного войска против узурпатора Эрика, захватившего власть. Блейз упал с горы Колвир, а Корвина взяли в плен. После коронации Эрика Корвину выжгли глаза, а затем бросили в самую мрачную темницу Эмбера, где он сейчас и сидит, если, конечно, не умер.

Лицо Ганелота стало белым как мел.

— Имена, которые вы назвали... Бранд, Блейз, Эрик, — повторил он. — В те дни, которые никогда уже не вернутся, Корвин рассказывал об этих людях. Скажите, вы давно разговаривали с Брандом?

— Года четыре назад.

— Корвин заслужил лучшей доли.

— Несмотря на то, что он поступил с вами безжалостно?

— Что мне вам ответить? — Ганелон вздохнул. — Я много размышлял и не могу сказать, что у него не было причин отправить меня в изгнание. Он был человеком веселым и сильным, сильнее, чем вы или Ланс. Я не люблю Корвина, но моя ненависть к нему тоже угасла. Лучше бы Эрик его убил.

Второй мальчик вернулся с корзинкой хлеба. Поваренок, готовивший мясо, снял его с вертела и положил на блюдо в центре стола.

Ганелон кивнул.

— Приступим, — сказал он, придвигаясь к столу.

Я не заставил себя упрашивать. Во время еды мы почти не разговаривали.

Наевшись до отвала, я запил обильную трапезу бокалом все того же сладкого вина и начал зевать. После третьего зевка Ганелон не выдержал.

— Черт побери, Кори! Прекратите! Это заразительно! — С трудом удержавшись от зевка, он встал со стула. — Пойдемте, подышим свежим воздухом.

Мы поднялись на крепостную стену и стали неторопливо прогуливаться. При виде нас часовые вытягивались, отдавая честь, и Ганелон отвечал каждому. У невысокой зубчатой башенки мы решили отдохнуть и уселись прямо на каменный пол, вдыхая ночной воздух и глядя, как звезды одна за другой появляются на быстро темнеющем небе. Сидеть на каменной стене было холодно. Мне показалось, что где-то далеко-далеко шумит морской прибой. Снизу до нас донесся крик ночной птицы. Ганелон вытащил из-за пояса кисет, достал трубку, набил ее табаком и закурил. Его лицо, на мгновение освещенное светом спички, можно было назвать сатанинским, если бы не опущенные углы губ и печаль в глазах. Считается, что у дьявола злобная усмешка, у Ганелона же она была угрюмой.

Запахло табачным дымом. Прошло несколько минут, прежде чем мой спутник нарушил молчание.

— Я помню Авалон. — Голос у него был тихим, но внятным. — Я там родился и вырос в самой обычной семье, но особой добродетелью никогда не отличался. Я получил наследство, промотал его и сам не заметил, как стал обычным разбойником с большой дороги. Сначала я грабил путников в одиночку, потом вступил в шайку и, когда понял, что я умнее и сильнее других бандитов, стал их предводителем. За голову каждого из нас была назначена цена. За мою — самая большая.

Вспоминая свое прошлое, он заговорил быстрее, чеканя каждое слово:

— Да, я помню Авалон. Помню его серебряные башни, отбрасывающие длинные тени, и прохладные воды, в которых звезды сверкали по ночам, как костры. Я помню траву и деревья, вечно зеленые, словно весной. Молодость, любовь, красота... все это я познал в Авалоне. Гордые иноходцы, благородный металл, мягкие губы, темный эль. Честь...

Он покачал головой.

— Когда началась война, правитель пообещал полное прощение всем разбойникам, которые выступят вместе с ним против инсургентов. Этим правителем был Корвин. Я присоединился к нему, стал офицером, а позже — членом его штаба. Мы выиграли много сражений, подавили восстание, затем Корвин вернулся во дворец, а я стал его генералом. Хорошие были годы. Правда, изредка происходили столкновения на границах, но мы всегда выходили победителями. Корвин доверял мне, зная, что я не подведу. Но однажды он пожаловал герцогство мелкопоместному дворянчику, на дочери которого решил жениться. Этого герцогства добивался я, и Корвин неоднократно намекал, что когда-нибудь оно будет моим. Я был в бешенстве, и когда меня отправили на южную границу, где всегда были какие-нибудь нелады, я его предал. Армия моя была разбита, и враг вошел в государство. Тогда Корвин сам взялся за оружие. Захватчики прорвались большими силами, и я надеялся, что они одержат победу, но Корвин, благодаря своей лисьей хитрости, разбил их наголову. Я бежал, но был схвачен и приведен во дворец. Я проклял Корвина, плюнул ему в лицо. Я отказался преклонить перед ним колени. Я ненавидел землю, по которой он ходил. Впрочем, перед лицом неизбежной смерти любой осужденный должен вести себя как

мужчина. Корвин сказал, что помилует меня за прошлые заслуги, а я крикнул, что он может засунуть свое помилование псу под хвост. Неожиданно я понял, что надо мной издеваются. Корвин приказал освободить меня и подошел ко мне почти вплотную. Я знал, что он необычайно силен, но все равно попытался оказать сопротивление. Безуспешно. Он ударил меня всего один раз, и я упал без сознания. Очнулся я, крепко привязанный к луке седла. Корвин о чем-то спрашивал, но я не стал отвечать ни на один из его вопросов. Мы скакали мимо удивительных, странных земель — некоторые из них не привидятся в кошмарном сне, — и тогда я понял, что Корвин обладает волшебной силой. Когда мы остановились, он объявил, что эта страна — место моей ссылки, а затем повернул коня и ускорился прочь.

Ганелон умолк, запыхтел погасшей трубкой, разжег ее и продолжал свой рассказ:

— Я часто оказывался на краю гибели, терпел побои, спасался от диких зверей, получал множество синяков и царапин. Корвин бросил меня в самой ужасной части государства. Но однажды мне повезло. Вооруженный рыцарь в доспехах приказал мне убраться с дороги. Мне было все равно: продолжать жить, как я жил, или умереть, поэтому я обозвал его вислоухим сыном шлюхи и послал к дьяволу. Он бросился на меня, но я схватил его за копье, вышиб из седла и сделал улыбку под подбородком его собственным кинжалом. Таким образом я добыл себе коня и оружие. Затем я решил отомстить своим обидчикам и взялся за старое ремесло: стал разбойником с большой дороги. Я вновь набрал шайку, которая росла не по дням, а по часам и вскоре насчитывала несколько сот человек. Как правило, мы занимали какой-нибудь небольшой городок и грабили его. Местная милиция тряслась от страха при одном упоминании моего имени. Хорошая была жизнь, но, конечно, ее нельзя сравнить с той, что я вел в Авалоне. Мы были грозой придорожных гостиниц, а путешественники накладывали полные штаны, слышав стук копыт наших коней. Против нас высылали большие отряды солдат, но мы либо избегали столкновений, либо нападали на них из засады и уничтожали полностью. Затем неизвестно откуда появился Черный Круг.

Ганелон еще яростнее запыхтел трубкой и уставился вдаль невидящими глазами.

— Он появился далеко на западе. Мне говорили, что сначала на земле возникла большая, словно жабья, проплешина, в центре которой лежал мертвый ребенок. Несчастную девочку обнаружил отец, скончавшийся через несколько дней в страшных муках. Это место немедленно было объявлено проклятым. Прошло всего несколько месяцев, и оно сильно разрослось, образовав круг диаметром в пол-лиги. Трава в круге не погибла, но почернела и сверкала, как металлическая, а деревья искривились, и листья их тоже почернели. Стволы скрипели и раскачивались даже в безветренную погоду, а в ветвях танцевали и прыгали летучие мыши. В сумерках внутри круга начинали двигаться странные тени и загорались огни небольших костров. Он продолжал расширяться, и жители окрестных деревень поспешили покинуть давно обжитые места. Но некоторые из них все же решили остаться. Говорят, они заключили договор с темными силами. А Круг продолжал расти и людей в нем оставалось все больше и больше. Я разговаривал с ними, убивал их, и у меня сложилось впечатление, что они омертвели. В их голосах не слышалось интонаций, лица стали похожими на маски. Эти нелюди выходили из Круга группами, убивая беспощадно, оскверняя храмы, сжигая все на своем пути, занимаясь мерзкими непристойностями. Но они никогда не крали предметов из серебра. Через несколько месяцев к ним присоединились другие твари, вроде тех кошек, которых вы убили. Затем Круг замедлил рост, почти прекратил его, как будто достиг предела. Но зато из него полезла всякая нечисть, уничтожавшая окрестности. Когда страна была опустошена, Круг увеличился до ее размеров. И вновь начался его рост. Старый король Утер, который долго за мной гонялся, позабыл о моей шайке и все силы бросил на охрану и патрулирование Круга. Честно говоря, мне тоже не улыбалось в один прекрасный день проснуться в объятиях какого-нибудь вампира, и я решил отправиться на разведку. Со мной вызвались идти пятьдесят пять добровольцев — малодушным мне приказывать не хотелось. Мы пересекли границу Круга, углубились в него и вскоре увидели нелюдей, которые сжигали живьем козла на каменном алтаре. Мы перебили всех, кроме одного, а этого последнего привязали к алтарю и допросили на месте. Он сказал, что Круг будет расширяться, пока не поглотит всю землю до океана, а затем сольется с Кругом на другой стороне планеты. Он предложил нам объединить усилия, если мы хотим сохранить наши шкуры. Затем один из моих людей не выдержал и заколол его. Он умер, в этом я могу поклясться — достаточно мертвецов я повидал на своем веку. Его теплая кровь стекала на каменный алтарь, и неожиданно он рассмеялся. Громче этого смеха я еще не слышал. Мертвое недышащее тело уселось на землю, вспыхнуло ярким пламенем и стало меняться, превращаясь в козлиное, только очень больших

размеров, а из уст козла раздался голос: «Бегите, смертные! Но вам никогда не удастся покинуть Круг!» И можете мне поверить, мы побежали. Небо почернело от летучих мышей и прочей нечисти, которую я даже не берусь описать. Сзади слышался стук копыт. Мы неслись во весь опор, отражая нападение кошек — с ними вы уже познакомились, — летучих змей и страшных скачущих и прыгающих зверей. У самой границы Круга один из патрулей Утера увидел нас и бросился на помощь. Из пятидесяти пяти людей, поехавших со мной, вернулись шестнадцать. А патруль потерял тридцать солдат. Когда они увидели, кто я, меня тут же отвели во дворец. Тот самый, в котором мы сейчас находимся — когда-то здесь жил Утер. Я рассказал ему все без утайки, и он поступил так же, как в свое время Корвин: предложил мне и моим людям полное прощение, если мы поможем ему в борьбе с Хранителями Круга. Я конечно, согласился, ведь мне было ясно, что Круг необходимо уничтожить. В ту ночь я заболел и три дня лежал без сознания в горячечном бреду. Я ослаб, как мальчишка, и мои товарищи чувствовали себя не лучше. Трое умерли. Затем я вернулся к своим людям и передал им предложение короля Утера. Никто не отказался. Патрули были усилены, но мы ничего не добились. Все последующие годы Круг продолжал увеличиваться в размерах, а стычки с его Хранителями происходили повсеместно. Утер доверял мне и сделал своим генералом, совсем как Корвин. Постепенно стычки переросли в сражения, и мы проиграли несколько битв. Часть наших патрулей была захвачена в плен. Однажды ночью на нас напала огромная орда нечисти. Никогда еще не приходилось нам сражаться с таким большим войском. Утер, вопреки моему совету, — ведь он был стар и немощен, — решил принять участие в битве и погиб. Страна лишилась своего короля. Я хотел, чтобы трон занял Ланселот, мой помощник, человек честный и благородный... Странно... Я знал в Авалоне одного Ланселота, как две капли воды похожего на этого, но когда мы встретились, он сказал, что видит меня впервые... Очень странно. Как бы то ни было. Ланселот наотрез отказался занять место короля Утера, и тогда меня сделали правителем. Мне ненавистно положение, в которое я попал, но у меня нет выхода. Вот уже три года, как я сдерживаю натиск Круга. Внутренний голос твердит мне, что я должен бежать отсюда как можно дальше. В конце концов, что я должен этим проклятым людишкам? Какое мне дело, будет Круг расширяться или нет? Я могу переплыть море, поселиться в тихом, спокойном месте, куда Круг не дойдет, пока я жив, и забыть обо всех этих ужасах. Черт побери! Я не желаю брать на себя ответственность за судьбы мира! Но мне пришлось сделать это!

— Почему? — спросил я, и голос мой прозвучал необычно для меня самого.

Ответа не последовало.

Он выколотил трубку. Набил ее. Зажег. Попыхтел.

Молчание затянулось.

— Трудно сказать, — задумчиво произнес он спустя несколько минут. — Я бы убил человека ударом ножа в спину за пару сапог, чтобы не отморозить себе ноги. Однажды я так и сделал, так что знаю, о чем говорю. Но сейчас... Опасность грозит всем нам, и я единственный, кто может с ней справиться! Проклятье! В один прекрасный день все мы погибнем! Но я не могу бежать! Я буду сопротивляться, пока хватит сил!

Тело мое онемело от холода, но свежий ночной ветерок прогнал сон, и мысль работала ясно.

— Разве Ланс не может вас заменить?

— Конечно, может. Он прекрасный воин. Но есть и другая причина, по которой я должен здесь остаться. Мне кажется, что козел-оборотень, кем бы он ни был, немного меня боится. Он сказал, что я никогда не выйду живым из Круга, а я остался жив. Я тяжело болел, но поправился. И он знает, что я сражаюсь с Хранителями и прочей нечистью. Мы выиграли ту битву, в которой погиб Утер, и я встретился с оборотнем еще раз, правда в другом обличье. Он узнал меня. И, может, благодаря тому, что я остаюсь, Круг не расширяется так быстро, как раньше.

— В каком обличье?

— Он походил на человека, но у него были козлиные рога и маленькие красные глазки. Он сидел на пегом коне. Некоторое время мы бились друг с другом, но, на мое счастье, волна сражения нас разъединила. Он здорово меня теснил. Когда мы скрестили шпаги, я вновь услышал его голос, который никогда не забуду. Он сказал, что я глупец и что мне нечего даже надеяться на победу. Но наутро поле битвы осталось за нами, и мы убили множество тварей, а остальных загнали обратно в Круг. Всадник на

пегом скрылся, и больше я ни разу его не видел. С тех пор на нас не нападали большими силами, но если я исчезну, другая армия тварей — а она существует — ринется из Круга на наши земли, уничтожая все на своем пути. Оборотень мгновенно узнает, что я уехал, так же как он узнал, что Ланс везет мне данные о расположении войск в Круге. А теперь он наверняка знает о вас и задумывается, кто вы такой? О вашей силе нельзя не задуматься. Нет, я останусь и буду биться до последнего. Это мой долг. И не спрашивайте почему. Я только надеюсь, что, когда придет мой час, я пойму, откуда и зачем появился этот Черный Круг.

Внезапно над моей головой раздался какой-то шум. Я быстро отклонил корпус в сторону, чтобы избежать сам не знаю какой опасности. Лишнее движение. Это была всего-навсего птица. Белая птица. Она опустилась на мое левое плечо и замерла, издавая тихие звуки. К ноге птицы была привязана записка. Я отвязал ее, прочитал, смял в руке. Затем начал изучать горизонты, не видимые моему собеседнику.

— В чем дело, сэр Кори? — вскричал Ганелон.

Записка, которую я послал сам себе, написанная моей рукой и принесенная птицей моей судьбы, могла попасть только в то место, где я должен был остаться надолго. Я никогда не думал, что мне придется здесь остаться. Но я не мог спорить со своей судьбой.

— В чем дело? — повторил Ганелон. — Что у вас в руке? Письмо?

Я кивнул и протянул ему записку. У меня просто не было выхода, ведь Ганелон видел, что я прочел ее.

В записке было сказано:

«Я иду».

И стояла моя подпись.

Ганелон раскурил трубку и при ее свете прочитал написанные мною две строчки.

— Он жив?! И придет сюда! — воскликнул он.

— Видимо, да.

— Странно... — пробормотал он. — Не понимаю.

— Похоже, он обещает вам помощь, — сказал я, незаметно отпуская птицу, которая два раза вскрикнула, сделала круг над башней и исчезла.

Ганелон покачал головой.

— И все же не понимаю.

— Зачем смотреть дареному коню в зубы? — спросил я. — Если он придет, вы только выиграете.

— Верно, — согласился он. — Может, ему удастся уничтожить Круг.

— А может, это шутка, причем жестокая.

Он опять покачал головой.

— Вряд ли. Это не в его духе. Интересно, чего он хочет?

— Может быть, завтра все выяснится, — сказал я. — Утро вечера мудренее.

— Мне только и остается, что лечь спать. — Ганелон подавил зевок.

Мы встали, спустились с крепостной стены и пожелали друг другу спокойной ночи. Я пошел к себе в комнату, лег в постель и уснул, едва коснувшись головой подушки.

2

Утро. Ломит все тело. Болят мышцы.

Кто-то оставил в моей комнате новый коричневый плащ. Слава богу, не черный. Мне совсем не хотелось, чтобы Ганелон вспомнил цвет моих одежд, когда я обрету прежнюю форму. В целях конспирации я не стал также сбривать бороду — он знал меня куда в менее волосатом состоянии. Разговаривая с ним, я старательно изменял голос, и Грейсвандир упрятал далеко под кровать.

Всю следующую неделю я занимался самоистязанием, упражняясь каждый день до изнеможения. Боль в мышцах почти прошла, я прибавил в весе фунтов пятнадцать и постепенно стал чувствовать себя здоровым человеком.

Страна, в которую я попал, называлась Лорен, и ее звали точно так же. Если б я любил приврать, то обязательно сочинил бы стихи о том, как мы встретились в долине за замком, где *она* собирала цветы, а я прогуливался, дыша свежим воздухом. Чуть.

Таких женщин, как она, вежливо называют «походными подругами». Я встретил ее вечером, когда руки мои, казалось, отваливались от усталости после упражнений с булавой и саблей. Лорен стояла в сторонке, поджидая очередного солдата, назначившего ей свидание. В этот день я впервые обратил на нее внимание. Она улыбнулась, я ответил ей улыбкой, подмигнул и пошел отдыхать. На следующее утро я опять ее увидел и, проходя мимо, сказал: «Привет». Вот и все.

Но она все время попадалась мне на глаза. В конце второй недели, когда у меня ничего больше не болело, а весил я сто восемьдесят фунтов, мне захотелось провести с ней вечер. Я, конечно, уже знал, кто она такая, и меня это нисколько не волновало. Но той ночью мы не занимались тем, ради чего встретились. Не получилось.

Сначала мы разговаривали, а затем произошло непредвиденное.

В ее волосах цвета ржавчины проглядывала седина. Тем не менее я был уверен, что ей нет и тридцати. Ярко-голубые глаза. Чуть вздернутый подбородок. Белые ровные зубы, улыбающийся рот. Говорила она, немного гнусавя, волосы у нее были слишком длинными, большое количество косметики скрывало следы усталости на лице, кричащее платье туго обтягивало начинающую полнеть фигуру. Но Лорен мне нравилась, хотя я не могу сказать, что испытывал к ней в тот вечер какие-либо чувства. Ведь я пригласил ее совсем для другого.

Нам пришлось пойти ко мне, больше было некуда. Теперь я стал капитаном и, пользуясь привилегиями своего ранга, заказал обед в комнату и попросил принести лишнюю бутылку вина.

— Люди вас боятся, — сказала она. — Говорят, вы никогда не устаете.

— Устаю, — признался я. — Можешь мне поверить.

— Ну конечно! — Она встряхнула кудряшками и многозначительно улыбнулась. — Все мы устаем, верно?

— Сколько вам лет?

— А тебе?

— Джентльмен никогда не задает подобных вопросов.

— Леди тоже.

— Когда вы впервые здесь появились, мы решили, что вам за пятьдесят.

— А сейчас?

— Никто не знает. Сорок пять? Сорок?

— Нет, — ответил я.

— И я думаю, что меньше. Это ваша борода всех обманула.

— Бороды часто лгут.

— С каждым днем вы выглядите все лучше и лучше. Сильнее...

— С каждым днем я чувствую себя все лучше и лучше.

— Сэр Кори из Кабры, — сказала Лорен. — Какая она, Кабра? Где находится? Вы возьмете меня с собой на Кабру, если я очень попрошу?

— Могу соврать, что возьму.

— Соврите. Все равно будет приятно.

— Хорошо. Я возьму тебя на Кабру. Отвратительный остров.

— Вы действительно такой необыкновенный, как говорят?

— Боюсь, что нет. А ты?

— Наверное, тоже нет. Мне раздеваться?

— Не надо. Сначала поболтаем. Выпей бокал вина.

— Большое спасибо... За ваше здоровье.

— И за твое.

— Где вы научились так здорово драться на шпагах?

— У меня были прекрасные учителя.

— ...И вы пронесли Ланса целых пять лиг, убили двух тварей...

— Каждый новый рассказчик преувеличивает. Эдак я стану настоящим героем.

— Но я наблюдала за вами. Вы очень сильный и ловкий. Недаром Ганелон заключил с вами договор, правда не знаю какой. Ганелон своего не упустит. У меня было много друзей, и я всегда смотрела, как они фехтуют. Вы могли бы изрезать их на мелкие кусочки. Люди говорят, вы хороший учитель. Они вас любят, хоть и боятся.

— Почему боятся? Потому что я сильный? Но сильных людей много. Или потому, что я хорошо фехтую?

— Все считают, что вы — сверхъестественное существо.

Я рассмеялся.

— Не беспокойся, я всего лишь второй шпажист в мире. Прости, может быть, третий. Но я учусь.

— Кто лучше?

— Возможно, Эрик из Эмбера.

— Кто он?

— Сверхъестественное существо.

— И он лучший?

— Нет.

— Тогда кто же?

— Бенедикт из Эмбера.

— А он тоже сверхъестественное существо?

— Да, если жив.

— Странный вы какой-то, — сказала она. — Не могу понять почему. Скажите, а вы — сверхъестественное существо?

— Хочешь еще вина?

— Я опьянею.

— Вот и прекрасно.

Я наполнил бокалы.

— Мы все погибнем, — сказала она.

— Рано или поздно.

— Я имею в виду Черный Круг. Он нас уничтожит.

— Почему ты так думаешь?

— Мы слишком слабы.

— В таком случае зачем ты здесь остаешься?

— Мне некуда идти. Я ведь просила вас взять меня на Кабру.

— И ты согласилась провести со мной ночь в надежде, что я исполню твою просьбу?

— Нет. Я хотела узнать, кто вы такой.

— Я — атлет, нарушивший режим тренировки. Ты родилась в этих краях?

— Да. В лесной деревушке.

— Почему ты занимаешься своим ремеслом?

— Что здесь такого? Это лучше, чем каждый день торчать по колено в навозе.

— Разве у тебя никогда не было постоянного мужчины?

— Был. Он умер. Это он... обнаружил Круг.

— Мне очень жаль. Прости.

— А мне нет. Он всегда напивался, если ему удавалось занять денег или что-нибудь украсть, а потом приходил домой и избивал меня. Я рада, что встретила Ганелона.

— Значит, ты уверена, что Круг невозможно уничтожить?

— Да.

— Может быть, ты права. Хотя лично я так не думаю.

Она пожала плечами.

— Хотите остаться и воевать с темными силами?

— Да.

— Впервые слышу прямой ответ на этот вопрос. Наши ребята ни в чем не уверены. Интересно. Я хотела бы посмотреть на ваш поединок с козлом-оборотнем.

— Почему?

— Потому что он их предводитель, и если вы его убьете, у нас появится шанс. Вдруг вам удастся его убить?

— Мне придется его убить.

— По какой-нибудь особой причине?

— Да.

— Личного характера?

— Да.

— Желаю удачи.

— Спасибо.

Лорен допила вино, и я тут же наполнил ее бокал.

— Я знаю, что *он* — сверхъестественное существо, — сказала она.

— Давай переменим тему разговора.

— Ладно. Но могу я попросить вас об одном одолжении?

— О каком?

— Наденьте завтра доспехи, возьмите копье, сядьте на хорошего коня и задайте взбучку кавалерийскому офицеру по имени Гарольд.

— Зачем?

— Он избил меня на прошлой неделе, совсем как мой муж, Джарл. Вы сможете его проучить?

— Да.

— И выполните мою просьбу?

— Почему бы нет? Считаю, я его проучил.

— Я люблю вас, — сказала она.

— Глупости.

— Ну и пусть Вы мне очень нравитесь.

— Это другое дело. Я...

Холодный ветерок пробежал по моей спине, позвоночник онемел. Я напрягся и начал сопротивляться, стараясь полностью отключиться, выкинуть все мысли из головы.

Кто-то меня искал. Один из членов нашей семьи воспользовался моей картой и пытался со мной связаться. Ошибиться я не мог. Если это был Эрик, он оказался куда храбрее, чем я думал, ведь при последнем контакте я чуть не сжег его мозг. От Рэндома вестей ждать не приходилось, разве что его выпустили из тюрьмы, в чем я сильно сомневался. Джулиан и Каин могли убираться ко всем чертям. Блейз скорее всего погиб. Бенедикт тоже. Оставались Жерар, Бранд и наши сестры, а кроме Жерара, я ни с кем не хотел разговаривать. Поэтому я сопротивлялся, и довольно успешно. Минут через пять меня оставили в покое. Я дрожал как осиновый лист, и по спине моей ручьями тек пот. Лорен бросила на меня странный взгляд.

— Что случилось? — спросила она. — Вроде бы вы не пьяный, и я тоже.

— Припадок. У меня часто бывают припадки. После болезни, которую подцепил на островах.

— Я видела лицо, — сказала Лорен. — Может, на полу, а может — просто перед глазами. Это было лицо старика. Воротник его камзола был зеленым, борода седой, и он был очень похож на вас.

Вот тут я не выдержал и влепил ей пощечину.

— Ты лжешь! Ты не могла...

— Я говорю правду! Не бейте меня! Я не понимаю, в чем дело! Кто это был?

— Думаю, мой отец. О боги, как это странно...

— Но что случилось? — повторила она.

— Я ведь уже ответил. Иногда у меня бывают припадки, и людям кажется, что они видят лицо моего отца на стене замка или на полу. Ты не беспокойся. Это не заразно.

— Глупости, — сказала она, — Вы лжете.

— Сам знаю, что лгу. Забудь, что ты видела.

— Почему?

— Потому что я тебе нравлюсь. Разве ты забыла? И потому, что завтра я собираюсь проучить Гарольда.

— Это верно.

Внезапно меня опять затрясло, и она быстро накинула на меня одеяло и протянула бокал с вином. Я

выпил с удовольствием. Лорен прильнула ко мне, положив голову на мое плечо, а я обнял ее за талию. За окном завывал ветер и слышался дробный стук капель дождя. Начинался шторм. В какое-то мгновение мне показалось, что кто-то постучал в ставни. Лорен всхлипнула.

— Какая страшная ночь, — сказала она.

— Ты права. Закрой дверь на засов.

Пока она орудовала у двери, я передвинул кресло, чтобы сидеть лицом к окну. Затем вытащил Грейсвандир из-под кровати, отложил ножны в сторону и загасил все свечи, кроме одной, стоявшей на столике справа от меня. Усевшись поудобнее, я положил шпагу на колени.

Лорен села рядом со мной.

— Что будем делать? — спросила она.

— Ждать.

— Чего?

— Сам не знаю. В такую ночь всякое может случиться.

Она вздрогнула и прижалась ко мне.

— Я думаю, тебе лучше уйти, — сказал я.

— Знаю. Но мне страшно. Вы ведь сможете защитить меня, если я останусь?

Я покачал головой.

— Я не уверен, что сумею защитить самого себя.

Она дотронулась до Грейсвандира.

— Какая прекрасная шпага. Никогда такой не видела.

— Другой такой и нет.

При каждом моем движении отблески света играли на клинке, и он то казался забрызганным оранжевой нечеловеческой кровью, то становился холодным и белым, как снег или грудь женщины.

Я подумал о Лорен, которая видела моего отца, когда со мной пытались войти в контакт. Выдумать она не могла: описание было слишком точным.

— Какая *ты* странная, — сказал я.

Свеча мигнула четыре или пять раз, прежде чем она заговорила.

— Я немного ясновидящая. Моя мать знала больше, чем я, а бабушка была колдуньей. Мне до нее далеко. Я ведь почти ничего не умею и много лет ничем таким не занималась. К тому же я всегда теряю больше, чем получаю.

Она вздохнула.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил я.

— Я наколдowała себе мужа, и мне страшно вспомнить, каким он оказался. Если бы я не произнесла тогда заклинаний, все было бы по-другому. Потом мне захотелось иметь красивую дочку и...

Лорен умолкла на полуслове, и я понял, что она плачет.

— В чем дело? Не понимаю.

— Я думала, вы знаете, — сказала она.

— Что именно?

— Моя маленькая девочка стала первой жертвой Круга. Я думала, вы знаете, — повторила она.

— Прости, я не хотел...

— Лучше бы у меня не было этой силы. Я никогда больше ею не пользовалась, но она не оставляет

меня в покое. Я вижу вещие сны, предзнаменования и, зная все наперед, ничего не могу изменить. Как бы я хотела, чтобы она покинула меня и ушла к другому!

— Так не бывает, Лорен. Ты хочешь невозможного.

— Вы уверены?

— Да. Таких, как ты, много.

— Вы ведь тоже обладаете какой-то силой?

— Да.

— Значит, чувствуете, что там, за окном, кто-то есть?

— Да.

— И я чувствую. Как вы думаете, что ему надо?

— Он ищет меня.

— Зачем?

— Чтобы испытать мою силу. Он не может не задумываться, какую опасность я для него представляю.

— Рогатый?

— Вряд ли.

— Почему?

— Если я действительно тот, кого он должен бояться, с его стороны будет глупо искать меня в стане врага. Скорее он пошлет одного из своих слуг. Может, дух моего отца пытался меня предупредить... трудно сказать. Если его слуга поймет, кто я такой, рогатый успеет подготовиться к битве. Если его слуга меня убьет, рогатому не о чем будет беспокоиться. Если я убью его слугу, рогатому станет известна моя сила. В любом случае он останется в выигрыше. Зачем же ему рисковать собственной шкурой?

Мы ждали, глядя на причудливые тени в углах, а фитиль догорающей свечи отсчитывал минуты.

Лорен первая нарушила молчание.

— Вы сказали, слуга рогатого может понять, кто вы такой. Кто вы такой?

— Человек из дальних стран, который случайно здесь оказался.

— И рогатый вас знает?

— Думаю, да.

Она отпрянула от меня.

— Не бойся, — сказал я. — Я не причиню тебе вреда.

— Я боюсь, и ты причинишь мне вред! — воскликнула она. — Я вижу! Но я хочу тебя. Почему я хочу тебя?

— Не знаю, — ответил я.

— Там кто-то есть! — Голос ее стал истеричным, сорвался на крик. — Близко, совсем близко! Слушай! Слушай!

— Заткнись! — резко сказал я, почувствовав холод и покалывание в области шеи. — Пойди спрячься под кровать.

— Я боюсь темноты.

— Уходи немедленно, или я применю силу. Ты мешаешь.

Она молча повиновалась. Несмотря на ураган, я услышал свист рассекаемого воздуха и скрежет карниза, на который опустилось что-то тяжелое.

Я увидел горящий взгляд красных глаз и быстро отвернулся. Существо осматривало меня с головы до

ног.

Рост его превышал шесть футов, по обеим сторонам черепа росли большие ветвистые рога. Обнаженное тело пепельно-серого цвета было бесполом. Распростертые крылья сливались с ночной мглой.

В правой руке демон держал короткую шпагу из тяжелого черного металла, клинок которой был испещрен рунами. Левой рукой он вцепился в решетку окна.

— Входи, если хочешь, но потом пеняй на себя, — громко сказал я и направил острие Грейсвандир ему в грудь.

Демон фыркнул. Он фырчал и хихикал, неподвижно стоя на карнизе, а затем вновь попытался встретиться со мной взглядом. Если бы мы посмотрели друг другу в глаза, он узнал бы меня, как та кошка, которую я убил, направляясь в замок Ганелона.

Демон заговорил, и голос его звучал как фagот, только не играющий, а произносящий слова.

— Ты — не он. Ты слабее и старше. Но... эта шпага... Она может принадлежать ему. Кто ты?

— А ты?

— Я — Страйгаллдвир. Не шути с этим именем, или я пожру твои печень и сердце.

— Не шутить с этим именем? Я и выговорить-то его не могу, язык можно сломать. А от моего цирроза у тебя будет несварение желудка. Убирайся.

— Кто ты? — повторил, демон.

— *Мисли, гамми, гра-адилл, Страйгаллдвир*, — сказал я, и он подпрыгнул, как будто в зад ему всадили заряд дроби.

— Ты хочешь изгнать меня таким простым заклинанием? Я не из каких-то там низших существ.

— Однако по тебе не видно, чтобы ты был от этого заклинания в особом восторге.

— Кто ты? — вновь спросил он.

— Не твое дело, Чарли. Птичка, птичка, лети к себе домой..

— Четыре раза должен я спросить и четыре раза не получить ответа, прежде чем мне позволено будет войти и убить тебя. Кто ты?

— Нет, — ответил я, поднимаясь с кресла. — Входи и гори ярким пламенем!

Тогда он сломал решетку окна, и ветер, ворвавшийся вместе с ним в комнату, загасил свечу.

Я бросился вперед, Грейсвандир скрестилась с его рунной шпагой, посыпались искры. Я сделал шаг в сторону. Мои глаза привыкли к темноте, и я видел не хуже Страйгаллдвира. Мы кружили по комнате, и ледяной ветер кружил вместе с нами, а холодные капли дождя изредка падали мне на лицо. Когда я первый раз ранил демона, он не произнес ни слова, хотя крошечные огоньки заплясали по краям раны через всю грудь. Затем я рассек ему мускулы предплечья, и на этот раз он закричал, осыпая меня проклятиями:

— Сегодня я высосу мозг из твоих костей! Я высушу их, натяну на них струны! И когда я стану играть, твоя душа познает вечные муки!

— Как красиво ты горишь, — сказал я.

На мгновение он замешкался, и я тут же воспользовался предоставленной мне возможностью. Отбив черный клинок в сторону, я сделал прямой выпад. Шпага пронзила тело насквозь и вышла под левой лопаткой.

Демон взвыл, но остался на ногах. Грейсвандир вырвало из моей руки. Он стоял, глядя на шпагу, торчавшую у него из груди, и на пламя, пожиравшее его плоть, а затем сделал шаг вперед. Я подхватил небольшой стул и, держа его на вытянутых руках, попятился.

— Я не храню сердце там, где оно находится у людей, — воскликнул Страйгаллдвир, кидаясь на меня,

но я отпарировал удар стулом, и его ножкой выбил демону правый глаз. Затем я схватил его за кисть правой руки, резко вывернул и что было сил ударил по локтю ребром ладони. Раздался треск ломающихся костей, и рунная шпага отлетела в сторону. Демон не остался в долгу и тоже ударил меня по голове левой рукой. Я упал, а он кинулся за шпагой, но я схватил его за лодыжку, дернул, и Страйгаллдвир растянулся на полу. Я навалился на него, обхватив шею руками. Он попытался выцарапать мне глаза, но я отвернул голову и прижал подбородок к груди.

Руки мои медленно, но верно сдавливали его горло. Он снова стал искать моего взгляда, и на этот раз я не отвел глаз. Он узнал меня и вздрогнул, увидев, что я это понял.

— Вы! — с трудом произнесли его синеющие губы, а потом руки мои сомкнулись, и красные глаза демона остекленели.

Я поднялся на ноги, наступил на труп и рывком вытащил Грейсвандир из раны. Как только шпага оказалась в моей руке, серое тело вспыхнуло ярким пламенем и продолжало гореть до тех пор, пока на полу не осталось ничего, кроме грязного пятна.

Потом ко мне подошла Лорен, и я обнял ее за плечи, а она попросила меня проводить ее домой и остаться с ней спать. Я выполнил ее просьбу, но в ту ночь у нас ничего не было. Мы просто лежали, и она плакала мне в плечо, пока не уснула. Вот так я встретил Лорен.

Ланс, Ганелон и я остановили коней на высоком холме. Полуденное солнце пригревало нам спины. Мы смотрели вниз, и то, что я видел, подтверждало все мои подозрения.

Искореженный лес был точно таким же, как в Гарнатской долине к югу от Эмбера.

О, отец мой, что я натворил?! — воскликнул я в душе своей глядя на Черный Круг, простиравшийся до горизонта.

Не поднимая забрала, я смотрел на выжженную пустынную местность. Пахло гнилью. Я не поднимал забрала уже две недели, а шлем надел на следующее утро после битвы с демоном, прежде чем исполнил данное мною обещание и задал взбучку Гароаьду. Я решил скрыть лицо, потому что боялся быть узнанным. Меня считали чудачком, но чин капитана давал мне право на эксцентричность.

Я весил уже четырнадцать стонов и чувствовал себя прежним Корвином. Если мне удастся помочь людям на этом отражении, значит, не все потеряно, и может быть, я смогу исправить свою ошибку.

— Значит, вот он какой, Черный Круг, — сказал я. — А где армия рогатого?

— Думаю, дальше к северу, — ответил Ланс. — Но увидим мы ее не раньше, чем наступит ночь.

Мы скакали уже в течение двух дней. Сегодня утром солдаты одного из патрулей сообщили нам, что войско противника проводит какие-то учения, а с рассветом исчезает в искореженном лесу.

— Далеко нам ехать? — поинтересовался я.

— Лиги три-четыре.

— Может, сначала перекусим?

— Конечно, — ответил Ганелон. — Я тоже проголодался, а время у нас есть.

Мы спешили и принялись уплетать вяленое мясо, запивая водой из фляжек.

— Никак не пойму смысла той записки, — задумчиво произнес Ганелон, удовлетворенно рыгнув, погладив себя по животу и закулив трубку. — Поможет он нам или нет? И если поможет, почему он до сих пор не появился? День решающей битвы близок.

— Забудьте о нем, — посоветовал я. — Наверное, он просто пошутил.

— Не могу я забыть, черт побери! Тут дело нечисто!

— О чем ты говоришь? — спросил Ланс, и я понял, что Ганелон ничего ему не рассказал.

— Мой старый повелитель, милорд Корвин, прислал с почтовой птицей записку, в которой сказано, что он идет. А я сижу и гадаю, в чем тут дело.

— Корвин?! — вскричал Ланс, и я затаил дыхание. — Корвин из Эмбера?

— Да. И еще из Авалона.

— Забудь о его письме.

— Почему?

— Это человек без чести и совести. Его обещания ничего не стоят.

— Ты его знаешь?

— Я знаю о нем. Он правил Лорен задолго до того, как я появился на свет. Разве ты не слышал легенды о демонах-повелителях? Корвин разорил страну, а затем, испугавшись восстания, отрекся от короны и позорно бежал.

Это было неправдой!

Или нет?

Эмбер отбрасывает бесконечное количество отражений, и Авалон тоже их отбрасывал, благодаря моему в нем присутствию. А значит, несовершенные отражения Корвина неуклюже копировали мои поступки и образ жизни в тех странах, куда моя нога никогда не ступала.

— Я никогда не верил легендам, — сказал Ганелон. — Неужели Лорен правил тот самый человек, которого я знал? Интересно.

— Вряд ли, — вмешался я в разговор, чтобы мое молчание не вызвало подозрений. — Если с тех пор прошло так много времени, он либо стал дряхлым старцем, либо умер.

— Корвин был волшебником, — заметил Ланс.

— Тот, кого я знал, вне всякого сомнения, был волшебником. — Ганелон вздохнул. — Он изгнал меня из своего королевства, а вернуться я не смог. Нет такой дороги, которая вела бы в Авалон.

— Тебя изгнали? — спросил Ланс. — Ты никогда мне об этом не рассказывал. Как это произошло?

— Не твое дело, — отрезал Ганелон, и Ланс умолк.

Я вытащил кисет и трубку — позавчера я наконец обзавелся глиняной трубкой, — и Ланс последовал моему примеру. Некоторое время мы сидели и молча курили.

— Как бы то ни было, он поступил правильно, — пробормотал Ганелон, нарушив затянувшуюся паузу. — И давайте забудем о Корвине и его письме.

Забыть мы, конечно, не забыли. Но на эту тему больше не разговаривали.

Погода стояла прекрасная, и если бы Черный Круг не маячил перед нашими глазами, можно было бы греться на солнышке и ни о чем не думать. Внезапно я почувствовал близость к двум своим спутникам. Мне захотелось сказать им что-нибудь очень хорошее, но в голову лезли какие-то дурацкие мысли.

Ганелон вывел меня из затруднительного положения, заговорив о деле.

— Вы продолжаете настаивать, чтобы мы напали первыми? — спросил он.

— Да, — ответил я. — Предпочитаю вести войну на чужой территории.

— Беда в том, что это действительно чужая территория, — сказал он. — Мы даже не знаем, какими силами располагает противник внутри Круга.

— Если убьем рогатого, сопротивление будет сломлено.

— Возможно. Но не обязательно. Не знаю, как вам, а мне это не под силу. Разве что повезет. Рогатый слишком хитер, а я уже не тот, что был, хотя часто обманываю сам себя и говорю, что я такой же сильный и ловкий, как раньше. Почему я должен за все отвечать? Видит бог, я этого не хотел!

— Я знаю, — сказали мы с Лансом в один голос.

— А ты как считаешь, Ланс? — обратился к нему Ганелон. — Прислушаемся к совету нашего друга? Нападем первыми?

Я решил, что он пожмет плечами и промолчит, но Ланс ответил, не задумываясь:

— Да. В ту ночь, когда погиб король Утер, мы чуть не проиграли сражения. И если они как следует подготовятся, второй раз нам не удастся победить. Я это чувствую. И считаю, что нам надо как следует все разведать и напасть.

— Хорошо, — сказал Ганелон. — Честно говоря, мне тоже надоело ждать. Если только твое мнение не изменится, когда мы вернемся домой, считай, я согласен.

Мы отправились на разведку.

Весь день мы скакали к северу, не останавливаясь, затем укрылись в холмах и стали наблюдать за Кругом. Мы видели богослужение (как они его понимали), боевые учения солдат. Я насчитал примерно четыре тысячи человек. У нас было две тысячи пятьсот. Помимо Хранителей Круга, в их армии были разнообразные летающие, прыгающие и ползающие твари, издававшие довольно странные звуки. К счастью, нервы у нас были крепкими.

Лично мне нужно было только одно: встретиться с их предводителем хотя бы на несколько минут. От нашей встречи зависел исход битвы. Но я не мог сказать этого своим спутникам.

В том, что Круг появился, была доля моей вины. Я его сотворил, сделал возможным беззаконие, а следовательно, обязан был бороться с ним, пока хватит сил.

Я боялся, что сил у меня не хватит.

Ослепленный яростью, ужасом и болью, я допустил ошибку, последствия которой не могли не сказаться на всех существующих отражениях. Проклятье принца Эмбера всегда сбывается.

Мы наблюдали за Черным Кругом всю ночь, а на рассвете поскакали домой.

Решение было принято: атаковать!

На обратном пути никто на нас не напал, и мы довольно быстро добрались до замка Ганелона, где занялись обсуждением дальнейших планов. Войско наше находилось в полной боевой готовности, и мы решили выступить не позже чем через две недели.

Мы с Лорен лежали в постели, и я рассказал ей все без утайки. Я чувствовал, что она должна знать правду о предстоящем сражении. Если бы только она согласилась, я в ту же ночь увел бы ее на другое отражение. Но Лорен не согласилась.

— Я останусь с тобой, — сказала она.

— Будь по-твоему.

Я не сказал ей, что исход битвы зависел от моей встречи с рогатым, но у меня было ощущение, что она это знает и безоговорочно мне верит. Я бы на ее месте поостерегся, но в конце концов, вера — личное дело каждого.

— Всяко может случиться. — Я посмотрел ей в глаза.

— Да, — согласилась Лорен, и я увидел, что она все понимает не хуже меня.

Мы перестали разговаривать и занялись более насущными делами, а потом заснули.

Ей приснился сон.

Наутро она сказала:

— Мне приснился сон.

— Какой? — спросил я.

— Я видела сражение, а потом тебя и рогатого. Вы дрались не на жизнь, а на смерть.

— Кто победил?

— Не знаю. Но пока ты спал, я кое-что для тебя сделала. Надеюсь, это сможет тебе помочь.

— И совершенно напрасно. Уверю тебя, я могу сам о себе позаботиться.

— Потом мне приснилась моя собственная смерть.

— Разреши мне увести тебя туда, где ты будешь в полной безопасности.

— Нет. Мое место здесь.

— Я не заявляю на тебя никаких прав, — сказал я, — но могу спасти от того, что тебе приснилось. Можешь поверить, это в моей власти.

— Я тебе верю. Но я останусь.

— Ты просто упрямая дура.

— Позволь мне остаться.

— Как хочешь... Послушай, я могу увезти тебя на Кабру...

— Нет.

— Ты упрямая дура.

— Я люблю тебя.

— Глупости. Я тебе нравлюсь. Забыла?

— У тебя все будет хорошо, — сказала она.

— Иди к черту.

Она тихо заплакала, а я принялся ее утешать. Теперь вы знаете, какая была Лорен.

3

Однажды утром я стал вспоминать свое прошлое. Я вспомнил своих братьев и сестер и стал тасовать их в уме, как колоду карт, которые лежат вперемешку. Я вспомнил госпиталь, в котором очнулся, битву за Эмбер, Лабиринт в Ребмэ, Муари, с которой мне было так хорошо и которая, быть может, принадлежит сейчас Эрику. Я вспомнил Блейза и Рэндома, Дейдру, Каина и Жерара. Я много что вспомнил этим утром. Как вы, наверное, догадались, это было утро перед битвой. Мы маршировали несколько дней, успешно отражая атаки небольших отрядов противника, а когда подошли к Черному Кругу, разбили лагерь на холмах, выставили часовых и легли спать. Наш сон никто не потревожил. Утром я открыл глаза, недоумевая спросонок, почему мои братья и сестры не думают обо *мне*, как я о *них*. Это была очень печальная мысль.

В небольшом овражке, где никто не мог меня видеть, я снял шлем, налил в него мыльную воду и побрился. Затем надел свою старую драненькую одежду — черную с серебряной отделкой. Я вновь был тверд, как камень, черен, как земля, и жесток, как дьявол. Сегодняшний день будет моим днем. Я опустил забрало, одернул кольчугу, затянул пояс и пристегнул Грейсвандир. Свой плащ я заколол у шеи застёжкой в форме серебряной розы, и тут меня обнаружил посыльный, сообщивший, что приготовления закончены.

Я поцеловал Лорен, которая настояла на том, что будет меня провожать, вскочил на коня — мерина по кличке Чемпион — и отправился в лагерь.

Увидев меня, Ганелон и Ланс в один голос сказали: «Мы готовы».

Я подозвал офицеров, отдал последние распоряжения. Отсалютовав, они ускакали.

— Теперь скоро, — сказал Ланс, закуривая трубку.

— Как ваша рука?

— В полном порядке. После тренировочного боя, который мы вчера провели, я чувствую себя абсолютно здоровым.

Я поднял забрало и тоже закурил.

— Да вы сбрили бороду! — воскликнул Ланс. — Честно говоря, никогда не мог представить вас без бороды.

— Так удобнее носить шлем.

— Желаю удачи всем нам, — торжественно произнес Ганелон. — Не знаю, существуют ли на свете боги, но если они есть, пусть окажутся сегодня на нашей стороне.

— Бог один, — сказал Ланс. — И я молюсь, чтобы он не оставил нас.

— Аминь. — Ганелон запыхтел трубкой.

— Мы победим! — убежденно заявил Ланс.

— Да, — согласился я, глядя на солнце, позолотившее горизонт на востоке, и слушая беззаботное пение птиц. — Все предвещает нам победу.

Докурив, мы выколотили трубки, и каждый спрятал свою за пояс. Затем мы в последний раз проверили доспехи, подтянули где надо ремни, и Ганелон провозгласил:

— Пора!

Офицеры вернулись ко мне с донесениями. Отряды были готовы.

Мы подъехали к границе Круга. Внутри него царила мертвая тишина.

— Я все еще думаю о Корвине, — сказал Ганелон. — Где-то он сейчас?

— Корвин с нами, — ответил я, и Ганелон как-то странно на меня посмотрел, увидел серебряную розу и резко кивнул.

— Ланс, — обратился он к своему другу и помощнику, — отдавай приказ.

И Ланс выхватил шпагу из ножен.

— Вперед! — вскричал он.

Ему ответило громкое эхо.

Наш авангард составлял отряд из пятисот всадников. Мы углубились в Круг на полмили, прежде чем увидели черную кавалерию, которая неслась нам навстречу. Мы сломали их строй за пять минут и продолжали скакать вперед во весь опор.

Затем мы услышали гром.

Засверкали молнии, пошел дождь.

Разыгралась буря.

Неровная тонкая линия копыеносцев, стоически ожидающих нападения, загрозила нам путь. Мы почувствовали ловушку, но не остановились.

И черная кавалерия ударила по нашим флангам.

Закипела битва.

Прошло минут двадцать...

Мы сдерживали их натиск, поджидая подхода основных войск.

Затем двести наших воинов продолжили свой путь...

Люди. Мы убивали людей, а они убивали нас, эти существа с серыми лицами,двигающиеся, словно автоматы. Марионетки. Мне же необходимо было уничтожить их предводителя...

Интересно, какова пропускная способность пути, который я им открыл? Я этого не знал. Скоро...

Бешеная скачка привела нас на вершину холма, и далеко внизу я увидел темную цитадель.

Я поднял шпагу.

Мы начали спускаться, и тут на нас напали.

Они шипели, рычали и били крыльями. Значит, людей у него не осталось. Грейсвандир стала похожа на язык пламени, молнию, портативный электрический стул. Я уничтожал мерзких тварей по мере их приближения, и, умирая, они сгорали. Справа от меня Ланс прорубал дорогу, творя хаос и что-то бормоча себе под нос. Не иначе как молился за тех, кого убивал. По левую мою руку скакал Ганелон, и за хвостом его лошади струилась огненная река. Сверкали молнии, цитадель росла прямо на глазах.

В нашем авангарде осталось не более ста человек.

Когда мы подъехали к воротам, нас встретил отряд из людей и зверей. Мы атаковали.

Они превосходили нас численностью, но я не жалел, что мы так далеко оторвались от своей пехоты. Я знал, что время не ждет.

— Я должен пробиться! — закричал я. — Рогатый в цитадели!

— Он мой! — прокричал мне в ответ Ланс.

— Лично я вам не конкурент! — воскликнул Ганелон, рубя шпагой направо и налево. — Но я с вами! Креститесь, когда сможете!

Мы убивали, убивали и еще раз убивали, но вскоре они стали одерживать верх. Звери, похожие на людей, и люди, похожие на зверей, окружали нас со всех сторон. Мы отчаянно защищались, и в это время подтянулась наша основательно потрепанная пехота. Бой закипел с новой силой. Мы вновь бросились в атаку (в нашем авангарде осталось человек сорок-пятьдесят), ворвались в ворота и очутились во дворе, где на нас напал еще один отряд противника.

Двенадцать всадников, которым удалось пробиться к входу в высокую черную башню, были встречены ее часовыми и стражниками.

— Вперед! — вскричал Ганелон, спешившись и кидаясь в бой.

— Вперед! — вскричал Ланс, и я подумал, что они имеют в виду либо меня, либо друг друга.

Я решил отнести этот призыв на свой счет, отделился от сражающихся и побежал вверх по лестнице.

Я не сомневался, что найду рогатого в верхнем помещении башни. Мне придется вызвать его на дуэль и победить, потому что именно я был виновен в том, что он появился на этом отражении. Может, у меня не хватит сил, но попытка не пытка. К тому же никто, кроме меня, не знал, кто он такой.

На верхней площадке лестницы я остановился перед тяжелой деревянной дверью, запертой изнутри на засов. Я отступил на шаг, ударил ногой что было сил, и дверь рухнула с громким треском.

Он стоял у окна, человек, одетый в легкие доспехи, с козлиной головой на широченных плечах.

Я переступил через порог.

Когда дверь упала, он повернулся и теперь смотрел на меня в упор, пытаюсь заглянуть в глаза сквозь прорезь шлема.

— Смертный, ты зашел слишком далеко, — сказал он. — Ведь ты *смертный*?

— Спроси у Страйгаллдвира, — ответил я.

— Ты тот, кто убил его, — бесстрастно произнес он. — Скажи, он узнал тебя?

— Может быть.

На лестнице послышались шаги, и я быстро отступил влево. В комнату ворвался Ганелон.

— Стой! — крикнул я.

Он вздрогнул, остановился как вкопанный и медленно повернулся ко мне.

— Это — оборотень. Кто он такой?

— Грех, который я совершил, прокляв то, что любил всем сердцем. Отойди в сторону и не мешай. Он мой.

— Я не помешаю. — Ганелон остался стоять на месте.

— Ты сказал правду? — спросил рогатый.

— Сейчас узнаешь, — ответил я и бросился на него.

Но он не скрестил со мной шпаги. Его поступок назвал бы глупостью любой, даже самый неумелый фехтовальщик.

Он бросил в меня свою шпагу, сверкнувшую подобно молнии. Когда она летела по воздуху, гроыхнул гром. За окном разбушевалась буря.

Я сделал легкое движение Грейсвандир, словно парируя простой выпад. Шпага вонзилась в пол и тут же вспыхнула ярким пламенем. За оном сверкнула молния.

Ослепленный, я замешкался, и в это мгновение оборотень кинулся на меня. Он прижал мои руки к бокам; рога ударили по забралу шлема раз, другой...

Затем я напряг мускулы, и захват начал слабеть. Я бросил Грейсвандир, рванулся, высвободился от железных объятий, и в этот момент глаза наши встретились.

— Повелитель Эмбера, почему ты убиваешь нас? — спросил он. — Ведь это ты открыл нам путь.

— Я сожалею о своем безрассудном поступке и надеюсь исправить ошибку.

— Слишком поздно. К тому же отсюда ли надо начинать?

И вновь ударил меня рогами. Реакция у него была просто фантастической. Я не успел защититься и отлетел к стене.

А затем он поднял руку, сделал знак, и внезапно я увидел придворных Хаоса на марше — видение, от которого волосы дыбом встали на моей голове и холодом сковало душу. Что я натворил?

— ... Вот видишь? — говорил оборотень. — Ты открыл путь. Так помоги нам сейчас, и мы вернем тебе

то, что ты считаешь своим по праву.

Какое-то мгновение я колебался. Возможно, он выполнит свое обещание, если я помогу. А дальше что? Мне придется все время быть начеку. Союзники на короткое время, мы будем рады перегрызть друг друга глотки, как только каждый добьется своего. И все же если в моих руках окажется вечный город..

— Значит, договорились? — спросил резкий BLEЮЩИЙ голос.

Я подумал об отражениях и об отражениях отражений...

Не торопясь, расстегнул застёжки шлема...

...И швырнул его в оборотня, который, казалось, не сомневался в моем согласии. По-моему, Ганелон в эту минуту шагнул вперед.

Я стремительно кинулся на рогатого и прижал его к противоположной стене.

— Нет! — сказал я.

Его руки, похожие на человеческие, сомкнулись на моей шее в ту самую секунду, когда я сдавил ему горло. Сжав пальцы, я резко перекрутил ладони. Думаю, он сделал то же самое.

Я услышал хруст — так ломается сухая хворостина. Помню, мне стало любопытно, чья шея сломана. Моя болела изо всех сил.

Я открыл глаза и увидел небо. Я лежал на одеяле, а одеяло лежало на земле.

— Боюсь, он останется жить, — сказал голос, и, медленно повернув голову, я увидел Ганелона.

Он сидел на краешке одеяла рядом с Лорен.

— Как дела? — спросил я.

— Мы победили. Вы сдержали слово. Когда погиб оборотень, Хранители упали без сознания, а животные и прочая нечисть сгорели.

— Хорошо.

— А я сижу и размышляю, почему я перестал вас ненавидеть.

— И к какому выводу ты пришел?

— Трудно сказать. Может быть, потому, что мы очень похожи друг на друга. Хотя нет... не знаю.

Я улыбнулся Лорен.

— Твои предсказания не сбылись. Сражение закончилось, а ты все еще жива.

— Смертям дан ход. — Она не ответила на улыбку.

— Что ты имеешь в виду?

— В памяти людей живы рассказы о том, как король Корвин казнил моего деда — сначала публично избил плетью, а затем четвертовал — за то, что он восстал против его тирании.

— Я здесь ни при чем. Это было одно из моих отражений.

Лорен покачала головой.

— Корвин из Эмбера, я такая, какая есть. — И с этими словами она встала, повернулась и ушла.

— Вы так и не ответили, кем был оборотень, — напомнил мне Ганелон, не обращая на ее уход ни малейшего внимания.

— Слугой Хаоса. Прокляв Эмбер, я распахнул дверь в реальный мир темным силам. Пользуясь предоставленной возможностью, они пытаются захватить все отражения и постепенно добраться до Эмбера, следуя по пути наименьшего сопротивления. Таким образом на Лорен появился Черный Круг. Но я его уничтожил, так что можешь спать спокойно. Я закрыл им путь на это отражение.

— И вы за этим сюда пришли?

— Нет. Честно говоря, я шел в Авалон, когда увидел Ланса. Не мог же я бросить его в беде. А потом мне пришлось расхлебывать кашу, которую я сам заварил.

— Авалон? Значит, вы солгали, что он разрушен?

Я покачал головой.

— Нет. Наш Авалон пал, но на отражениях существует другой, похожий на него.

— Возьмите меня с собой!

— Ты сошел с ума!

— Хочу хоть одним глазком взглянуть на те места, где родился и вырос, чего бы это ни стоило.

— Я не собираюсь там оставаться. Мне необходимо попасть в Авалон, чтобы раздобыть себе розовый порошок для чистки ювелирных изделий. Однажды я совершенно случайно поджег его в Эмбере. Произошел взрыв. Я использую порошок, как порох, вооружу солдат ружьями, осажу Эмбер и займу трон, который является моим по праву.

— А как быть с темными силами, которые, как вы говорите, пытаются захватить все отражения?

— Дойдет и до них очередь. А если я проиграю битву, ими займется Эрик.

— Вы сказали, что он ослепил вас и бросил в темницу.

— Да. Я вырастил новые глаза. Потом сбежал.

— Вы — демон.

— Мне так часто это говорили, что я больше не спорю.

— Вы возьмете меня с собой?

— Если хочешь. Но ты увидишь не тот Авалон, где родился и вырос.

— В Эмбер!

— Да ты действительно сумасшедший!

— Нет. Я всегда мечтал попасть в этот сказочный город. Поброжу по Авалону, а дальше что? Не просиживать же штаны на одном месте. Разве я был плохим генералом?

— Нет.

— Тогда научите меня пользоваться этими штуковинами, которые называются «ружья», и я помогу вам в великой битве. Не так уж долго мне осталось жить на свете. Возьмите меня с собой.

— Может статься, кости твои побелеют под горой Колвир рядом с моими.

— Исход какой битвы известен заранее? Я готов рискнуть.

— Как хочешь. Я не возражаю.

— Спасибо, милорд.

Мы разбили лагерь, переночевали, а на следующее утро пустились в путь. Вернувшись в замок, я первым делом отправился на поиски Лорен и сразу узнал, что накануне она сбежала со своим бывшим любовником, армейским офицером по имени Мелкин. Хотя я понимал ее состояние, мне было неприятно что она не дала мне возможности объясниться и поверила слухам. Я решил догнать их.

С трудом ворочая головой на негнущейся шее, я оседлал Чемпиона и поскакал следом. Мне не в чем было упрекнуть Лорен. В замке меня тоже не чествовали как победителя. Слишком свежи были в памяти людей рассказы о том Корвине, который правил этой страной. На меня смотрели, как на дьявола. Солдаты, которых я обучал, с которыми сражался бок о бок, бросали на меня косые взгляды и тут же опускали глаза или отворачивались. Должно быть, они испытали сильное облегчение — все, кроме Ганелона, — когда я стал собираться в дорогу. Ганелон же, я думаю, боялся, что я не вернусь за ним, как обещал. Он хотел поехать со мной, но я не позволил. Мне необходимо было самому во всем разобраться.

К своему удивлению, я понял, что Лорен стала мне далеко не безразлична, а ее поступок причинил

мне боль. Прежде чем уйти, она должна была по крайней мере меня выслушать. Я расскажу ей о себе и, если она все-таки выберет храброго, но смертного капитана, благословлю их и не буду мешать. Если же она окажет предпочтение мне... я понял, что хочу удержать Лорен, чего бы это ни стоило. Прекрасный Авалон подойдет. Никуда не денется. Сначала я устрою свои личные дела, а там видно будет.

Я ехал по дороге, а птицы пели мне песни, порхая с ветки на ветку. Стоял ясный, погожий день — на голубом небе сверкало солнце, деревья шелестели зелеными листьями, а я радовался в сердце своем, потому что мне удалось избавить землю от беды, которую я на нее накликал. Зло? Какого черта! Я причинил больше зла, чем кто-либо другой, но не потерял совести и сейчас наслаждался столь редкими для меня минутами счастья. Когда Эмбер будет моим, совесть не помешает мне порадоваться еще сильнее! Ха!

Я ехал на север по лесистой долине, изредка спешиваясь, чтобы не потерять свежие следы двух всадников. К вечеру у меня устали глаза и, приметив ярдах в ста от дороги небольшой овражек, я устроился на ночлег.

Наверное, от того, что шея у меня разболелась не на шутку, мне снился рогатый и наш с ним поединки. «Помоги мне сейчас, и мы вернем тебе то, что ты считаешь своим по праву», — говорил он, и в этот момент я проснулся от собственной громкой ругани.

Предрассветное небо побледнело, и я оседлал коня и пустился в путь. Ночь была морозной, а трава сверкала от инея. Плащ, на котором я спал, отсырел.

К полудню солнышко стало пригревать, а след двух всадников выглядел совсем свежим. Я нагонял их.

Когда я увидел ее, я соскочил с коня и подбежал к тому месту, где она лежала, — под кустом диких роз, на котором не было цветов и который оцарапал колючками ее щеку и обнаженное плечо. Она умерла не так давно, потому что тело было теплым, а из раны в груди, куда вонзился клинок, текла кровь.

Камней вокруг не оказалось, и я положил ее в могилу, которую вырыла Грейсвандир. Пусть отдохнет. Он снял с нее ее браслеты, ее кольца и ее драгоценные гребешки — все ее богатство. Мне пришлось закрыть ей глаза, прежде чем я покрыл ее своим плащом, и тут рука моя дрогнула, а зрение затуманилось. Время текло незаметно.

Я вскочил на коня и очень скоро догнал его, скачущего во весь опор, как будто за ним гнался сам Дьявол, в чем он был не так уж не прав. Я не сказал ни единого слова, когда вышиб его из седла, и я не взялся за шпагу, когда он вытащил свою из ножен.

Его сломанное пополам тело я зашвырнул на высокий дуб и, оглянувшись, увидел черную тучу птиц в ветвях.

Я надел на нее ее браслеты, ее кольца и ее драгоценные гребешки, а потом забросал могилу. Вы ведь знали, какая была Лорен. То, что она пережила, и то, к чему стремилась, закончилось смертью. Вот и весь сказ о том, как мы встретились и как расстались. Лорен и я, в стране Лорен, и такова моя жизнь, потому что принц Эмбера — частичка Вселенной и в какой-то мере виновен во всех мерзостях, которые в ней творятся. Поэтому я и говорю «Ха!», когда речь заходит о моей совести. В зеркалах многих суждений мои руки обгажены кровью. Я являюсь частью Зла, которое царит в реальном мире и на отражениях. Иногда мне кажется, что я — то самое Зло, которое необходимо, чтобы бороться с другим Злом. Я уничтожаю Дворкиных, которые попадают на моем пути, и в тот Великий День, о котором говорят все пророки, но в который они не очень верят в тот день, когда мир будет избавлен от Зла, я тоже кану во тьму, осыпаясь проклятиями. Возможно, это будет скорее, чем я думаю. А пока...

Пока это время еще не наступило, я не умою рук своих и не стану бездействовать.

Пришпорив коня, я поскакал в замок Ганелона, который знал, но никогда не сможет понять.

4

Вскачь, вскачь, Ганелон и я пробирались чуть заметным таинственными тропами в Авалон; вскачь по аллеям снов и кошмаров; вскачь, когда палящее солнце обжигало спины; вскачь по жарким белым островам ночи. И палящее солнце стало золотым, и острова ночи рассыпались осколками бриллиантов, а луна поплыла по небу, словно лебедь. День принес зеленое дыхание весны, мы переплыли бурную реку, горы покрылись инеем от мороза. Ровно в полночь выпустил я стрелу своей Судьбы, и она загорелась в небе и унеслась, как метеор, на север.

Единственный дракон, который нам встретился, был хром на обе ноги. При нашем приближении он быстро заковылял в сторону, пыхтя, сопя и сминая маргаритки. Птицы с ярким оперением летели подобно стрелам судьбы, указывая нам путь, а хрустальные голоса озер отзывались эхом, когда мы проезжали мимо. Я громко запел, и через некоторое время Ганелон стал подпевать. Пошла вторая неделя нашего путешествия, и небо, земля и ветер говорили мне, что Авалон близко.

Мы разбили лагерь у глухого лесного озера, когда солнце село за гору, а день угасал. Ганелон принялся распаковывать седельные сумки, а я решил искупаться. Вода была холодной, освежающей, и я долгое время плескался, не желая выходить на берег.

Затем мне показалось, что я слышу какие-то крики, и хоть мне не было дела до того, что происходит в этом загадочном лесу, я быстро вышел из воды, оделся и поспешил в лагерь.

По пути я вновь услышал крик и мольбу о пощаде. Подойдя ближе, я понял, что в лагере разговаривали.

Я вышел на небольшую полянку. Седельные сумки были разобраны, костер сложен, но не разожжен.

Ганелон сидел на корточках у высокого дуба. На дубе висел светловолосый худощавый паренек. Я отметил себе на будущее, что очень трудно сказать что-либо о человеке или получить ясное представление о чертах его лица, когда он висит вверх ногами в нескольких футах над землей.

Руки его были связаны сзади, и он висел на большом суку, привязанный к нему веревкой за правую лодыжку.

Он отвечал на вопросы Ганелона быстрыми короткими фразами, лицо его было мокрым от пота, а изо рта текли слюни. Он раскачивался то назад, то вперед, на щеке его проступило красное пятно от пощечины, а на рубашке еще не засохли капельки крови.

Я решил не вмешиваться и остановился неподалеку. Ганелон никогда не стал бы мучить мальчишку без особой на то причины, и поэтому жалость к нему не переполняла моего сердца. Я не одобрял подобных методов допроса, но не сомневался, что полученная информация будет представлять интерес. К тому же мне хотелось понять, зачем и почему Ганелон поступил подобным образом, ведь что ни говори, сейчас он стал моим соратником. А несколько лишних минут головой вниз не могут причинить пареньку особого вреда...

Когда тело перестало раскачиваться, Ганелон подтолкнул его острием шпаги. На груди появилось очередное красное пятно, а паренек закричал. Он был очень молод. Ганелон вытянул шпагу, держа ее в нескольких дюймах от горла своей жертвы, отдернул клинок в самый последний момент и ухмыльнулся, когда мальчишка извернулся, как уж, и взмолился:

— Пожалуйста, не надо!

— Говори! — сурово приказал Ганелон. — Говори, что было дальше!

— Я все сказал! Я больше ничего не знаю!

— Почему?

— Они промчались мимо!

— И ты не поскакал вслед?

— У меня не было коня.

— Почему ты не пошел пешком?

— Меня контузило!

— Контузило! Ты просто дезертировал. Ты — трус!

— Нет! — вскричал паренек.

Ганелон вновь поднес шпагу к его горлу и вновь отдернул клинок в самый последний момент.

— Да! — завопил мальчишка. — Я струсил!

— И удрал?

— Да! Я побежал в другую сторону и спрятался в лесу!

— И ты не знаешь, чем все закончилось?

— Нет!

— Ты лжешь!

Ганелон поднял шпагу.

— Я клянусь! — вскричал паренек. — Пожалуйста...

Я решил вмешаться и сделал шаг вперед.

— Ганелон, — сказал я.

Он взглянул на меня, ухмыльнулся и опустил шпагу. Мальчишка посмотрел на меня умоляющими глазами.

— Кто он такой? — спросил я.

— Ха! — ответил Ганелон и ударил свою жертву шпагой плашмя по весьма интимному месту, с удовлетворением слушая очередной вопль. — Вор, дезертир и врет презабавно!

— Что ж, отвяжи его. Я тоже хочу послушать.

Ганелон повернулся, взмахнул шпагой и одним ударом перерубил веревку. Мальчишка упал на землю и принялся рыдать.

— Я поймал его, когда он воровал еду из седельных сумок, и решил допросить, чтобы узнать, где мы с вами находимся, — сказал Ганелон. Оказывается, он прямехонько из Авалона. Бежал оттуда так, что пятки сверкали.

— Почему?

— Его взяли в солдаты. Два дня назад, во время битвы, он струсил и дезертировал.

Мальчишка попробовал было возразить, и Ганелон ткнул его носком сапога.

— Молчать! Сейчас говорю я, и говорю то, что ты сам мне рассказал!

Бывший солдат отполз в сторону, как краб, и посмотрел на меня расширенными от ужаса глазами.

— Что за битва? — спросил я. — Кто с кем сражался?

Ганелон угрюмо улыбнулся.

— Вы услышите историю, вам знакомую. Авалон бросил все свои силы в бой с армией сверхъестественных существ, которые долгие годы разоряли страну.

— Вот как? — Я посмотрел на мальчишку, и он опустил голову, но я успел заметить, что лицо его исказилось от страха.

— ...Женщины, — говорил Ганелон. — Прекрасные и неприступные фурии. Вооруженные до зубов и одетые в доспехи. С длинными светлыми волосами и леденящим взглядом. Верхом на белых огнедышащих скакунах, которые питаются человеческой плотью, они выезжают из пещер, образовавшихся несколько лет назад после землетрясения. Совершая набеги по ночам, они берут в плен молодых мужчин и убивают всех остальных. Уж больно эта картина напоминает мне Черный Круг и его Хранителей.

— Но после смерти рогатого многие Хранители остались живы, — возразил я. — И ни один из них не показался мне лишенным души. Скорее, я бы сказал, что они частично потеряли память. Мне непонятно только, почему авалонцы не завалили камнями все выходы из пещер.

— Они пытались это сделать, но безуспешно. Завалы таинственно исчезали, а женщин становилось все больше и больше.

Я посмотрел на паренька, и он кивнул в знак согласия. Лицо его было пепельно-серым.

— Отряды генерала, которого здесь называют Протектором, — продолжал Ганелон, — все чаще вступали в бой с этими ведьмами, а сам он провел ночь с их предводительницей, Линтрой, то ли развлекаясь, то ли пытаясь заключить перемирие. Однако все осталось по-прежнему. После их встречи набеги возобновились, и тогда Протектор решил атаковать всеми силами в надежде раз и навсегда избавить страну от нечисти. А этот, — Ганелон указал на парнишку острием шпаги, — удрал с поля боя, и теперь мы не знаем, чем закончилось сражение.

— Это правда? — спросил я дезертира, который смотрел на шпагу, как зачарованный. Вздвогнув, он на мгновение встретился со мной глазами и медленно кивнул.

— Интересно, — сказал я, обращаясь к Ганелону. — Похоже, перед ними стоит задача, которую мы совсем недавно решили. Жаль, конечно, что исход битвы не известен.

Ганелон вздохнул и сжал эфес шпаги.

— Ничего не поделаешь. А с дезертиром пора кончать. Он действительно больше ничего не знает.

— Постой, постой. Насколько я понял, он пытался украсть у нас какую-то еду?

— Да.

— Развяжи ему руки. Мы его накормим.

— Но ведь он — вор.

— Не ты ли говорил мне когда-то, что убил человека за пару башмаков?

— Конечно! Но здесь нельзя сравнивать.

— Почему?

— Мне это удалось.

Я расхохотался. Смех помог мне снять нервное напряжение, но я никак не мог остановиться. Сначала Ганелон насупился, потом на лице его появилось изумленное выражение, в конце концов он тоже рассмеялся.

Мальчишка смотрел на нас, как на сумасшедших.

— Ох ты! — всхлипнул Ганелон, вытирая выступившие от смеха слезы. Он схватил паренька за шиворот повернул спиной и одним движением перерезал стягивающие его руки веревки. — Пойдем, сосунок. Я тебя накормлю.

Мы подошли к седельным сумкам. Мальчишка, ковыляя, шел сзади. Он с жадностью накинулся на еду и громко зачавкал, не отрывая взгляда от Ганелона. Я задумался. В стране, где бушевала война, мне будет трудно добиться желаемого. К тому же меня одолели былые страхи и сомнения при мысли о том, что отражениям грозит смертельная опасность.

Я помог Ганелону разжечь небольшой костер.

— Что будем делать? — спросил он.

У меня не было выхода. Битвы кипят на всех отражениях, где существует Авалон. На то они и отражения. А необходимый мне порошок я мог достать только в Авалоне. Пускаясь в путь, я преследовал определенную цель, и если на моем пути мне все время встречались силы Хаоса, значит, от них зависело, сумею ли я достичь этой цели. Таковы были правила игры, и я не мог жаловаться, потому что сам их придумал.

— Пойдем в Авалон, — ответил я. — И пусть мое желание исполнится!

Паренек испуганно вскрикнул и — возможно, испытывая ко мне чувство признательности за то, что я не позволил Ганелону наделать в нем дыр, — предупредил:

— Не ходите в Авалон, сэр! Ваше желание не может исполниться! Вас убьют!

Я улыбнулся и кивнул, а Ганелон, ухмыляясь, небрежно произнес:

— Давайте прихватим его с собой! Пусть предстанет перед военным трибуналом за дезертирство!

Он еще не успел договорить, а паренек уже улепетывал со всех ног. Продолжая ухмыляться, Ганелон выхватил из-за пояса кинжал и отвел руку для броска. Я ударил его по плечу, и кинжал вонзился в землю. Паренек исчез, будто его ветром сдуло, а Ганелон расхохотался.

— Напрасно вы мне помешали, — сказал он, подбирая кинжал.

— Пусть живет.

— Если он вернется сегодня ночью и перережет нам глотки, вы даже не успеете пожалеть о своем решении.

— Не спорю. Но он не вернется, и ты это прекрасно знаешь.

Ганелон пожал плечами, отрезал большой кусок мяса и начал разогревать его над костром.

— По крайней мере война научила его показывать врагу пятки. Вы правы, мы можем спать спокойно.

Он принялся за еду, и я последовал его примеру.

Глубокой ночью я проснулся и долго лежал, глядя на звезды сквозь завесу листьев. Я думал о мальчишке-дезертире, и у меня возникло такое чувство, что наша с ним встреча — плохое предзнаменование. Я долго не мог уснуть.

Наутро мы закидали костер землей и отправились в путь. К полудню мы очутились в горах, а на следующий день спустились с них и поехали по дороге, на которой виднелись свежие следы кавалеристов и пехотинцев. Однако мы никого не встретили.

На другой день мы увидели несколько ферм и коттеджей, разбросанных в небольшой долине, но решили не останавливаться. Я не хотел быстро менять отражения, как в той «демонической» скачке, когда изгнал Ганелона из страны. Мне нужно было время, чтобы все обдумать, и наш маршрут вполне меня устраивал. Но сейчас до Авалона было рукой подать. К полудню третьего дня над нами раскинулось небо Эмбера, и я молча любовался им, проезжая лес, похожий на Арденнский. Правда, в нем не звучал рог Джулиана, не было Моргенштерна и гончих, которые гонялись за мной и Рэндомом несколько лет назад. Слышались лишь птичьи голоса в ветвях огромных дуплистых деревьев, беличьи разговоры, тьяканье лис и журчание воды в ручейке. Повсюду цвели белые, голубые и розовые цветы.

В воздухе веяло прохладой, и я совсем было настроился на лирический лад, когда увидел за поворотом дороги свежевырытые могилы. Чуть дальше чернели следы пепелищ, и дорога заканчивалась, уступая место изломанному кустарнику, сквозь который, видимо, прошло большое войско. Я отвернулся, проезжая мимо полусъеденного трупа лошади с вывалившимися внутренностями. Пахло дымом.

Вскоре пейзаж вновь стал мирным, но небо Эмбера больше меня не радовало.

К вечеру лес значительно поредел, и Ганелон заметил далекие огни костров к юго-востоку от Авалона. Мы свернули на первую боковую тропинку, ведущую в этом направлении, и пришпорили коней.

— Может, это стоит лагерем армия Протектора? — стросил Ганелон.

— Или того, кто разбил его наголову, — ответил я.

Он покачал головой, и рука его невольно потянулась к эфесу шпаги.

Поздно вечером мы сделали привал у звонкого прозрачного ручейка, стекавшего с гор. Я выкупался, подстриг бороду и тщательно почистил одежду. Наше путешествие подходило к концу, и мне хотелось хорошо выглядеть. Ганелон долго на меня смотрел, а потом тоже привел себя в порядок: ополоснул лицо и громко высморкался.

По небу плыла ясная полная луна, и неожиданно я понял, что не вижу перед глазами привычной туманной дымки. На секунду у меня перехватило дыхание, и я начал вглядываться в ранние звезды края белых облаков, вершины далеких гор. Потом вновь перевел взгляд на луну. Она оставалась такой же ясной и сверкающей. Зрение вернулось ко мне полностью!

Услыхав мой смех, Ганелон вздрогнул, но не спросил, почему я смеюсь.

С трудом сдерживаясь, чтобы не запеть, я вскочил в седло. Тени удлинились, крупные звезды одна за другой загорались на небосводе. Я вдохнул полную грудь ночи, задержал дыхание, выдохнул. Я снова был самим собой.

Ганелон поравнялся со мной и тихо спросил:

— Как вы думаете, они выставили часовых?

— Безусловно.

— И я так думаю. Может, свернем в лес?

— Нет. Зачем вызывать лишние подозрения? Если нас проводят в лагерь под конвоем, меня это не волнует. Мы — путешественники.

— Они захотят выяснить, с какой целью мы путешествуем.

— Хотим наняться на службу. Мы — вольнонаемные солдаты, узнавшие, что в этом государстве идет война.

— Правдоподобно. Остается надеяться, что им не придет в голову отправить нас на тот свет, не допросив.

Я вслушивался в стук копыт наших лошадей. Тропинка, по которой мы ехали, была извилистой, лес поредел. Преодолев подъем, мы очутились на вершине небольшого холма. Лагерь был виден как на ладони. Повсюду горели костры, стояли палатки, сидели и ходили люди, человек двести, насколько я мог судить. Неподалеку пасся табун лошадей.

Ганелон вздохнул.

— По крайней мере они похожи на обычных людей.

— Да.

— Значит, за нами наблюдают в эту самую минуту. Здесь слишком хороший наблюдательный пункт, чтобы не выставить часовых.

— Да.

Позади нас послышался какой-то шум, и резкий голос произнес:

— Не двигайтесь!

Я медленно повернул голову и увидел четырех солдат. Двоих — с арбалетами, двоих — со шпагами наголо. Один из них сделал шаг вперед.

— Сойдите с лошадей! С правой стороны! И никаких резких движений!

Мы спешили и встали поодаль друг от друга, чуть отведя руки в стороны.

— Кто вы? Откуда? — спросил он.

— Наемники из Лорен, — ответил я. — Мы слышали, что в Авалоне идет война, и ищем человека, который взял бы нас на службу. Мы ехали в лагерь... надеюсь, это ваш лагерь?

— А если я отвечу: «Нет, мы собираемся на него напасть»?

Я пожал плечами.

— В таком случае я спрошу, не хотите ли вы нанять еще двух солдат.

Он сплюнул.

— Протектор не нуждается в таких, как вы. Где находится Лорен?

— На востоке.

— Не встречались ли вам по пути... какие-нибудь препятствия?

— Что вы имеете в виду?

— Ничего, — чуть помедлив, ответил он. — Сдайте оружие. Я отправлю вас в лагерь. Вам придется рассказать обо всем необычном, что вы видели на востоке.

— Но мы не видели ничего необычного!

— Неважно. В любом случае вас накормят. Хотя сильно сомневаюсь, что Протектор захочет воспользоваться вашими услугами. Война закончилась. А сейчас — сдайте оружие.

Повинуясь его приказу, из-за деревьев вышли двое солдат. Мы отдали им шпаги, взяли лошадей под уздцы и пошли вниз по склону холма.

— Стойте! — внезапно воскликнул тот, кто нас допрашивал. Я повернулся и вопросительно посмотрел на него. — Как вас зовут?

— Кори.

— Не двигайтесь! — Он подошел ко мне вплотную и стал вглядываться в мое лицо. Секунд через десять я не выдержал.

— А в чем, собственно, дело?

Вместо ответа он стал рыться в кошельке, пристегнутом к поясу, достал пригоршню монет и поднес их к глазам.

— Черт! Слишком темно! Жаль, нельзя осветить!

— Зачем? — спросил я.

— Ваше лицо показалось мне знакомым, и я только сейчас вспомнил, где его видел. На старых монетах. Они все еще имеют хождение. Он нахмурился и повернулся к одному из лучников. — Правда, похож?

— Да, — согласился тот. — Похож, и даже очень.

— А ты не помнишь, кем он был?

— Откуда мне помнить? Одним из бывших, должно быть. Меня тогда и на свете-то не было.

— И я не помню. Впрочем, неважно. Идите, Кори, — вновь обратился он ко мне. — Отвечайте на все вопросы честно, и с вами поступят по справедливости.

Спускаясь с холма, я почему-то представил себе, что он смотрит мне в спину и чешет в затылке.

Солдаты, которых выделили нам в провожатые, оказались неразговорчивыми. Меня это устраивало.

Шли мы очень медленно, и я вспомнил рассказ паренька о сражении, которое неизвестно кто выиграл. Я достиг цели, попал в Авалон, вернее, аналог Авалона. Теперь, чтобы совершить задуманное, мне необходимо было действовать, исходя из обстоятельств.

В лагере приятно пахло дымом, жареным мясом, лошадиным потом, промасленной упряжью. Отовсюду доносились разговоры, бряцало оружие, горели костры. Люди ели, пили, играли, развлекались и смотрели, как мы проходим мимо, направляясь к трем стареньким палаткам, стоявшим одна подле другой.

Мы остановились у первой из них, и сопровождавший нас солдат о чем-то спросил часового, совершавшего обход. Тот отрицательно покачал головой. Они разговаривали несколько минут, а затем наш солдат вернулся, перекинулся парой фраз со своим товарищем и подошел ко мне.

— Протектор собрал всех офицеров на военный совет, — сказал он. — Мы сейчас стреножим ваших лошадей и отведем их на пастбище. Заберите свои вещи. Вам придется подождать нашего капитана.

Мы сняли седельные сумки и вытерли лошадей насухо. Хромой пастух взял Чемпиона и

Огнедышащего (коня Ганелона) под уздцы и повел их в табун. Мы усадились на сумки. Кто-то принес нам горячего чаю и одолжил у меня немного табаку. Наши стражники отошли в сторонку и расположились на отдых.

Я наблюдал за входом в самую большую палатку стоявшую в центре, прихлебывал чай и думал о маленьком ночном кафе на Rue de Char et Pain в Брюсселе, на отражении Земля, где я так долго жил. Достав необходимый мне ювелирный порошок, я поеду в Брюссель и заключу сделку с торговцами оружием. Мой заказ будет очень сложным, и сдерут за него три шкуры, потому что военному заводу придется строить новые поточные линии. По собственному опыту я знал, что заказать оружие можно помимо «Интерамко». На все про все у меня уйдет три месяца. Я стал обдумывать детали, и время потекло незаметно.

Часа через полтора в большой палатке зашевелились тени. Затем полог распахнулся, и люди стали выходить на улицу, оглядываясь и оживленно беседуя. Двое задержались на пороге. Я услышал их голоса, но не разобрал, о чем идет речь. Ясно было только, что командир, оставшийся в палатке, дает им последние инструкции. Он даже подошел к выходу, что-то объясняя, и я успел разглядеть, что он был худ и очень высок.

Наши солдаты все еще сидели в сторонке; один из них указал мне на офицера, стоявшего справа, как на капитана, который должен нас допросить. Я все еще пытался получше рассмотреть командира, но сквозь спины офицеров, естественно, ничего не увидел.

Затем он вышел из палатки.

Сначала я подумал, что это — игра света и тени... но нет! Он сделал шаг вперед, и я вздрогнул. У него не было правой руки от локтя и ниже. Окровавленные бинты говорили о том, что руку он потерял совсем недавно.

Левая его рука неожиданно рубанула воздух, и я почувствовал, что во мне оживают давно забытые воспоминания. У человека, на которого я смотрел, были прямые каштановые волосы, сильный волевой подбородок...

Ветерок раздул полы его плаща, и я увидел желтую рубашку и коричневые брюки. Неестественно быстрым движением левой руки человек запахнулся, прикрывая обрубок.

Я резко встал, и голова его мгновенно повернулась в мою сторону.

Глаза наши встретились, и оба мы замерли, глядя друг на друга.

Затем он оттолкнул изумленных офицеров и пошел ко мне. Я услышал, как Ганелон хмыкнул и быстро поднялся на ноги.

Человек остановился в нескольких шагах от меня, и его карие глаза блеснули. Он редко улыбался, но на этот раз позволил себе слабое подобие улыбки.

— Пойдем со мной, — сказал он и, повернувшись, направился в палатку. Мы пошли следом, оставив седельные сумки на земле.

Он отпустил взглядом двух офицеров, остановился перед входом, пропустил нас вперед и закрыл за собой полог. Я увидел походную постель, маленький стол, скамейки, сундучок. На столе горела масляная лампа, лежали карты местности, стояли бутылка вина и несколько кружек. На сундучке горела еще одна лампа.

Человек сжал мне руку и вновь улыбнулся.

— Корвин, — сказал он. — Все еще живой.

— Бенедикт. — Я улыбнулся в ответ. — И тоже не мертвый. Сколько воды утекло.

— Да Кто твой друг?

— Его зовут Ганелон.

— Ганелон, — повторил Бенедикт, кивая а затем подошел к столу и налил три кружки вина. — Твое здоровье, брат.

— Твое здоровье.

Мы выпили.

— Садитесь, — сказал он, указывая на ближайшую скамейку. Приветствую вас в Авалоне.

— Спасибо... Протектор.

Он поморщился.

— Этот титул заслужен. Интересно, мог ли прежний их правитель похвастаться тем же самым?

— Поверь мне, мог. Но только в другом Авалоне.

Бенедикт пожал плечами.

— Естественно. И хватит об этом! Где ты был? Что делал? Зачем пришел? Расскажи о себе. Мы так давно не виделись.

Я кивнул.

На мое несчастье фамильный этикет (не говоря о расстановке сил) требовал, чтобы я первым ответил на все его вопросы. Он был старше меня, и я вмешался — пусть по незнанию — в сферу его деятельности. Не могу сказать, что мне не хотелось быть почтительным: Бенедикт был одним из немногих, кто мне нравился и кого я уважал. Но мы действительно слишком давно не виделись, и мне не терпелось расспросить его, чтобы выведать все интересующие меня подробности.

К тому же я не знал, как вести разговор. Мне было неизвестно, кому Бенедикт симпатизирует, на чьей стороне находится. Я не понимал, почему он не живет в Эмбере, и боялся оказаться в неловком положении, сморозив какую-нибудь глупость. Разговаривая с ним, мне придется быть предельно осторожным, пока я не выясню, что к чему.

— Не знаешь, с чего начать? — спросил он, внимательно изучая мое лицо. — Мне безразлично, под каким соусом ты себя подашь.

— Не в этом дело. Мне трудно... А, ладно. Начну с самого начала. — Я сделал глоток вина. — Так проще, хотя все, что со мной произошло, я вспомнил сравнительно недавно.

— Прошло всего несколько лет после битвы с Лунными Всадниками Генеша, когда ты отбыл в неизвестном направлении, а у нас с Эриком уже возникла первая крупная ссора, — начал я свой рассказ. — Сам понимаешь, спор шел о наследстве. Отец, как всегда, грозил, что отречется от престола, но отказывался назвать своего преемника. Естественно, все мы только и говорили о том, кто из нас является законнорожденным, а кто нет. Конечно, и ты, и Эрик старше меня, но в то время, как Файла, наша с Эриком мать, стала женой Оберона после смерти Климнеи, она...

— Хватит! — вскричал Бенедикт, ударив по столу кулаком с такой силой, что деревянная доска треснула. Лампа подпрыгнула, но каким-то чудом не перевернулась. Полог немедленно откинулся, и в палатку заглянул насмерть перепуганный стражник. Бенедикт бросил на него один только взгляд, и стражника как ветром сдуло. — Я не желаю слушать, кто из нас ублюдок. Это нечистоплотно. Вечные склоки в нашей семье явились одной из причин, по которой я скрылся и живу здесь. Пожалуйста, продолжай, но без ссылок на родословную.

— Гм-мм... да, — сказал я, слегка ошарашенный. — Итак, как я уже говорил, мы с Эриком крупно поспорились. И дело не ограничилось одними словами.

— Дуэль?

— О, мы не стали соблюдать формальностей. Просто пришли к выводу, что мы друг другу мешаем, и одновременно выхватили шпаги из ножен. Дрались мы долго, и в конце концов Эрику удалось одержать верх. Забегая вперед, должен тебе сказать, что все это я вспомнил не далее как пять лет назад.

Бенедикт кивнул, словно знал, о чем идет речь.

— Я могу только предполагать, что произошло после того, как я потерял сознание, — продолжал я. — Эрик не стал меня убивать. Очнулся я на отражении Земли в городе Лондоне. Повсюду свирепствовала

чума, и я, естественно, заразился, а выздоровев, потерял представление о том, кто я такой и где я нахожусь. У меня начисто отшибло память. Я жил на Земле много веков, воевал, учился в университетах, говорил с мудрецами, консультировался с выдающимися врачами, но так и не нашел ключа к своему прошлому. Мне было совершенно очевидно, что я не похож на других людей, и я совершал героические усилия, чтобы этот факт не стал общеизвестен. Меня бесило, что я могу добиться всего, чего захочу, кроме одного: вернуть себе память.

Шли годы, чувство ностальгии овладевало мною все сильнее и сильнее. Затем в результате автомобильной катастрофы я получил шок, и у меня появились отрывочные воспоминания о прошлой жизни. Это произошло примерно пять лет назад. Ирония судьбы: у меня есть веские основания предполагать, что аварию подстроил Эрик. И с самого начала моей ссылки Флора жила на Земле, не выпуская меня из виду.

Вернемся к нашему поединку. Эрик, должно быть, удержал руку в последний момент, не желая, чтобы его обвинили в братоубийстве. Затем он бросил меня на отражении Земли, не сомневаясь, что я там погибну. Таким образом, он всегда мог сказать, что мы поссорились и что в порыве гнева я решил уйти из Эмбера по каким-то своим делам. В тот день мы охотились в Арденнском лесу.

— Мне это кажется странным, — заметил Бенедикт. — Ваши отношения ни для кого не были тайной и вдруг вы отправляетесь на охоту вдвоем.

Я сделал глоток вина и улыбнулся.

— Может, я упрощаю. Наверно, мне тоже хотелось остаться с Эриком наедине.

— Понятно. Значит, не исключено, что роли ваши могли поменяться.

— Трудно сказать. Мне кажется, лично я никогда не зашел бы так далеко. Но ведь я говорю, исходя из своего сегодняшнего опыта. А тогда? Может, и я поступил бы так же, как он. Утверждать не могу, но это возможно.

Бенедикт вновь кивнул, и я почувствовал, что его гнев сменился изумлением.

— Как ты понимаешь, я не собираюсь оправдываться или объяснять мотивы своих поступков, — продолжал я. — Если мои догадки верны, Эрик, разочарованный тем, что я остался жив, решил не выпускать меня из виду. Эту миссию он возложил на Флору. Затем, насколько я понял, отец отрекся от престола и исчез, а вопрос о преемнике так и остался открытым...

— Черта с два! — воскликнул Бенедикт. — Никакого отречения не было. Однажды вечером Оберон ушел к себе в спальню, а наутро его там не оказалось. Записки он не оставил. Постель была застлана, и, судя по всему, в ней никто не спал. Сначала нас это не тревожило. Все думали, что он путешествует по отражениям, быть может, в поисках очередной невесты. Прошло много времени, прежде чем заподозрили неладное и решили считать таинственное исчезновение отца новой формой отречения от престола.

— Я этого не знал, — сказал я. — Твои источники информации точнее моих.

Он промолчал, и это меня насторожило. Было очевидно, что Бенедикт поддерживает связь с Эмбером. Вдруг он стал сторонником Эрика?

— Ты давно был в Эмбере? — рискнул спросить я.

— Лет двадцать назад. Но я поддерживаю связь.

Вот как? Члены нашей семьи, с которыми я разговаривал, не знали (или делали вид, что не знают) о судьбе Бенедикта. И он должен понять, что его слова я не могу воспринимать иначе, как предостережение... или угрозу? Мысли мои понеслись вскачь. Рэндом утверждал, что ничего не слышал о Бенедикте. Бранд исчез. Я знал, что он жив, находится в плену и лишен возможности общаться с кем бы то ни было. Флора не могла быть связной Бенедикта, потому что до недавнего времени находилась на отражении Земли. Льювилла жила в Ребмэ. Дейдра тоже, и, насколько я помнил, в Эмбере ее не очень-то жаловали. Фиона? Джулиан говорил, что она где-то на юге, но не знал, где именно.

Оставались Эрик, Джулиан, Жерар и Каин. Исключим Эрика. Он никогда не рассказал бы Бенедикту об исчезновении отца в невыгодном для себя свете. Скорее, это мог сделать Джулиан, который, хоть и

поддерживал Эрика, метил занять куда более высокое положение. Каин тоже не был лишен амбиций. Один только Жерар всегда производил на меня впечатление человека, который больше думает о судьбе Эмбера, чем о власти. Жерар не благоговел перед Эриком и согласился помочь мне и Блейзу, когда мы собрались захватить трон. Да, именно Жерар, заботясь о благополучии государства, мог информировать Бенедикта обо всех событиях в Эмбере.

Итак, Джулиан, Каин, Жерар. Джулиан меня ненавидел, Каину я был безразличен, а с Жераром нас связывали общие воспоминания времен нашей юности. Так кто же? Вопрос первостепенной важности, от которого зависела моя судьба, и Бенедикт мне не ответит на него до тех пор, пока не узнает моих планов. Сказав, что поддерживает связь с Эмбером, он ясно дал понять, что, во-первых, может в любую минуту со мной расправиться, а во-вторых, что ему обеспечена защита в случае опасности. И он сказал об этом в самом начале разговора, даже не успев меня выслушать. Возможно, лишившись руки, Бенедикт стал осмотрительнее, ведь я никогда не давал ему поводов для недовольства. Значит, мне тоже придется быть предельно осторожным. Жаль, конечно, ведь мы были братьями и не виделись целую вечность — в буквальном смысле слова.

— Получается, все мы действовали преждевременно, — заметил я, вертя кружку с вином в руках.

— Не все, — сказал он.

Я почувствовал, что краснею.

— Извини.

Он коротко кивнул.

— Я тебя слушаю.

— Что ж, видимо, Эрик посчитал, что трон пустует слишком долго, и для начала решил избавиться от беспомощного, но опасного соперника. Однако я остался жив, хоть Эрик и подстроил ту самую автомобильную катастрофу, о которой я тебе говорил.

— Откуда ты знаешь? Или это опять догадки?

— Флора практически созналась, что он имел непосредственное отношение к аварии.

— Любопытно. Что было дальше?

— Травма черепа помогла мне куда лучше, чем Зигмунд Фрейд, к которому я когда-то обращался. Я начал смутно вспоминать прошлое, в особенности после встречи с Флорой. Мне удалось убедить ее, что память вернулась ко мне полностью, и Флора разоткровенничалась. Затем появился Рэндом, спасаясь от погони, и я...

— Спасаясь от погони? Кто за ним гнался? Что случилось?

— Какие-то странные существа с одного из отражений. Я не знаю, в чем там дело.

— Любопытно, — повторил Бенедикт, и я согласно кивнул.

Будучи узником, я часто вспоминал громил, ворвавшихся в дом Флоры. Мне было непонятно, зачем Рэндом убегал от них и почему обратился за помощью именно ко мне. С момента нашей встречи нам постоянно грозила какая-нибудь опасность. К тому же я был занят своими мыслями, а он не объяснил, с какой целью пришел на отражение Земля. Тогда это не показалось мне странным, а потом события развивались слишком стремительно — вплоть до того момента, как меня посадили в камеру. Бенедикт был прав. Любопытная история. И над ней стоило серьезно поразмыслить.

— Мне удалось обмануть Рэндома, — продолжал я. — Он поверил, что я хочу захватить трон, в то время как мне нужно было только одно: вернуть память. Мы отправились в Эмбер, но волею судеб очутились в Ребмэ. По пути я рассказал Рэндому все без утайки, и он посоветовал мне пройти Лабиринт. Как только мне представилась эта возможность, я ею воспользовался, а оказавшись в центре Лабиринта и став прежним Корвином, немедленно переместился в Эмбер.

Бенедикт улыбнулся.

— Бедный Рэндом, — сказал он.

— Да, несладко ему пришлось. По приговору Муари, он должен был жениться на слепой девушке по имени Вайа и остаться в Ребмэ ровно на год. Рэндом согласился, и позже я узнал, что он сдержал слово. Кстати, Дейдра, которая спаслась бегством из Эмбера, тоже осталась в Ребмэ.

Я допил вино, и Бенедикт, увидев, что бутылка пуста, достал из сундука новую. Вино было лучше прежнего — должно быть, из личных запасов.

— Оказавшись во дворце, я пробрался в библиотеку и обзавелся колодой карт. Я добился того, чего хотел. Затем в комнату неожиданно вошел Эрик, а спустя несколько минут мы уже бились на шпагах. Я ранил его и наверняка убил бы, если б не подоспела стража. Я бежал, связался с Блейзом, и он переманил меня на свое отражение. Остальное ты наверняка знаешь от своего человека. Мы с Блейзом стали союзниками, объявили Эрику войну и проиграли сражение. Блейз упал с вершины Колвира, но я успел кинуть ему колоду карт, и он ее поймал. Насколько я понял, тело его не было обнаружено. Я не знаю погиб он или нет.

— И я не знаю, — сказал Бенедикт.

— Таким образом, я попал в плен, и меня заставили присутствовать на коронации Эрика. Я короновал себя раньше, чем этот ублюдок, — извини, я выругался без всякой задней мысли. Затем он приказал выжечь мне глаза и бросить в самое мрачное подземелье Эмбера.

— Да, — сказал Бенедикт. — Это я слышал. Как тебя ослепили?

— Раскалили железный прут и... — Я невольно вздрогнул и еле удержался, чтобы не закрыть глаза рукой. — Слава богу, я потерял сознание и ничего не помню.

— Но глазные яблоки были выжжены?

— Да.

— Сколько времени заняла регенерация?

— Прошло около четырех лет, прежде чем я начал видеть и только на днях зрение вернулось ко мне полностью. В общей сложности получается пять лет.

Он облегченно вздохнул и улыбнулся.

— Хорошо. Ты дал мне надежду. Многие из нас теряли части тела, но не столь значительные, как руки и глаза.

— Что правда, то правда, — согласился я. — Я давно потерял счет пальцам и ушным раковинам, которые регенерировали у членов нашей семьи. Думаю, что рука тоже отрастет, дай срок. Хорошо еще, что ты одинаково владеешь обеими руками.

Бенедикт улыбнулся. Он то улыбался, то мрачнел, прихлебывая вино маленькими глоточками, и явно не собирался разговаривать на интересующие меня темы.

Я тоже сделал глоток вина и задумался. Мне не хотелось рассказывать Бенедикту о Дворкине. Он был той козырной картой, которую я приберег на конец игры, — мало ли может случиться? Ни один из нас не знал возможностей этого человека. Он, конечно, был сумасшедшим, но от него можно было добиться чего угодно, — разумеется, не силой, а хитростью. Даже отец его боялся и посадил в тюрьму после того, как он сообщил, что нашел способ уничтожить Эмбер. Не знаю, было ли это болтовней шизофреника, но если Дворкин сказал правду, отец поступил с ним более чем великодушно. Лично я казнил бы его, не задумываясь. Но Оберон пришел к другому выводу. Дворкин явно говорил о врагах, которых он отпугивал или уничтожал, используя свою волшебную силу. Я помнил его с детских лет как мудрого, доброго старичка, обожавшего отца и всю нашу семью. Трудно, конечно, убить человека, если есть надежда на его исцеление. Поэтому отец и заточил Дворкина в подземелье, убежать из которого было невозможно. Тем не менее в один прекрасный день, когда ему стало скучно, он взял и вышел оттуда. Никто, ну просто никто не мог уйти из Эмбера на отражения по той простой причине, что Эмбер — реальный мир, который не может меняться, а Дворкин походя нарушил законы Вселенной и очутился в моей камере. Мне удалось обмануть его, и, сам того не зная, он помог мне бежать на Кабру. Я жил там, пока не окреп, а затем отправился путешествовать и волею судеб попал на Лорен. Я думаю, никто так и не понял, как мне удалось

бежать. Все члены нашей семьи обладали особыми силами, но только Дворкину удалось их проанализировать и заставить действовать с помощью Лабиринта и Карт. Он часто пытался изложить нам свои теории, но все его рассуждения были настолько абстрактными, утомительными и наконец, просто скучными, что их почти никто не слушал. Все мы слишком практичны, черт побери! Бранд был единственным, кто интересовался лекциями Дворкина. И еще Фиона. Чуть было не забыл: Фиона слушала Дворкина очень внимательно. И конечно, отец. Оберон обладал огромными знаниями, но был очень скрытен. Он уделял нам мало времени, и мы почти ничего о нем не знали. Думаю, отец разбирался во всем не хуже Дворкина, но задачи перед ними стояли разные. Дворкин был гениальным художником, создавшим Лабиринт и Карты. Кем был отец, оставалось тайной. Он не пытался с нами сблизиться, хотя его нельзя было назвать недобрым отцом. Когда Оберон вспоминал, что мы существуем, он делал нам прекрасные подарки. Но воспитание наше он доверил различным придворным, а сам не принимал в нем никакого участия. Мне кажется, отец просто терпел нас, считая неизбежными последствиями своей страсти. Честно говоря, меня всегда немного удивляла малочисленность нашей семьи. За полторы тысячи лет похотливый монарх обзавелся всего шестнадцатью отпрысками, трое из которых погибли. Правда, ни один из нас тоже не может похвастаться большим потомством. Как только мы немного подросли и научились путешествовать по отражениям, отец стал поощрять нас, предлагая выбрать место себе по вкусу и обосноваться там. Поэтому я и очутился в Авалоне, которого больше нет. Где родился Оберон, не знал никто. Я не встречал человека, помнящего те времена, когда Оберона не было на свете. Вам это кажется странным? На протяжении многих веков не интересоваться, откуда родом твой отец? Вы правы. Но король Эмбера был могуществен, немногословен и умен — качества, которыми все его дети обладали в той или иной степени. Он хотел, чтобы мы жили счастливо, не представляли угрозы его правлению. Я думаю, отец боялся, что мы узнаем о нем или о его прошлом какую-то тайну, которую он тщательно скрывал, и воспользуемся ею в своих целях. И я не верю, что Оберон представлял себе те времена, когда он не будет сидеть на троне... Иногда либо в шутку, либо чтобы подзадорить нас, отец говорил о своем отречении. Но я понимал, что разговоры эти рассчитаны только на одно: посмотреть, как мы на нихотреагируем. Король Эмбера не мог не знать, в каком положении окажутся дела, если он исчезнет. Как ни обидно мне было в этом признаться, ни один из нас не был достоин занять его место. Конечно, в нашей несостоятельности можно было упрекнуть отца, но знакомство с Фрейдом научило меня многому, и я понимал, что во всем виноваты мы сами. К тому же сейчас смешно рассуждать, кто должен стать монархом. Если отец не отрекся от престола и был жив, каждый из нас может надеяться в лучшем случае на регентство. Мне бы, например, не хотелось короновать себя, а потом встретиться лицом к лицу с Обероном, вернувшимся в Эмбер. Я боялся отца и не стыдился в этом признаться. Только глупец не боится тех сил, которых не понимает. И тем не менее у меня было больше прав на трон, чем у Эрика (я не придавал значения титулу — какая разница, король или регент), и я был полон решимости осуществить свой замысел. И именно поэтому о Дворкине, который казался мне чуть ли не всемогущим, никто ничего не должен знать до тех пор, пока я не захочу прибегнуть к его услугам.

А если он действительно нашел способ уничтожить Эмбер? Ведь тогда исчезнут не только отражения, но и все сущее на планете.

Тем более я не имею права говорить, что Дворкин жив. Нельзя допустить, что в руки моих братьев и сестер попало такое грозное оружие.

Как я уже говорил, все члены нашей семьи очень практичны.

Я допил вино, вытащил трубку, прочистил ее и туго набил.

— Вот, собственно, и весь мой рассказ, — сказал я, приподнимаясь и прикуривая от лампы. — Когда зрение ко мне вернулось, я бежал из Эмбера. Некоторое время я жил на Лорене, где и встретился с Ганелоном. Затем пришел сюда.

— Для чего?

— Это место напоминает мне Авалон, который я знал.

Я намеренно вскользь упомянул о Ганелоне, надеясь, что теперь Бенедикт не станет меня о нем расспрашивать. Мне бы не хотелось говорить, что когда-то мы были знакомы, и я думаю, мой спутник тоже понял, что ему надлежит держать язык за зубами.

Как я и предполагал, Бенедикт не обратил на Ганелона ни малейшего внимания. Моего брата интересовало другое.

— Как тебе удалось бежать? — спросил он.

— Мне помогли выйти из камеры, — признался я. — А дальше... во дворце много потайных мест, о которых Эрик ничего не знает.

Я улыбнулся и запыхтел трубкой.

— Хорошо иметь друзей, — заметил он как бы в ответ на мою невысказанную мысль.

— Думаю, у каждого из нас найдутся друзья в Эмбере.

— Хочется верить, — коротко сказал он и, на секунду задумавшись, добавил: — Насколько мне известно, ты частично выдолбил двери в камере, нарисовал на стенах какие-то картинки и поджег постель. Верно?

— Да. Видимо, длительное заключение влияет на психику. Я и сам понимаю, что вел себя более чем странно.

— Я не завидую тебе, брат. Скажи, что ты собираешься делать?

— Честно говоря, еще не решил.

— Может, ты хочешь остаться здесь?

— Сам не знаю. Как обстоят дела в Авалоне?

— Здесь команду я. — Судя по его тону, это был не вызов, а констатация факта. — Думаю, мне удалось избавить Авалон от грозящей ему опасности. Если я прав, сейчас настанут спокойные времена. Цену я, конечно, заплатил высокую, — тут он невольно бросил взгляд на свою культю, — но игра стоила свеч.

И он начал говорить о том, что я уже слышал от мальчишки-дезертира, а потом рассказал о битве. Когда предводительница ведьм погибла, ее солдаты разбежались в разные стороны. Авалонцы бросились вдогонку и почти всех перебили, а пещеры вновь завалили камнями. На всякий случай Бенедикт оставил рядом с ними несколько патрульных отрядов.

Он ни слова не сказал о своей встрече с Линтрой.

— А кто убил предводительницу? — поинтересовался я.

— Это сделал я, — отчеканил он, и культя его непроизвольно дернулась. — Но я заколебался, прежде чем нанести первый удар. Нельзя было медлить.

Я отвел глаза в сторону, и Ганелон последовал моему примеру. Когда я вновь посмотрел на Бенедикта, лицо его было спокойным.

— Мы искали тебя. Ты хоть знаешь об этом, Корвин? — спросил он. — И Бранд, и Жерар с ног сбились, исходив множество отражений. Ты действительно угадал то, что сказал Эрик, объясняя причину твоего отсутствия. Никто не поверил ему на слово. Много раз мы пытались связаться с тобой, но твоя карта оставалась холодной. Видимо, поврежденный мозг блокирует контакт. Любопытная деталь. Тем не менее мы решили, что ты погиб. Затем к поискам присоединились Джулиан, Каин и Рэндом.

— Вот как? Я польщен.

Он улыбнулся.

— О! — воскликнул я, ругая себя за непонятливость, и тоже улыбнулся.

Они бросились искать не меня, а мой труп, чтобы обвинить Эрика в братоубийстве и либо лишить его власти, либо шантажировать.

— Лично я искал тебя в окрестностях Авалона, — продолжал Бенедикт, — и мне так здесь понравилось, что я решил остаться. В те дни государство было в ужасающем состоянии, и я трудился в поте лица, чтобы вернуть ему былую славу. Я сделал это в память о тебе, но мне полюбилась эта страна и ее

жители. Они привыкли к мысли о том, что я — их Протектор, и, честно говоря, я к ним тоже привык.

Я был одновременно и тронут, и встревожен его словами. Не хотел ли он сказать, что ему пришлось исправлять ошибку неумелого нашкодившего младшего брата? Или он не лукавил, а действительно ощутил мою любовь к Авалону — правда, другому Авалону — и решил как бы выполнить мою последнюю волю? Нет, все-таки я стал излишне сентиментален.

— Приятно слышать, что обо мне не забыли, — сказал я, — а еще приятнее, что ты взял на себя роль защитника этой страны. Мне бы очень хотелось побродить по знакомым местам, которые так живо напоминают мне прежний Авалон. У тебя нет возражений, если я немного погощу?

— И это все, чего ты хочешь?

— Это все, чего я хочу.

— Тогда знай, что воспоминания о твоём отражении, которое правило здесь, отнюдь не из приятных. Ребенка тут никто не назовет Корвином, и я не брат ему.

— Понимаю, — сказал я. — Меня зовут Кори. Ведь мы можем быть старыми друзьями?

— Все будут очень рады, если мой старый друг останется у меня погостить.

Я улыбнулся и кивнул. Он оскорбил меня, еще раз намекнув, что я виновен в плачевном состоянии этого отражения отражения; меня, который пусть на секунду — ощутил холодный огонь короны Эмбера на своем челе.

Интересно, как повел бы себя Бенедикт, узнав, что я имею прямое отношение к нашествию женщин-ведьм? Сделал бы он вывод, причем достоверный, что потерял руку по моей вине? Лично я предпочитал оценивать ситуацию в целом: не прикажи Эрик выжечь мне глаза, я не произнес бы проклятья.

И все же пусть лучше Бенедикт ничего не знает.

Мне необходимо было выяснить, окажет ли он поддержку Эрику, или будет на моей стороне, или просто не станет вмешиваться, когда я начну действовать. Бенедикт был слишком умен и наверняка сейчас думал о том, что я намерен предпринять. Итак...

Кто начнет разговор?

Я раскурил трубку, плеснул в кружку вина, выпустил облако дыма. Я вслушивался в звуки, доносящиеся из лагеря, посвист ветра, бурчание в моем животе...

Бенедикт выпил.

— Что ты намерен предпринять? — небрежно спросил он.

Я мог бы ответить, что еще не решил, что я счастлив, оказавшись на свободе, что мне ничего не надо...

И он тут же понял бы, что я вру и не краснею. Бенедикт знал меня как облупленного.

— Ты знаешь, что я намерен предпринять, — ответил я.

— Если ты попросишь меня о помощи, я откажу. Эмбер переживает тяжелые времена, и нечего устраивать в нем грызню за власть.

— Эрик — узурпатор.

— Я предпочитаю видеть в нем регента. Любой из нас, попытайся он сейчас захватить трон, будет узурпатором.

— Значит, ты веришь, что отец жив?

— Я знаю, что Оберон жив и попал в беду. Он несколько раз пытался со мной связаться.

На моем лице не дрогнул ни один мускул. Значит, я был не единственным. Расскажи я о нашем с отцом разговоре, меня назвали бы лжецом и обвинили бы в лицемерии — пять лет назад он практически приказал мне занять трон.

— Ты не поддержал Эрика, когда он объявил себя королем. — Я пылливо посмотрел на Бенедикта. —

Скажи, ты *окажешь* ему помощь, если будет сделана попытка скинуть его с престола?

— Я уже говорил, что считаю его регентом. И независимо от моего к нему отношения, я не хочу междоусобиц в Эмбере.

— Следовательно, ты *окажешь* ему помощь.

— Я сказал все, что хотел сказать. Ты волен оставаться в Авалоне, сколько пожелаешь, но я не позволю использовать его как плацдарм для нападения на Эмбер. Это ясно?

— Вполне.

— Вот и отлично. А раз мы так хорошо поняли друг друга, ответь мне, ты все еще намерен здесь остаться?

— Не знаю. Твое желание избежать междоусобиц дает гарантии только Эрику?

— Не понимаю. Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что во имя спокойствия ты можешь принять решение вернуть меня в Эмбер силой. Но если со мной попытаются сделать то, что уже один раз сделали, я натворю таких бед, перед которыми любые междоусобицы покажутся тебе веселым пикником.

Бенедикт покраснел и опустил глаза.

— Я не хотел сказать, что предам тебя, Корвин. Неужели ты думаешь, у меня нет сердца? Я не допущу, чтобы по моей вине ты попал в тюрьму или ослеп... если не хуже. И я с радостью приму тебя как гостя, но только оставь, пожалуйста, и свое тщеславие, и свой страх на границе моего государства.

— В таком случае я остаюсь, — сказал я. — У меня нет армии, и я не собираюсь набирать ее в Авалоне.

— Я рад.

— Спасибо, Бенедикт. Хоть и не ожидал тебя здесь увидеть, я тоже рад нашей встрече.

Он снова покраснел и кивнул.

— Взаимно. Неужели я первый из нас, с кем ты встретился после побега?

— Да. И меня интересует, как поживают мои братья и сестры. Что новенького?

— Никто не умер.

Оба мы усмехнулись, и я понял, что Бенедикт не собирается со мной откровенничать. Он вообще не любил сплетен и слухов и предпочитал больше молчать. Что ж, его право.

— Я останусь в районе пещер еще на неделю, — сообщил он после непродолжительного молчания. — Хочу убедиться, что все в порядке.

— Разве это не очевидно?

— Думаю, да, но я не хочу рисковать. Неделя — не срок, а я должен быть уверен, что с ведьмами покончено.

— Осмотрительность... — пробормотал я.

— ...и если ты не жаждешь жить походной жизнью, отправляйся прямо в Авалон. Неподалеку от города у меня есть небольшое поместье. Надеюсь, оно тебе понравится.

— Спасибо, Бенедикт.

— Утром я набросаю тебе карту местности и дам письмо управляющему, а когда покончу с делами, приеду и тоже как следует отдохну.

— Вот и отлично.

— Тогда подыщи себе в лагере место для ночлега и ложись спать. Смотри, не пропусти завтрак.

— Постараюсь. Ты не возражаешь, если мы устроимся на ночь там, где оставили седельные сумки?

— О чем ты говоришь! — воскликнул он, и мы допили вино.

Выходя из палатки, я высоко поднял полог и сжал большой кусок полотна в руке. Бенедикт пожелал нам доброй ночи и вернулся к столу, не заметив образовавшегося сбоку отверстия.

Я соорудил постель справа от седельных сумок и постепенно стал их подтаскивать, роясь в вещах. Ганелон с любопытством на меня посмотрел. Я кивнул и указал глазами на палатку. Он задумался, кивнул в ответ и тоже постелил правее.

Я прикинул расстояние на глазок, подошел к своему спутнику и громко спросил:

— Не возражаешь, если мы поменяемся местами? Мне здесь больше нравится. — Для полной ясности я ему подмигнул.

— Мне безразлично, — так же громко ответил Ганелон и пожал плечами.

Одни костры погасли, другие угасали — солдаты улеглись спать. Часовые не обращали на нас внимания, в лагере было тихо, на небе — ни облачка, лишь слепящая синева звезд. Запах дыма и влажной земли приятно щекотал мне ноздри, напоминая об иных временах. Я очень устал.

Но вместо того чтобы закрыть слипающиеся глаза, я положил под голову жесткую седельную сумку, набил трубку и закурил.

Мне дважды пришлось переменить позу — Бенедикт все время ходил по палатке и на какое-то время вообще исчез из поля зрения. Очевидно, он копался в сундучке, потому что свет дальней лампы заколебался. Затем Бенедикт подошел к столу, освободил его от посуды, отошел куда-то, вернулся и сел на старое место. Я изогнул шею, стараясь не терять из виду его левую руку.

Он листал небольшую книжку или...

Карты?

Естественно.

Дорого бы я дал, чтобы узнать, какую карту он вытащил из колоды и положил перед собой. Дорого бы я дал и за Грейсвандир — на тот случай, если в палатке появится человек, вошедший не через тот полог, в котором я сделал такое удобное отверстие. Я почувствовал зуд в ладонях и в подошвах ног, как бывает у меня перед битвой.

Но в палатке никто не появился.

Бенедикт сидел не шевелясь, минут пятнадцать, а затем собрал карты в колоду, запер ее в сундучок и погасил свет.

Часовые продолжали обход. Ганелон храпел.

Я выколотил трубку, повернулся на бок и устроился поудобнее.

«Завтра, — сказал я сам себе. — Если завтра я проснусь живым и невредимым, все будет в порядке».

5

Я сосал пустой стебелек и смотрел, как крутится мельничное колесо. Я лежал на животе на берегу ручья, подперев голову руками. От брызг и пены в воздухе стоял туман, в котором сверкала маленькая радуга, и до меня изредка долетали капли воды. Мерное плескание, шум колеса заглушали все звуки в лесу. На мельнице сегодня никто не работал, и я испытывал наслаждение, глядя на нее, — много веков не видел я ничего подобного. Смотреть на колесо и слушать плеск воды было так приятно, что я чуть не впал в гипнотическое состояние.

Мы жили в поместье Бенедикта третий день, и Ганелон ушел в город на поиски развлечений. Я остался, потому что был там позавчера и узнал все, что мне было нужно. Пришла пора действовать. Из лагеря Бенедикта мы уехали беспрепятственно, после того как он угостил нас завтраком и дал обещанные карту местности и письмо к управляющему. Мы отправились в путь с восходом солнца, а к полудню уже прибыли в небольшой уютный домик, где нас любезно приняли и показали отведенные нам комнаты. Мы быстро привели себя в порядок, ушли в город и остались в нем до вечера.

Бенедикт должен был вернуться в конце недели. Мне необходимо спешить, чтобы закончить с делами до его возвращения и успеть вовремя унести ноги.

Страна, в которую я попал, удивительно напоминала мне прежний Авалон, и если бы не засевавшая в голове мысль, превратившаяся в навязчивую идею, я наслаждался бы покоем и чувством свободы. Но я ничего не мог с собой поделать. Стоило мне ненадолго отвлечься, и я вновь ловил себя на том, что строю всевозможные планы.

Мне предстояло совершить небольшое путешествие. Если выйдет так, как я задумал, и никто о нем не узнает, я решу сразу две проблемы. Правда, мне не удастся уложиться за ночь, но я проинструктировал Ганелона на тот случай, если мое отсутствие будет замечено.

Колесо равномерно скрипело, голова моя кивала в такт. Я попытался как можно отчетливее представить то место, куда собирался сегодня отправиться, — цвет и фактуру песка, чуть заметный запах соли в воздухе, облака на небе...

Затем я уснул и увидел сон, не имеющий ни малейшего отношения к тому, о чем я думал.

Мне приснилось, что я вижу огромное колесо рулетки, на котором были мы все: мои братья, мои сестры, я сам и другие люди, которых я знаю или когда-то знал, и что каждый из нас подпрыгивал в отведенной для него лунке. Все мы требовали, чтобы колесо немедленно остановили, и вскрикивали, опускаясь сверху вниз. Колесо начало замедлять свой бег, поднимая меня все выше и выше, и я увидел белобрысого паренька. Он висел передо мной головой вниз, грозя и умоляя, но голос его почти не был слышен в общей какофонии звуков. Лицо мальчишки потемнело, исказилось, налилось кровью так, что стало страшно, и я рубанул по веревке, которой он был привязан за лодыжку, глядя, как его тело падает и исчезает из виду. Колесо почти остановилось, и я увидел Лорен. Она отчаянно жестикулировала, звала меня, выкрикивала мое имя. Я наклонился и увидел ее ясно-ясно. Во мне проснулось желание обладать этой женщиной, помочь ей как можно скорее. Но колесо продолжало вращаться, и она скрылась.

— Корвин!

Я решил не обращать внимания на ее крики. Когда я окажусь наверху, то постараюсь заклинить эту проклятую штуковину, даже если падение грозит мне гибелью. Я приготовился к прыжку. Еще немного...

— Корвин!

На какое-то мгновение рулетка потеряла свои очертания, и ее колесо, мелькавшее у меня перед глазами, превратилось в мельничное. Голос, звучавший у меня в ушах, растворился в шуме воды.

Я несколько раз моргнул и пригладил волосы. На землю посыпались одуванчики, а за моей спиной кто-то захихикал.

Я быстро повернул голову.

Она стояла в дюжине шагов от меня — высокая стройная девушка, черноглазая, с коротко подстриженными каштановыми волосами. Она была в куртке для фехтования, в правой руке держала

рапиру, а в левой — маску. Незнакомка смотрела на меня и смеялась. У нее были ровные белые зубы, довольно крупные, и веснушки на маленьком носу и высоких скулах. В ней чувствовалась жизненная сила, которая привлекает больше, чем женственность. В особенности такого умудренного опытом старца, как я.

— En garde, Корвин! — сказала она, отсалютовав.

— Какого дьявола! Кто ты такая? — спросил я и неожиданно увидел, что рядом со мной лежит такой же фехтовальный костюм, как у нее.

— Я не скажу ни слова, пока не закончится наш поединок, — ответила она, надев маску и становясь в позицию.

Я нехотя поднялся на ноги. Мне было ясно, что проще удовлетворить ее просьбу, чем спорить. Пусть позабавится. Меня лишь тревожило, что она знает мое имя; и чем больше я на нее смотрел, тем больше ее лицо казалось мне знакомым.

— Будь по-твоему, — сказал я, натянул жилет, поднял рапиру, надел маску и сделал несколько шагов вперед.

Она пошла навстречу, и наши рапиры скрестились. Я позволил ей начать атаку.

Она сделала вид, что собирается нанести прямой удар, а потом неожиданно нанесла его. Неплохо! Ответ мой был в два раза быстрее, но она парировала. Я начал медленно отступать, выманивая ее на себя. Она засмеялась и кинулась в атаку. Фехтовала она просто великолепно и, зная это, старалась показать все, на что была способна. Мне совсем не понравилось, когда ей дважды чуть не удалось пробить мою защиту одним и тем же ударом, а когда на третий раз я встретил ее рапиру батманом снизу, она не по-женски (хоть и не грубо) выругалась, как бы признавая мое превосходство, и тут же вновь атаковала. Я никогда не любил фехтовать с женщинами, независимо от их мастерства, но сейчас понял, что получаю огромное удовольствие. Ее изящество, грациозность и агрессивный стиль боя сказали мне многое о характере этой девушки. Сначала я думал, что мне удастся быстро измотать ее, заставить признать себя побежденной, а потом как следует расспросить. Сейчас же я понял, что не хочу заканчивать поединка.

По-видимому, она не знала, что такое усталость, и это тоже наводило на размышления. Я потерял счет времени, передвигаясь взад и вперед по берегу ручья. Сталь звенела.

В конце концов она опустила рапиру, сделала шаг назад, стукнула каблук сапог, соединив ноги, и отсалютовала недрогнувшей рукой.

— Спасибо, — Дышала она все-таки тяжело.

Я отсалютовал в ответ, снял маску, расстегнул застёжки жакета и совсем не заметил, как она подошла ко мне и неожиданно чмокнула в щеку. Ей даже не пришлось становиться на цыпочки. Не давая мне опомниться, девушка взяла меня за руку и повела за собой.

— Я принесла корзинку для пикника, — сообщила она.

— Прекрасно. Я голоден, как волк. И любопытен, как...

— Я отвечу на любой твой вопрос, — весело заявила она.

— В таком случае, как тебя зовут?

— Дара. Мне дали это имя в честь моей бабушки, — она бросила на меня многозначительный взгляд, словно я должен был понимать, о чем идет речь, и, не желая ее разочаровывать, я кивнул.

— Дара, — повторил я. — Скажи, почему ты решила, что я — Корвин?

— Но ведь ты — Корвин! Я тебя сразу узнала!

— Откуда?

— Вот она где! — Девушка отпустила мою руку, наклонилась и подняла корзинку, стоявшую на выступающих корнях деревьев. — Надеюсь, муравьи туда не забрались. — Она подошла ближе к берегу, выбрала место в тени и расстелила на земле полотенце.

Я повесил фехтовальный костюм на ближайший куст.

— Как ты умудрилась притащить на себе столько вещей? — спросил я.

— Моя лошадь привязана за поворотом ручья. — Она мотнула головой и принялась распаковывать корзинку.

— Почему?

— Я хотела подойти к тебе незаметно. Если б ты услышал стук копыт, сразу бы проснулся.

— Логично.

Она сделала вид, что глубоко задумалась, но не выдержала и захихикала.

— А в первый раз ты меня не заметил. Я...

— В первый раз? — переспросил он. Ей ведь очень хотелось, чтобы я задал этот вопрос.

— Да. Я чуть было на тебя не наехала. Ты так сладко спал! Я тебя сразу узнала и вернулась домой за корзинкой для пикника и фехтовальными костюмами.

— Понятно.

— А теперь садись к столу. И открой бутылку с вином, если не трудно.

Она поставила бутылку рядом со мной, развернула большую салфетку и достала два хрустальных бокала.

— Это — любимые бокалы Бенедикта, — заметил я, усаживаясь и откупоривая бутылку.

— Да. Наливай осторожнее. Чокаться не будем.

— Согласен.

Я наполнил бокалы, и она тут же произнесла тост:

— За встречу друзей!

— Каких друзей?

— Нас с тобой.

— Мы никогда не встречались.

— Не будь занудой, — сказала она и выпила.

— Что ж, за встречу друзей!

Потом мы дружно принялись за еду. Она так упоенно играла роль загадочной женщины, что мне невольно захотелось ей подыграть.

— Где же мы все-таки встречались? задумчиво спросил я. — При дворе великого царя? Или в гареме...

— Или в Эмбере, — ответила она. — Ты...

— В Эмбере?! — Я вовремя вспомнил, что держу любимый бокал Бенедикта, и выразил обуревавшие меня чувства голосом. — Скажи мне, кто ты?

— Ты был таким красивым, уверенным в себе, тобой восхищались все девушки. А я стояла в сторонке, серенькая, маленькая мышка, и поклонялась тебе издали. Серенькая, маленькая, невзрачная Дара, гадкий утенок — спешу заметить, превратившийся в белого лебедя, — влюбленная по уши, с разбитым сердцем...

— И с... — я сказал непристойность, а девушка рассмеялась.

— Разве мы не там познакомились? — невинно спросила она.

— Нет. — Я взял бутерброд с говядиной. — Кажется, впервые я увидел тебя в публичном доме. У меня болела спина, я был в стельку пьян...

— Ты не забыл, любимый! — вскричала она. — Но там я только подрабатывала. Днем приходилось объезжать диких лошадей, чтобы не умереть с голоду.

— Сдаюсь, — сказал я и налил себе полный бокал вина.

Больше всего меня раздражало, что эта девушка действительно казалась мне знакомой. Но ведь и по поведению, и по внешнему виду ей нельзя было дать больше семнадцати. Мы не могли встречаться.

— Фехтовать тебя научил Бенедикт? — спросил я.

— Да.

— Кто он тебе?

— Конечно, любовник. Он одарил меня мехами, осыпал бриллиантами и между делом научил фехтовать. — Она вновь засмеялась.

Я продолжал изучать ее лицо.

Да, это было возможно...

— Печально мне, — сказал я.

— Почему?

— Бенедикт не дал мне пирожок.

— Пирожок?

— За сообразительность. А сейчас — поздно. Ведь ты его дочка, верно?

Она покраснела.

— Нет. Но ты почти угадал.

— Внучка?

— Э-э-э... не совсем.

— Прости, не понимаю.

— Он любит, когда я называю его дедушкой. На самом деле Бенедикт мой прадед, отец моей бабушки.

— Вот оно что. А с кем ты живешь в поместье, когда Бенедикт уезжает?

— Одна.

— Где же твои мать и бабушка?

— Они погибли.

— То есть как?

— Умерли насильственной смертью. Их убили, когда Бенедикт находился в Эмбере, и с тех пор он ни разу там не был. Я думаю, он не хочет оставлять меня без присмотра, хоть и понимает, что в обиду я себя не дам. Ты тоже мог в этом убедиться.

Я кивнул. Теперь мне было ясно, почему Бенедикт решил стать Протектором Авалона. Он не мог жить с Дарой в Эмбере. Более того, он не имел права говорить о ее существовании никому из нас, включая меня, — слишком велика была вероятность, что его начнут шантажировать. А следовательно...

— Я думаю, Бенедикт, уезжая, запретил тебе появляться в поместье, — сказал я. — Он будет недоволен, что ты не послушалась.

— Ты такой же, как он! Я уже не ребенок!

— Разве я сказал, что ты ребенок? Но ведь Бенедикт уверен, что ты живешь там, куда он тебя отвез. Верно?

Она ничего не ответила, и наша трапеза продолжалась в неловком молчании. Я решил переменить тему разговора.

— И все-таки, откуда ты меня знаешь?

Она дожевала бутерброд, выпила глоток вина и усмехнулась.

— Я видела твой портрет.

— Какой портрет?

— На гадальной карте. Когда я была маленькой, мы с дедом часто играли в карты. Я знаю всех своих родственников — тебя, Эрика, мужчин со шпагами, женщин в красивых платьях. Поэтому..

— У тебя есть своя колода?

— Нет. — Она тяжело вздохнула. — Дед не разрешает мне трогать карты, хотя у него много колод.

— Вот как? А где они лежат?

Она посмотрела на меня, прищурившись. Черт побери! Неужели я разучился блефовать?

— Одну колоду он всегда носит с собой. Где остальные, я не знаю. Зачем тебе? Если ты захочешь увидеть портреты своих братьев и сестер, разве он тебе откажет?

— Вряд ли я обращусь к нему с такой просьбой, — сказал я. — Ты хоть понимаешь истинное значение карт?

— Мне никогда не разрешали долго на них смотреть. Я догадываюсь, что карты нарисовали с определенной целью, но не знаю с какой. Скажи, они действительно имеют особое значение?

— Да.

— Так я и думала. Дед над ними прямо трясется. А у тебя есть своя колода?

— Да. Но я дал ее взаймы.

— Понятно. А сейчас она тебе понадобилась для дел зловещих и покрытых мраком тайны.

Я пожал плечами.

— А сейчас она мне понадобилась для дел обыденных и скучных.

— Для каких это?

Я покачал головой.

— Если Бенедикт не объяснил тебе, как пользоваться картами, не жди, что я открою их секрет.

Она надула губы.

— Ты его просто боишься.

— Я очень уважаю Бенедикта и люблю, как брата.

Она засмеялась.

— Разве он владеет шпагой лучше, чем ты?

Я отвернулся. Должно быть, Дара только что вернулась домой и не слышала последних известий. Все горожане знали, что Бенедикт лишился руки. Но я не стану тем человеком, который первым сообщит ей эту новость.

— Понимай, как знаешь, — ответил я. — Кстати, где ты живешь, когда Бенедикт уезжает по делам?

— В небольшой деревушке высоко в горах. Дед часто оставляет меня со своими друзьями — семьей Текисов. Ты не знаешь, кто такие Текисы?

— Нет.

— У этой деревушки нет названия, поэтому я так и называю ее — деревушка. И люди в ней живут какие-то странные. Они как бы... молятся на нас. Смотрят на меня как на святую и ничего не говорят, даже когда я спрашиваю. Путь до деревушки близкий, но небо там чужое, горы чужие — все чужое! — а вернуться домой невозможно. Я много раз пыталась удрать и терялась в горах. А потом меня находил дед, и сразу идти становилось легко, и я узнавала знакомые места. Текисы исполняют все его приказания, ловят каждое его слово, будто он Господь Бог.

— Для них он Бог.

— Ты ведь сказал, что не знаешь Текисов.

— Да, но я знаю Бенедикта.

— Скажи, в чем тут дело? Почему дед никогда и нигде не заблудится, а я вечно не могу найти дороги?

Я покачал головой:

— Это ты скажи, как тебе удалось вернуться на этот раз.

Дара допила вино, протянула мне пустой бокал. Она сидела, не шевелясь, склонив голову на правое плечо, нахмутив брови. Ее отсутствующий взгляд был устремлен вдаль.

— Сама не знаю. — Она машинально поднесла бокал к губам и сделала глоток. Затем взяла в левую руку нож и начала рассеянно вертеть его. — Не пойму, как это получилось. Я была злая. Злая, как черт. Он опять отправил меня в деревушку, как нашкодившую девчонку. Я сказала, что пойду на войну и буду драться с ним бок о бок, но он усадил меня на коня и отвез в горы. Я не знаю, какой дорогой мы ехали, а ведь я родилась и выросла в Авалоне и мне знакомы здесь каждая тропинка, каждый кустик. Я изъездила сотни лиг во всех направлениях, а тут и оглянуться не успела, как оказалась у Текисов. В последний раз я была у них несколько лет назад и сейчас, став старше, поклялась, что вернусь домой самостоятельно.

Все так же машинально она стала ковырять землю ножом.

— Я дождалась полуночи и попыталась определить направление по звездам. У меня возникло такое ощущение, что я сплю наяву. Звезды были другими. Я не увидела ни одного знакомого созвездия. Тогда я вернулась в дом. Мне было немного страшно, и я не знала, что делать. Весь следующий день я приставала к Текисам с вопросами, а когда они перестали отвечать, стала расспрашивать деревенских жителей. Это было похоже на дурной сон. Либо они были непроходимо глупы, либо не хотели ничего говорить, либо намеренно меня обманывали. Они просто не понимали, о чем идет речь и куда я хочу попасть. В эту ночь я опять вышла посмотреть на звезды, думая, что ошиблась. Ошибки не было.

Дара разгладила землю ножом, начала чертить какие-то линии. Казалось, она не замечает, что делает.

— В течение нескольких дней я пыталась найти дорогу домой. Сначала я решила, что вернусь по следам лошадей. Но следы исчезли. Тогда я сделала единственное, что пришло мне в голову: каждое утро уезжала в каком-нибудь направлении, а к полудню возвращалась в деревушку. Я вновь изъездила сотни лиг, но так и не увидела ни одного знакомого места. Это сводило меня с ума. Я стала плохо спать ночами, но мое решение вернуться в Авалон оставалось непреклонным. Дед должен был понять, что только маленькие дети послушно стоят в углу и ждут, когда их простят. Я же вышла из этого возраста.

Прошла неделя. Я стала спать еще хуже, меня замучили кошмары. Тебе когда-нибудь снилось, что ты бежишь, бежишь и никуда не можешь прибежать? Именно такие ощущения я и испытывала, но только снилась мне горящая паутина. Правда, это была не паутина, без паука, и она не горела. Я все ходила и ходила вокруг паутины и внутри нее, но одновременно не двигалась, а стояла на месте. Я понимаю, что говорю глупости, но мне не передать своих ощущений словами. И мне хотелось идти по этой паутине, не останавливаясь. Утром я просыпалась разбитой, как будто всю ночь занималась тяжелым физическим трудом. Кошмары эти снились мне много дней подряд и с каждым разом становились все реальнее.

Сегодня я проснулась рано, отчетливо помня свой сон, и неожиданно поняла, что смогу вернуться домой. В какой-то полудреме я оседлала коня и поскакала, не останавливаясь и не обращая внимания на дорогу. Я думала только об Авалоне — местность становилась все более знакомой, и неожиданно я оказалась там, где хотела. Деревушка, Текисы, чужие звезды, горы исчезли, как дым. Я бы не смогла сейчас вернуться. Разве это не странно? Ты можешь объяснить, что со мной произошло?

Я поднялся, обошел полотенце с остатками завтрака и сел рядом с Дарой.

— Ты помнишь, как выглядела горящая паутина, которая не была паутиной и не горела? — просил я.

— Примерно помню.

— Дай мне нож.

Она протянула его рукояткой вперед, и я принялся менять рисунок, который она машинально чертила

на земле. Одни линии я стер, другие продолжил и, закончив работу, отложил нож в сторону и посмотрел на девушку. Долгое время она молчала, затем произнесла тихим голосом:

— Да, это она. Но откуда ты знаешь? Как ты узнал мой сон?

— Все, что ты видела, — ответил я, — заключено в твоих генах. Как и почему — я не знаю. Но твой сон доказывает, что ты — истинная дочь Эмбера. Ты вернулась домой, путешествуя по отражениям. Приснился тебе Великий Лабиринт Эмбера. Пользуясь его силами, те, у кого в жилах течет королевская кровь, получают власть над отражениями. Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Очень смутно. А по правде говоря, ничего не понимаю. Я слышала, как дед проклинал отражения, но никогда не задумывалась, что он имеет в виду.

— Тогда ты не можешь знать, где находится Эмбер.

— Да. На этот вопрос дед всегда отвечал уклончиво. Он много рассказывал о великом городе и о нашей семье, но я даже не знаю, в каком направлении идти, чтобы попасть в Эмбер.

— В любом, — ответил я. — Это не играет роли. Нужно только...

— Да, конечно! — воскликнула она, не дав мне договорить. — Совсем забыла, но Бранд говорил то же самое. Я думала, он шутит.

— Бранд! Он здесь?

— Очень давно. Бранд часто навещал нас, когда я была маленькой. Помню, я тогда влюбилась в него без памяти и надоедала ему самым бессовестным образом. Он знал множество забавных историй, учил меня разным играм...

— Когда ты видела его в последний раз?

— Лет восемь-девять назад.

— Кроме Бранда, ты знаешь каких-нибудь родственников?

— Конечно. Совсем недавно у нас гостили Джулиан и Жерар.

Мне стало не по себе. Слишком уж о многом умолчал Бенедикт. Лучше бы он солгал; тогда, по крайней мере, было бы на что злиться. Но на мою беду, Бенедикт был слишком честен. Да, придется мне попотеть, когда я отправлюсь за камушками. Затем надо будет провернуть еще одно дельце... Времени у меня осталось меньше, чем я думал. Проклятье!

— А раньше ты была с ними знакома?

— Нет. — Она тяжело вздохнула. — Дед запретил мне говорить, что я его правнучка. И отказался объяснить почему. Надоело!

— Можешь не сомневаться, у него были на то веские причины.

— Понимаю. И все равно обидно, ведь я всю жизнь мечтала познакомиться со своими родственниками. А ты знаешь, почему он не позволил мне сказать правду?

— Для Эмбера настали тяжелые времена. Обстановка сейчас беспокойная и вряд ли улучшится в ближайшее время. Если о правнучке Бенедикта ничего не будут знать, ее никто не тронет. Он заботится о тебе, пытается оградить от крупных неприятностей.

Девушка презрительно фыркнула.

— Я не нуждаюсь в его заботах! Я могу сама о себе позаботиться!

— Да, фехтуешь ты неплохо. К несчастью, жизнь — штука сложная и состоит не только из дуэлей по правилам.

— Не надо меня учить! Я не маленькая! Но...

— Никаких «но»! На месте Бенедикта я поступил бы точно так же. Помимо тебя, он защищает свои собственные интересы. Удивительно, что он открылся Бранду. Погоди, когда дед узнает, что мы знакомы, он до потолка подпрыгнет от ярости!

Она вздрогнула и изумленно на меня посмотрела.

— Почему? Ты не причинишь нам вреда. Мы... родственники...

— Откуда ты знаешь, что я думаю, зачем пришел? Какого черта! Может быть, и ты, и твой дед сейчас находитесь в полной моей власти!

— Ты... шутишь... Это ведь шутка, правда?

— Не знаю. Если б я задумал что-нибудь нехорошее, зачем бы я стал тебя предупреждать?

— Да... конечно.

— Сейчас ты услышишь от меня то, что Бенедикт должен был сказать тебе давным-давно. Никогда не доверяй родственникам. Они хуже случайных знакомых. По крайней мере, с первым встречным ты можешь чувствовать себя в относительной безопасности.

— Ты говоришь серьезно?

— Да.

— Но ведь ты — мой родственник. Значит, тебя я тоже должна бояться?

Я улыбнулся.

— Ну что ты! Я — образец добродетели; человек честный, благородный и очень добрый. Верь мне во всем.

— Я верю, — простодушно сказала она, и я засмеялся. — Но я действительно тебе верю! Я знаю, ты не причинишь нам вреда!

— Расскажи мне о Джулиане и Жераре. — Я переменял тему разговора, испытывая некоторую неловкость. Впрочем, я всегда чувствую себя не в своей тарелке, когда люди начинают слишком сильно мне доверять. — Зачем они пришли к Бенедикту?

Она пылливо посмотрела на меня, словно пытаясь прочесть мои мысли, и после непродолжительного молчания сказала:

— Ты прав, я слишком много болтаю. Совсем забыла об осторожности. Теперь твоя очередь отвечать на вопросы.

— Прекрасно! Скоро тебе ни один родственник не будет страшен! Что ты хочешь узнать?

— Где находится деревушка? И Эмбер? Что между ними общего? Почему в Эмбер можно попасть независимо от того, в каком направлении ты идешь? О каких отражениях ты говорил?

Я поднялся на ноги, посмотрел на Дару сверху вниз и протянул ей руку. Девушка робко взяла ее, встала и испуганно на меня посмотрела. В эту минуту она выглядела совсем юной.

— Куда ты...

— Пойдем. — Я подвел ее к тому месту, где спал, и повернул лицом к мельничному колесу. Она попыталась что-то сказать, но я остановил ее жестом. — Смотри. Смотри и ни о чем не думай.

Мы смотрели на шумящую, пенящуюся воду, и я привел свои мысли в порядок. Затем взял девушку за локоть и повел в лес.

Мы шли среди деревьев, и облака поплыли по небу, а тени удлинились. Птичьи голоса зазвучали громче, от земли парило. Листья поменяли форму, листва стала гуще. Появилось желтое солнце, за поворотом дороги росли виноградные лозы. Птичьи голоса окончательно охрипли. Тропинка, посыпанная галькой, поднималась в гору. Где-то далеко сзади слышался гул, от которого дрожала земля. Мы вышли на открытое место под бирюзовым небом и вспугнули бурую ящерицу, гревшуюся на большом камне.

— Куда это мы попали? — спросила Дара. — Никогда не была здесь раньше.

Я ничего не ответил — слишком был занят тем, что менял отражения.

Мы вновь очутились в лесу, на сей раз тропическом, стоявшем на высоком холме. Повсюду росли гигантские папоротники, птичий гам сменился жужжаньем, шипеньем, тьяканьем. Гул усилился, земля

дрожала сильнее. Дара схватила меня за руку. Она больше не задавала вопросов и буквально пожирала глазами окружающий пейзаж, стараясь ничего не упустить из виду. Большие желтые цветы кивали головками, роняя капли росы с лепестков. Жара стояла такая, что мы взмокли от пота.

Гул перешел в мощный рев, мы вышли из леса и остановились на краю пропасти. Рев превратился в грохот, подобный раскатам грома.

Он падал с высоты в тысячу футов — водопад, бивший по реке, как молот по наковальне. Внизу кружили водовороты, вздымались брызги, летела пена. На другом берегу, в полумиле, окутанное туманной дымкой и расцвеченное радугой, похожее на остров, сплюснутый ударом титана, медленно вращалось, сверкая и переливаясь, гигантское мельничное колесо. Огромные птицы с распростертыми крыльями парили высоко в небе, напоминая кресты.

Мы стояли довольно долго, глядя на величественную картину, открывшуюся нашему взору. Разговаривать было невозможно, и меня это вполне устраивало. Затем Дара оторвала взгляд от мельничного колеса и вопросительно на меня посмотрела. Я кивнул, повернулся и пошел в сторону леса. Мы довольно быстро вернулись туда, откуда пришли.

Возвращались мы той же дорогой, и пока шли, Дара не произнесла ни слова. Вероятно, она поняла, что я — виновник происходящих вокруг перемен, и не хотела мне мешать.

Заговорила она, когда мы очутились на берегу ручья, напротив маленького мельничного колеса, которое неспешно вращалось.

— Значит, между деревушкой и тем местом, где мы были, нет разницы?

— Да. И то и другое — отражения.

— Эмбер тоже?

— Нет. Эмбер отбрасывает отражения, которым нет числа. То место, где мы были, — отражение, деревушка — отражение, и *сейчас* мы находимся на отражении. Любой мир, который ты можешь себе представить, существует и называется отражением.

— ...И ты, и дедушка, и все остальные ходят по этим отражениям и выбирают то, которое понравится?

— Да.

— И мне удалось убежать из деревушки таким же образом?

— Да.

Она поняла все, что я сказал, — это у нее на лице было написано. Густые черные брови ее сдвинулись, тонкие ноздри раздулись.

— Тогда... и я так могу... ходить где угодно, делать что захочется!

— Это в твоих силах.

Она кинулась мне на шею, расцеловала, а затем закружилась, как девчонка, разметав волосы по изящной шее.

— Значит я могу все!

— Возможности наши не безграничны... опасности...

— Это жизнь! Скажи, как мне научиться управлять отражениями?

— Ключ к пониманию — Великий Лабиринт Эмбера, выложенный огненным узором на полу большой комнаты в подземельях дворца. Ты должна выдержать испытание — дойти до центра Лабиринта, не останавливаясь и никуда не сворачивая, иначе погибнешь. Только тогда ты получишь власть над отражениями и сможешь сознательно управлять ими.

Дара подбежала к полотенцу с остатками завтрака и склонилась над рисунком, который я начертил на земле.

— Я должна попасть в Эмбер и пройти Лабиринт! — воскликнула она, когда я подошел и встал рядом

с ней.

— Безусловно. И рано или поздно Бенедикт тебе в этом поможет.

— Сейчас! Немедленно! Почему он никогда ничего мне не говорил?

— Потому что ситуация сложная, и ни тебе, ни Бенедикту нельзя показываться в Эмбере. Слишком опасно. Придется подождать.

— Это нечестно! — Она резко повернулась и посмотрела мне в глаза.

— Конечно, нечестно, — согласился я. — Такова жизнь. Я здесь ни при чем.

Последняя моя фраза прозвучала не совсем искренне. Неудивительно, если учесть, что в сложившейся ситуации виноват был именно я.

— Лучше бы ты ничего мне не говорил, раз уж мне не суждено получить то, чего я хочу.

— Ну-ну, не надо так мрачно. Положение в Эмбере нормализуется, причем в ближайшее время.

— А как я об этом узнаю?

— Тебе скажет Бенедикт.

— Как бы не так! Ты, кажется, мог убедиться, что он не считает нужным просвещать меня!

— А зачем? Чтобы ты лишний раз поволновалась? Ты только что сказала, что лучше бы я ничего тебе не говорил. Поверь, Бенедикт тебя любит и заботится о твоём благополучии. Придет время, и он займется твоим воспитанием.

— А если нет? Ты мне поможешь?

— Сделаю все, что в моих силах.

— А как мне тебя найти?

Я улыбнулся. Я не искал себе выгод, начиная этот разговор. То, что Дара решила мне довериться, получилось само собой. И совсем необязательно выкладывать ей все начистоту. Кое-что, правда, объяснить придется, чтобы она была у меня в долгу. Позже Дара может мне пригодиться...

— Портреты на картах, — сказал я, — нарисованы отнюдь не из сентиментальных побуждений. С их помощью мы можем общаться друг с другом. Достань из колоды мою карту, сосредоточься, постарайся выкинуть все мысли из головы. Представь себе, что я стою перед тобой, и начинай говорить. Я отвечу.

— Когда я играла с картами, дед никогда не разрешал мне смотреть на них подолгу.

— Естественно.

— А почему они обладают такими свойствами?

— Знаешь что, об этом мы поговорим как-нибудь в другой раз. Но услуга за услугу. Ты не забыла? Я рассказал тебе об Эмбере и отражениях, а ты ответь мне на вопрос о Жераре и Джулиане.

— Хорошо, — сказала она. — Однажды утром, пять-шесть месяцев назад, дедушка подрезал деревья в саду — он всегда делает это сам, — а я ему помогала. Он стоял на стремянке, орудуя секатором, и внезапно замер, как бы к чему-то прислушиваясь. Затем я услышала, как он разговаривает — не бормочет себе под нос, а именно разговаривает. Сначала я подумал, что он обратился ко мне с просьбой, а я не расслышала. Я спросила, в чем дело, но он не обратил на меня внимания. Теперь я понимаю, что он беседовал с человеком, который связался с ним по карте, скорее всего Джулианом. Тогда же мне было невдомек, почему дед бросил все дела и сказал, что ему необходимо отлучиться на день-другой. Он предупредил меня, что в его отсутствие могут приехать Джулиан и Жерар и что я должна представиться им как осиротевшая дочь старого преданного слуги Бенедикта, которую он взял на воспитание. Дед уехал, ведя в поводу двух лошадей. Он был вооружен до зубов.

— Вернулся он глубокой ночью, вместе с Жераром и Джулианом. Жерар находился в полубредовом состоянии, левая его нога была сломана, левый бок — в синяках и царапинах. Джулиан тоже выглядел изрядно потрепанным. Они гостили у нас примерно месяц — меня поразило, как быстро Жерар

выздоровел, — а затем взяли двух лошадей и уехали. Больше я их не видела.

— Они не говорили, что с ними случилось?

— Сказали мимоходом, что попали в какую-то переделку. Со мной на эту тему не разговаривали.

— Где это произошло? Не знаешь?

— На черной дороге. Я ясно слышала, как они несколько раз упоминали черную дорогу.

— Где она находится?

— Понятия не имею.

— Что о ней говорили?

— Ничего особенного. Проклинали на все лады.

Я взглянул на остатки нашего завтрака, увидел, что в бутылке осталось вино, наклонился и наполнил бокалы.

— За встречу друзей! — сказал я и улыбнулся.

— За встречу друзей! — согласилась Дара.

Мы выпили.

Она принялась упаковывать корзинку, и я стал помогать ей, вспомнив о том, что время не ждет. Мне не терпелось отправиться в путь.

— Когда можно с тобой связаться? — спросила Дара. — Долго мне ждать?

— Не очень. Дай мне три месяца, и я тебе помогу.

— Где ты будешь через три месяца?

— Надеюсь, в Эмбере.

— А к нам ты надолго приехал?

— На несколько дней. Но сегодня мне предстоит отправиться по неотложным делам. Вернусь только завтра.

— Жаль, что ты не можешь остаться.

— Мне тоже жаль. Я бы с удовольствием остался, в особенности после того, как мы познакомились.

Она покраснела и опустила голову, сделав вид, что корзинка упакована недостаточно тщательно. Я снял с куста фехтовальные костюмы.

— Домой вернемся вместе? — спросила она.

— Нет. Я — на конюшни. Мне надо ехать.

— Все равно нам по пути. Моя лошадь привязана за поворотом ручья. — Я кивнул и пошел вслед за ней по тропинке, огибающей берег. — Мне кажется, о нашей встрече никто не должен знать, тем более дед, — сказала она. — Как ты думаешь?

— Умница.

Журчание и клекот воды в ручейке, впадающем в реку, текущую к морю, затихали, затихали и наконец затихли. Слышался лишь все ослабевающий скрип мельничного колеса.

6

Как правило, принцип «медленно, но верно» применим на все случаи жизни. Если же какой-нибудь процесс необходимо ускорить, действовать надо с крайней осторожностью.

Итак, я ехал медленно, но верно и с крайней осторожностью. Незачем было понапрасну утомлять Чемпиона. Резкие смены отражений плохо действуют даже на людей, а животные, которые никогда не лгут сами себе, переносят их очень тяжело и могут взбеситься.

Я пересек небольшой деревянный мост через ручей. Мне нужно было добраться до реки, минуя город, а затем уже берегом доехать до моря. Стоял полдень. Деревья покачивали ветвями, навевая прохладу. На моем поясе висела Грейсвандир.

Я держал путь на запад и вскоре очутился в холмистой местности. Я не стал управлять отражениями, пока не взобрался на самый высокий холм, с которого как на ладони открывался вид на город, так похожий на мой Авалон. Недоставало лишь нескольких серебряных башен, да река протекала под другим углом. Из труб гостиниц и домов шел дым, легкий ветерок гнал его на север. Люди — верхом, пешие, на телегах, в экипажах — двигались по узким улочкам, заходили в лавки, отели, виллы и выходили из них; стайки птиц опускались, поднимались и щебетали рядом со стреноженными лошадьми; яркие плакаты и знамена полоскались по ветру; жара стояла такая, что воздух дрожал.

Шум голосов, звяканье, стуки, скрипы сливались в одно невнятное бормотание, но даже если б я был слепым, запахи подсказали бы мне, что город близко.

Я смотрел на него сверху вниз, и чувство тоски овладевало мною при воспоминании о давно позабытом отражении с тем же названием, где можно было обрести покой и где я был счастлив.

Впрочем, я прожил долгую жизнь и прекрасно понимал, что переживаниями горю не поможешь, а сожалеть о том, что свершилось, глупо.

Те сладостные дни миновали, и дело с концом, а сейчас меня ждал Эмбер. Я дал лошади шпоры и поскакал на юг, твердо зная, что буду сражаться до победного конца. Я никогда не забуду тебя, Эмбер...

Солнце огненной точкой сверкало над моей головой, свистел ветер. Небо пожелтело, стало похожим на огромную знойную пустыню, раскинувшуюся от горизонта до горизонта. Холмы превратились в невысокие горы; камни, разбросанные в долине, поражали разнообразием форм и расцветок. Разыгралась песчаная буря, и я замотал лицо шейным платком. Чемпион заржал, зафыркал, но продолжал мчаться вперед. Песок, камни, ветер, оранжевое небо, стая облаков, летящая к солнцу...

Тени удлиннились, ветер стих, тишина... Лишь стук копыт да свист неровного дыхания...

Полумрак, солнце столкнулось с облаками... И стены дня тряслись от грома... Как ясно видно вдалеке... Голубая прохлада, воздух, насыщенный электричеством... И снова гром...

Занавес дождя справа... стеклянный занавес... Синие изломы в облаках... Прохлада, уверенная поступь коня и одноцветный мир, как театр...

Гром как набат, белые молнии, хлынул ливень... Двести метров... Сто пятьдесят... Хватит!

Бурлит, кипит, пенится ливень... Сырой запах земли... Ржание Чемпиона... На галопе...

Струйки воды текут, тонут в земле... Пятна грязи пускают пузыри... Ручейков становится все больше, они плещут...

Высокий холм впереди, и Чемпион перепрыгивает лужицы и лужи, мышцы его напрягаются и опадают, копыта топчут полотно воды, выбивают искры из камней, мы взбираемся на холм все выше и выше, и плеск волн сзади превращается в рев бурного потока...

Все выше и выше, чтобы остановиться и выжать полы плаща... Внизу бушует серое море, и волны бьются о скалу, на которой мы стоим...

А теперь в глубь страны, туда, где вечер, где поля засеяны клевером; а сзади — удаляющийся шум прибоя...

В погоню за падающими звездами, а небо темнеет на востоке, предвещая ночь и безмолвие...

Расчистить небо, чтоб ярче звезды, оставить тонкий ажур облачков.

Красноглазые твари несутся, воя, по нашему следу... Отражение... Зеленоглазые... Отражение... Желтоглазые... Исчезли.

Лишь черные пики скал в снежных юбках окружают со всех сторон... Замерзший снег, сухой, как пыль, летит в ночи — игрушка ветра... Снег, похожий на порошок, на муку... Вспомнились итальянские Альпы, катание на лыжах... Волны снега бьются о каменные утесы... Белый огонь ночью... Мои ноги, заочевшие в промокших сапогах... Чемпион испуганно фыркает, осторожно переставляет ноги и мотает головой, словно верит тому, что видит...

За поворотом — другое отражение, покаты́й склон холма, теплый ветер, тающий снег...

Труден, извилист путь к теплу... Тянулась ночь, и шел рассвет, светлели звезды...

Там, где час назад бился о скалы снег, лежала равнина с чахлыми кустами. И вороны, пожирающие падаль, с криками протеста взлетали, когда мы проезжали мимо...

Чуть помедленнее, и равнина покрылась травой, по которой волнами прокатывался ветерок... Кашель охотящейся пантеры... Спасаящаяся бегством тень, похожая на оленью... И вновь ярко светят звезды, а ноги мои немного согрелись...

Чемпион захрапел, встал на дыбы и понес, спасаясь от невидимой опасности... Не скоро он успокоился, не скоро перестал дрожать...

Сосульки месяца свисали с вершин деревьев... Туман флуоресцировал, поднимаясь от земли... Мотыльки кружили в белых пятнах света...

Земля поднималась и опускалась, словно горы переминались с ноги на ногу... Звезды раздвоились... И две луны, как одна гантель... По равнине и в воздухе мечутся странные тени...

Земля потикала и остановилась, как часы, у которых кончился завод... Тихо... Спокойно... Звезды и луна соединились со своими душами...

На запад, опушка леса... Туда, где течет река, а дорога ведет вдоль берега к самому морю..

Стук копыт, меняются отражения... Ночной воздух свеж и прохладен... Сверкают башни на серых стенах... Сладко дышится, все плывет перед глазами... Отражения...

Мы словно кентавр, мой конь и я, со взмокшим от пота телом... Мы тяжело дышим, мы задыхаемся... И, как платком, покрыта шея тучей грозовой, и страшен лик, коль мы победно раздуваем ноздри... Глотая землю...

Весело смеемся, река близко, слева лес...

Скачем среди деревьев... Гладкие стволы, лианы, капли росы... Паутина, озаренная лунным светом, в ней кто-то бьется... Упругий торф... Светящийся мох на поваленных стволах...

Поляна... Шепчет высокая трава...

Вновь лес...

Река совсем близко...

Звуки... Звуки... Стеклоанное звяканье воды...

Ближе, еще ближе, совсем рядом... Небо изогнулось, подтянув брюхо, и деревья... Чистый свежий воздух... Вот она течет, слева от нас... Неспешно, неторопливо, мы приближаемся...

Пить... Поплескаться на отмели, и Чемпион, опустив голову, пьет, не может оторваться, и пар вырывается из его ноздрей... Глубже, и я стою в сапогах по колено в воде... Она капает с волос, течет по спине и рукам... Чемпион поднимает голову и смотрит, как я смеюсь...

Вниз по течению, медленному, спокойному... Вдоль берега по дороге прямой, широкой...

Лес стал гуще, затем поредел...

Спокойно, уверенно, неторопливо...

Проблеск зари на востоке...

Вниз по склону холма, деревьев почти не видно... Каменистая равнина и вновь ночное небо...

Наконец-то запах моря — появился и тут же исчез... Стук копыт, только вперед, предрассветный холодок...

И вновь морской соленый запах...

Каменистый берег, леса нет и в помине... Крутой, открытый ветрам, мрачный склон, спускаемся... Крутой, обрывистый, отвесный... Мелькают каменные стены... Камни срываются и исчезают в бурном потоке, не слышно всплесков... Углубить ущелье, расширить дорогу...

Вниз, вниз...

Еще немного...

А теперь — окрасить восток бледной зарей, сделать спуск не таким крутым... Чуть добавить запаха соли в воздухе...

Глина, песок... Свернуть, вниз, занимается день...

Спокойнее, мягче, ослабить стремяна...

Бриз и свет, бриз и свет... За валунами...

Натянуть поводья...

Передо мной лежал морской берег с дюнами. Юго-восточный ветер вздымал тучи песка, сквозь которые трудно было разглядеть далекие очертания сурового моря.

Розовая заря окрасила седые гребни волн, разбиравшихся о скалы. Между мною и дюнами высотой в несколько сот футов на этом злосчастном берегу лежало плоскогорье. Дьявольская ночь закончилась, и оно ожило с рассветом, играя причудливыми тенями на крупном зернистом песке среди булыжников.

Да, я попал туда, куда хотел.

Я спешил и стал ждать. Солнце поднималось медленно, а мне необходим был жесткий белый свет. Это было то самое место, которое я видел, находясь в ссылке на отражении Земля, много десятков лет назад. Правда, здесь не было ни бульдозеров, ни ям, ни чернорабочих, ни тайной полиции Оранжевого города. Не было и рентгеновских установок, колючей проволоки, вооруженной охраны. Впрочем, это отражение никогда не знало сэра Эрнста Оппенгеймера, корпорацию Бриллиантовых копей Юго-Западной Африки и правительства, которое дало компании разрешение на раскопки. Передо мной расстилалась пустыня Намиб, расположенная примерно в четырехстах милях к северо-западу от Кейптауна, — полоса дюн и скал от двух до двенадцати миль в ширину, протянувшаяся вдоль этого богом забытого места на триста миль. И совсем не как в копиях, алмазы валялись здесь прямо под ногами, напоминая птичий помет на песке. Естественно, я прихватил с собой небольшие грабельки и решето.

Распаковав седельную сумку, я приготовил завтрак. День обещал быть жарким и пыльным.

Работая в дюнах, я думал о Дойле — ювелире из Авалона, маленьком, лысом, с пушистыми бакенбардами. Ювелирный порошок? Зачем мне ювелирный порошок, да еще в таком количестве, которого хватит армии ювелиров, их внукам и правнукам? Я пожал плечами. Не все ли равно зачем, если я плачу наличными? Да, конечно, но если выяснилось, что порошок можно выгодно использовать в другом деле, надо быть дураком... Иными словами, он не может выполнить мой заказ в течение недели? Маленькие пухлые щечки задрожали от сладчайшей улыбки. Недели? О нет! Никогда! Это просто смешно, не может быть и речи... Понятно. Что ж, большое спасибо. Возможно, его конкурент сможет мне помочь, а заодно примет в оплату алмазы, которые я должен получить со дня на день... Алмазы? Я сказал алмазы?

Секундочку. Ведь он всегда интересовался именно алмазами... Да, конечно, в настоящий момент у него нет нужного количества, но... Многозначительный жест... он безусловно поторопился, категорически заявив, что не сможет достать этого полировочного материала. Формула изготовления проста,

ингредиенты в изобилии, выход будет найден. Значит, в течение недели. А теперь об алмазах...

Когда я покинул лавку Дойля, выход был найден.

Многие считают, что порох взрывается. Это, конечно, не так. Порох быстро сгорает, наращивая давление газа, который выбрасывает пулю из патрона после того, как боек ударяет в капсюль. В результате происходит выстрел.

С присущим всей нашей семье даром предвиденья, я много лет экспериментировал со всевозможными взрывчатыми и горючими веществами. Моему разочарованию, когда я узнал, что порох в Эмбере не воспламеняется, а капсюли не желают взрываться, не было границ. Утешал меня лишь тот факт, что мои родные и близкие при всем желании тоже не могли воспользоваться огнестрельным оружием. Важное открытие я сделал много лет спустя. Как-то раз я сидел в своей комнате во дворце Эмбера и полировал золотой браслет, который купил Дейдре в подарок. Грязную тряпку я бросил в горящий камин. Слава богу, порошка на ней было немного.

Я стал обладателем готового детонатора, который при смешении с инертным веществом мог гореть, как порох.

Естественно, я ни с кем не поделился столь ценной информацией, справедливо полагая, что она пригодится мне в будущем. К сожалению, вскоре я подрался на дуэли с Эриком и в результате забыл не только о ювелирном порошке, но и о том, как меня зовут. Затем мне пришлось стать союзником Блейза, который готовился к нападению на Эмбер. Думаю, Блейз просто не хотел выпускать меня из виду и поэтому согласился объединить наши силы. Предоставь я в его распоряжение оружие, он был бы неуязвим, а мне пришлось бы туго, потому что ему была предана большая часть войск и офицеров.

О, если бы только я обрел память месяцем раньше! Я не копался бы сейчас в пыли и грязи, мне не пришлось бы выдерживать унижений и оскорблений, проходить через пытки, заживо гнить в темнице! Я сидел бы сейчас на троне Эмбера!

Я сплюнул, потому что засмеялся и песок чуть не попал мне в горло. Какого черта! Я сам виноват во всех «если». Зачем гадать, что было бы, когда мне есть о чем поразмыслить. Вот так-то, Эрик...

Я никогда не забуду тот день, Эрик. Меня сковали цепями и заставили опуститься на колени перед троном. Я короновал сам себя, чтобы поиздеваться над тобой, и был жестоко избит. Затем я швырнул в тебя корону, но ты поймал ее на лету и улыбнулся. Хорошо, что ты ее поймал и она не согнулась от удара. Такая красивая вещь...

Серебряный обруч с семью высокими пиками, усыпанный бесценными изумрудами, с двумя большими рубинами по бокам...

В день коронации ты был самоуверенным, сытым, довольным. Я помню слова, которые ты прошептал мне на ухо, когда замерло эхо от «Да здравствует король!», трижды разнесшееся по залу. «Никогда в жизни не видел ты зрелища более прекрасного, чем сегодня...» И я помню, как ты громко добавил: «Эй, стража! Я повелеваю выжечь Корвину глаза! Пусть последним его воспоминанием будет праздничное великолепие этого дня! А затем бросьте его в самую далекую темницу, самое глубокое подземелье Эмбера, чтобы память о нем стерлась и имя его было забыто!»

«Ты восседаешь на троне Эмбера, Эрик, — сказал я вслух. — Но я не забыт и не забыл, и у меня есть глаза!»

Наслаждайся королевской властью, Эрик, подумал я. Стены Эмбера высоки и прочны. Оставайся в них. Окружи себя стальным кольцом шпаг. Подобно страусу, спрячь голову под крыло. Но не будет тебе покоя, пока я жив, а я сказал, что вернусь. И я вернусь, Эрик. Я добуду ружья, взломаю все двери, уничтожу твоих защитников. И тогда мы останемся один на один, как в тот день, когда мы дрались на шпагах, а стражники подоспели и спасли тебя от верной гибели. Тогда я ранил тебя, Эрик. Сейчас мне нужна твоя кровь до капли.

Я обнаружил еще один крупный алмаз, шестнадцатый по счету, и положил его в кошелек.

Глядя на заходящее солнце, я думал о Бенедикте, Джулиане и Жераре. Какие у них могли быть общие

интересы? От Джулиана я не ждал ничего хорошего а Жерара не боялся. Бенедикт наверняка разговаривал именно с ним, когда я ночевал в лагере, и в ту ночь ничего дурного со мной не произошло. Тем не менее альянс трех братьев внушал мне опасения. Если меня кто и ненавидел больше, чем Эрик, так это Джулиан. Узнай он, где я нахожусь, мне грозили бы крупные неприятности, а я не был к ним готов.

Бенедикт тоже мог меня выдать, не мучаясь угрызениями совести. Он ведь понимал, что любые мои действия приведут к волнениям в Эмбере. И я не мог сердиться на человека, который считал, что благополучие государства — прежде всего. В отличие от Джулиана, Бенедикт свято следовал своим принципам, и мне было жаль, что я не нашел с ним общего языка. Оставалось надеяться, что битву за Эмбер я выиграю быстро и с минимальными потерями с обеих сторон. Мне не хотелось портить отношений с Бенедиктом, в особенности после того, как я познакомился с Дарой.

К тому же он мог вернуться в любую минуту, и я боялся попасть в ловушку. Мне совсем не хотелось очутиться ни в тюрьме, ни в могиле. А значит, я не мог позволить себе роскоши как следует отдохнуть. Мне необходимо было спешить.

Я завидовал Ганелону, который сейчас наверняка находился в одном из питейных заведений, или в публичном доме, или просто бродил по зеленым лугам и холмам. Все эти дни мой спутник пил, дрался, кутил с женщинами и чувствовал себя как дома. Впрочем, он действительно попал к себе домой. Может, оставить его в Авалоне? Нет, нельзя. Когда я уйду, Джулиан устроит ему допрос с пристрастием, и Ганелон станет изгоем в своей стране. Он вынужден будет заняться старым ремеслом, и вряд ли ему повезет в третий раз. Я сдержу слово, возьму его с собой в Эмбер — если, конечно, он сам не передумает. А если передумает... я немного ему завидовал, хоть и понимал, что он будет объявлен вне закона. Мне ведь тоже не хотелось уезжать, и я представил себе, как брожу по окрестностям Авалона, распуская парус на плывущей по реке лодке, совершаю верховые прогулки с Дарой...

Мысли о Даре не давали мне покоя. С ее появлением в моей жизни что-то изменилось, но я никак не мог понять, что именно. Мы, эмберийцы, несмотря на ненависть, которую отдельные члены нашей семьи испытывают друг к другу, непрестанно думаем о своих родственниках, всегда готовы выслушать последние новости, касающиеся любого из нас, и обожаем посплетничать, хотя часто дорого за это платим. Иногда мне кажется, что мы походим на компанию болтливых старушек в каком-нибудь санатории, которые только тем и занимаются, что перемывают друг другу косточки.

Дара понятия не имела о наших семейных делах, но ведь о себе она тоже ничего не знала. О, со временем эта девушка все поймет и, как только о ее существовании станет известно, получит блестящее воспитание. После того как я рассказал о силах, присущих ей от рождения, она не успокоится, пока не попадет в Эмбер. Я чувствовал себя змеем-искусителем, заставившим ее отведать запретного плода, но рано или поздно она все равно узнала бы правду, а чем раньше Дара научится остерегаться своих родственников, тем спокойней ей будет жить на свете!

Впрочем, не исключено, что ее мать и бабушка тоже ничего о себе не знали...

А к чему это привело? Обе умерли насильственной смертью!.

Неужели рука Эрика достигала самых далеких отражений?

Бенедикт, если того требовали обстоятельства становился куда более жестоким хитрым и коварным, чем любой из нас. Он пойдет на все, вплоть до братоубийства, чтобы защитить близкого ему человека. Скрывая Дару от посторонних глаз, ничего ей не объясняя, он, видимо, считал, что действует в ее интересах. Бенедикт будет вне себя, когда узнает о нашем с ней разговоре, и это была еще одна из причин, по которой мне хотелось покинуть Авалон как можно скорее. Просвещая Дару, я не преследовал корыстных целей. Мне просто хотелось уберечь девушку от опасности, а Бенедикт, с моей точки зрения, был не прав, оставляя ее в полном неведении. За время моего отсутствия Даре будет над чем подумать, и когда я вернусь, она засыпет меня вопросами. Я постараюсь внушить ей, что вести себя надо крайне осторожно, и подскажу, чего следует опасаться.

Я стиснул зубы.

Дикость какая-то! Когда я буду править в Эмбере, все переменится. Должно перемениться...

Почему никто не нашел средства, с помощью которого можно было бы изменить природу человеческую? Потеряв память, оказавшись в ином мире, я все равно остался прежним Корвином. Впрочем именно поэтому я и не отчаивался.

Спустившись к реке в укромном месте, я смыл с себя пыль и пот, думая о черной дороге, на которой потерпели фиаско мои братья. Информация для размышления.

Купался я недалеко от берега, одним глазом поглядывая на Грейсвандир. Каждый из нас способен идти сквозь отражения по свежему следу. Но меня никто не потревожил, хотя на обратном пути мне пришлось воспользоваться Грейсвандир против хищных зверей, куда менее страшных, чем мои братья.

Впрочем, этого следовало ожидать, потому что я торопился изо всех сил, и отражения мелькали, как в калейдоскопе...

Задолго до рассвета я въехал в конюшни, расположенные неподалеку от дома моего брата. Чемпион никак не мог успокоиться, и мне пришлось его задабривать — гладить и чистить скребком. Когда я налил ему воды и насыпал овса, из противоположного стойла донеслось ржание — меня приветствовал Огнедышащий, конь Ганелона. Я вышел из конюшен и помылся у колонки, размышляя, удастся ли мне хоть немного поспать.

Отдых был мне необходим — несколько часов сна, и я полностью восстановил бы свои силы. Вот только не хотелось мне, во избежание неприятностей, лечь в доме Бенедикта. Правда, я неоднократно утверждал, что предпочитаю умереть в постели, но, во-первых, я имел в виду смерть в старческом возрасте, а во-вторых, надеялся, что на меня наступит слон в тот момент, когда я буду заниматься любовью с молоденькой девушкой.

К винному погребу Бенедикта я, однако, относился не с таким предубеждением, как к постели, и, почувствовав необходимость выпить чего-нибудь покрепче, я отправился в дом, прошел в гостиную и, не зажигая света, открыл дверцу бара.

Я налил виски, выпил, налил еще и подошел к окну. Вид из него открывался великолепный — недаром Бенедикт построил дом на вершине холма.

— Под белой луной дорога лежит, — процитировал я, удивляясь звукам собственного голоса. — Сияет луна одиноко...

— Лежит, Корвин. Сияет, мой мальчик. Верно подмечено, — произнес Ганелон.

— Я и не знал, что ты здесь, — сказал я, не поворачивая головы.

— Это потому, что я сижу тихо, как мышь.

— Ясно. Сколько ты выпил?

— Самую малость. Но если вы как добрый товарищ поднесете стаканчик...

Я повернулся.

— А сам ты не можешь себе налить?

— Мне трудно двигаться.

— Хорошо.

Я налил виски в хрустальный стакан до краев и подошел к креслу, в котором сидел Ганелон. Он медленно поднял стакан к губам, кивнул в знак благодарности и сделал глоток.

— Ах! Вот теперь полегало.

— Ты дрался, — уверенно заявил я.

— Это точно. И не раз.

— Будь мужчиной, возьми себя в руки, и мне не придется тебе сочувствовать.

— Но я победил!

— Боже великий! Где трупы?

— О, те драки не в счет. Это девчонка меня отделала.

— Значит, ты не выкинул денег на ветер.

— Я говорю о девчонке другого сорта. Боюсь, я поставил нас в неловкое положение.

— Нас?

— Я же не знал, что она — хозяйка дома. Настроение у меня было прекрасное, и я решил, что вреда не будет, коли я позабавлюсь с молоденькой аппетитной служанкой...

— С Дарой? — спросил я, внутренне содрогаясь.

— Вот-вот. Я шлепнул ее по попочке, поцеловал разок-другой... — Он застонал. — Она оторвала меня от земли, как пушинку, подняла на вытянутых руках над головой, сообщила, что она — хозяйка дома, а потом отпустила... Я вешу восемнадцать стонов, а лететь было далеко. — Он отпил из стакана, и я усмехнулся. — Она тоже смеялась, — обиженно произнес Ганелон, — а потом помогла мне подняться и ласково спросила, как я себя чувствую. Я, конечно, попросил прощения... Ваш брат должно быть настоящий мужчина. Я никогда не встречал такой сильной девушки. — Он покачал головой и выпил виски. — Мне было очень страшно. И не очень приятно.

— Дара приняла твои извинения?

— Да, конечно. Она отнеслась ко мне очень снисходительно, заверила, что никому ничего не скажет, и посоветовала обо всем забыть.

— В таком случае почему ты не спишь? Время позднее.

— Я ждал вас. Мне необходимо было с вами увидеться.

— Твое желание исполнилось.

Он медленно встал с кресла.

— Пойдемте, подышим свежим воздухом.

— Неплохо придумано.

По пути Ганелон прихватил бутылку виски и лишний стакан, что тоже было неплохо придумано. Мы вышли из дома, прошли садом и уселись на скамейку у ветвистого дуба. Я набил трубку.

— У вашего брата неплохой вкус. В вине он тоже разбирается, — сказал Ганелон, наполняя стаканы и делая глоток. — Так вот, после того как я попросил у девушки прощения, мы довольно долго разговаривали. Узнав, что я ваш спутник, она тут же принялась меня расспрашивать о вас, о вашей семье, об Эмбере и об отражениях.

— Ты ей что-нибудь сказал? — спросил я, зажигая спичку.

— Я не мог бы ей ничего сказать при всем желании. Я знаю меньше, чем она.

— Хорошо.

— Видимо, Бенедикт не слишком с ней откровенничает. Я его понимаю. Будьте осторожны с этой девушкой, Корвин. Она слишком любопытна.

Я кивнул и раскурил трубку.

— У нее есть на то основания. Но я рад, что ты не проболтался, хоть и был пьян. Спасибо, что предупредил.

Он пожал плечами и вновь приложился к стакану.

— Хорошая взбучка всегда отрезвляет. К тому же, заботясь о вашем благополучии, я думаю о себе.

— Ты прав. Скажи, этот вариант Авалона тебя устраивает?

— Вариант? Это мой Авалон! Сейчас тут живут другие люди, вот и все. Сегодня я был на Поле Колючек, где уговорил шайку Джека Хейлиса бросить разбой и поступить к вам на службу. Я сразу узнал

знакомые места.

— Поле Колючек, — задумчиво произнес я.

— Да, я попал домой. И когда я состарюсь, мне бы хотелось вернуться сюда, если я не погибну в битве за Эмбер.

— Ты по-прежнему намерен разделить мою судьбу?

— всю жизнь я мечтал увидеть Эмбер — с тех пор, как вы о нем рассказали. Счастливые были времена.

— Честно говоря, я забыл, когда мы говорили об Эмбере.

— В ту ночь оба мы были пьяны в стельку, и время текло незаметно. Вы рассказывали мне о зеленых и золотых шпилях, о проспектах и улицах, о террасах, садах и фонтанах. В глазах ваших стояли слезы... Я даже не заметил, как за окном забрезжил рассвет. Боже! Мне кажется, я могу нарисовать план города! Я должен побывать в нем, прежде чем умру!

— Я не помню той ночи, — медленно произнес я. — Должно быть, я действительно был очень пьян.

Ганелон ухмыльнулся.

— А ведь нас не забыли, Корвин. Правда, авалонцы считают, что мы давно умерли, и, рассказывая всевозможные истории, привирают, как хотят, но это неудивительно. Столько лет прошло!

Я промолчал и запыхтел трубкой.

— ...Можно задать вам один вопрос? — спросил Ганелон.

— Валяй.

— Если вы объявите Эмберу войну, Бенедикт станет вашим врагом?

— Я тоже не отказался бы услышать ответ на этот вопрос. Думаю, да. Я надеюсь победить, прежде чем он успеет прийти Эрику на помощь. Бенедикт может оказаться в Эмбере в мгновение ока, но ведь ему придется маршировать во главе войска, потому что в одиночку даже мой грозный брат не в силах будет что-либо изменить. Нет. Он постарается не допустить гражданской войны и поддержит всякого, кто сумеет сохранить целостность государства. И поэтому, когда я скину Эрика с трона, он согласится стать моим союзником ради прекращения междоусобиц. Но до тех пор Бенедикт останется моим врагом и, если узнает о моих планах, сделает все возможное, чтобы воспрепятствовать их осуществлению.

— Именно это я и хотел услышать, — сказал Ганелон. — А если вы победите, он не возненавидит вас на всю жизнь?

— Вряд ли. Политика политикой, а с Бенедиктом мы вместе росли и воспитывались. К тому же мы всегда лучше относились друг к другу, чем каждый из нас к Эрику.

— Понятно. Я ведь спросил не из простого любопытства. На войну мы идем вместе, а Авалоном правит ваш брат. Вот я и подумал, как он отнесется к тому, что когда-нибудь я захочу вернуться и остаться здесь навсегда. Вдруг он захочет мне отомстить?

— Очень в этом сомневаюсь. Бенедикт — человек благородный.

— Тогда у меня еще один вопрос. Не хочу хвастаться, но я опытный военный, и, если мы захватим Эмбер, ваш брат в этом убедится. Как вы думаете, можно попросить его назначить меня начальником гарнизона? Я прекрасно знаю эти места. Я готов показать ему Поле Колючек и объяснить, как выиграл битву. Черт побери! Я буду служить Бенедикту так же верно, как вам! — Он покраснел и засмеялся. — Простите. Но я его не подведу.

Я усмехнулся и пригубил виски.

— Идея, конечно, неплоха. Боюсь только, что ты всегда будешь у него на подозрении. Он наверняка поймет, что я приставил к нему шпиона.

— К черту политику! Я не это имел в виду! Я простой солдат и люблю Авалон всем сердцем!

— Я тебе верю. Поверит ли Бенедикт?

— Зачем ему отказываться от хорошего генерала? Ведь он калека, и я мог бы...

Я невольно рассмеялся и тут же зажал себе рот ладонью — звуки далеко разносятся ночью. К тому же мне не хотелось обижать Ганелона.

— Прости меня, — сказал я. — Прости, пожалуйста. Ты не понимаешь. Ты действительно не понимаешь, с кем мы разговаривали той ночью в палатке. Он мог показаться тебе простым смертным, да еще без руки. Это не так. Поверь, я боюсь Бенедикта. Второго такого, как он, не существует ни на отражениях, ни в реальном мире. Бенедикт — Военный инструктор Эмбера. Ты способен представить себе, что такое тысячелетие? Несколько тысячелетий? Ты способен понять человека, который каждый день своей жизни в течение всех этих лет часть времени уделяет оружию, тактике, стратегии? Ты жестоко ошибаешься, если видишь в нем правителя крохотного государства, который стоит во главе небольшого гарнизона, а в свободное время подстригает деревья в саду. О военной науке Бенедикт знает все. Он часто путешествовал с отражения на отражение, наблюдая вариацию за вариацией одной и той же битвы только для того, чтобы проверить свои теории на практике. Он командовал армиями настолько грандиозными, что солдаты маршировали перед ним много дней подряд, и не было конца их колоннам. Потеря руки причинит ему некоторое неудобство, но лично я не хотел бы драться с ним ни на дуэли, ни врукопашную. Это просто счастье, что Бенедикт не претендует на власть, потому что в противном случае он сидел бы сейчас на троне Эмбера. И можешь мне поверить, я тут же оставил бы все свои планы и первый признал бы его законным монархом. Я боюсь Бенедикта и не стесняюсь в этом признаться.

В горле у меня пересохло, и я выпил виски. Ганелон молчал довольно долго, потом вздохнул.

— Всего этого я, конечно, не знал. Я буду счастлив, если ваш брат разрешит мне хотя бы вернуться на родину и прожить здесь остаток дней.

— Он не будет возражать. Я знаю.

— Дара сказала, что Бенедикт прислал письмо. Он пишет, что решил сократить пребывание в лагере и скорее всего приедет домой завтра.

— Проклятье! — воскликнул я, вскакивая со скамейки. — Надо спешить. Надеюсь, у Дойля все готово. Я не хочу встречаться с Бенедиктом!

— Камушки у вас?

— Да.

— Можно взглянуть?

Я протянул ему кошелек. Ганелон вынул несколько алмазов, положил на ладонь левой руки и принялся рассматривать.

— И вовсе они не такие красивые, — сказал он. — Может, света мало? Подождите-ка, что-то сверкнуло! Хотя нет...

— Они ведь не отшлифованы. У тебя в руках целое состояние...

— Удивительно. — Он бросил алмазы в кошелек. — Удивительно, как легко вам это досталось.

— Не так уж легко.

— Все равно несправедливо. Ведь вы разбогатели за один день.

Он протянул мне кошелек.

— Когда мы расстанемся, я оставлю тебе не меньшее состояние. И если Бенедикт откажется от твоих услуг, ты по крайней мере ни в чем не будешь нуждаться.

— После того как вы мне о нем рассказали, я больше чем когда-либо хочу служить под его началом.

— Посмотрим. Может, я что-нибудь придумаю.

— Спасибо, Корвин. Когда мы уезжаем?

— Завтра утром. День завтра будет тяжелый, так что ложись спать, а через несколько часов я тебя разбужу. Возьмем у Бенедикта телегу, впряжем в нее Чемпиона и Огнедышащего — несладко им придется, беднягам, — и отправимся в город. Затем навестим Дойля, заберем товар и незаметно исчезнем. Чем больше мы выиграем времени, тем труднее Бенедикту будет выследить нас на отражениях. Если мне удастся опередить его на полдня, голову даю на отсечение, что он нас не найдет.

— С чего вы взяли, что он станет нас выслеживать?

— Бенедикт мне не доверяет и правильно делает. Он прекрасно понимает, что я появился в Авалоне не случайно и что осуществление моих планов грозит благополучию Эмбера. Естественно, он должен узнать, что мне здесь нужно. Как только Бенедикт обнаружит, что мы уехали, — а значит, добились того, чего хотели, — он немедленно кинется в погоню.

Ганелон зевнул, потянулся, допил виски.

— Ладно, давайте спать. Вы мне столько наговорили о Бенедикте, что я уже ничему не удивляюсь. Даже тому неприятному происшествию, о котором я чуть было не забыл вам сообщить.

— Что ты имеешь в виду?

Ганелон встал и взял со скамейки бутылку.

— Эта тропинка, — он мотнул головой, — ведет через сад к забору. За забором начинается лес, а шагов через двести — слева в низинке — стоит небольшая роща. Среди молодых деревьев, закиданная землей, ветвями и листьями, находится свежевырытая могила. Я наткнулся на нее вечером, когда вышел прогуляться и остановился по нужде.

— С чего ты взял, что это могила?

— Когда в яме лежат трупы, ее принято называть могилой. Кстати, она неглубокая. Я немного поковырял землю палкой и увидел четырех покойников — троих мужчин и одну женщину.

— Давно они там лежат?

— Не очень. Думаю, несколько дней.

— Ты все оставил как есть? Ничего не трогал?

— Я не круглый дурак, Корвин.

— Прости. Твое известие меня встревожило. Ничего не понимаю.

— А по-моему, все ясно. Они недооценили Бенедикта.

— Может быть. А как они выглядят? И как их убили?

— Люди как люди, средних лет. Одного прикончили ударом ножа в живот, остальным перерезали горла.

— Странно. Только этого нам и не хватало. Хорошо, что мы завтра уезжаем.

— Согласен. Пойдемте спать.

— Ты иди, а я немного посижу.

— Лучше бы вы легли. Сами сказали, что день завтра будет тяжелый. И не волнуйтесь понапрасну.

— Ладно.

— Спокойной ночи.

— Я тебя разбужу.

Я смотрел, как Ганелон идет к дому по тропинке. Он, конечно, был прав, но я не последовал его совету. Тщательно обдумывая детали своего плана, я пытался найти какие-нибудь просчеты. Их не было. Я допил виски, поставил стакан на скамейку, встал и пошел к забору, оставляя за собой шлейф из табачного дыма. В спину мне светила луна, до рассвета оставалось несколько часов. Я твердо решил не возвращаться в дом Бенедикта и теперь хотел найти укромное место и немного вздремнуть.

Через двести шагов я, естественно, увидел слева в низинке невысокую рощу. Тщательный осмотр подтвердил, что тут недавно копали землю, но у меня не возникло желания вытаскивать тела и изучать их при лунном свете, — я предпочел верить Ганелону на слово. Я и сам не знал, что меня сюда привело. Болезненное любопытство, должно быть, ведь спать рядом с трупами я не собирался.

Я вернулся в сад, свернул с тропинки и сразу же увидел небольшую полянку, окруженную густым кустарником. Я расстелил плащ на высокой мягкой траве, вдыхая ее аромат, уселся поудобнее, стащил сапоги, поставил босые ноги на землю и с облегчением вздохнул.

Недолго мне осталось ждать, подумал я. Отражения — алмазы — ружья — Эмбер. Я иду. Всего год назад я заживо гнил в подземелье, тысячи раз пересекая ту грань, которая отделяет безумие от отчаяния, а сумасшествие от здравого смысла. Теперь же я был свободен, крепок духом, имел четкие планы на будущее. Я стал силой, с которой нельзя было не считаться, силой, куда более грозной, чем пять лет назад. И на этот раз мне не с кем было делить ни успех, ни горечь поражения.

Эта мысль была мне приятна. Радуюсь ощущению мягкой травы под ногами, теплоте, разливающейся по телу после нескольких добрых глотков виски, я выколотил трубку, почистил ее, положил в кисет, потянулся, зевнул и приготовился ко сну.

Внезапно я заметил какое-то движение вдалеке и, приподнявшись на локте, стал напряженно вглядываться в темноту. Мне не пришлось долго ждать. По тропинке, часто останавливаясь, медленно шел человек. Он исчез за деревом, под которым мы с Ганелоном сидели на скамейке, и довольно долго не появлялся, затем вышел из-за ствола, сделал несколько шагов, замер на месте и решительно направился в мою сторону, продираясь сквозь кустарник. В лунном свете отчетливо были видны знакомые мне черты лица.

— Насколько я понимаю, твои апартаменты тебя не устраивают, милорд Корвин, — сказала Дара.

— Ошибаешься. На дворе стоит такая прекрасная ночь, что я не удержался от соблазна и решил поспать на природе.

— А что соблазнило тебя прошлой ночью? Помнится, дождь хлестал как из ведра. — Она села на краешек плаща. — Ты тоже здесь спал?

— Прошлой ночью я вообще не спал. Меня не было в Авалоне.

— А где ты был?

— Просеивал песок на морском берегу.

— Какая скука!

— Не спорю.

— После того как мы побывали на другом отражении, я все время думаю о том, что ты мне рассказал.

— Неудивительно.

— И тоже почти не сплю. Я видела, как ты вернулся, подслушала твой разговор с Ганелоном и знала, что ты остался один.

— Ты не ошиблась.

— Я должна попасть в Эмбер. И пройти Лабиринт.

— Бесспорно.

— Сейчас, Корвин! Сейчас!

— Ты еще молода, Дара. У тебя все впереди.

— К черту, Корвин! Я ждала всю жизнь сама не знаю чего! Неужели ты не можешь мне помочь?

— Нет.

— Почему? Проведи меня по отражениям в Эмбер, покажи Лабиринт...

— Если повезет, нас убьют не сразу, а для начала посадят в сугубо смежные камеры.

— Глупости! Ты — принц, и волен поступать, как тебе заблагорассудится!

Я рассмеялся.

— Я преступник, объявленный вне закона, моя дорогая. Если я вернусь в Эмбер, в лучшем случае меня немедленно казнят. О худшем я даже не хочу думать. Скорее всего Эрик не повторит ошибки и покончит со мной сразу же. А заодно с любым моим спутником или спутницей.

— Оберон никогда так не поступил бы.

— Если б его спровоцировали, он сделал бы то же самое. Но я не буду спорить. В Эмбере правит не Оберон, а Эрик, который называет себя монархом.

— С каких это пор?

— Он короновал себя пять лет назад по времени Эмбера.

— А почему Эрик хочет тебя убить?

— Потому что он не хочет, чтобы я убил его.

— А ты его убьешь?

— Да. В недалеком будущем.

Она посмотрела мне в глаза.

— Зачем?

— Эрик — узурпатор. Трон Эмбера мой по праву. Эрик подверг меня унижениям, оскорблениям, пыткам, посадил в тюрьму. Он и представить себе не мог, что я выйду на свободу и вновь брошу ему вызов. Кстати, я тоже на это не надеялся. Эрик допустил большую ошибку, позволив себе роскошь наслаждаться моим жалким положением. Если мне повезет, я такой ошибки не сделаю.

— Но ведь он твой брат!

— Поверь, мы с ним знаем это лучше, чем кто-либо другой.

— Когда ты осуществишь свои планы?

— Я уже говорил: постарайся достать колоду карт и свяжись со мной через три месяца. Если не сможешь, я сам тебя найду, как только завоюю трон Эмбера. Обещаю, что ты пройдешь Лабиринт не позже, чем через год.

— Но ведь ты можешь проиграть!

— Тогда тебе придется набраться терпения. Ты не попадешь в Эмбер, пока Эрик не будет твердо уверен, что ему ничто не грозит, а Бенедикт не решится представить тебя ко двору, тем самым признав Эрика законным монархом. Видишь ли, Бенедикт так долго не был в Эмбере, что многие считают его погибшим. Когда он объявится, ему придется занять определенную позицию — за или против Эрика. Если он будет за, спокойное правление Эрику обеспечено, если против — в стране разразится гражданская война. Бенедикт не желает быть ответственным ни за то, ни за другое. Становиться королем он тоже не хочет. Только полным невмешательством во внутренние дела государства может Бенедикт обеспечить существующее равновесие сил. Если он, не дай бог, появится с тобой в Эмбере, сохраняя строгий нейтралитет (а Бенедикту и это сойдет с рук), Эрик найдет способ сломить его волю. Твое благополучие — прекрасный повод для шантажа.

— Значит, мне не удастся попасть в Эмбер без твоей помощи!

— Не преувеличивай. Все, что я тебе сказал, лишь предположения, основанные на догадках. Я слишком долго был оторван от дел и ничего не могу утверждать наверняка.

— Ты должен победить! — воскликнула она и тут же нахмурилась. — Скажи, если ты завоюешь трон, дед тебя поддержит?

— Сомневаюсь. Но в этом случае ситуация изменится. К тому же я не ищу поддержки Бенедикта. Мне достаточно знать, что он жив и не станет вмешиваться в мои дела. А он не станет в них вмешиваться, если я

буду действовать быстро, с умом и добьюсь успеха. Ему, конечно, не понравится моя осведомленность о его семейной жизни, но он успокоится, когда поймет, что я не желаю тебе зла.

— А почему ты не используешь меня в своих интересах? По-моему, это нелогично.

— Да, — согласился я. — Но. во-первых, ты мне очень нравишься, а во-вторых, давай переменим тему разговора.

Она рассмеялась.

— Я тебя приворожила.

— Вот-вот. Кончиком рапиры.

Внезапно лицо ее стало серьезным.

— Твой человек, Ганелон, сказал тебе, что дед приезжает завтра?

— Да.

— Это может помешать твоим планам?

— Надеюсь, Бенедикт меня не застанет.

— Что он сделает?

— Перво-наперво, выскажет все, что о тебе думает. Можешь не сомневаться, неприятностей ты не оберешься. Затем ему захочется узнать, каким образом тебе удалось вернуться домой и о чем мы с тобой беседовали.

— Что мне ответить?

— Опиши свое путешествие из деревушки, ничего не скрывая. Это заставит его задуматься. А со мной ты была крайне осторожна и сказала не больше, чем Жерару и Джулиану. Женская интуиция тебя не подвела. Если Бенедикт спросит, где я, скажи, что мы с Ганелоном одолжили у него фургон, поехали в город и вернемся поздно.

— Вы действительно поедете в город?

— Да, ненадолго. Но мы не вернемся. Мне необходимо выиграть время на тот случай, если Бенедикт решит кинуться за нами в погоню. Следы на отражениях сохраняются лишь до определенного момента, потом исчезают.

— Я постараюсь его задержать — ради тебя. Скажи, неужели ты уехал бы, не попрощавшись?

— Кто знал, что тебе не спится? Я хотел поговорить с тобой утром.

— Хорошо, что я никак не могла заснуть. Как ты собираешься завоевать Эмбер?

Я покачал головой.

— Нет, дорогая моя Дара. Все принцы, которые составляют коварные планы, должны держать их в тайне. Не обессудь.

— У меня такое ощущение, что в Эмбере все интригуют и никто никому не верит. Как странно.

— Почему? Мир держится на конфликтах. Они существуют повсюду, потому что все отражения созданы по образу и подобию Эмбера.

— Это трудно понять...

— Когда-нибудь поймешь. Потерпи.

— Хорошо. Тогда ответь мне на другой вопрос. Раз уж я умею изменять отражения, несмотря на то что не прошла Лабиринт, объясни, как мне научиться четко управлять ими? Я хочу потренироваться.

— Нет! Вселенная — не игрушка! Даже для тех, кто прошел Лабиринт, отражения опасны, а непосвященным они сулят верную гибель. Тебе повезло, но не вздумай повторить свою попытку. И скажи спасибо, что я ничего тебе не объяснил.

— Что ж... прости. Видно, придется мне подождать.

— Придется. Не обиделась?

— Нет, что ты... — Она засмеялась. — Нельзя так нельзя. Тебе виднее. Я очень рада, что ты обо мне заботишься.

Я хмыкнул, а Дара протянула руку и провела пальцами по моей щеке. Я удивленно поднял голову и увидел, как лицо ее медленно приближается. Она больше не улыбалась, губы ее были чуть раздвинуты, а глаза полужакрыты. Мы поцеловались, и я почувствовал, как руки ее скользнули по моей шее, обхватили за плечи; мои руки невольно сомкнулись вокруг ее талии... и тут мое удивление потонуло в сладостном ощущении теплоты и вполне понятном возбуждении.

Если Бенедикт когда-нибудь узнает, он будет не просто зол...

Фургон медленно скрипел; солнце, обжигающее раскаленными лучами, клонилось к западу. Сзади среди ящиков храпел Ганелон. Я искренне ему завидовал, потому что третий день не знал ни сна, ни отдыха.

Мы проехали около пятнадцати миль, двигаясь к северо-востоку от Авалона. Дойль не выполнил моего заказа полностью, и пришлось нам с Ганелоном уговорить его закрыть лавку и лично проследить за скорейшим выпуском продукции. Это отняло у нас несколько бесценных часов. Тогда я был слишком взвинчен, чтобы спать, а сейчас не мог отдохнуть потому, что мы начали свой путь по отражениям.

Превозмогая усталость, я поменял день на вечер и закрыл солнце легкими облачками. Мы ехали по сухой глинистой дороге с глубокой колеей. Глина была уродливого желтого цвета, и комки ее, разбиваясь, трескали под колесами. По обеим сторонам дороги росли невысокие извилистые деревья с толстыми мохнатыми стволами и жухлая коричневая трава.

Я щедро заплатил Дойлю за порошок и купил у него браслет с условием, что он будет доставлен Даре на следующий день. Алмазы лежали в моем кошельке, пристегнутом к поясу рядом с Грейсвандир. Чемпион и Огнедышащий шли неторопливым уверенным шагом. Я был на пути к достижению своей цели.

Интересно, вернулся ли Бенедикт домой? Долго ли он будет в неведении по поводу того, куда я пропал? Опасность еще не миновала. Я оставлял отчетливый след, по которому Бенедикт мог идти с закрытыми глазами. К сожалению, у меня не было другого выхода. На лошадях, запряженных в фургон, быстро не поедешь, да и сам я был не в том состоянии, чтобы гнать, как на скачках. Прекрасно понимая, что усталость притупила мои чувства, я управлял отражениями медленно и тщательно. Мне очень хотелось надеяться, что постепенно я воздвигну между собой и Бенедиктом барьер из отражений и расстояния, который он не сможет преодолеть.

Через две мили я вновь поменял вечер на полдень — темнота меня не устраивала. Жара стояла невыносимая, хоть я и оставил солнце за облаками. Затем мне удалось разыскать небольшой ветерок, от которого веяло прохладой. Правда, он мог принести за собой дождь, но мне уже было все равно. Не до жиру, быть бы живу.

Голова моя клонилась на грудь, глаза закрывались сами собой. Меня так и подмывало разбудить Ганелона, передать ему вожжи и завалиться спать. Но я удержался от соблазна. Пока что мы были слишком близко от Авалона не только по расстоянию, но и по отражениям.

Я мечтал выбраться на хорошую дорогу, меня тошнило при одном виде омерзительной желтой глины, надо было следить за облаками, держать курс строго на...

Я вздрогнул, протер глаза и сделал несколько глубоких вдохов. В голове у меня все перепуталось. Размеренный стук копыт, монотонное поскрипывание фургона действовали, как наркотик, а от тряски и покачивания я давно перестал ощущать свое тело. Один раз поводья выскользнули из моих рук, но, к счастью, лошади были опытные и знали, что от них требуется.

Преодолев легкий подъем, мы покатали вниз. Время вновь приближалось к полудню, небо покрылось грозowymi тучами. Я попытался разогнать их — сильный ливень превратил бы глину в грязное месиво, — и через несколько миль и крутых поворотов мне это отчасти удалось. Я оставил небо в покое и сконцентрировался на дороге.

Мы подъехали к полуразвалившемуся мосту через реку с высохшим руслом. На другом ее берегу дорога была не такой желтой. По мере нашего продвижения она становилась шире, тверже, на ней исчезали ухабы, и на обочинах появилась зеленая трава.

Затем пошел дождь.

Я боролся с ним, как мог, стараясь оставить и удобную дорогу, и зеленую травку в неприкосновенности. Голова у меня разболелась не на шутку, но через четверть мили дождь прекратился, и показалось солнышко.

Солнышко...

Мы продолжали скрипеть, спускаясь в тенистую долину мимо высоких красивых деревьев. Еще один мост... Я клевал носом все чаще и на всякий случай намотал поводья на руку. Машинально, почти не думая, я что-то менял, выбирал направление...

Справа от меня в лесу птицы радостно оповестили мир о том, что наступило утро. Воздух был свеж и прохладен. Капли росы на листьях сверкали в лучах восходящего солнца...

Но мое тело обмануть не удалось, и я с облегчением вздохнул, услышав, как Ганелон заворочался и сердито выругался. Если б он не проснулся, мне пришлось бы разбудить его.

Что ж, будем надеяться, мы ушли достаточно далеко. Я натянул поводья, поставил фургон на тормоз — мы находились на пологом склоне холма — и достал бутылку с водой.

— Эй! — воскликнул Ганелон, появляясь из-за ящиков. — Оставьте и мне глоточек!

Я протянул бутылку.

— Заменишь меня. Я должен отдохнуть.

Он булькал с полминуты и, оторвавшись от горлышка, крикнул от удовольствия.

— Сейчас. Вот только отлучусь на минутку. Терпеть нету сил.

Он спрыгнул на дорогу, отошел на обочину, а я лег на его место, вытянулся и положил под голову плащ.

Через несколько секунд я услышал, как он карабкается на козлы. Фургон качнуло. Ганелон отпустил тормоз, прищелкнул языком, встряхнул вожжами.

— Уже утро? — громко спросил он.

— Да.

— Господи! Значит, я дрых весь день и всю ночь!

Я усмехнулся.

— Нет. Ты находишься на другом отражении и спал всего шесть-семь часов.

— Не понимаю. Ну да ладно, поверю вам на слово. Где мы находимся?

— Милях в двадцати к северо-востоку от Авалона и в двенадцати от дома Бенедикта. Это по расстоянию. Но мы поменяли несколько отражений.

— Что мне делать?

— Поезжай по дороге, никуда не сворачивая. Нам необходимо уехать как можно дальше.

— Бенедикт может нас догнать?

— Думаю, да. По крайней мере, я боюсь делать привал, хотя лошадям надо отдохнуть.

— Когда вас разбудить?

— Никогда.

Ганелон замолчал, а я улегся поудобнее и стал вспоминать Дару. Я вспоминал ее весь день.

То, что произошло между нами, не входило в мои планы и было для меня полной неожиданностью. Я даже не думал о ней как о женщине, пока она не очутилась в моих объятиях и не доказала, что является ею. Мгновением позже включились нервы моего спинного мозга, отключая разум и приводя жизнь к ее основе, — так, по крайней мере, сказал бы мой друг Фрейд. Я не мог грешить на то, что был пьян: во-первых, выпил я немного, а во-вторых, алкоголь на меня почти не действует. К тому же зачем упрекать себя? Затем, что я чувствовал себя виноватым. Не потому, что мы были дальними родственниками, и не потому, что я воспользовался ее неопытностью. Она знала, чего хотела, когда пришла ко мне в сад. Обстоятельства вынуждали меня придирчиво оценивать все свои проступки. Да, мне хотелось большего, чем просто с ней подружиться. Когда я повел Дару на другое отражение, я надеялся, что она начнет относиться ко мне так же доверчиво, как к Бенедикту. Я хотел, чтобы она была моей союзницей, оставаясь в тылу врага, и даже предполагал ее использовать, если меня попытаются удержать в Авалоне. Но я не

хотел, чтобы она считала меня подонком, переспавшим с ней из корыстных побуждений. И виноватым я чувствовал себя только потому, что в этом была доля истины. Интересно, откуда такая щепетильность? В прошлом я совершал поступки во сто крат аморальнее, с точки зрения обычного человека, и никогда не мучался угрызениями совести. Я заворочался, безуспешно пытаюсь, отогнать назойливую мысль, сверлившую мозг. Да, я влюбился. Это чувство нельзя было сравнить с тем, которое я испытывал к Лорен, — оба мы были ветеранами любви и понимали, на что идем, — или к чувственной Муари, жаждущей ласки в Ребмэ, где я прошел Лабиринт во второй раз. Я не мог разобраться в своих ощущениях. Они были нелогичны, ведь я знал Дару всего несколько дней. Тем не менее... Много веков я не испытывал ничего подобного. Я не хотел любить ее. Только не сейчас. Когда-нибудь потом. А еще лучше никогда. Она была не для меня. Она была ребенком. Все, что ей захочется сделать, я уже сделал, все, что ей захочется испытать, я испытал. Я забыл то, что будет для нее прекрасным, чарующим восхитительным. Она не для меня. Она ребенок. Мне нельзя в нее влюбляться. Мне надо...

Ганелон что-то напевал себе под нос монотонно и фальшиво. Фургон трясло, он скрипел, дорога вела в гору. Солнечный луч качнулся, пробежал по моему лицу. Я закрыл глаза рукой и погрузился в небытие.

Когда я проснулся, был полдень. Чувствовал я себя преотвратительно. Выпив почти полную бутылку воды, я вылил остатки на ладонь и протер лицо. Затем причесался, как мог, пальцами и принялся разглядывать окрестности.

Невысокие деревья шелестели зелеными листьями, на небольших полянах росла трава. Мы все еще ехали по бурой, твердой и относительно гладкой дороге. Небо было чистым, но на солнце изредка набегали небольшие облачка, и тогда тени удлинялись. Дул легкий ветерок.

— Воскресли из мертвых? Поздравляю! — весело сказал Ганелон, когда я выбрался из фургона и уселся рядом с ним на козлы. — Лошади устали, Корвин. Я тоже не прочь поразмяться и к тому же чертовски проголодался. Что скажете?

— Давай перекусим, — согласился я. — Сворачивай на полянку слева и сделаем небольшой привал.

— Мне бы хотелось проехать немного дальше.

— С чего это вдруг?

— Мне надо вам кое-что показать.

— Что ж...

Примерно через полмили дорога круто свернула к северу. Мы очутились у подножия холма, преодолели подъем и увидели второй холм, выше первого.

— Ну? — коротко спросил я.

— Может, с того холма будет видно?

Я пожал плечами.

— Хорошо.

Лошади с трудом шли в гору, и я соскочил на землю и стал толкать фургон сзади. Когда мы добрались до вершины, я перепачкался, взмок от пота, но окончательно проснулся. Ганелон бросил поводья, установил тормоз, взобрался на крышу фургона и посмотрел вдаль, прикрыв глаза рукой.

— Поднимитесь ко мне, Корвин, — негромко сказал он.

Я присоединился к нему и проследил за направлением его руки.

Примерно в трех четвертях мили, футов на двести ниже того места, где мы стояли, тянулась черная лента дороги. Она изгибалась, поворачивала, но ширина ее в несколько сот футов оставалась неизменной. На ней росли черные деревья. Черная трава колыхалась — как будто черная вода медленно текла в черной речке.

— Что это? — спросил я.

— Это я вас хотел спросить. Сначала я подумал, что вы ее наколдовали, меняя отражения.

Я покачал головой.

— Я, конечно, туго соображал, но вряд ли забыл бы, сотворив нечто подобное. Откуда ты знал, что мы ее здесь увидим?

— Мы несколько раз проезжали неподалеку, пока вы спали. Мне эта дорога совсем не нравится. Она вызывает во мне неприятные ощущения. Вам она ничего не напоминает?

— Да, конечно. К великому моему сожалению.

Он кивнул.

— В точности, как Черный Круг на Лорене. Поразительное сходство.

— Черная дорога, — пробормотал я.

— Что вы сказали?

— Черная дорога. Я не понимал, о чем говорила Дара, но сейчас, кажется, начинаю понимать. Ничего хорошего нас здесь не ждет.

— Еще одно проклятое место?

— Да.

Ганелон грязно выругался.

— Значит, жди неприятностей? — спросил он.

— Не думаю. Хотя все может быть.

Мы слезли с крыши фургона.

— Давайте накормим лошадей, а заодно позаботимся о собственных желудках, — предложил Ганелон.

— Только не здесь.

Мы устроили привал у подножья холма и отдыхали около часа, разговаривая об Авалоне. О черной дороге не было сказано ни слова, хотя она не шла у меня из головы. Впрочем, чтобы сказать что-то определенное, надо было получше ее рассмотреть.

Мы основательно перекусили, вновь забрались на козлы, и я взялся за поводья. Отдохнувшие лошади весело зацокали копытами.

Ганелон сидел слева от меня и болтал без умолку. Я только теперь понял, как дорог был его сердцу Авалон. Он успел побывать на местах своих бывших стоянок, где его шайка скрывалась после разбоя, обошел поля сражений, где выигрывал битвы. Я был тронут. Плохое и хорошее так удивительно сочеталось в этом человеке, что ему следовало родиться эмберийцем.

Миля уходила за милей. Черная дорога приближалась, и внезапно я почувствовал сильное давление на мозг. Я прервал Ганелона на полуслове и резко сказал:

— Возьми вожжи.

— Что случилось?

— Потом. Возьми вожжи. Скорее!

— Мне погонять?

— Нет. Едем как ехали. И, ради бога, заткнись хоть на минутку.

Я закрыл глаза, положил голову на скрещенные руки, опустошил мозг и воздвиг стены вокруг этой пустоты. Никого нет дома. Перерыв на обед. Прием окончен. Сдается внаем. Занято. Частная собственность. Осторожно, злая собака. Скользко, если мокро. Полностью разрушен для дальнейшего восстановления...

Давление прошло, возобновилось с новой силой, вновь прошло, вновь возобновилось. Каждый раз я блокировал попытку контакта.

Затем меня оставили в покое.

— Порядок, — сказал я и, облегченно вздохнув принялся тереть глаза.

— В чем дело?

— Кто-то пытался со мной связаться, способом тебе непонятным. Голову даю на отсечение, это был Бенедикт. Он наверняка все разнюхал и теперь бросится за нами в погоню. Дай мне вожди.

— Он нас догонит?

— Думаю, нет. Мы отъехали достаточно далеко, и, как только у меня перестанет рябить в глазах, я займусь отражениями.

Я взял вожди. Дорога наша стала петлять, постепенно сближаясь с Черной дорогой. Через некоторое время мы оказались в нескольких ярдах от нее.

— Знакомая картина, — нарушил молчание Ганелон. — Повсюду струйки тумана, и, если смотреть пристально, кажется, что краешком глаза видишь какое-то движение.

Я закусил губу. Меня бил озноб. Я пробовал найти такое отражение, где Черной дороги не было бы, но у меня ничего не получалось. Когда пытаешься уйти на отражения из Эмбера, возникает такое ощущение, что ты уперся лбом в каменную стену. Чувство, которое появилось у меня сейчас, было другим: я испытывал сопротивление, преодолеть которое казалось невозможным.

Мы шли по отражениям. Солнце поползло с запада на восток, наступил полдень (мне не хотелось находиться рядом с этой черной гадостью в темноте), небо посветлело, деревья стали выше, на горизонте сверкали пики гор.

Неужели Черная дорога лежала на всех отражениях?

Не я ли был виноват в том, что она появилась?

К черту!

Мы ехали вдоль Черной дороги довольно долго. Вскоре до нее осталось сто футов. Пятьдесят...

Я натянул поводья. Вытащил трубку, набил ее, закурил и выпустил облако дыма. Чемпиону и Огнедышащему явно не понравился черный пейзаж. Они ржали и пытались свернуть в сторону.

Черная дорога пересекала наш путь. На ее обочине росла густая высокая черная трава. Вдалеке виднелись огромные черные валуны. Непроницаемый туман лежал в низинах, струйками поднимался от земли. Темное небо казалось каким-то грязным. На Черной дороге царила мертвая тишина, будто она, словно зверь, замерла, подстерегая добычу.

Затем раздался пронзительный крик. Женский голос звал на помощь. Уловка, старая как мир?

Он донесся из-за холмов справа и показался мне неправдоподобным. Впрочем, кто знает? Я мог ошибаться.

Бросив поводья, я соскочил с фургона и выхватил Грейсвандир из ножен.

— Пойду посмотрю, в чем дело.

— Возвращайтесь скорее.

Я перепрыгнул через придорожную канаву, продрался сквозь густой кустарник, преодолел довольно крутой подъем и очутился на вершине холма. Крик повторился, слышались какие-то непонятные звуки: я увидел внизу Черную дорогу, на которой футах в ста пятидесяти от обочины разыгрывалась странная сцена.

Если б не огонь костра, я мог бы подумать, что передо мной мелькают кадры черно-белого кино. Женщина в белом с черными распущенными волосами, ниспадающими до талии, была привязана к черному дереву, у ее ступней дымились черные головешки. С полдюжины мужчин, волосатых альбиносов, либо голых, либо срывающих остатки одежд, приплясывали, бормоча и ухмыляясь, тыкали в женщину палками, раздували костер и все время хватали себя между ног. Ее длинное белое платье, изодранное в лохмотья и обнажившее пышную фигуру, начало тлеть, а лица я разглядеть не смог из-за дыма.

В мгновение ока я спустился с холма, одним прыжком перемахнул через высокую черную траву, побежал вперед и бросился на волосатых уродов, снеся первому голову с плеч и проткнув шпагой второго. Остальные повернулись ко мне, угрожающе махая палками и что-то крича. Грейсвандир засверкала, как молния, и в несколько секунд с бандитами было покончено. Трупы валялись на черной земле, и жидкость, вытекавшая из них, тоже была черной.

Я резко повернулся, расшвырял костер ногой, подошел к женщине и, взмахнув шпагой, перерезал стягивающие ее веревки. Рыдая, она упала в мои объятия.

Только тогда я заметил ее лицо, вернее его отсутствие. На ней была маска, овальная и гладкая, с отверстиями для глаз.

Я отвел женщину подальше от горящих ветвей, и она прижалась ко мне всем телом, тяжело дыша. Подождав для приличия несколько секунд, я попытался осторожно высвободиться из ее объятия, но безуспешно. Для женщины она была на удивление сильна.

— Успокойтесь, не надо, все будет в порядке, — пробормотал я стандартные в таких случаях слова, но она не ответила, лишь прижалась еще сильнее и начала ласкать — грубо, искусно, вызывая вполне определенное возбуждение, которое меня в первый момент озадачило. С каждой секундой она становилась все желаннее. Я вдруг понял, что провожу рукой по ее волосам, глажу податливое тела.

— Успокойтесь, — повторил я. — Кто вы? Почему вас хотели сжечь? Как вы сюда попали?

И вновь я не получил ответа. Она перестала плакать, но дышала тяжело — правда, совсем по другой причине.

— Зачем вы надели маску? — Я попытался снять ее, но женщина резко откинула голову.

Впрочем, я не придал этому никакого значения. Понимая рассудком, что возникшая страсть нелепа, я был так же беспомощен, как боги эпикурейцев, и хотел одного: обладать этой женщиной, причем немедленно.

Затем мне показалось, что Ганелон громко зовет меня, и я хотел было повернуться, но она удержала меня. Я был просто поражен ее силой.

— Дитя Эмбера, — раздался голос, знакомый и незнакомый в одно и то же время. — Мы — твои должники, и сейчас ты будешь весь наш.

Словно издалека я услышал крики Ганелона, обрушившего на мою голову поток отборной матерной ругани.

Я напряг мускулы и почувствовал, как ослабевает и разжимается кольцо ее рук. Затем я сорвал с нее маску.

Когда я освободился, женщина коротко, зло вскрикнула, а когда маска оказалась в моей руке, сказала всего четыре слова, оказавшиеся последними:

— Эмбер должен быть разрушен!

Под маской лица не было, одна пустота.

Сама она — оно — исчезло. Белое платье упало на землю.

Повернувшись, я увидел, что Ганелон лежит на обочине Черной дороги, и ноги его неестественно вывернуты. Он рубил шпагой направо и налево, но я не понял, что случилось, и быстро подбежал к нему.

Высокая черная трава, которую я перепрыгнул, бросившись на крик о помощи, крепко обвила лодыжки и бедра моего спутника. Правда, ему удалось частично освободить правую ногу, но трава кидалась, как зверь, пытаясь поймать руку со шпагой. Я пустил в ход Грейсвандир, встал позади Ганелона и тут только заметил, что все еще держу маску. Я бросил ее на черную землю, и она задымилась.

Я взял Ганелона под мышки и оттащил от обочины. Трава сопротивлялась, не желая уступить, но я оказался сильнее.

Он с трудом встал, опираясь на меня, и воскликнул, хлопая себя по бедрам:

— Мои ноги! Они как мертвые!

Я помог ему добраться до фургона, и Ганелон уцепился за его борт.

— Щекотно, — заявил он, топая ногами. — Кажется, я начинаю что-то чувствовать. О-о-о-о!

В конце концов он с трудом забрался на козлы, и я сел рядом. Ганелон вздохнул.

— Вроде бы полегчало, — сказал он. — По-моему, онемение проходит. Эта дрянь высосала из меня все силы. А у вас что случилось?

— Ты оказался прав. Это — проклятое место.

— Что будем делать?

Я взял вожжи в руки и снял фургон с тормоза.

— Поедем, никуда не сворачивая. Мне надо кое-что выяснить. Держи шпагу наготове.

Он буркнул что-то нечленораздельное и положил шпагу на колени. Лошадям моя идея пришлось не по нутру, так что пришлось легонько стегнуть их кнутом.

Мы въехали на Черную дорогу, и мне показалось, что я сижу в кинозале и смотрю картину о второй мировой войне. Реалистичный, страшный, пугающий фильм о недалеком прошлом. Даже скрип фургона и стук копыт звучали глухо, доносились как бы издалека. У меня зазвенело в ушах. Трава заволновалась, когда мы проезжали мимо, хотя я выбрал такое место на обочине, где она не росла. Клубившийся туман не имел запаха, но тем не менее в низинах было трудно дышать. У первого же валуна я начал менять отражения и свернул направо.

Черный пейзаж остался неизменным.

Это меня взбесило.

Я вызвал в памяти Лабиринт и удержал его перед своим мысленным взором. Лабиринт горел, полыхал огнем. Я вновь поменял отражения.

В ту же секунду что-то лопнуло у меня в голове. Страшная боль пронзила мозг, словно его проткнули раскаленным железным прутом. Вот тогда я разозлился по-настоящему и напряг все силы, стараясь добиться перемен, превратить Черную дорогу в ничто.

Предметы потеряли очертания. Туман сгустился. Я встряхнул вожжами, и лошади перешли на бег. В голове у меня загудело, она разбухла от боли и, казалось, сейчас взорвется.

Но взорвалась не моя голова, а Вселенная.

Земля затряслась, пошла трещинами. Окружающий нас мир забился в эпилептическом припадке и рассыпался, словно головоломка. Я увидел зеленую ветвь, висевшую в пустоте рядом с лужицей воды; проблеск голубого неба по соседству с темнотой; вход в кирпичное здание; лица за окном; звезды...

Отовсюду раздавались звериные крики, человеческие голоса, грохот машин. Мне показалось, что Ганелон выругался, но я не был в этом уверен.

От нестерпимой боли я терял сознание, но из упрямства и злости твердо решил бороться, пока хватит сил. Я сконцентрировался на Лабиринте — так утопающий хватается за соломинку, а умирающий вызывает к богу — и ударил по Черной дороге всей силой воли, чтобы и памяти о ней не осталось.

Внезапно у меня перестала болеть голова. Лошади неслись во весь опор по зеленому полю. Ганелон перехватил вожжи, но я уже натянул их, крича на испуганных животных. Фургон остановился.

Мы пересекли Черную дорогу.

Я повернулся.

Воздух сзади дрожал и колебался, непрерывно меняя очертания мира. И лишь там, где мы проехали, четко видна была тропинка, поросшая зеленой травой.

— Когда вы отправляли меня в ссылку, дорога была лучше, — заметил Ганелон.

— Спору нет, — согласился я и принялся успокаивать лошадей, разговаривая с ними ласковым тоном

и понукая, чтобы свернуть с поля на тракт.

Солнышко ласково пригревало, на щедрой темной земле росли высокие травы. Впереди показался сосновый лес, и, въехав в него, мы почувствовали одурманивающий запах свежих иголок. В ветвях прыгали белки, переговаривались птицы. Я был очень доволен, что мне все-таки удалось попасть на другое отражение, именно то, которое мне было нужно.

Наша дорога круто свернула, заворачивая чуть ли не в обратном направлении, стала петлять, и вновь мы увидели справа Черную дорогу, зловещую и незыблемую. Видимо, она действительно пересекала все отражения.

Моя головная боль окончательно прошла, сердце перестало колотиться как бешеное. Мы поднялись в гору, и с вершины ее перед нами открылся прекрасный вид на высокие холмы, зеленые луга, перелески, напоминавшие мне о путешествии по Пенсильвании, которое я совершил много лет назад. Я с наслаждением потянулся и посмотрел на Ганелона.

— Как ты себя чувствуешь?

— Нормально. — Он оглянулся. — Послушайте, Корвин, у меня очень хорошее зрение.

— Зачем ты мне это говоришь?

— Там, вдалеке, я вижу всадника, который быстро к нам приближается.

Я быстро встал и повернулся. Он был очень далеко, по ту сторону Черной дороги, но кто еще мог нестись во весь опор по нашему следу?

Я выругался и схватил вожжи.

— Готовься еще к одной бешеной скачке, — сказал я Ганелону.

— Это Бенедикт?

— Думаю, да. Слишком много времени мы потеряли на Черной дороге. Когда Бенедикт один, он может мчаться по отражениям со скоростью ветра.

— Вы считаете, нам удастся уйти от погоня?

— Там видно будет. Скоро выясним.

Я прикрикнул на лошадей и взмахнул кнутом.

Разыгралась буря. Фургон накренился, выровнялся; скала справа от нас закрыла небо. Мы объехали ее, и темнота сгустилась, пошел сухой снег, жалящий наши лица и руки.

Мы катились вниз, и снегопад сменился метелью, слепившей глаза. Ветер визжал в ушах, фургон подскакивал на выбоинах, его заносило. Вокруг нас стояли сугробы; вместе с дыханием изо рта вырывался пар; ледяные сосульки свисали с ветвей деревьев.

Мгновенное помутнение чувств... Достаточно...

Мы продолжали нестись вперед, и ветер визжал и плакал, заметая дорогу снегом.

Поворот... Буран прекратился, на безоблачном небе светило солнце, согревая землю, все еще покрытую снегом и льдом...

...И, проехав сквозь туман, мы очутились на безжизненном каменистом плато...

...А затем свернули направо и вновь увидели солнечный свет, зеленую долину, нагромождение голубых камней...

...И Черную дорогу вдалеке.

Жара стояла невыносимая, от земли поднимались испарения. Кипящие ручьи пузырились, влажным воздухом невозможно было дышать. Мелкие лужицы блестели, словно бронзовые монеты.

Лошади понесли, обезумев от страха, а вдоль дороги стали бить гейзеры. Горячие струи воды пролетали мимо нас, разливаясь по земле широкими реками. Небо было цвета меди, а солнце похоже на печеное яблоко. Зловонный ветер пыхтел, как собака, у которой несло падалью изо рта.

Земля дрожала, и где-то вдалеке взорвалась вершина холма, плюясь в небо огненными струями. Взрывная волна ударила нас, чуть не сбросив с козел. Фургон кидало в разные стороны.

Земля продолжала дрожать, ураганный ветер свистел в ушах. Мы свернули с дороги, и я погнал лошадей по каменистой равнине. Повсюду возвышались горы, очертания которых плясали в раскаленном воздухе.

Ганелон дотронулся до моей руки и что-то сказал, но слов разобрать было невозможно. На всякий случай я оглянулся, но увидел лишь завесу из пыли, гари и пепла. Я пожал плечами и сконцентрировал все свое внимание на ближайшем холме, у подножья которого небо потемнело.

Перед нами все отчетливее вырисовывался вход в огромную пещеру. Я щелкнул кнутом и погнал лошадей.

Мы въехали в огромный грот с высокими сводами. Из трещин в потолке лился слабый свет, повсюду висели сталактиты, с которых капала странная голубая вода, собиравшаяся в небольшие озерца. Земля все еще дрожала, а моя временная глухота прошла, в чем я убедился, услышав слабое звяканье от падения гигантского сталагмита.

Мост из известняка рухнул, как только мы проехали по нему над бездонной пропастью. И вновь пещера уводила вглубь, а мелкие (и не очень мелкие) камни сыпались на нас со сводчатого потолка. Зеленые и красные лишайники сверкали в трещинах стен, расцвеченных прожилками минералов; кристаллы горного хрусталя и каменные цветы придавали этому месту особую неземную красоту.

Мы миновали анфиладу пещер и начали подниматься по извилистой каменной галерее.

— Когда мы мчались к холму, — сказал Ганелон, и голос его звучал приглушенно, — мне показалось, что на горе появился всадник.

Пещера закончилась большим светлым гротом.

— Если это был Бенедикт, я ему не завидую, — громко крикнул я, и вслед за эхом моего голоса сзади послышался грохот обвала.

Подъем становился все круче, и наконец впереди забрезжил солнечный свет и показался кусочек голубого неба. Копыта звонко стучали, мимо нас пролетели несколько птичек, земля перестала дрожать.

Наш фургон, плавно покачиваясь, выехал из пещер, прогрехотал по поросшей мхом каменистой тропинке и плавно покатился по дорожке, посыпанной гравием, ведущей к подножью холма, на котором росли гигантские деревья.

Я прищелкнул языком и тряхнул вожжами.

— Лошади очень устали, — сказал Ганелон.

— Знаю. Скоро отдохнут.

Гравий скрипел под колесами, деревья источали нежный аромат.

— Вы видели? Там, справа?

— Что?.. — Я вздрогнул и повернул голову. — О, вот ты о чем.

Проклятая Черная дорога тянулась примерно в миле от нас.

— Интересно, сколько отражений она пересекает? — пробормотал я себе под нос.

— Все, какие есть, — ответил Ганелон.

Я медленно покачал головой.

— Надеюсь, ты ошибаешься.

Мы продолжали спускаться к подножью холма, а над нами раскинулось голубое небо и светило солнце, путешествующее, как ему было положено, с востока на запад.

— Честно говоря, я боялся, что, выехав из пещер, мы попадем из огня да в полымя, — признался Ганелон.

— Я не хотел загонять лошадей, поэтому выбрал отражение, на котором они могут хоть немного отдохнуть. Если за нами гонится Бенедикт, он достаточно утомил коня, пытаюсь нас догнать. Думаю, он не бросится очертя голову на те отражения, где мы только что были.

Дорога свернула вправо.

— А может, его конь приучен ко всем этим переменам, — буркнул Ганелон.

— Все может быть, — машинально ответил я, думая о Даре и о том, что она сейчас делает.

Мы продолжали спускаться по склону холма, и я потихоньку производил необходимые изменения. Наша дорога все время сворачивала вправо, медленно, но верно приближаясь к Черной дороге.

— Черт! — выругался я, чувствуя, что моя злость превращается в ненависть. — Эта черная гадость настойчивей страхового агента! Ну ничего, придет время, я займусь ею всерьез!

Ганелон промолчал. Впрочем, он не мог говорить, потому что уже с полминуты не отрывался от горлышка бутылки с водой. Увидев, что я на него смотрю, он протянул мне бутылку, и я вволю напился.

Спуск закончился. Дорога, петляя, как заяц, уходила в глубь лесистой равнины. Это меня устраивало. Во-первых, лошади смогут отдохнуть, а во-вторых, если за нами действительно гонятся, выследить нас будет нелегко.

Примерно часом позже я решил, что опасность миновала. Мы остановились, чтобы перекусить, и почти закончили трапезу, когда Ганелон, не отрывавший взгляда от далекой вершины холма, вскочил на ноги, прикрывая глаза ладонью от солнца.

— Нет! — воскликнул я, быстро поднимаясь. — Этого не может быть!

Одиноким всадник выехал из пещеры. На мгновение он остановился, потом прищипорил коня и поскакал по нашему следу.

— Что будем делать? — спросил Ганелон.

— Уберемся отсюда как можно скорее. Постараюсь по крайней мере отсрочить неизбежное. Мне надо подумать.

Мы поехали вперед не торопясь, но мысли в моем мозгу мелькали с сумасшедшей скоростью. Неужели же не было способа как-то его остановить? Ничего путного мне в голову не приходило.

Стоял прекрасный полдень, и окружающий пейзаж портила лишь Черная дорога, к которой мы неуклюже приближались. Мне не хотелось портить его еще и пролитой кровью, в особенности если она окажется моей. Несмотря на то что у Бенедикта не было правой руки, я все равно боялся скрестить с ним шпаги. От Ганелона ждать помощи не приходилось — мой старший брат прихлопнет его, как муху, и не заметит.

В очередной раз повернув направо, я поменял отражения и вскоре почувствовал запах дыма.

— Он нас догоняет! — вскричал Ганелон. — Я только что... Смотрите, дым! Пожар! Лес горит!

Я рассмеялся и посмотрел через плечо. Холмы затянуло дымом, оранжевое пламя плясало по траве, слышался треск горящих ветвей. Наши лошади по собственной инициативе ускорили бег.

— Корвин! Это... вы?

— Да! Если б склон был крутым и на нем не росли деревья, я пустил бы по нему лавину!

На какое-то мгновение небо почернело от птиц. Мы ехали совсем близко от Черной дороги. Огнедышащий поднял голову и заржал. На его удилах застыли клочья пены. Он попытался встать на дыбы, потом взбрыкнул. Чемпион испуганно захрипел и кинулся вправо. Несколько драгоценных минут ушло у меня на то, чтобы успокоить лошадей и пустить их галопом.

— Он скачет за нами! — воскликнул Ганелон.

Я выругался и хлестнул лошадей. Мы ехали параллельно Черной дороге, никуда не сворачивая, и, оглянувшись, я увидел, что весь холм объят пламенем, а всадник несется по горящему склону во весь опор. Господи! На каком отражении Бенедикт откопал такого коня?

Я решительно натянул поводья, и постепенно лошади замедлили бег, остановившись футах в сорока от Черной дороги.

В конце концов, какая разница, где драться? И кто знает, может быть подсознательно у меня возникла болезненная тяга к этому черному миру, так сильно контрастирующему с тем, в котором я жил.

Я протянул вожжи Ганелону и соскочил на землю.

— Что вы собираетесь делать? — спросил он.

— Нам не удалось уйти от погони, и если Бенедикт прорвется сквозь огонь, он будет здесь через несколько минут. Бежать нет смысла.

Ганелон закрутил вожжи вокруг рожка козел и взялся за шпагу.

— Нет, — сказал я. — Ты никак не сможешь повлиять на исход поединка. Отгони фургон назад и жди. Если все закончится благополучно, мы продолжим путь. Если со мной что-нибудь случится, немедленно сдавайся Бенедикту. Ему нужен только я, и он единственный, кто может отвести тебя в Авалон. По крайней мере, ты окажешься на родине.

Ганелон нерешительно на меня посмотрел.

— Слушай, что тебе говорят, — сказал я. — Не медли.

Мой спутник опустил глаза и взял вожжи в руки.

— Желаю удачи! — воскликнул он и легонько хлестнул лошадей.

Я сделал несколько шагов в сторону и очутился рядом с полянкой, на которой росли молодые деревца. Затем я вынул Грейсвандир из ножен, бросил взгляд на Черную дорогу сзади и стал ждать.

Всадник, окутанный дымом, появился у самой границы огня. Сомнений не оставалось: это был Бенедикт. Закутав лицо шарфом и прикрывая обрубком руки глаза, он неслся по склону холма, словно грешник, спасающийся из преисподней.

Скоро я услышу стук копыт. Из учтивости мне, конечно, следовало спрятать шпагу в ножны, но я боялся, что не успею ее вытащить.

Я попытался представить, какое оружие Бенедикт выберет для поединка. Впрочем, это не имело значения, потому что он одинаково хорошо владел всеми видами оружия. Ведь это Бенедикт научил меня фехтовать...

Может быть, вложить шпагу в ножны будет не только учтиво, но и разумно. Вдруг он захочет сначала поговорить? Я понимал, что сам напрашиваюсь на неприятности, но ничего не мог с собою поделать. Мне было страшно.

Я вытер мокрую от пота ладонь о плащ в тот момент, когда Бенедикт показался за поворотом. Думаю, мы увидели друг друга одновременно, и он тут же ослабил поводья, переходя с галопа на рысь. Однако останавливаться он явно не собирался.

У меня возникло такое ощущение, что свершается великое таинство. Окружающий мир стал нереален. Казалось, время остановилось, и я ждал целую вечность, глядя на человека, который был моим братом. В грязной одежде, с лицом, почерневшим от копоти, он приближался ко мне, нелепо задрал обрубком правой руки к небу. Огромный черный конь с красной гривой и красным хвостом бешено вращал глазами. На губах его застыли клочья пены, и дышал он так тяжело, что больно было смотреть. Шпага Бенедикта висела на перевязи за спиной. Управляя конем с помощью ног, он свернул с дороги, не отрывая от меня горящего взгляда. Левая рука его взметнулась, словно отдавая салют, и ухватила за эфес, торчавший над правым плечом. Шпага со свистом вылетела из ножен, очертила сверкающий полукруг и замерла, нацеленная для смертельного удара. Сталь клинка блестела, как осколок зеркала. В эту минуту Бенедикт был настолько величествен, что я даже растрогался. Его шпагу, напоминающую формой косу, я видел раньше. Только тогда мы стояли плечом к плечу и отражали нападение врагов, которых, как я считал, победить было невозможно. В ту ночь Бенедикт доказал, что я ошибаюсь. Теперь это грозное оружие он направил против меня, и неожиданно я почувствовал, что могу умереть, — ощущение, которое я испытывал впервые в жизни.

Мое оцепенение прошло, и я отступил, встав за молодые деревца. Конь Бенедикта остановился, захрипел и повернулся боком, выбрасывая из-под копыт комья торфа. Из ноздрей его шел пар. Рука Бенедикта мелькнула с молниеносной быстротой, подобно языку жабы; перерубленное деревце примерно в три дюйма толщиной стояло на месте и медленно упало на траву.

Каблуки сапог со стуком ударили в землю, и вот уже Бенедикт шел ко мне, небрежно помахивая шпагой направо и налево, а молодые деревца падали, освобождая ему путь. Если б только он не был таким уверенным в себе, если б только он не был Бенедиктом...

— Бенедикт, — произнес я самым обычным тоном. — Она уже взрослая и вправе принимать любые решения самостоятельно.

Он и бровью не повел. Клинок звенел, проносясь по воздуху, тупо вгрызался в дерево, замедлял движение на долю секунды и вновь звенел с прежней силой.

Я поднял Грейсвандир, направив острие ему в грудь.

— Ни шагу дальше! Я не хочу с тобой драться!

Он встал в позицию и произнес только одно слово:

— Убийца!

Затем неуловимым движением он отбил мою шпагу далеко в сторону. Я блокировал прямой удар и сделал выпад, который Бенедикт небрежно отпарировал, продолжая наступать.

— Не понимаю, — сказал я, отражая атаку. — Я давно никого не убивал. Тем более в Авалоне.

Очередное перерубленное деревце начало падать, и Бенедикт чуть было меня не достал. Я успел отскочить в последнюю секунду.

— Убийца! — повторил он.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Лжец!

Я уперся ногам в землю и перестал отступать. Черт побери! Какая бессмыслица — умирать из-за поступка, которого ты не совершал! Я стал фехтовать быстрее, пытаюсь найти незащищенное для атаки место.

Такого места не существовало.

— По крайней мере скажи, в чем дело! — вскричал я. — Прошу тебя!

Но Бенедикт, видимо, сказал все, что хотел. Он продолжал идти вперед, и я вновь вынужден был отступить. Фехтовать с Бенедиктом было все равно что драться с горной лавиной. Я подумал, что он сошел с ума, но легче от этого мне не стало. Если б на его месте оказался кто-нибудь другой, потеря рассудка рано или поздно заставила бы его допустить ошибку. Но рефлексы моего брата вырабатывались на протяжении многих веков, и я был искренне убежден, что движения Бенедикта останутся столь же уверенными и отточенными, даже если ему вырежут мозжечок.

Мое внимание было настолько поглощено поединком, что я не заметил, как в него вмешался Ганелон.

Издав боевой клич, он накинулся на Бенедикта сзади и прижал его руку со шпагой к туловищу.

Пожелай я убить Бенедикта в этот момент, у меня ничего не получилось бы, поскольку Ганелон недооценил силу и ловкость моего брата.

В мгновение ока он отклонился вправо, прикрываясь Ганелоном как щитом, и ударил его обрубком правой руки в висок. Подхватив обмякшее тело, он что было сил швырнул его в мою сторону. Я еле успел отскочить, а Бенедикт подобрал с земли оброненную шпагу и снова кинулся в наступление. Краешком глаза я увидел, что Ганелон неподвижно лежит шагах в десяти от меня.

И вновь я лишь парировал атаки, продолжая отступать. Про запас я держал одну маленькую хитрость, хотя мне прискорбно было думать, что она не удастся и тогда Эмбер лишится своего законного владыки.

К сожалению, фехтовать с левой всегда труднее, чем с «правшой». Тут мне не повезло, потому что я должен был кое-что проверить, а излишне рисковать не хотел. Впрочем, выхода у меня не было.

Сделав шаг назад и очутившись вне пределов досягаемости его шпаги, я отклонил корпус и бросился в атаку. Это был до тонкости рассчитанный маневр, но результат получился совершенно неожиданным (я до сих пор убежден, что мне просто повезло), потому что мне удалось пробить его защиту и задеть мочку уха. Я попытался развить успех, но к Бенедикту было не подступиться. Он даже не обратил внимания на эту пустяковую царапину, хотя кровь капала на плечо. Впрочем, мне тоже не стоило отвлекаться по пустякам.

Я сделал то, что должен был сделать и чего боялся. Я чуть-чуть открылся, зная, что он мгновенно воспользуется моей оплошностью и нанесет прямой удар в сердце.

Я не ошибся. Мне до сих пор не хочется вспоминать, как близок я был тогда к смерти.

И вновь я начал отступать, выбираясь на открытое место. Я только защищался, не проводя ни одной атаки, делая вид, что ничего не могу придумать.

Затем я опять открылся точно так же, как в первый раз, и опять остановил Бенедикта в самый последний момент, а он стал теснить меня с удвоенной силой, прижимая к обочине Черной дороги.

Тут я наконец перестал отступать, уперся ногами в землю и постепенно стал менять положение тела, стремясь очутиться именно там, где задумал. Мне придется сдерживать его атаки несколько мгновений, чтобы он встал...

Это были очень неприятные мгновения, но я бился отчаянно, так как терять мне было нечего.

Затем я опять открылся.

Я знал, что меня ждет все тот же прямой укол в сердце, и поэтому приготовился заранее. Не дожидаясь конца атаки, я слегка ударил по его шпаге, отбивая ее в сторону, спружинил ноги и прыгнул назад, оказавшись на Черной дороге. В ту же секунду я вытянул Грейсвандир во всю длину руки, почти касаясь плеча Бенедикта.

Он сделал то, на что я надеялся. Пренебрежительно отбив мою шпагу, он шагнул вперед...

... и вступил на полянку черной травы, которую я перепрыгнул.

Сначала я даже не осмелился поглядеть вниз. Я стоял и дрался, не отступая ни на шаг, предоставив флоре возможность осуществить свой замысел.

Прошло не меньше минуты, прежде чем Бенедикт понял, что с ним произошло нечто непонятное. Он попытался передвинуть ноги, и на лице его появилось сначала изумление, потом беспокойное выражение. Трава выполнила свою миссию.

Правда, я сомневался, что ей удастся долго удержать Бенедикта, и поэтому я отбежал в сторону и снова через нее перепрыгнул, теперь уже в обратном направлении. Бенедикт попытался повернуться, но ноги его до самых колен были, как в тисках, и он покачнулся, с трудом удержав равновесие.

Я остановился за его спиной. Один выпад — и мой брат стал бы покойником, но, естественно, сейчас в этом не было необходимости.

Он перекинул руку со шпагой через плечо и постепенно начал высвобождать левую ногу, напряженно следя за каждым моим движением.

Я сделал шаг вправо и ударил его клинком Грейсвандир плашмя по шее.

Бенедикт застыл на месте, слегка оглушенный, и тогда я подошел к нему вплотную и стукнул костяшками пальцев по почке, а когда он согнулся — снова по шее, на этот раз кулаком. Бенедикт упал как подкошенный, а я вытащил шпагу из его руки и отбросил далеко в сторону. Кровь продолжала течь из мочки уха моего потерявшего сознание брата, создавая впечатление какой-то экзотической серьги.

Я отложил Грейсвандир, схватил Бенедикта под мышки и оттащил от Черной дороги. Трава сопротивлялась изо всех сил, но я напряг мускулы и одержал верх.

Очнувшийся Ганелон, хромая, подошел ко мне и устоял на Бенедикта.

— Это — воин! — воскликнул он. — Да, это — воин! Что вы собираетесь с ним делать?

Я поднял Бенедикта на руки.

— Отнести к фургону. А ты подбери, пожалуйста, наши шпаги.

— Хорошо.

Я пошел по дороге и, поравнявшись с фургоном, бережно положил Бенедикта под высокое дерево, росшее на обочине. Слава богу, он так и не пришел в сознание и тем самым избавил меня от лишних хлопот.

Когда Ганелон вернулся, я вложил шпаги в ножны, а потом попросил его развязать несколько коробок и принести мне веревки. Он отправился выполнять мое поручение, а я быстро обыскал Бенедикта и нашел то, что искал.

Мы крепко привязали Бенедикта к стволу дерева, стреножили черного коня у ближайшего куста и повесили на тот же куст шпагу, напоминавшую косу.

Затем я забрался на козлы, а Ганелон сел рядом.

— Вы решили оставить его здесь? — спросил он.

— Временно.

Я встряхнул вожжами, и мы плавно покатали по дороге. Ганелон не утерпел и оглянулся.

— Ваш брат все еще без сознания, — сообщил он и, помолчав, добавил; — Никто не мог так запросто меня бросить одной левой.

— Именно поэтому я приказал тебе ждать меня у фургона, а не лезть в драку.

— А что с ним теперь будет?

— Я позабочусь о Бенедикте.

— Значит, за него можно не беспокоиться?

Я кивнул.

— Это хорошо.

Примерно через две мили я остановил лошадей и спрыгнул на землю.

— Не удивляйся, что бы ни случилось, — сказал я Ганелону. — Я постараюсь, чтобы Бенедикту оказали помощь.

Я сошел с дороги, встал в тени деревьев и вытащил колоду карт, которую, естественно, Бенедикт всегда носил с собой. Быстро просмотрев ее, я выбрал карту Жерара, а остальные положил обратно в деревянный ящик с инкрустацией слоновой костью на крышке и обитый изнутри шелком. Бенедикт бережно относился к вещам.

Я держал перед собой карту Жерара и смотрел на нее.

Через некоторое время она стала теплой на ощупь, изображение зашевелилось. Я почувствовал присутствие Жерара. Он был в Эмбере и шел по одной из улиц, которую я сразу узнал. Он был очень на меня похож, только подбородок чуть больше выдавался вперед, а тело казалось необычайно мощным. Я заметил, что Жерар отпустил бороду.

Он резко остановился и уставился на меня.

— Корвин!

— Да, Жерар. Ты прекрасно выглядишь.

— Твои глаза! Ты видишь!

— Да, я вижу.

— Где ты?

— Приходи в гости, узнаешь.

Он прищурился.

— Никак не могу, Корвин. Извини, но сегодня я занят.

— Речь идет о Бенедикте. Насколько я знаю, только ты можешь ему помочь.

— Бенедикту?! У него что-нибудь случилось?

— Да.

— Тогда почему он сам ко мне не обратился?

— У него нет такой возможности.

— Что ты имеешь в виду?

— Слишком долго объяснять. Поверь, Бенедикту необходима твоя помощь.

Он закусил нижнюю губу.

— А сам ты не можешь ее оказать?

— Нет.

— А я могу?

— Безусловно.

Он взялся за эфес шпаги.

— Мне бы не хотелось думать, что ты решил заманить меня в ловушку, Корвин.

— Я говорю правду. Если б я хотел тебя обмануть, то придумал бы историю куда более убедительную.

Он тяжело вздохнул.

— Хорошо.

— Жду тебя, — сказал я и протянул руку.

Он кивнул. Сделал шаг вперед. Хлопнул меня по плечу. Улыбнулся.

— Корвин. Я рад, что у тебя есть глаза.

Я отвернулся.

— Спасибо.

— Кто это в фургоне?

— Друг. Его зовут Ганелон.

— А где Бенедикт? Что случилось?

Я махнул рукой.

— Примерно в двух милях отсюда, у самой обочины. Он крепко привязан к дереву.

— Тогда почему ты здесь?

— Скрываюсь от погони.

— Кто за тобой гонится?

— Бенедикт. Это я связал Бенедикта, а его коня стреножил рядом.

Жерар нахмурился.

— Не понимаю.

Я покачал головой.

— Произошло какое-то недоразумение. Бенедикт не пожелал меня выслушать, и мы скрестили шпаги. Мне удалось оглушить его и привязать к дереву. Я не мог поступить иначе, потому что, придя в сознание,

он тут же накинулся бы на меня еще раз. Но в беспомощном состоянии его тоже нельзя оставить, поэтому я позвал тебя. Пожалуйста, освободи Бенедикта и отведи его домой.

— А ты что собираешься делать?

— Убраться отсюда как можно скорее и скрыться на отражениях. Ты окажешь нам обоим большую услугу, если уговоришь Бенедикта прекратить преследование. Я не хочу с ним драться.

— Понятно. Может, все-таки расскажешь мне, что случилось?

— Сам не пойму. Он назвал меня убийцей. Даю тебе мое честное слово, что за все время пребывания в Авалоне я никого не убивал. Пожалуйста, передай это Бенедикту. У меня нет причин тебе лгать, и я клянусь, что говорю правду. Есть еще одно обстоятельство, из-за которого он мог меня возненавидеть. Если Бенедикт упомянет о нем, скажи, чтобы он серьезно поговорил с Дарой. Она все ему объяснит.

— Что именно?

Я пожал плечами.

— Если Бенедикт заведет этот разговор, ты все узнаешь. Если нет, позабудь о том, что я тебе рассказал.

— Значит, с Дарой?

— Да.

— Хорошо, я выполню твою просьбу... Послушай, как тебе удалось бежать из Эмбера?

Я улыбнулся.

— Праздное любопытство? Или ты готовишься к худшему?

Он ухмыльнулся.

— Хотелось бы знать, на всякий случай.

— Увы, брат мой! Мир не подготовлен к этому знанию. Если б я кому сказал, то только тебе, но ты ничего не выиграешь, а мне оно может пригодиться в будущем.

— Иными словами, ты нашел способ появляться в Эмбере и исчезать из него, когда тебе вздумается. Что ты намерен предпринять, Корвин?

— А ты как думаешь?

— Ответ, естественно, напрашивался сам собой. Не знаю, что и сказать. Я в растерянности.

— Почему?

Он указал в сторону Черной дороги.

— Она доходит уже до подножья Колвира. Разнообразные твари используют ее для нападения на Эмбер. Мы защищаемся и всегда побеждаем, но они атакуют все чаще, все яростнее. Сейчас не время думать о троне, Корвин.

— Наоборот. Самое время о нем подумать.

— Ты говоришь о себе, а я — о благополучии Эмбера.

— Эрик справляется со своими обязанностями?

— Безусловно. Я же сказал, что мы всегда побеждаем.

— Я не о том. Он пытался выяснить причину возникновения Черной дороги?

— Я и сам прошел по ней довольно большое расстояние.

— И?..

— Мне не удалось дойти до конца. Ты ведь знаешь, что чем дальше от Эмбера, тем непонятнее становятся отражения?

— ...А потом ты теряешь над ними контроль и постепенно сходишь с ума?

— Да.

— ...За этими отражениями лежит Царство Хаоса. Я убежден, что дорога ведет туда, Корвин.

— Значит, мои опасения подтверждаются, — сказал я.

— Вот почему, независимо от того, склоняюсь я на твою сторону или нет, мне хочется, чтобы ты отказался от осуществления своих планов. Безопасность государства — прежде всего.

— Понятно. Будем считать, что наш разговор закончен.

— Какое решение ты принял?

— Ты ведь не знал моих планов, поэтому нет смысла говорить, что они остались неизменными. И тем не менее они остались неизменными.

— Я не уверен, что хочу пожелать тебе удачи, но счастья желаю от всей души. Я рад, что ты снова видишь. — Он крепко пожал мне руку. — А теперь пойду к Бенедикту. Я правильно тебя понял? С ним все в порядке?

— Безусловно. Я лишь оглушил его. Не забудь передать то, о чем просил.

— Не забуду.

— И отведи его в Авалон.

— Постараюсь.

— Что ж, до свидания, Жерар.

— До свидания, Корвин.

Он повернулся и пошел по дороге. Я смотрел ему вслед, пока он не скрылся за поворотом, затем положил его карту в колоду, забрался на козлы и вновь поехал по дороге, ведущей в Антверпен.

8

Я стоял на вершине холма, поросшего кустарником, и смотрел на дом. Настроение у меня было скверное.

Я и сам не знал, что ожидал увидеть. Пожарище? Машину у подъезда? Счастливое семейство, отдыхающее на веранде, меблированной красным деревом? Вооруженную охрану?

Крыша дома прохудилась в нескольких местах и требовала срочного ремонта. Лужайка заросла. Странно еще, что в доме было выбито всего одно окно, да и то сзади.

Итак, на первый взгляд, дом выглядел брошенным. Я задумался.

Расстелив на земле куртку, я уселся на нее и закурил. Других домов поблизости не было.

За алмазы я получил около семисот тысяч долларов, и на заключение сделки ушло полторы недели. Из Антверпена мы переехали в Брюссель, и несколько вечеров провели в Rue de Char et Pain, где и встретились с нужным мне человеком.

Выслушав мой заказ, Артур крайне удивился. Бывший офицер ВВС, невысокий, худой, с аккуратно подстриженными усиками, он прервал меня в самом начале разговора и, поминутно качая головой, засыпал вопросами о доставке. Когда речь клиента звучала невразумительно, Артур всегда волновался. Больше всего на свете его беспокоило, что неприятности с оружием могут произойти во время или сразу после доставки. Он почему-то считал, что это подрывает его авторитет, и обычно бывал куда услужливее других, когда речь шла о транспортировке. Мои планы его взволновали по той простой причине, что у меня их вообще не было.

Дело в том, то для соглашений подобного рода требуется сертификат, подтверждающий, что государство «Х» действительно заказало военную технику и имеет право на ее экспорт из страны-изготовителя. Документ этот придает соглашению официальный характер, даже если всем ясно, что оружие отправится в государство «У», как только пересечет границу. Так уж повелось, что за определенную плату можно заручиться поддержкой представителя посольства государства «Х» — желательно того, у кого есть родственники или друзья в Министерстве обороны, готовые подписать сертификат. Он стоит очень дорого, но я уверен, что Артур в одну секунду назвал бы и сумму, и людей, к которым надо было обратиться.

— И все-таки как вы собираетесь переправить груз? — в который раз задавал он вопрос, звучащий в разных вариантах. — Как вы доставите его к месту назначения?

— Пусть это вас не беспокоит. Я обо всем позабочусь.

Артур опять покачал головой.

— Не мелочитесь, полковник. На этом не следует экономить. — (Для него я был полковником — сам не знаю почему — со времени нашей первой встречи, лет двенадцать назад). — Нет, не следует. Экономив несколько долларов, вы рискуете потерять все и нажить кучу неприятностей. Послушайте, что я вам скажу: есть у меня на примете молодой представитель африканской республики, который очень недорого берет...

— Нет. Мне нужно только оружие.

Во время нашей беседы Ганелон молча сидел и дул пиво. Рыжая борода и разбойничье выражение на лице моего спутника выглядели впечатляюще. Он ни слова не понимал по-английски, но строго следовал моим инструкциям и изредка обращался ко мне на языке тари. Чистое мальчишество. Бедный старый Артур был прекрасным лингвистом, и ему очень хотелось выяснить, для кого предназначается оружие.

Когда я болтал с Ганелоном о всяких пустяках, Артур из кожи лез вон, пытаюсь определить, на каком языке мы разговариваем. В конце концов он начал многозначительно кивать, как будто ему это удалось, а затем вытянул шею и сказал:

— Я читаю газеты, полковник. И не сомневаюсь, что эти ребята могут дать вам гарантии. Все же...

— Нет, — перебил я. — Поверьте, когда я получу от вас автоматические ружья, они просто исчезнут с лица земли.

— Вы шутите. Даже я не знаю, где выполнят ваш заказ.

— Это не имеет значения.

— Хорошо, что вы уверены в себе. Но упрямство... — Он пожал плечами. — Впрочем, дело ваше.

Когда я объяснил, какие мне нужны патроны, Артур решил, что я окончательно свихнулся. Он уставился на меня, забыв покачать головой. Прошло минут десять, прежде чем мне удалось уговорить его хотя бы взглянуть на расчеты. За это время он пришел в себя и качал головой изо всех сил, невнятно бормоча о серебряных пулях и невзрывающихся капсюлях.

Наш спор разрешил самый неподкупный судья: наличные. Убедившись, что я непреклонен, Артур обрисовал мне ситуацию. Заказать и получить ружья несложно, купить грузовики — не проблема, но изготовление нужных мне патронов и капсюлей будет стоить бешеных денег. И вообще он не уверен, что военный завод согласится выполнить подобный заказ. Когда я сказал, что готов заплатить любую сумму, он расстроился еще больше. Если я могу позволить себе роскошь экспериментировать с патронами, которые не стреляют, и капсюлями, которые не детонируют, почему бы мне не приобрести сертификат...

Нет, ответил я, и еще раз нет. Кажется, мы уже договорились, напомнил я ему.

Он вздохнул и дернул себя за ус. Затем кивнул. Конечно, конечно. Будет так, как я решил.

Цену он заломил баснословную. Естественно. Если я не сошел с ума — значит, мне подвернулось выгодное дельце. Хоть его и заинтересовал мой заказ, он больше ни о чем не спрашивал, видимо, боясь быть замешанным в какую-нибудь неприглядную историю. Более того, как только ему удалось договориться с военным заводом (как выяснилось, в Швейцарии), он тут же свел меня с его представителем, получил комиссионные и был таков.

Мы с Ганелоном прибыли в Швейцарию по фальшивым паспортам. Он стал немцем, а я — португальцем. Мне, собственно, было наплевать на запись в паспорте, лишь бы фальшивка не подвела, но Ганелону я выбрал национальность с определенной целью. Во-первых, ему легко давался немецкий язык, а во-вторых, в Швейцарии всегда полным-полно немцев-туристов. По моему совету Ганелон говорил, что родился и вырос в Финляндии.

В течение трех недель я следил за тем, как выполняется мой заказ, и остался доволен результатами. Серебро, конечно, стоило очень дорого. Быть может, я перестарался, но что там ни говори, этот металл слишком часто оказывал мне услуги в Эмбере, а деньги никогда не были для меня проблемой. К тому же нет лучше пули — кроме золотой — для короля. И если я убью Эрика, может, кто и крикнет: «Слава павшему величию!» Будьте снисходительны ко мне, братья.

Убедившись, что заказ будет выполнен в срок, я отправил Ганелона путешествовать, благо он пустился во все тяжкие, вжившись в образ финского туриста. Он отбыл в Италию с камерой на шее и отсутствующим выражением на лице, а я сел в самолет и полетел домой, в Штаты.

Домой? Да. Я сидел на холме и смотрел на небольшой дом, в котором прожил больше десяти лет. Я возвращался в него, когда попал в ту самую автомобильную катастрофу, после которой начались мои мытарства.

Я затаился сигаретой. Тогда мое жилище не было столь запущенным. Я всегда тщательно за ним следил; и дом, и участок были полностью оплачены. Шесть комнат, гараж на две машины. Семь акров земли — практически весь склон холма. Большую часть времени я проводил в одиночестве. Мне здесь нравилось. Я любил возиться в мастерской, работать в уютном кабинете. Интересно, висит на его стене гравюра Мори или ее украли? Она называлась «Лицом к лицу», и на ней была изображена смертельная схватка двух воинов. Хорошо бы ее увидеть. Впрочем, насколько я знал закон, то, что не разворовали, должно было пойти с молотка для уплаты налогов штату Нью-Йорк. Странно еще, что дом не продали. Я продолжал смотреть на него, чтобы окончательно в этом убедиться. Спешить мне было некуда.

С Жераром я связался сразу же по прибытии в Бельгию, а с Бенедиктом — не рискнул. Я боялся, что он тут же нападет на меня, а мне не хотелось ни сражаться с ним на шпагах, ни мериться силой воли.

Жерар оглядел меня с головы до ног.

— Корвин? Да...

— Что с Бенедиктом?

— Я нашел его там, где ты сказал. Он кинулся было тебя преследовать, но мне удалось убедить его, что это бессмысленно. Пользуясь тем, что Бенедикт долго был без сознания, я сказал, что ты уехал давным-давно. Затем мы отправились в Авалон. Я остался на похороны, а сейчас иду в Эмбер.

— Какие похороны?

— Ты действительно не знаешь?

— Если б я знал, черт тебя побери, я бы не спрашивал!

— Слуг Бенедикта убили. Он говорит, это сделал ты.

— Нет. Чувь какая-то. Зачем мне убивать его слуг?

— Когда Бенедикт вернулся, в доме никого не было. Он отправился на поиски и обнаружил три трупа, а тебя и след простыл.

— Понятно... Где он их нашел?

— В небольшой рощице за садовым участком. Могила была совсем неглубокой.

Все верно... Лучше не говорить, что я видел эту могилу.

— Но с чего он взял, что их убил именно я?

— Бенедикт в недоумении, Корвин. Он никак не может понять, почему ты не прикончил его, когда тебе представилась такая возможность. И он поражен, что ты позвал меня на помощь.

— Бенедикт несколько раз назвал меня убийцей, но... ты передал ему то, о чем я просил?

— Да. Сначала он отмахнулся от меня, как от мухи, заявив, что ты лжешь. Я сказал, что ты говорил искренне и настаивал на своей невиновности. Это его сильно обеспокоило. Он спросил, верю я тебе или нет.

— А ты мне веришь?

— Проклятье, Корвин! Как я могу тебе верить или не верить? Мы так давно не виделись, и вдруг ты... — он запнулся и, прищурившись, посмотрел мне в глаза. — Тут что-то не так. Почему ты отдал предпочтение мне? Ведь у тебя была полная колода.

— Ты шутишь?

— Я требую ответа на свой вопрос.

— Хорошо. Ты — единственный, кому я доверяю.

— И это все?

— Нет. Бенедикт не хочет, чтобы в Эмбере о нем знали. Мне доподлинно известно, что только вы с Джулианом были в курсе его дел. Я не люблю Джулиана и не верю ему. С тебя довольно?

— Почему ты решил, что мы с Джулианом знаем о Бенедикте?

— Потому что вы жили в его доме после того, как Черная дорога изрядно вас потрепала. Я слышал об этом от Дары.

— Да кто такая эта Дара, в конце концов?

— Осиротевшая дочь старого слуги Бенедикта, которую он взял на воспитание. Она гостила у него одновременно с вами.

— И ты послал ей браслет. Ты также говорил о ней, когда вызвал меня к Бенедикту.

— Да, конечно. А в чем, собственно, дело?

— Ни в чем. Я ее не помню. Скажи, почему ты так внезапно уехал? Согласись, Бенедикт имел право

думать, что ты виновен.

— Я и был виновен... но не в убийстве. Как ты считаешь, зачем я приехал в Авалон? Ведь ты видел в фургоне коробки. Я действительно не хотел встречаться с Бенедиктом, который наверняка поинтересовался бы, что это такое. Черт побери! Если б я счел нужным бежать, то не потащил бы за собой груженный фургон!

— Что было в коробках?

— Прекрати. Я не хотел говорить этого Бенедикту, не скажу и тебе. Пусть наведет справки и выяснит, если ему больше нечего делать. Но от меня он не услышит ни слова. Впрочем, теперь это не имеет значения. Главное, что я достал в Авалоне одну вещь, не представляющую там особой ценности, но необходимую мне для дела. Ты удовлетворен ответом?

— Да. По крайней мере в нем есть смысл.

— Тогда ответь мне на мой вопрос: ты считаешь, что я их убил?

— Нет. Я тебе верю.

— А Бенедикт?

— Он не нападет на тебе, пока вы не объяснитесь. У него возникли сомнения, в этом я уверен.

— И то ладно. Спасибо тебе, Жерар. Мне пора.

Я поднял руку.

— Подожди, Корвин! Подожди!

— В чем дело?

— Как тебе удалось пересечь Черную дорогу? Ты уничтожил огромный ее участок в том месте, где проехал. Каким образом?

— Лабиринт, — сказал я. — Если когда-нибудь ты попадешь на Черной дороге в беду, ударь по ней Лабиринтом изо всех сил. Ты ведь знаешь, как иногда приходится держать его перед мысленным взором, когда отражения начинают разбегаться в стороны и выходят из-под контроля?

— Да. Но я пытался это сделать, и у меня ничего не вышло. Только голова разболелась. Черная дорога не является отражением.

— Ты прав и не прав. Я знаю, что она из себя представляет. А ты слишком рано сдался. Я концентрировался на Лабиринте до тех пор, пока голова моя, казалось, не раскололась от боли. Я чуть не потерял сознания, и тогда раскололся окружающий меня мир. Не могу сказать, что ощущение было из приятных, но результат налицо.

— Я запомню, — сказал он. — Ты собираешься объясниться с Бенедиктом?

— Нет. Ничего нового он от меня не услышит. Теперь он немного остыл, так что пусть сам во всем разберется. К тому же мне не хочется рисковать. Поединок с Бенедиктом не входит в мои планы. И я воспротивлюсь всякой попытке войти со мной в контакт.

— Что будет с Эмбером, Корвин? Что будет с Эмбером?

Я опустил глаза.

— Не вставай на моем пути, когда я вернусь, Жерар. Поверь, у тебя нет ни одного шанса помешать мне.

— Корвин... Нет, подожди. Прошу тебя, одумайся. Не нападай сейчас на Эмбер. Государство в опасности.

— Мне очень жаль, Жерар. За последние пять лет я думал об этом больше, чем вы все вместе взятые.

— Что ж, тогда мне тоже жаль.

— Извини, мне пора.

Он кивнул.

— До свидания, Корвин.

— До свидания, Жерар.

Через несколько часов солнце скрылось за холмом, наступили сумерки. Я встал, отряхнул куртку, надел ее, потушил окурок и выкинул пустую сигаретную пачку. Дом по-прежнему не подавал признаков жизни — пыльные стекла не загорелись светом, выбитое окно осталось выбитым. Я медленно пошел вниз по склону холма.

Дом Флоры в Вестчестере был давно продан, чего и следовало ожидать. У нее больше не было причин оставаться на отражении Земли. Она успешно справилась с ролью надсмотрщицы, получила обещанную награду и теперь жила в Эмбере.

Меня раздражала мысль о том, что Флора все время находилась рядом со мной, а я об этом не знал.

Я долго колебался, обдумывая, не поговорить ли мне с Рэндомом, и пришел к выводу, что это бессмысленно. Я, конечно, с удовольствием выслушал бы последние новости, но они никак не могли повлиять на ход событий. Я был уверен, что могу доверять Рэндому, ведь он здорово мне помог, и хотя его трудно было назвать альтруистом, он сделал для меня больше, чем кто-либо другой. Сейчас Рэндом женился, и в Эмбере его не любили, но терпели. Скорее всего он с радостью примет любое мое предложение; но, взвесив все «за» и «против», я решил поговорить с ним при встрече.

Я сдержал слово и противился всякой попытке контакта, а надоедали мне по несколько раз на дню в течение первых двух недель. Затем меня оставили в покое. Захотелось поживиться моими мыслями, дорогие братики? Слуга покорный!

Я подошел к дому сзади, протер стекло рукавом. Я вел наблюдение с холма вот уже третий день, и мне казалось невероятным, что здесь кто-нибудь живет. Все же...

Я заглянул внутрь.

Беспорядок был жуткий, половины вещей не доставало. Я обошел веранду и подергал за ручку двери. Заперто. Я усмехнулся.

Девятый кирпич снизу, четвертый сверху. Ключ никто не нашел. Я вытер его о куртку, открыл дверь и вошел в дом.

Повсюду лежал толстый слой пыли. В камине валялись банки из-под кофе, ломаные бутербродницы и засохший кусок сосиски, а также разнообразные дары природы, попавшие через трубу. Я закрыл заслонку.

Из входной двери был выломан замок. Я налег на нее плечом и убедился, что она забита изнутри. На стене в прихожей было написано неприличное слово. Я пробрался на кухню. Там царил хаос. Все, что не украли, лежало на полу. На линолеуме остались глубокие царапины, свидетельствующие, что холодильник и электробатарею тащили волоком.

Я попятился, вышел из кухни и направился в мастерскую. Пусто. Проходя по дому, я с удивлением увидел в спальне кровать и два дорогих кресла.

В кабинете меня ждал еще один приятный сюрприз: отсюда почти ничего не вынесли, и письменный стол, как всегда, был завален всякой всячиной. Закурив сигарету, я подошел к нему и уселся в кресло. Мои книги стояли на полках. Никто не крадет книг, кроме старых друзей, а...

Я не поверил своим глазам. Вскочив на ноги, я подошел почти вплотную к стене, боясь ошибиться.

Прекрасная гравюра Йошиитоши Мори висела на прежнем месте — опрятная, элегантная, страстная. Неужели никому не пришло в голову, что это — одна из самых дорогих вещей...

Опрятная?

Я взглянул на раму, провел по ней пальцем.

Слишком опрятная. Единственный предмет в доме, на котором не было ни пыли, ни грязи.

Я осмотрел раму тщательнейшим образом и, не обнаружив взрывных устройств, снял ее с крюка и

положил на подоконник. Участок стены, на которой она висела, был пыльным и грязным.

Я вернулся к столу и сел в кресло. Кому-то хотелось меня напугать, и он своего добился. Этот кто-то забрал гравюру Мори, содержал ее в чистоте и порядке — за что я был ему крайне признателен, — а затем, совсем недавно, повесил на старое место. Значит, меня здесь ждали.

Но в таком случае зачем об этом предупреждать? Чтобы я скрылся? Чушь какая-то. Если я попал в ловушку, она уже захлопнулась. Я вытащил пистолет из кармана брюк и засунул его за пояс. Никто не мог знать, что я сюда вернусь. Я и сам этого не знал. Трудно объяснить чувство, которое мною руководило, когда я решил еще раз взглянуть на дом, в котором прожил всего несколько лет.

Допустим, неизвестный повесил гравюру Мори на старое место, зная, как она мне дорога, и лишь предполагая, что я за ней вернусь. Что ж, он оказался прав. Но на меня никто не напал, а следовательно, это была не ловушка. Что тогда?

Сообщение. Важное сообщение.

Какое? Где? И главное, кто?

Самым надежным тайником в доме, если его не обнаружили, был сейф. Посмотрим. Я подошел к противоположной стене, отодвинул деревянную панель, набрал на циферблате код, сделал шаг в сторону и осторожно открыл дверцу старой тростью, валявшейся на полу.

Взрыва не произошло. Впрочем, я не сомневался, что его не будет.

В сейфе лежали несколько сот долларов, письма, ценные бумаги, расписки.

И конверт. Плотный белый конверт, на самом видном месте.

На конверте было написано мое имя.

— Брат Корвин, — прочитал я на листке бумаги, — *если ты читаешь это письмо, значит, мы все еще думаем более или менее одинаково, и я могу предугадать твои поступки. Я благодарю тебя за одолженную гравюру Мори — насколько я понимаю, одну из двух причин, по которым ты можешь вернуться на это отвратительное отражение. Мне очень не хочется отдавать ее, так как наши вкусы тоже достаточно схожи, и она уже несколько лет украшает мои покои. Пусть же ее возвращение послужит свидетельством моей доброй воли и просьбой внимательно отнестись к тому, что я хочу тебе сказать. Я буду откровенен, чтобы ты не сомневался в моей искренности, и поэтому не стану извиняться за то, что я с тобой сделал. Я жалею только о том, что не убил тебя сразу, когда мне представилась такая возможность. Тщеславие меня сгубило. Зрение вернулось к тебе, но вряд ли этот факт что-либо, изменит в наших с тобой отношениях. Твое послание «Я вернусь» лежит сейчас на моем письменном столе. Если бы его написал я, то обязательно вернулся бы. Так как мы действительно очень похожи, я предвидел, что ты сдержишь слово, и принял соответствующие меры. Ты никогда не был глуп, и я понимаю, что для нападения на Эмбер ты собираешь большое войско. Я поплатился за бывшее тщеславие и готов сейчас поступиться своей гордостью. Я прошу у тебя мира, Корвин, — не ради себя, а ради благополучия государства. Существа из отражений атакуют Эмбер большими силами, и я не могу разобраться, почему так происходит. Против этих сил, самых страшных на моей памяти, вся семья объединилась и принесла мне присягу в верности. Мне бы очень хотелось, чтобы ты стал моим союзником и помог в битве за правое дело. Если ты откажешься, прошу тебя, подожди нападать на Эмбер, забудь о своих планах хотя бы на время. Если же ты решишь мне помочь, то я не требую, чтобы ты признал меня законным монархом, — согласись только, что я буду командовать в течение этого кризиса. Тебе будут возданы все почести, приличествующие твоему сану. Нам необходимо поговорить, чтобы ты понял, насколько серьезна ситуация в Эмбере. Так как все мои попытки вызвать тебя не увенчались успехом, вкладываю в конверт свою карту. Пожалуйста, воспользуйся ею. Ты, конечно, можешь подозревать меня в неискренности, но я даю тебе честное слово, что все сказанное мною — правда.*

Я перечитал письмо и усмехнулся. Может, он считал, что проклятья не имеют силы?

Не выйдет, мой дорогой брат. Это, конечно, очень благородно с твоей стороны — вспомнить обо мне в тяжелый для тебя час (и я верю тебе, можешь не сомневаться, потому что все мы — люди чести), — но

встреча наша произойдет согласно моему, а не твоему расписанию. Что же касается Эмбера, то я не меньше тебя думаю о нем и сделаю для его процветания все, что сочту нужным. Могилы полны людьми, которые, как и ты, считали себя незаменимыми. Но я скажу тебе это не сейчас, а стоя лицом к лицу.

Я сунул письмо и карту в карман куртки, затушил сигарету в грязной пепельнице на столе. Затем снял с кровати в спальне чистую простыню и завернул в нее моих воинов. Придется им подождать меня в каком-нибудь безопасном месте.

Проходя по дому, я задумался. Зачем же я все-таки пришел? Я вспомнил людей, живших по соседству, своих старых знакомых. Интересно, справлялись ли они обо мне? Этого я, конечно, никогда не узнаю.

Наступила ночь, и на чистом небе появились первые звезды. Я запер за собой дверь, положил ключ на старое место и забрался на холм.

Стоя на его вершине, я оглянулся и посмотрел на дом, пустой и одинокий, словно жестянка из-под пива, которую выбросили на обочину дороги за ненужностью. Повернувшись, я пошел через небольшое поле к дороге, на которой оставил машину. Зря я оглянулся.

9

Мы с Ганелоном отбыли из Швейцарии на двух грузовиках. В Бельгии я загрузил в них автоматические винтовки. Одно ружье весило всего десять фунтов, значит, триста — полторы тонны, так что у нас осталось место для канистр с горючим, запасных частей и провианта. Само собой, нам пришлось срезать угол, меняя отражения, чтобы не попасться на глаза людям, которые стоят на границе с единственной целью — создавать автомобильные пробки.

Мы отправились в путь (я возглавил нашу скромную колонну). В маленьких деревнях, раскиданных среди бурых холмов, навстречу нам попадались лишь запряженные в телеги кони. Небо стало лимонно-желтым, повсюду летали птицы без оперения. Мы ехали долго и несколько раз натыкались на Черную дорогу. Небо часто меняло цвет, местность была то равнинной, то холмистой. Грузовики трясло на проселочных дорогах и заносило на шоссе, гладких, как стекло. Мы перевалили через горы, обогнули темно-вишневое море. Над нами бушевали бури, с земли поднимались густые туманы.

Я потратил почти весь день на поиски отражения (или отражения отражения — в данном случае это не играло роли), в котором они жили.

Да, да, те самые мохнатые существа невысокого роста с клыками и когтями, которыми я когда-то командовал. Их чуткие пальцы были прямо-таки созданы, чтобы нажимать на курки. К тому же бедняги меня боготворили и радовались моему появлению, как дети, хотя всего пять лет назад я повел на верную смерть цвет их нации. Впрочем, с богов не спрашивают. Их любят, чествуют и им поклоняются. Мохнатые существа очень огорчились, узнав, что мне нужно всего несколько сот солдат. Я отказал тысячам и тысячам добровольцев, хотя моральный аспект на этот раз меня не тревожил. В конце концов, я всегда мог сказать, что преследую благородную цель: отомстить за погибших товарищей и доказать, что гибель их была не напрасна. Естественно, я так не думал, но мне всегда нравилось упражняться в софистике. А может, мне следовало смотреть на них как на наемников, которые получают плату в виде духовных ценностей. Одни сражаются за деньги, другие — за веру, а результат один. Я готов был заплатить и тем и другим.

Впрочем, моим солдатам почти ничего не грозило — они были единственными обладателями огнестрельного оружия. Правда, на их отражении капсули все еще не взрывались, и мне пришлось подыскать другое, похожее на Эмбер. К сожалению, в соответствии с законом, которому подчиняются все отражения, оно находилось в непосредственной близости от Эмбера, и я нервничал всякий раз, когда моя маленькая армия отправлялась на стрельбища, чтобы попрактиковаться. Вряд ли, конечно, сюда забредет один из моих братьев, но на моей памяти происходили и не такие совпадения.

Через три недели я решил, что мохнатые существа достаточно хорошо подготовлены, и отдал приказ к выступлению. Прохладным солнечным утром мы снялись с лагеря и пошли по отражениям: колонны солдат маршировали за грузовиками. Моторы их начали работать с перебоями, но, слава богу, пока не отказали.

На этот раз я решил атаковать Колвир не с юга, а с севера. Я разбил отряд на батальоны, и каждый солдат знал, что ему делать и какую позицию занять, когда мы подойдем к вечному городу.

Мы сделали привал, плотно позавтракали и продолжали идти вперед, а голубое небо потемнело, совсем как в Эмбере, каменистая равнина закончилась; на черной плодородной земле росла зеленая трава, цвели кусты, покачивали ветвями деревья. Воздух был свеж и прозрачен.

К вечеру мы дошли до Арденнского леса и разбили лагерь у деревьев-великанов, выставив тройные караулы. Ганелон, вырядившийся в костюм цвета хаки и нацепивший берет, долго сидел со мной рядом, изучая карты местности, которые я ему чертил.

До Колвира оставалось около сорока миль.

Грузовики подверглись нескольким трансформациям и в конце концов перестали заводиться. Мы столкнули их в овраг, прикрыли ветками и, распределив патроны и продовольствие между солдатами, продолжали путь.

Я решил идти через лес, который знал как свои пять пальцев. Дорога, естественно, становилась длиннее, но безопаснее. За весь день мы не увидели никого, кроме лис, оленей, зайцев и белок. Вдыхая

упоительные ароматы, глядя на изумрудно-зеленые с вкраплениями золота стволы деревьев, я вспоминал более счастливые времена. Перед восходом солнца я забрался на один из лесных великанов и посмотрел в сторону Колвира. Над некоторыми его пиками бушевала гроза, над другими — висел густой туман.

На следующее утро мы столкнулись с одним из патрульных отрядов, и было непонятно, кто кого застал врасплох. Пальба началась сразу же. Я сорвал голос, крича, чтобы прекратили стрелять без толку, но каждому не терпелось опробовать оружие на живой мишени. В патруле было человек двадцать, и никто не ушел живым. С нашей стороны потерь не было, лишь один солдат по ошибке ранил другого, а может, он сам себя ранил — я так и не разобрался в этом инциденте. Шуму мы наделали много, и я приказал двигаться как можно быстрее, так как боялся, что поблизости могут быть другие патрульные отряды.

К вечеру мы покрыли довольно большое расстояние и сквозь просвет деревьев увидели горы. Над их пиками все еще висели грозовые облака. Мохнатые существа были опьянены первой победой и долго не могли уgomониться.

Весь следующий день мы шли, не останавливаясь, успешно избежали столкновений с двумя отрядами и разбили лагерь на высоте в полмили над уровнем моря. Стоял туман, облака сгустились, предвещая штормовую погоду. В эту ночь я спал плохо. Мне снились Лорен и горящая голова кошки.

Мы продолжали двигаться так же быстро, как накануне, и дорога все время шла в гору. Вдалеке гремел гром, воздух был насыщен электричеством.

Проходя узким извилистым перевалом, я неожиданно услышал сзади какие-то крики, а затем оружейные залпы. Подбежав к последней колонне, я увидел столпившихся солдат, среди которых был Ганелон. Они смотрели на землю и возбужденно переговаривались.

Я подошел к ним и не поверил своим глазам. Никогда еще это чудовище не появлялось так близко от Эмбера. Омерзительная тварь примерно двенадцати футов в длину с человеческой головой на львиных плечах дергалась в предсмертных судорогах, прижимая широкие, как у орла, крылья к окровавленным бокам и судорожно подергивая скорпионьим хвостом. Когда-то я видел мантикору на острове в Южном море, и при одном воспоминании о ней испытывал чувство гадливости.

— Она разорвала Ролла на куски, она разорвала Ролла на куски, — все время повторял один из солдат.

Останки Ролла лежали шагах в двадцати. Мы прикрыли его брезентовым плащом и завалили камнями. Эта смерть послужила нам хорошим уроком. Люди молчаливо продолжали путь, настороженно глядя по сторонам.

— Ну и ну, — сказал Ганелон, шагающий теперь рядом со мной. — Интересно, эта мразь обладает человеческим разумом?

— Не знаю.

— У меня возникло какое-то странное чувство, Корвин. Как будто должно произойти что-то страшное. Точнее я не могу выразить словами.

— Понимаю.

— Вы тоже это чувствуете?

— Да.

Он кивнул.

— Может, на нас действует погода, — добавил я.

Он вновь кивнул, но не так уверенно, как в первый раз.

По мере нашего восхождения на гору небо темнело все больше, а гром гремел, не умолкая. Поднялся сильный ветер, засверкали молнии. Тяжелые массы облаков опустились на горные вершины. Над ними виднелись черные силуэты, похожие на птиц.

Ближе к вечеру на нас напала еще одна мантикора, а за ней — стая птиц с клювами острыми, как лезвия бритв. Мы прикончили всех, не потеряв ни одного человека, но с каждым часом моя тревога росла.

Тучи сгущались, ветер усиливался. Стало совсем темно, хотя солнце еще не село. В воздухе стоял такой туман, что нечем было дышать. Сапоги скользили по мокрым камням.

Через четыре мили, оказавшись на высоте в несколько тысяч футов над уровнем моря, мы разбили лагерь на каменистом склоне горы и выставили часовых. Не видно было ни зги, лишь сверкали молнии. Гром гремел, как оркестр, играющий похоронный марш. Температура воздуха резко упала. Если б не отсутствие дров, я рискнул бы и разрешил разжечь костры. Мы сидели на холодных камнях, закутавшись в плащи, и ждали неизвестно чего.

Мантикоры напали на нас через несколько часов — бесшумно и стремительно. Мы потеряли шесть человек и уничтожили шестнадцать тварей. Я даже не знаю, скольким удалось удрать. Перевязывая раны солдат, я проклинал Эрика, недоумевая, из какого отражения он выкопал этих страшных созданий.

Туманным серым утром (больше похожим на вечерние сумерки) мы двинулись в путь к Колвиру и, пройдя пять миль, повернули на запад. Я шел одним из трех маршрутов, которыми можно попасть в Эмбер — наиболее удачным, с моей точки зрения. Под непрерывные раскаты грома мы добрались наконец до большого плато, от которого начиналась дорога в Гарнатскую долину.

Когда я в последний раз ее видел, она представляла собой мрачную картину, а сейчас и вовсе производила ужасающее впечатление. Черная дорога тянулась по ней, доходя до основания Колвира. По всей длине, куда бы я ни посмотрел, кипела битва. Всадники сшибались, кони падали, отряды пехоты наступали, сталкивались, откатывались назад. Черные птицы, как хлопья пепла, пролетали над их головами.

На таком большом расстоянии я не мог рассмотреть, кто с кем сражается. На какое-то мгновение мне пришло в голову, что Блейз остался жив и напал на Эмбер.

Я быстро понял, что ошибаюсь. Отряды нападавших шли с запада, по Черной дороге. И теперь я отчетливо видел, что их сопровождали черные птицы и какие-то звери с человеческими головами. Может, это были мантикоры.

Молнии били в них, и они горели, падали, взрывались. Но ни одна молния не ударила в защищавшихся, и я вспомнил, что Эрик умеет управлять Драгоценным Камнем Правосудия. Когда-то его носил отец, создавая в Эмбере погоду себе по вкусу, а пять лет назад с помощью того же Камня Эрик разбил нас с Блейзом наголову.

Значит, темные силы оказались куда страшнее, чем я предполагал. Я думал, между ними и Эмбером происходят мелкие стычки, небольшие сражения, но никак не ожидал увидеть чудовищную битву у подножья Колвира. Черная дорога буквально кишела нечистью.

Ганелон подошел ко мне и остановился рядом. Некоторое время мы молчали.

— Что будем делать, Корвин? — спросил наконец он.

— Нам надо спешить, — ответил я. — Сегодня ночью я хочу попасть в Эмбер.

После короткого отдыха мы вновь пустились в путь. Дорога уходила вниз, идти стало легче. Буря, так и не принеся дождя, свирепствовала, молнии сверкали еще ярче, гром гремел оглушительнее.

В полдень я объявил последний привал — мы находились всего в пяти милях от северных границ Эмбера. Нам приходилось кричать друг другу чуть ли не в ухо — иначе не было слышно, — и поэтому я не смог обратиться к солдатам с речью. Пришлось передать по цепочке несколько напутственных слов и объявить, что цель близка.

Пока мои воины отдыхали, я взял пару бутербродов и отправился на разведку. Примерно через милю, преодолев небольшой подъем, я остановился и стал смотреть вниз.

На склонах гор тоже кипела битва. Я спрятался за большой камень, чтобы меня не увидели, и стал вести наблюдение. Эмберийцы сражались с превосходящими их силами противника. Этим, видимо, и объяснялось наше везение — ведь мы подошли к Эмберу незамеченными. Было ясно, что к атакующим непрерывно прибывают подкрепления, причем не теми тремя маршрутами, которые вели в Эмбер.

Они летели с запада, как осенние листья, обрывааемые ветром. Теперь я видел, что это были не птицы,

а крылатые, похожие на драконов, двуногие создания, больше всего напоминавшие геральдических зверей на штандартах древней Земли.

Многочисленные лучники Эмбера поражали драконов и их седоков на лету. Молнии сверкали, и чудовища загорались в воздухе. Но они прибывали нескончаемым потоком, опускались на землю и вступали в бой.

Я внимательно огляделся по сторонам, и в центре самого большого отряда эмберийцев, сражавшихся у подножья горы, увидел пульсирующий свет Драгоценного Камня Правосудия. Да, сомнений не оставалось. Он висел на груди у Эрика.

Я пополз вперед, продолжая наблюдать.

Командир большого отряда одним ударом отрубил голову дракону, схватил левой рукой седока, отшвырнул его футов на тридцать и тут же повернулся, выкрикивая какой-то приказ. Это был Жерар. Он явно пытался обойти нападавших и нанести удар с фланга. На противоположном склоне горы другой отряд эмберийцев проводит точно такой же маневр. Еще один мой брат?

Судя по тому, что искусственно вызванная буря бушевала уже много часов, сражение началось давно. И оно разгоралось — как в долине, так и на склонах гор, — а с запада продолжали прибывать войска темных сил.

Я колебался, не зная, что предпринять. Совершенно очевидно, я не мог напасть на Эрика в тот момент, когда государству грозило полное уничтожение. Разумнее всего было подождать, пока битва закончится, потому что впоследствии Эрик не сможет оказать мне серьезного сопротивления. Я глядел на поле боя, и в душу мою закрадывались сомнения. Похоже, исход сражения был предreshен. Эмберийцы не могли его выиграть — тем более что к врагу все время подходили подкрепления. Нападающие были сильны и многочисленны, я не знал, располагает ли Эрик резервами. Если же он окажется побежденным, мне придется отвоевывать Эмбер, который лишится большинства своих защитников.

Я ни секунды не сомневался, что небольшая армия может практически мгновенно уничтожить как драконов, так и прочих тварей. Достаточно послать (с помощью карты) по небольшому отряду каждому из моих братьев, и темным силам придется несладко. Они ведь наверняка не предполагали, что их будут расстреливать в упор из огнестрельного оружия.

Я вновь посмотрел на поле боя и вновь убедился, что дела у эмберийцев идут хуже некуда. Итак, что произойдет в результате моего вмешательства? Эрик не посмеет что-либо со мной сделать, и не только потому, что я спасу его от поражения, но и потому, что многие испытывали ко мне чувство симпатии, памятуя о выжженных глазах. Он, конечно, обрадуется победе, но положению его не позавидуешь. Я окажусь в Эмбере, окруженный непобедимой личной охраной. Общественное мнение будет целиком на моей стороне. Интригующая мысль. И куда более гладкий путь к достижению цели, чем тот, который я избрал и который неизбежно привел бы меня к убийству принца Эмбера.

Да будет так.

Я почувствовал, что улыбаюсь. Скоро я стану героем.

Должен, однако, сказать хоть несколько слов в свою защиту. Если бы мне предстоял выбор между Эмбером, где правит Эрик, и Эмбером уничтоженным, я, не колебаясь, принял бы точно такое же решение: атаковать врага, напавшего на государство. Я никогда не смог бы ненавидеть тебя так сильно, Эрик, если бы не любил Эмбер еще сильнее.

Мохнатые существа отдыхали, а Ганелон стоял поодаль и что-то кричал невесть откуда появившемуся всаднику.

Когда я направился к ним, лошадь, которую я сразу узнал, повинувшись твердой руке, пошла мне навстречу.

— Какого черта ты здесь делаешь?! — вскричал я.

Дара спешила и посмотрела на меня, улыбаясь.

— Мне необходимо в Эмбер, — ответила она.

— Как ты сюда попала?

— Вслед за дедом. По отражениям куда труднее идти самой, чем за кем-то. Я это поняла.

— Бенедикт здесь?

Она кивнула.

— Там, в долине. Он командует войсками. С ним Джулиан.

Ганелон подошел и остановился рядом.

— Она говорит, что следовала за нами несколько дней, — крикнул он.

— Это правда? — спросил я.

— Да. — Она вновь кивнула, продолжая улыбаться.

— Но зачем?

— Я должна пройти Лабиринт! Ведь ты идешь в Эмбер?

— Естественно. К сожалению, по дороге мне встретилось небольшое препятствие, которое называется война!

— Что ты собираешься делать?

— Выиграть ее!

— Вот и прекрасно. Я подожду.

Несколько долгих секунд я ругался всеми известными мне нецензурными словами, одновременно обдумывая сложившуюся ситуацию. Затем спросил:

— Где ты была, когда Бенедикт вернулся?

Она перестала улыбаться.

— Сама не знаю. После того как ты уехал, я отправилась прогуляться верхом и вернулась поздно вечером. На следующий день я опять поехала кататься и, когда стемнело, решила переночевать в лесу. Я часто так делала. Утром, возвращаясь домой, я увидела с вершины холма, что дед проезжает вниз. Я поскакала следом и почти сразу поняла, что мы двигаемся по отражениям. Мне трудно сказать, сколько времени это заняло, потому что ночь сменялась днем, а утро вечером, и в голове у меня все перепуталось. Затем дед встретился с Джулианом в лесу, изображение которого я видела на одной из карт, и они вместе отправились на север, где сейчас идет битва. — Она махнула рукой в сторону долины. — Вспомнив твои слова, я не посмела самостоятельно вернуться домой по отражениям и несколько дней жила в лесу, не зная, что мне делать. Затем я увидела твой отряд, поднимающийся в гору. Я сразу тебя узнала, но побоялась подойти — ведь до Эмбера было еще далеко, и ты мог отправить меня обратно в Авалон, а я этого не хотела.

— Я не верю, что ты говоришь мне всю правду. — Я посмотрел ей в глаза. — Но у меня нет времени тобой заниматься. Мы сейчас уходим, а ты останешься здесь. Так безопаснее. Я приставлю к тебе двух телохранителей!

— Они мне не нужны!

— Я не спрашиваю, что тебе нужно, а что нет. Будет так, как я сказал. Я пошлю за тобой, когда сражение закончится.

Я резко повернулся, подозвал двух солдат и приказал им остаться охранять Дару. Лица их не озарились радостью.

— Чем это вооружены твои люди? — спросила она.

— Оставим разговоры на потом. Я занят.

Отдав необходимые распоряжения, я построил отряды в колонны.

— Немного же у тебя солдат, — заметила Дара.

— Вполне достаточно. Увидимся позже.

Мы пошли вперед — тем путем, который я только что разведал. Гром прекратился, наступила тишина — тревожная, неприятная. Сумерки сгустились, плотный туман укутывал, как сырое одеяло, дышать было нечем.

По моему знаку отряд остановился, а мы с Ганелоном преодолели небольшой подъем и забрались на мой старый наблюдательный пункт.

Всадники на драконах покрыли весь склон горы и теснили эмберийцев, прижимая их к пропасти. Я поискал глазами Эрика, но ни его, ни пульсирующего света Драгоценного Камня Правосудия видно не было. Жерар тоже куда-то исчез.

— Кто из них враг? — спросил Ганелон.

— Всадники на драконах. Веди сюда отряд. — Я поднял ружье к плечу. — Скажи, чтобы убивали и наездников, и зверей.

Ганелон удалился, а я прицелился в снижающегося дракона и выстрелил. Он вспыхнул, камнем рухнул вниз и, ударившись о землю, покатился по склону холма, теряя перья. Скоро я зажег уже три костра, а затем продвинулся немного вперед, занял удобную позицию и открыл стрельбу.

Хитрые твари быстро смекнули, что их уничтожают с тыла, и, развернувшись, побежали в мою сторону. Скорость их бега была просто фантастической. Я расстрелял все патроны, вставил новую обойму, и в это время подоспел мой первый стрелковый батальон. Мы устроили самый настоящий заградительный огонь и кинулись в атаку.

Поняв, что у них нет ни одного шанса на успех, драконы начали улепетывать со всех ног, но не могли взлететь без хорошего разбега, и мы расстреливали их в упор. Горели они красиво.

Скала, окутанная туманом, возвышалась слева от нас, вершину ее скрывали облака. Создавалось впечатление, что мы стоим перед сказочным замком с огромной башней. Легкий бриз рассеивал дым; склон горы покраснел от крови.

Мы продолжали наступать, стреляя, и эмберийцы, сообразив, что им пришли на помощь, тоже перешли в наступление, шаг за шагом удаляясь от пропасти, к которой их теснил враг. В первых рядах сражался мой брат, Каин. На мгновение глаза наши встретились, и он очертя голову бросился в атаку, увлекая за собой остальных.

Честно говоря, они нам здорово помешали, потому что в результате их действий угол обстрела сильно уменьшился. К сожалению, с этим ничего нельзя было сделать. Мы подошли ближе, не тратя даром ни одного патрона, и противник обратился в бегство.

Я начал спускаться к подножью горы, по направлению к большой группе людей — видимо, личной охране Эрика. Наверное, его тяжело ранили — иначе невозможно было объяснить, почему прекратилась гроза.

Краешком глаза я увидел, как сзади на меня надвигается огромная тень. Отпрыгнув в сторону, я перекатился по земле и поднял ружье. Однако мой палец не нажал на курок. Дара пронеслась мимо меня на галопе, а затем повернула голову и засмеялась.

— Черт тебя поberi! — закричал я. — Немедленно вернись! Ты погибнешь!

— Увидимся в Эмбере! — крикнула она в ответ и, пришпорив коня, поскакала по тропинке.

Я был в бешенстве, но помешать ей не мог. От души выругавшись, я встал, отряхнулся и продолжал свой путь.

Меня окликали по имени, головы поворачивались в моем направлении. Я ни на кого не обращал внимания. Люди расступились, давая мне пройти.

Я думаю, мы с Жераром увидели друг друга одновременно. Он стоял в середине толпы на коленях и, когда я приблизился, молча поднялся на ноги. Лицо его осталось бесстрастным.

Мои догадки подтвердились. На земле лежал Эрик.

Я подошел к ним вплотную, кивнул Жерару и наклонился, испытывая какое-то странное волнение. Из глубоких ран на груди Эрика текла кровь, заливая Драгоценный Камень Правосудия, висевший на цепочке и продолжавший пульсировать мягким светом. Глаза Эрика были закрыты, дыхание затруднено.

Я опустился на колени, не в силах оторвать взгляда от пепельно-серого лица, и попытался забыть о своей ненависти, чтобы хоть как-то понять человека, который был моим братом и которому осталось жить считанные минуты. Я познал чувство жалости, когда подумал, чего он лишается вместе с жизнью, и захотел сказать что-нибудь хорошее; но в голову ничего не приходило, кроме дурацкой фразы: «Он погиб, сражаясь за Эмбер». Все лучше, чем ничего.

Веки его задрожали, глаза открылись. Он смотрел на меня отсутствующим взглядом, и в первую секунду я решил, что Эрик меня не видит. Я ошибся.

— Корвин, — прошептал он, тяжело дыша. — Я знал, что это будешь ты. Они избавили тебя от ненужных хлопот, верно?

Я промолчал. Он заранее знал мой ответ.

— Когда-нибудь наступит твой черед, — продолжал Эрик. — Тогда мы окажемся в равных условиях. — Он усмехнулся шутке, и, видимо, зря, потому что сразу же зашелся кровавым кашлем. Когда приступ закончился, он вновь поглядел на меня. — Я чувствовал твоё проклятье каждый день, каждый час, каждую минуту. Тебе даже не пришлось умереть, чтобы оно сбылось. — Он умолк и, словно прочитав мои мысли, слабо усмехнулся. — Не бойся. Я не потрачу на тебя своего предсмертного проклятья. Я приберегу его для врагов Эмбера.

И когда Эрик прошептал свое проклятье, я задрожал, услышав, что он шепчет.

И вновь мой умирающий брат посмотрел на меня и дотронулся до цепочки на шее.

— Камень... — с трудом произнес он. — Возьми его в центр Лабиринта, поднеси к одному глазу. Сконцентрируйся... и смотри в него, как в окно... Попытайся... спроецировать себя... внутрь. Ты не исчезнешь, но поймешь... как им пользоваться.

— Как?... — невольно вырвалось у меня, но я тут же прикусил язык. Он ведь уже объяснил, что надо сделать. Зачем же лишать человека драгоценных секунд жизни, задавая дурацкие вопросы.

Но Эрик понял, что я имел в виду.

— Записки Дворкина... под камином... в моей...

Он зашелся во втором приступе кашля, и кровь хлынула у него из носа и ушей. Внезапно он сел, набрав полную грудь воздуха, и глаза его бешено засверкали.

— Попробуй найти себе оправдание, как это удалось мне, ублюдок! — вскричал он и, бездыханный, упал мне на руки.

Несколько секунд я держал его тело, затем бережно опустил на землю. Я закрыл ему глаза, почти машинально сложил его руки на груди поверх потухшего Камня Правосудия, который мне не хотелось сейчас забирать. Потом я встал и накрыл Эрика плащом.

Повернувшись, я понял, что взгляды всех присутствующих устремлены в мою сторону. Я увидел множество знакомых и незнакомых лиц... людей, которые смотрели, как однажды вечером меня, закованного в цепи, привели и усадили за праздничный стол.

Нет. Сейчас не время вспоминать прошлое. Надо выкинуть эту дурь из головы... Стрельба прекратилась, и Ганелон сыпал приказами, пытаясь навести в отряде хоть какой-то боевой порядок.

Я пошел вперед.

Мимо эмберийцев, живых и мертвых, мимо Ганелона и мохнатых существ. Я взобрался на вершину горы и посмотрел вниз.

В долине кипела битва: ряды кавалерии накатывались один на другой, словно волны бушующего моря, пехотинцы копошились, как муравьи в муравейнике.

Я достал колоду, вытащил карту Бенедикта и через несколько мгновений увидел его самого, все на том же черном коне с красной гривой и красным хвостом. Мой старший брат был в самой гуще сражения, и, невольно любуясь его отточенными молниеносными движениями, я молчал, не желая ему мешать.

— Жди, — коротко бросил он, почувствовав контакт.

Двумя ударами шпаги он сразил и своего противника, и его лошадь и стал постепенно отъезжать в сторону. Я заметил, что Бенедикт пользуется удлиненными поводьями с петлей на конце, накинутой на кулю правой руки. Прошло не меньше десяти минут, прежде чем ему удалось выбраться в более или менее безопасное место. Остановившись, он посмотрел на меня, явно пытаясь разглядеть, что происходит за моей спиной.

— Да, я на высотах, — сказал я в ответ на его невысказанную мысль. — Мы победили. Эрик пал в сражении.

Он продолжал молча на меня смотреть. На лице его не дрогнул ни один мускул.

— Мы победили потому, — пояснил я, — что мой отряд был вооружен автоматическими винтовками. Мне наконец удалось найти, вещество которое заменяет порох в Эмбере.

Бенедикт прищурился и кивнул. Он сразу понял, что это было за вещество и откуда оно взялось.

— Нам надо многое обсудить, — заметил я, — но первым делом необходимо уничтожить врага. Если ты не прервешь контакт, я пошлю тебе несколько солдат с ружьями.

Он улыбнулся и произнес одно слово:

— Поспеши.

Я громко позвал Ганелона, который тут же откликнулся. Оказывается, он стоял всего в нескольких шагах позади меня. Я приказал ему построить наш отряд в цепь и привести сюда. Он кивнул и побежал по склону горы, на ходу отдавая распоряжения.

— Бенедикт, — нарушил я затянувшееся молчание, — Дара здесь. Ты не заметил, но она шла за тобой по отражениям от самого Авалона. Я хочу...

Губы его раздвинулись в недоброй усмешке.

— Да кто такая эта Дара, в конце концов?! — крикнул он. — Ты все время о ней говоришь, а я никогда о ней не слышал! Скажи мне! Я требую ответа!

Я слабо улыбнулся и покачал головой.

— Притворяться бессмысленно, Бенедикт. Я все знаю. Не бойся, я никому не сказал, что она твоя праправнучка.

Рот его невольно открылся, а глаза расширились от изумления.

— Корвин... Либо ты сошел с ума, либо жестоко ошибаешься. У меня нет никакой праправнучки. И никто не мог идти за мной по отражениям по той простой причине, что Джулиан срочно вызвал меня в Эмбер, и я, естественно, воспользовался его картой.

Ну конечно. Почему же я сразу не поймал Дару на вранье? Единственным оправданием мне служило то, что я был слишком занят мыслями о предстоящем сражении. Действительно, с какой стати Бенедикту тратить время попусту, когда в его распоряжении находился куда более надежный и, главное, быстрый способ передвижения?

— Проклятье! — воскликнул я. — Она уже в Эмбере! Я позову Каина и Жерара, чтобы они помогли тебе в пересылке отряда. Ганелона тоже возьми, пусть командует под твоим началом.

Оглянувшись, я увидел, что Жерар разговаривает с несколькими придворными. Я крикнул, и, почувствовав в моем голосе отчаяние, он резко поднял голову и сразу же побежал вверх по склону горы.

— Корвин! Что случилось?! — вскричал Бенедикт.

— Не знаю! Но боюсь, что произойдет непоправимое!

Я сунул карту Бенедикта подбежавшему Жерару.

— Проследи за отправкой отряда. Рэндом во дворце?

— Да.

— На свободе или под арестом?

— На свободе, но к нему приставлена охрана. Эрик не доверяет... не доверял ему.

Я повернулся.

— Ганелон, — приказал я, — делай то, что скажет Жерар. Он отправит тебя в долину. Проследи, чтобы наши ребята выполняли все распоряжения Бенедикта. Я ухожу в Эмбер.

— Хорошо, — спокойно сказал он и пошел вместе с Жераром к солдатам, уже построенным в цепь.

Я вытащил из колоды карту Рэндома. В эту минуту наконец-то начал накрапывать обычный мелкий дождь.

Изображение на карте ожило, зашевелилось.

— Привет, Рэндом, — поздоровался я. — Узнаешь?

— Где ты?

— В горах. Половину сражения мы выиграли, и я только что послал Бенедикту людей, чтобы уничтожить врага в долине. Мне нужна твоя помощь. Я должен попасть во дворец.

— Не знаю, Корвин... Эрик...

— Эрик мертв.

— Кто его преемник?

— А ты как думаешь? Не медли, брат! Мне нужно во дворец!

Он кивнул и протянул руку. Я сделал шаг вперед. Мы стояли на балконе с белыми мраморными перилами. Небольшой сад внизу не радовал глаз обилием цветов.

Я покачнулся, и он схватил меня за руку.

— Ты ранен!

Я покачал головой, только сейчас чувствуя, как сильно устал. Несколько ночей я провел без сна, а последующие события развивались так стремительно...

— Нет, — сказал я, глядя на свою окровавленную рубашку. — Это — кровь Эрика.

Он провел рукой по соломенным волосам и поджал губы.

— Значит, ты все-таки убил его...

— Нет. Когда мы встретились, он был при смерти. А сейчас пойдем со мной! Это очень важно! Нам надо успеть!

— Куда? Зачем?

— В Лабиринт. Не могу ответить зачем — знаю только, что это действительно очень важно. Пойдем!

Мы вышли из комнаты, направляясь к ближайшей лестнице. Два стражника, стоявших на верхней ее площадке, вытянулись по стойке смирно и не сделали попытки остановить нас.

— Я рад, что у тебя есть глаза, — сказал Рэндом. — Значит, меня не обманули. А видишь ты так же хорошо?

— Да. Я слышал, ты все еще женат?

— Верно.

Мы спустились на первый этаж и повернули направо. Поведение стражников, стоявших на нижней площадке лестницы, ничем не отличалось от поведения их товарищей.

— Верно, — повторил он, — следуя за мной к центру дворца. — Тебя это удивляет, не правда ли?

— Честно говоря, да. Я был уверен, что ты постараешься избавиться от нее ровно через год, как только закончится срок твоего пребывания в Ребмэ.

— Я тоже так думал. Но я полюбил ее. Полюбил по-настоящему.

— В жизни всякое бывает.

Мы миновали мраморную гостиную и очутились в длинном узком коридоре. Полумрак, пыль кругом... Я невольно вздрогнул, вспомнив, в каком состоянии находился, когда был здесь в последний раз.

— И она меня любит, — не умолкал Рэндом. — Никто меня так не любил, как Вайа.

— Я рад за тебя.

Мы подошли к большой двери, почему-то открытой, за которой широкая спиральная лестница уходила далеко вниз, и быстро начали спускаться по ступенькам.

— А я — нет, — возразил он, стараясь не отставать. — Мне совсем не хотелось влюбляться. Ты же знаешь — мы были пленниками. Разве это жизнь для женщины?

— Зато теперь — худшее позади. Тебя ведь арестовали за то, что ты решил отомстить за меня и попытался убить Эрика?

— Да. Вайа захотела разделить мою участь.

— Я никогда этого не забуду, Рэндом.

Мы уже не шли, а бежали, и фонари, расположенные в сорока футах один от другого освещали нам путь. Бесконечные ступеньки... лестничные пролеты... Мы находились в гигантской пещере естественного происхождения, которую никто и никогда не исследовал. Я невольно подумал об узниках, томящихся в мрачных подземельях, и пообещал себе, что выпущу их на свободу или назначу им не такое суровое наказание.

Минута уходила за минутой; далеко внизу виднелись слабые отсветы факелов.

— Есть на свете девушка, — сказал я, — по имени Дара. У меня были веские основания верить, что она — праправнучка Бенедикта, и не только потому, что я слышал об этом из ее собственных уст. Я объяснил ей в нескольких словах, что такое реальный мир, отражения и Лабиринт, и она загорелась желанием немедленно попасть в Эмбер, чтобы пройти испытание, которое прошли все мы. Видишь ли, до некоторой степени Дара уже умеет управлять отражениями. Когда я видел ее в последний раз, она загоняла коня, стремясь как можно скорее попасть в Эмбер. Но Бенедикт поклялся, что у него нет никакой праправнучки. Я не хочу подпускать Дару к Лабиринту на пушечный выстрел. Я должен допросить ее.

— Странно, — задумчиво произнес Рэндом. — Очень странно. Ты прав. Надо выяснить, в чем тут дело. Думаешь, она уже в Лабиринте?

— Если нет, ждать придется недолго.

Наконец мы спустились в полутемный зал пещеры, и я пошел к боковому тоннелю. В это время Рэндом воскликнул:

— Корвин! Подожди!

Резко остановившись, я оглянулся, увидел, что он остался на нижней площадке лестницы и быстро подошел к нему.

Мне не пришлось задавать лишних вопросов. Рэндом склонился над высоким бородатым мужчиной, распростертым на полу.

— Убит. Только что. Прекрасный удар шпаги. Очень тонкий клинок.

— Пойдем!

Мы побежали по тоннелю в самый его конец.

Седьмая дверь направо... Я выхватил Грейсвандир из ножен, увидев, что эта громадная, каменная,

обитая металлом дверь распахнута настежь.

Рэндом не отставал от меня ни на шаг.

Мы очутились в большой комнате, похожей на танцевальный зал. Черный гладкий пол блестел, как стекло. На полу был выложен узор, который назывался Лабиринтом. Холодный огонь дрожал, сверкал и переливался, непрерывно меняя очертания. Его ажурный рисунок почти целиком состоял из кривых линий. Мы остановились на пороге, затаив дыхание.

По Лабиринту кто-то шел. Как всегда, у меня по телу пробежали холодные мурашки. Дара? Невозможно было различить фигуру, над которой поднимались фонтаны искр. Но кем бы ни был человек, уже прошедший Великую Дугу и приближавшийся к серии сложных поворотов, в жилах его текла королевская кровь, потому что любого другого Лабиринт давно уничтожил бы.

Огненная фигура того, кому осталось пройти Последнюю Вуаль, непрерывно меняла очертания. Какие-то странные необъяснимые чувства нахлынули на меня, сонмы образов промелькнули перед моим внутренним взором. Потом Рэндом судорожно вздохнул, и я словно очнулся от летаргического сна.

Оно казалось то громадным, заполнившим собой всю комнату, то крохотным и совсем незаметным. На мгновение оно стало хрупкой девушкой — может быть, Дарой — со сверкающими распущенными волосами, но волосы превратились в большие изогнутые рога на квадратной голове, и слышался лишь стук копыт, когда их кривоногий обладатель преодолевал поворот за поворотом. Затем оно превратилось в огромную кошку, безликую женщину... крылатое существо изумительной красоты... горсть пепла.

— Дара! — закричал я. — Это ты?!

Мне ответило эхо. Тот, кто был в Лабиринте, тратил остатки сил, срывая Последнюю Вуаль. Мышцы мои невольно напряглись, словно я чем-то мог ему помочь.

И наконец оно появилось.

Да, это была Дара. Высокая и прекрасная. Величественная и ужасная в одно и то же время. Мне показалось, что мозг мой разрывается на части. Руки ее были подняты в страстном порыве, с губ лился нечеловеческий смех. Я хотел отвернуться, но не смог пошевелиться. Неужели я действительно обнимал, целовал, ласкал... это? Я не мог понять, что со мной происходит.

Затем Дара поглядела на меня.

— Милорд Корвин, теперь ты владыка Эмбера?

Сам не знаю, как я нашел в себе силы ей ответить.

— В определенной степени.

— Хорошо! Тогда посмотри на меня! Се судьба твоя!

— Кто ты? Что ты?

— Этого ты никогда не узнаешь. Слишком поздно. Ты опоздал.

— Не понимаю. Что ты имеешь в виду?

— Эмбер будет разрушен.

И Дара исчезла.

— Какого черта! — воскликнул Рэндом. — Кто она такая?

Я покачал головой.

— Не знаю. Но должен узнать во что бы то ни стало, потому что теперь нет для меня ничего важнее на свете.

Он сжал мою руку.

— Корвин... Оно... она... говорила искренне. Думаешь, Эмбер можно разрушить?

Я кивнул.

— Да.

— Что ты собираешься делать?

Я вложил Грейсвандир в ножны и отвернулся.

— Укреплять мощь государства. Теперь у меня есть все, о чем я мечтал, и я не собираюсь ждать, когда на нас нападут темные силы. Нет, я постараюсь найти и уничтожить врага, прежде чем он сможет причинить вред Эмберу.

— Где ты собираешься его искать?

Мы покинули помещение Лабиринта и зашагали по тоннелю.

— Там, где начинается Черная дорога.

Мы пересекли пещеру, подошли к спиральной лестнице, на нижней площадке которой лежал мертвец, и, окруженные полумраком, стали подниматься по широким ступенькам.

ОБ АВТОРЕ

Роджер Джозеф Зилазни родился 13 мая 1937 года в городе Глевеленде, штат Огайо. Закончил университет в Кливленде, а так же Колумбийский университет. Служил в Национальной гвардии штата Огайо, женат. Имеет двух сыновей и дочь. Удостоен множества литературных премий по научной фантастике (премия Небьюла — 1965, 1975; премия Хьюго — 1966, 1968, 1976, 1982: награда Американской библиотечной ассоциации — 1976; приз Аполло — 1972).

Творчество Роджера Зилазни трудно отнести к какому-либо определенному направлению в фантастической литературе. Он успешно пишет как «фэнтези», так и «научную фантастику». Однако, несмотря на широкий диапазон сюжетов и яркую стилистическую палитру, в его произведениях наблюдается четкая последовательность. Намеченные сюжеты появляются вновь и вновь, определенный тип литературного персонажа переходит из книги в книгу.

И хотя эти персонажи владеют самыми разнообразными способностями и талантами, им приходится постоянно доказывать свое право называться «героями». И что самое характерное, психологический рост героев Зилазни прямо связан с их приключениями.

Большинство историй, описанных Зилазни, начинаются с отчужденности главного героя, его социальной или географической обособленности, с утраты иллюзий и надежд. И как следствие этого — он должен отправиться в путешествие, чтобы свершилось столь желанное превращение, своего рода метаморфоза — личности, среды обитания, Вселенной в целом. И если путешествие успешно завершается, то в мир героя приходит гармония и, возможно, любовь.

Но на пути трудных поисков персонажей Зилазни, как это и бывает в жизни, встают мирские страсти — жадность, корысть, тщеславие. Они блокируют процесс Творения, разрушают то, что герою удастся создать путем долгого труда и мытарств. Герой вступает в смертельную схватку со страстями, и перед читателями разворачивается картина в духе средневекового рыцарского романа, где главный герой — христианский воин, а противостоит ему Дьявол, Люцифер, воплощенное мировое Зло. В этом поединке для героя очень важно сохранить свое внутреннее единство и гармонию, так сказать, душевный баланс. Вселенский порядок, Мировое Равновесие — вот к чему стремятся герои Зилазни. Их враги — дисбаланс законов бытия (роман «**Джек из Тени**»); безумие и саморазрушение (роман «**Мастер мечты**», произведение, в котором Зилазни выводит любопытный образ духовного Рагнарека, этакое «конца мира» внутри героя); уничтожение культурной и экосреды (роман «**Этот бессмертный**»).

Видное место в творчестве Роджера Зилазни занимают романы из серии «**Эмбер**». В них тема борьбы с Хаосом и тема создания новой Вселенной представлены ярко и многогранно.

Главный герой, принц Корвин, проходит длинный путь от юношеского идеализма к зрелому прагматизму, в тяжелой и опасной борьбе удерживая мировое равновесие, не позволяя Хаосу поглотить Землю.

В «**Эмбере**» Зилазни широко использует европейский эпос и восточную мифологию. К примеру, образ Оберона, короля Эмбера, человека, постоянно меняющего облик, всесильного и мудрого, напрямую связан со сказочным королем Обероном, супругом королевы Титании из европейского эпоса.

Чудесное оружие Лорда Корвина — Грейсвандир — вызывает у читателя в памяти знаменитый меч Эскалибур короля Артура, или волшебный Киллдаэрин из скандинавских саг.

Сам Эмбер, олицетворяющий собой ось мира, центр мироздания, является ни чем иным, как древним символом. Достаточно вспомнить Ясень Иггдрасиль из скандинавской мифологии, Древо Жизни из индийского эпоса, Город-на-Скале из легенд кельто-германских народов.

Повелитель Эмбера принц Корвин проходит путь от полного беспамятства, через жестокость, кровь и презрение к чужим жизням — к саморазрушению, слиянию со Вселенной. Иллюзорность мира, бесчисленное множество Отражений, теней, отброшенных Центром Мироздания — Эмбером — понятия явно взятые автором из дзен-буддизма. Достаточно вспомнить, что в этом древнем учении есть положение о том, что душа человека — это центр мира. Мира, который ежесекундно изменяется в зависимости от поступков человека, личностный мир неумовимо движется, рождая другие, параллельные, отраженные

миры. А судьба человека, его *карма* — это Лабиринт, и чтобы понять свое предназначение, призвание, человек должен пройти Лабиринт, как бы это трудно ни было. Иначе его ждет духовное разрушение; миры, им созданные, попадут под власть Хаоса. Мистическая созидательность Лабиринта и стремление к разрушению у Хаоса — разве не читается в них извечная антиномия — *инь-янь*.

И в центре этого противоборства стоят герои Эмбера. со всеми присущими им слабостями. Они одновременно и люди, и всемогущие Боги.

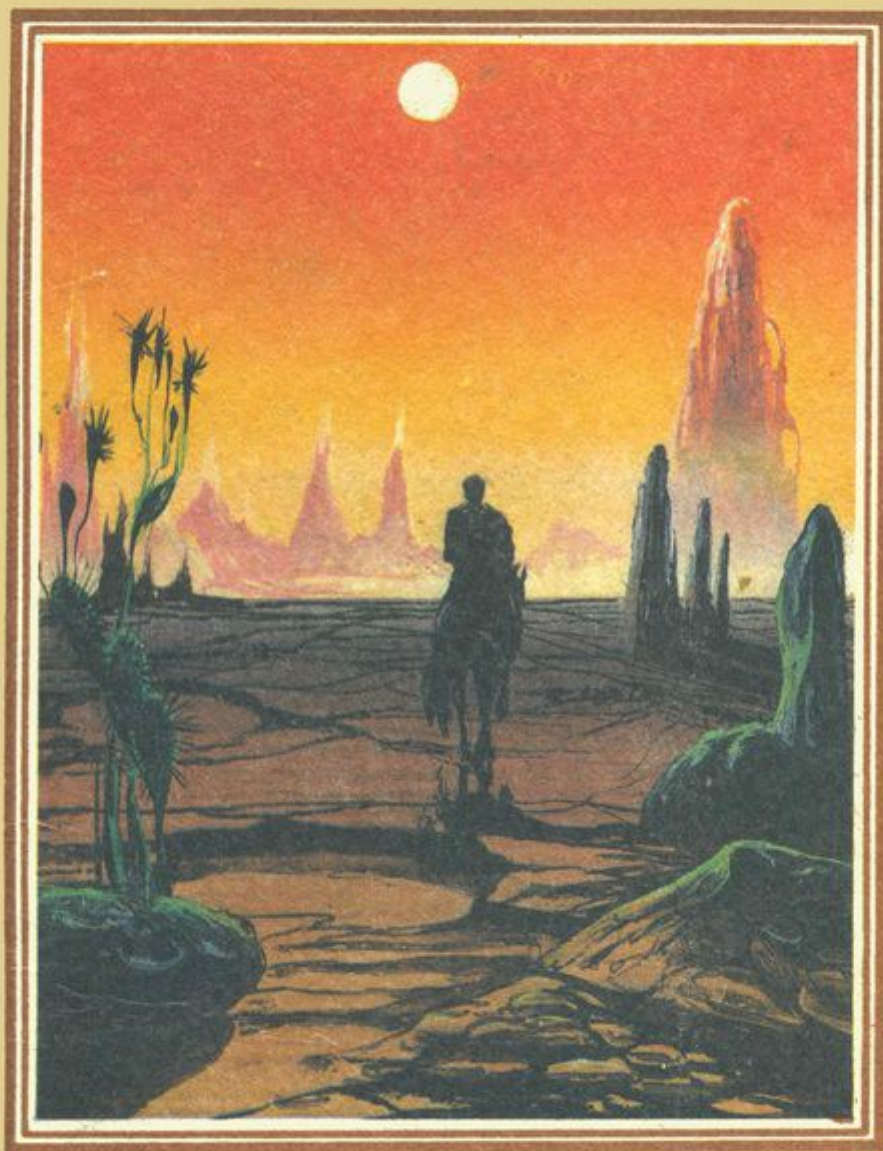
Боги и люди, грань, разделяющая всевластье и бессилие — разве это не тема для раздумий?..

10 р.

fantasy

ДЕВЯТЬ ПРИНЦЕВ ЭМБЕРА
РУЖЬЯ АВАЛОНА

•Северо-Запад•

